Agatha Christie

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Агата Кристи

Карибская тайна
Немезида

Карибская тайна. Немезида
Агата Кристи

Аннотация
Agatha Christie. ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ. Агата. Кристи. Карибская тайна. Немезида
КАРИБСКАЯ ТАЙНА
Глава 1. МАЙОР ПЭЛГРЕЙВ. РАССКАЗЫВАЕТ ИСТОРИЮ
Глава 2. МИСС МАРПЛ СРАВНИВАЕТ
Глава 3. СМЕРТЬ В ОТЕЛЕ
Глава 4. МИСС МАРПЛ ТРЕБУЕТ. МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ
Глава 5. МИСС МАРПЛ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ
Глава 6. ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ
Глава 7. УТРО НА ПЛЯЖЕ
Глава 8. РАЗГОВОР С ЭСТЕР УОЛТЕРС
Глава 9. МИСС ПРЕСКОТТ И ДРУГИЕ
Глава 10. РЕШЕНИЕ В ДЖЕЙМСТАУНЕ
Глава 11. ВЕЧЕР В «ЗОЛОТОЙ ПАЛЬМЕ»
Глава 12. СТАРЫЕ ГРЕХИ. ОТБРАСЫВАЮТ ДЛИННЫЕ ТЕНИ
Глава 13. СМЕРТЬ ВИКТОРИИ ДЖОНСОН
Глава 14. РАССЛЕДОВАНИЕ
Глава 15. РАССЛЕДОВАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Глава 16. МИСС АРПЛ ИЩЕТ ПОМОЩИ
Глава 17. МИСТЕР РЭФЬЕЛ ПРИНИМАЕТСЯ ЗА ДЕЛО
Глава 18. БЕЗ БЛАГОСЛОВЕНИЯ ЦЕРКВИ
Глава 19. О ПОЛЬЗЕ ТУФЕЛЬ
Глава 20. НОЧНАЯ ТРЕВОГА
Глава 21. ДЖЕКСОН И КОСМЕТИКА
Глава 22. МУЖЧИНА В ЕЕ ЖИЗНИ?
Глава 23. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ
Глава 24. НЕМЕЗИДА
Глава 25. МИСС МАРПЛ ИСПОЛЬЗУЕТ. СВОЕ ВООБРАЖЕНИЕ
ЭПИЛОГ
НЕМЕЗИДА
Глава 1. УВЕРТЮРА
Глава 2. ПАРОЛЬ: «НЕМЕЗИДА»
Глава 3. МИСС МАРПЛ БЕРЕТСЯ ЗА ДЕПО
Глава 4. ЭСТЕР УИТЕРС
Глава 5. ИНСТРУКЦИИ С ТОГО СВЕТА
Глава 6. ЛЮБОВЬ
Глава 7. ПРИГЛАШЕНИЕ
Глава 8. ТРИ СЕСТРЫ
Глава 9. POLYGONUM BALDHUANICUM
Глава 10. БЫЛЫЕ ДНИ! АХ, КАК МИЛЫ ОНИ
Глава 11. НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ
Глава 12. КОНСУЛЬТАЦИЯ

Глава 13. ЧЕРНАЯ И КРАСНАЯ КЛЕТКА
Глава 14. МИСТЕР БРОДРИББ УДИВЛЯЕТСЯ
Глава 15. ВЕРИТИ
Глава 16. ДОЗНАНИЕ
Глава 17. МИСС МИРНА НАШИТ ВИЗИТ
Глава 18. АРХИДИАКОН БРЕЙБАЗОН
Глава 19. СЛОВА ПРОЩАНЬЯ СКАЗАНЫ
Глава 20. МИСС МАРИИ ПОСЕЩАЮТ ИДЕИ
Глава 21. ЧАСЫ БЬЮТ ТРИ
Глава 22. МИСС МАРИЯ РАССКАЗЫВАЕТ. СВОЮ ИСТОРИЮ
Глава 23. ТРИ ЭПИЛОГА

Аннотация

Карибская тайна

Даже пожилой и консервативной мисс Марпл иногда хочется экзотического отдыха. Но и на небольшом Карибском острове ей не найти покоя. Цепь смертей, на первый взгляд кажущихся случайными, вынудит великую сыщицу заняться любимым делом - поиском преступника!

Немезида

Мисс Марпл получила известие с того света — письмо от старого друга, мистера Рэфьела, известного читателям по роману «Карибская тайна». В своем завещании богач просит мисс Марпл раскрыть жестокое преступление. Хотя преступление и было совершено много лет назад, знаменитая леди-сыщик смело берется за дело...

Agatha Christie

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
Агата Кристи
Карибская тайна
Немезида

КАРИБСКАЯ ТАЙНА

Посвящается моему старому другу
Джону Крукшенку Роузу
в знак счастливого воспоминания
о моем путешествии в Вест-Индию

Глава 1
МАЙОР ПЭЛГРЕЙВ РАССКАЗЫВАЕТ ИСТОРИЮ

— Взять хотя бы эту историю с Кенией, — сказал майор Пэлгрейв. — Болтают все кому не лень, ни черта не зная об этой стране! А ведь я провел там четырнадцать лет — лучшие годы моей жизни!

Старая мисс Марпл склонила голову. Это было простым проявлением учтивости. В то время как майор Пэлгрейв продолжал нудные воспоминания, мисс Марпл спокойно думала о своем. С подобными рассказами она была хорошо знакома. Варьировалось только место действия. В прошлом на первом плане была Индия. Майоры, полковники, генерал-лейтенанты, употребляющие одни и те же слова: Симла, носильщики, тигры и тому подобное. У майора Пэлгрейва терминология выглядела по-иному: сафари, слоны, суахили. Но причина была одна и та же. Пожилые рассказчики нуждались в слушателях, чтобы оживить в воспоминаниях те счастливые дни, когда их спина была прямой, а зрение и слух стопроцентными. Некоторые из этих преста-

релых джентльменов сохраняли импозантную внешность и военную выправку, другие были значительно менее привлекательны. Майор Пэлгрейв, с багровой физиономией и стеклянным глазом, всем своим видом напоминающий откормленную лягушку, относился ко второй категории.

Подобные потоки воспоминаний мисс Марпл выдерживала с присущей ей мягкой обходительной вежливостью. Она послушно сидела на месте, время от времени склоняя голову, как бы соглашаясь с рассказчиком, и предавалась своим мыслям, попутно наслаждаясь окружающей обстановкой — в данном случае яркой голубизной Карибского моря.

Все-таки Реймонд очень милый… Непонятно, что заставляет его так заботиться о своей старой тетке? Совесть? Родственный долг? А может быть, он в самом деле любит ее…

В целом она должна была признать, что последнее предположение наиболее вероятно. Правда, проявления его любви иногда немного раздражают. Реймонд всегда старается, чтобы его тетка шагала в ногу со временем, — постоянно присылает ей разные современные романы. Читать их почти невозможно — обычно там говорится об

очень неприятных людях, которые совершают непонятные поступки, не испытывая, по-видимому, от этого никакого удовольствия. Слово «секс» нечасто употребляли в молодые годы мисс Марпл, хотя его и тогда было предостаточно, — о нем не так много говорили, но наслаждались им куда больше, чем теперь. Правда, в то время секс именовали грехом, но мисс Марпл не могла справиться с ощущением, что тогдашний грех был куда привлекательнее теперешнего, превратившегося в некое подобие долга.

Ее взгляд на мгновение задержался на книге, лежащей у нее на коленях и раскрытой на двадцать третьей странице.

— Ты говоришь, что у тебя нет никакого сексуального опыта? — недоверчиво осведомился молодой человек. — В девятнадцать лет? Но это невозможно.

Девушка печально опустила голову, прядь ее гладких жирных волос упала на лицо.

— Я знаю, — прошептала она. — Знаю…

Он посмотрел на нее. Старая засаленная кофта, босые ноги с грязными ногтями, острый запах пота… Интересно, почему же она так чертовски привлекательна?»

Мисс Марпл это тоже интересовало. Бедная

молодежь! Этот «сексуальный опыт» ими рассматривается как какое-то необходимое тонизирующее лекарство.

— Дорогая тетя Джейн, почему вы прячете голову в песок, как робкий страус? Нельзя же ничего не видеть вокруг, кроме вашей идиллической сельской жизни. Настоящая жизнь — вот что имеет значение.

И тетя Джейн была вынуждена с пристыженным видом сказать «да», сознавая свою старомодность.

Хотя в действительности сельская жизнь была далеко не такой идиллической. Люди, подобные Реймонду, были совершенно несведущи в этой области. Исполняя свои обязанности в деревенском церковном приходе, Джейн Марпл приобрела достаточно фактов, свидетельствующих о противном. Она не собиралась ни говорить, ни писать об этом, но она это знала. Секса там тоже хватало — как естественного, так и противоестественного. Изнасилования, кровосмешения, всевозможные извращения, причем такие, о каких едва ли слышали даже образованные молодые люди из Оксфорда, которые пишут книги.

Мисс Марпл снова обратила взгляд в сторону Карибского моря и прислушалась к тому, что

говорил майор Пэлгрейв.

— Необычайно широкий опыт, — ободряюще сказала она. — Очень интересно.

— Я еще много чего могу вам рассказать. Конечно, некоторые вещи не предназначены для ушей леди…

Мисс Марпл смущенно опустила веки, а майор Пэлгрейв продолжал красочное описание туземных обычаев, позволив старой леди вновь перенестись в мыслях к своему любимому племяннику.

Реймонд Уэст был очень способным писателем, имел значительный доход и делал все, что мог, чтобы облегчить существование своей пожилой тети. В прошлую зиму мисс Марпл перенесла тяжелое воспаление легких, и врачи посоветовали ей солнечные ванны. С присущей ему щедростью Реймонд предложил путешествие в Вест-Индию. Мисс Марпл пугали расходы, расстояния, трудности путешествия; ей не хотелось покидать свой дом в Сент-Мэри-Мид, но Реймонд справился со всем. Один его друг, который писал книгу, нуждался в уединенном жилище в деревне.

— Он отлично присмотрит за домом — обожает домашнее хозяйство, как все гомосексуалисты…

Реймонд умолк, слегка смутившись, но, ко-

нечно, даже милая старая тетя Джейн слыхала о гомосексуалистах.

Путешествие тоже не представляет труда. Дайана Хоррокс собирается лететь на Тринидад и проследит в дороге за тетей Джейн. На Сент-Оноре она остановится в отеле «Золотая пальма», который содержат Сэндерсоны — самая очаровательная пара в мире. Они обо всем позаботятся. Он сейчас же напишет им.

Но Сэндерсоны вернулись в Англию. Однако их преемники Кендалы заверили Реймонда, что он может не беспокоиться о своей тете. В случае необходимости на острове есть очень хороший врач, а они сами сделают все, чтобы создать ей необходимые удобства.

Их слова не разошлись с делом. Молли Кендал, простодушная блондинка лет двадцати с лишним, очевидно, всегда пребывала в хорошем настроении. Она тепло приветствовала старую леди и приложила все усилия, чтобы обеспечить ей необходимый комфорт. Ее муж Тим Кендал, худой смуглый мужчина тридцати лет, был не менее любезен.

Итак, мисс Марпл очутилась далеко от сурового английского климата в симпатичном маленьком бунгало, где прислуживали всегда улыбающиеся

вест-индские девушки. Тим Кендал встречал ее в столовой, отпуская веселые шутки, касающиеся меню. Когда ей хотелось, она шла по дорожке, ведущей на приморский бульвар и на пляж, и садилась в удобное плетеное кресло, наблюдая за купающимися. Компанию ей составляли несколько пожилых отдыхающих — старый мистер Рэфьел, каноник Прескотт со своей сестрой и ее теперешний кавалер майор Пэлгрейв.

Чего же еще желать пожилой леди?

И все же мисс Марпл, чувствуя угрызения совести, признавалась самой себе, что не вполне удовлетворена.

Конечно, здесь красиво, тепло, полезно для ее ревматизма. Окружающий пейзаж великолепен — правда, он несколько монотонный, слишком много пальм. И каждый день здесь похож на другой. Никогда ничего не случается. Не то что в Сент-Мэри-Мид, где всегда что-нибудь да происходит. Ее племянник однажды сравнил жизнь в Сент-Мэри-Мид со стоячим болотом, на что она с негодованием указала ему, что под микроскопом любое незначительное пятнышко оказывается полным жизни. Да, в Сент-Мэри-Мид постоянно что-нибудь случается. Мисс Марпл перебирала в уме инцидент за инцидентом: ошибка в микстуре

от кашля старой миссис Линнетт, очень странное поведение молодого Поулгейта, тот день, когда мать Джорджи Вуда приехала повидать его (но была ли она его настоящей матерью?), истинная причина ссоры между Джо Арденом и его женой. Так много интереснейших проблем, дающих бесконечную пищу для размышлений. Если бы здесь было хоть что-нибудь, за что можно ухватиться.

Внезапно мисс Марпл осознала, что майор Пэлгрейв перешел от Кении к северо-западной границе и своим приключениям в чине субалтерна. В данный момент он с нетерпением осведомился:

— Неужели вы не согласны?

Долгая практика сразу же помогла мисс Марпл понять, о чем идет речь.

— Едва ли я вправе судить об этом. Боюсь, что я вела слишком уединенную жизнь.

— Это ничего не значит, дорогая леди, — галантно произнес майор Пэлгрейв.

— Вот ваша жизнь была очень богата событиями, — продолжала мисс Марпл, стараясь искупить свое прежнее невнимание.

— Еще бы, — самодовольно промолвил майор Пэлгрейв. Он огляделся вокруг. — Приятное местечко.

— В самом деле, — подтвердила мисс Марпл и, не сумев сдержаться, добавила: — Интересно, случалось здесь хоть что-то когда-нибудь?

Майор Пэлгрейв уставился на нее:

— О, разумеется. Скандалов здесь достаточно. Да вот хотя бы…

Но скандалы не особенно интересовали мисс Марпл. В наши дни в скандалах нет ничего примечательного. Просто мужчины и женщины меняют партнеров и привлекают к себе всеобщее внимание, вместо того чтобы стараться держать это в тайне и стыдиться собственного поведения.

— Пару лет назад здесь даже произошло убийство. Человек по имени Гарри Уэстерн. Газеты подняли такую шумиху. Должно быть, вы помните это.

Мисс Марпл кивнула без особого энтузиазма. Это было убийство не в ее вкусе. Сенсация возникла главным образом потому, что все замешанные в этой истории были очень богаты. Казалось вполне вероятным, что Гарри Уэстерн застрелил графа де Феррари, любовника своей жены, и что его железное алиби было подстроено с помощью изрядного количества денег. Все кругом оказались пьяными и наглотавшимися наркотиков. И тем не менее эта блестящая публика не вызывала

у мисс Марпл ни малейшего интереса.

— Но, если хотите знать, это было не единственное убийство, которое тогда здесь произошло. — Майор подмигнул. — У меня были подозрения…

В этот момент мисс Марпл уронила клубок шерсти, и майор поднял его.

— Кстати, об убийствах, — продолжал он. — Както раз со мной произошел один очень странный случай, правда, не совсем со мной…

Мисс Марпл ободряюще улыбнулась.

— Однажды в клубе один парень (он был медик) рассказал такую историю. Молодой человек приехал к нему и разбудил его среди ночи. Его жена повесилась. Телефона у них нет, поэтому, вынув ее из петли и сделав все возможное, он сел в свою машину и поехал за врачом. В итоге женщину удалось спасти, хотя она едва не отдала концы. Молодой человек как будто очень любил ее — он плакал как ребенок. Он говорил, что уже некоторое время замечал у жены странное состояние депрессии. Ну, на этот раз все обошлось. Но месяц спустя его жена приняла смертельную дозу снотворного и отправилась к праотцам. Печальное событие.

Майор Пэлгрейв сделал паузу и удрученно по-

качал головой. Мисс Марпл терпеливо ожидала продолжения.

— Вы скажете, что в этом нет ничего особенного, — просто нервная женщина покончила с собой. Но через год этот медик беседовал со своим коллегой, и тот рассказал ему о женщине, которая пыталась утопиться, но муж вытащил ее, вызвал врача, и ее привели в чувство — а через несколько недель она отравилась газом.

Конечно, это могло быть простым совпадением. «У меня был похожий случай, — сказал мой знакомый. — Того человека звали Джоунз. А как фамилия твоего?» — «Кажется, Робинсон. Но безусловно, не Джоунз».

Ну, оба приятеля посмотрели друг на друга и нашли, что это чертовски странно. Тогда мой знакомый вытащил фотографию и показал ее второму парню. «Вот этот человек, — сказал он. — Я зашел к нему на следующий день, чтобы оставить отчет, и заметил великолепные гибискусы той разновидности, какой здесь раньше никогда не видел. Они росли как раз у парадного входа. Фотоаппарат был со мной в машине, и я сделал снимок. Только я нажал на затвор, как муж вышел из дома, так что я заснял и его. Не думаю, что до него это дошло. Я спросил о гибискусах, но

он не смог сообщить мне их название». Второй врач посмотрел на снимок. «Немного не в фокусе, — заметил он. — Но я мог бы поклясться — во всяком случае, я почти уверен, — что это тот же самый человек».

Не знаю, занялись ли они этим делом. Как бы то ни было, им не удалось ничего достичь. Очевидно, этот мистер Джоунз или Робинсон тщательно замел следы. Странная история! Никогда бы не подумал, что такое может случиться.

— Очень даже может, — безмятежно промолвила мисс Марпл. — Практически каждый день.

— Ну, знаете, это чересчур фантастично.

— Если человек начал этим заниматься, то он уже не может остановиться.

— Как и тот, который топил своих жен в ванне?

— Вот именно.

— Доктор дал мне для интереса ту самую фотографию… — Майор Пэлгрейв начал рыться в туго набитом бумажнике, бормоча про себя: — Сколько здесь хлама! Не знаю, зачем я все это храню…

Однако мисс Марпл причина была хорошо известна. Вышеупомянутый хлам иллюстрировал многочисленный репертуар историй майора. Что же касается его недавнего рассказа, то мисс

Марпл подозревала, что он каждый раз излагался в новом варианте.

Майор продолжал копаться в бумажнике и бормотать:

— Забыл рассказать вам об этой истории. Такая красивая женщина — никогда бы не подумал… О, какие великолепные бивни! Надо будет вам показать.

Вытащив маленький фотоснимок, майор пристально вгляделся в него.

— Хотите взглянуть на убийцу?

Он уже собирался протянуть ей карточку, но внезапно остановился. Более чем когда-либо походя на откормленную лягушку, майор Пэлгрейв уставился на что-то находящееся за правым плечом мисс Марпл — в ту сторону, откуда доносились звуки приближающихся шагов и голосов.

— Черт возьми… — Он поспешно спрятал все содержимое в бумажник и сунул его в карман. Его лицо приняло пурпурный оттенок. — Да, я бы с удовольствием показал вам эти бивни, — заговорил он громким и неискренним голосом. — Это был самый большой слон, которого я когда-либо застрелил… О, хэлло! — Сердечность, звучавшая в его приветствии, была на редкость фальшивой. — Вот и наша великолепная четверка — Флора и

Фауна. Ну как, удачный был день?

Приближающиеся шаги принадлежали четырем постояльцам отеля, которых мисс Марпл уже знала в лицо. Это были две супружеские пары, и, хотя мисс Марпл все еще были неизвестны их фамилии, она знала, что высокого мужчину с густыми взъерошенными пепельными волосами зовут Грег, что его жену, золотистую блондинку, называют Лаки[1] и что другую пару — смуглого худого мужчину и красивую, но чересчур загорелую женщину — звали Эвелин и Эдуард.

Насколько поняла мисс Марпл, они были ботаниками и к тому же интересовались птицами.

— Неудачный, — ответил Грег. — По крайней мере, мы не нашли того, что искали.

— Вы знакомы с мисс Марпл? Это полковник и миссис Хиллингдон, а это Грег и Лаки Дайсон.

Они приветливо поздоровались с ней, а Лаки громогласно объявила, что умрет, если ей не дадут чего-нибудь выпить.

Грег окликнул Тима Кендала, который сидел немного поодаль вместе со своей женой, углубившись в конторские книги.

— Эй, Тим! Принесите нам выпить. — И он об-

---

[1] Примечания: 1
Lucky — удачливая *(англ.).*

ратился к окружающим: — Пунш?

Все согласились.

— Для вас то же самое, мисс Марпл?

Мисс Марпл поблагодарила, но сказала, что предпочитает лимонад.

— Значит, пять пуншей и один лимонад, — подытожил Тим Кендал.

— Присоединяйтесь к нам, Тим.

— Я бы с удовольствием, но мне надо привести в порядок эти счета. Не могу же я все свалить на Молли. Между прочим, сегодня вечером у нас играет стил-бэнд.

— Отлично! — воскликнула Лаки и тут же сморщилась от боли. — Черт возьми! Я вся в колючках. Эдуард опять затащил меня в колючий кустарник.

— Но там были прекрасные розовые цветы, — заметил Хиллингдон.

— И с прекрасными длинными колючками. Ты просто садист, Эдуард!

— Не то что я, — усмехнулся Грег. — Я воплощенная доброта.

Эвелин Хиллингдон села рядом с мисс Марпл и завязала с ней приятную легкую беседу.

Мисс Марпл положила вязанье на колени. Медленно и не без труда из-за ревматизма в шее она

повернула голову направо, чтобы взглянуть на то, что делалось за ее правым плечом. На некотором расстоянии находилось большое бунгало богатого мистера Рэфьела. Но там не было видно никаких признаков жизни.

Мисс Марпл продолжала беседовать с Эвелин, но ее глаза задумчиво изучали лица двух мужчин.

Спокойный, симпатичный на вид Эдуард Хиллингдон и Грег — веселый, шумливый, высокий. Очевидно, он и Лаки американцы или канадцы.

Она поглядела на майора Пэлгрейва, все еще изо всех сил пытавшегося изобразить bonhomie[2].

Интересно…

[2] Примечания: 2
Добродушие *(фр.).*

Глава 2
МИСС МАРПЛ СРАВНИВАЕТ

1

В этот вечер в отеле «Золотая пальма» было очень весело.

Сидя за маленьким столиком в углу, мисс Марпл с интересом осматривалась вокруг. Теплый, напоенный ароматом воздух Вест-Индии проникал сквозь открытые окна просторной столовой. На каждом столике горела настольная лампочка под цветным колпачком. Большинство женщин были в вечерних платьях из легкого ситца, с обнаженными бронзовыми плечами и руками.

Джоан, жена племянника мисс Марпл, убедила ее принять в подарок кое-что из своего гардероба.

— Там ведь очень жарко, тетя Джейн, а у вас вряд ли есть какая-нибудь легкая одежда.

Джейн Марпл поблагодарила ее и с удовольствием воспользовалась подарком. Конечно, естественно, когда старые оказывают финансовую поддержку молодым, но не менее естественно,

когда люди средних лет заботятся о стариках. Сама мисс Марпл никогда не покупала себе легкую одежду, так как в ее возрасте она даже в самую жаркую погоду чувствовала всего лишь приятное тепло и климат Сент-Оноре вовсе не казался ей образцом тропического зноя. В этот вечер она оделась в лучших традициях провинциальных английских леди — в серое платье с кружевами.

Разумеется, мисс Марпл отнюдь не в единственном числе представляла старшее поколение. В столовой присутствовали люди всех возрастов. Здесь были пожилые промышленные магнаты с женами от тридцати до сорока лет, супружеские пары среднего возраста с севера Англии, веселое семейство с детьми из Каракаса. Вообще страны Южной Америки были представлены очень богато — отовсюду доносилась громогласная испанская и португальская речь. На заднем плане держались солидные английские джентльмены — двое священников, врач и удалившийся на покой судья. Здесь была даже китайская семья. Посетителей обслуживали в основном стройные девушки-негритянки с гордой осанкой, одетые в белое. Но метрдотелем был итальянец, вином распоряжался француз, а Тим Кендал успевал всюду, останавливаясь то здесь, то там, чтобы

перекинуться несколькими словами с людьми, сидящими за столиками. Его жена старательно помогала ему. Это была симпатичная молодая женщина с волосами естественного золотистого оттенка и почти всегда улыбающимся ртом. Молли Кендал выходила из себя крайне редко. Весь персонал с удовольствием выполнял ее распоряжения, и она сама делала все, чтобы угодить своим гостям. С пожилыми мужчинами она смеялась и кокетничала, молодым женщинам делала комплименты по поводу их одежды.

— О, какое на вас сегодня великолепное платье, миссис Дайсон! Я вам так завидую, что готова сорвать его с вас.

Однако, по мнению мисс Марпл, Молли отлично выглядела в своем собственном белом платье с накинутой на плечи светло-зеленой, вышитой шелком шалью. Лаки потрогала шаль.

— Красивый цвет! Мне бы хотелось иметь такую.

— Вы можете купить ее здесь, в магазине, — ответила Молли и двинулась дальше.

Около столика мисс Марпл она не остановилась, так как обычно предоставляла пожилых леди своему супругу.

— Старушки предпочитают мужчин, — часто

говорила она.

К мисс Марпл приблизился Тим Кендал.

— Вы не хотите заказать ничего особенного? — спросил он. — Только скажите — и я тут же все для вас приготовлю. Ведь наша полутропическая кухня — это совсем не то, к чему вы привыкли дома.

Мисс Марпл улыбнулась и сказала, что разнообразие в пище входит в число удовольствий путешествия за границу.

— Тогда все в порядке. Но может быть, вам что-нибудь подать?

— Что именно?

— Ну… — Тим Кендал выглядел немного смущенным. — Хотя бы пудинг, — рискнул предложить он.

Мисс Марпл снова улыбнулась и ответила, что сейчас она вполне в состоянии обойтись без пудинга.

Взявшись за ложку, она с удовольствием принялась за мороженое с фруктами.

В этот момент стал играть стил-бэнд. Подобные оркестры были одним из основных аттракционов на островах. Откровенно говоря, мисс Марпл могла бы отлично обойтись и без них. Создаваемый ими ужасный грохот казался ей невыносимым.

Однако все остальные, несомненно, получали от этого удовольствие, и поэтому мисс Марпл решила, что она должна как-нибудь постараться полюбить такую музыку. Надеяться, что Тим Кендал сможет по ее просьбе заставить оркестр играть вальс «Голубой Дунай», не приходилось. Да, странные теперь пошли танцы. Люди кривляются, как обезьяны, швыряют друг друга в разные стороны. Конечно, молодежь должна развлекаться… Но в эту секунду она подумала, что молодежи здесь почти нет. Танцы под стил-бэнд, разумеется, предназначались для молодых. Но молодые, очевидно, торчали в университетах или работали, имея всего лишь двухнедельный отпуск. Подобные места были для них слишком отдаленными и дорогими. Эта веселая и беззаботная жизнь была доступна только для людей, которым пошел четвертый или пятый десяток, и для стариков, старавшихся не отставать от своих молодых жен.

Мисс Марпл тосковала по молодежи. Правда, миссис Кендал было не больше двадцати трех лет, и она как будто испытывала удовольствие от происходящего, но, в конце концов, это была всего лишь ее работа.

За соседним столиком сидели каноник Пре-

скотт и его сестра. Они жестом пригласили мисс Марпл выпить вместе с ними кофе, и она согласилась. Мисс Прескотт была тощей, суровой на вид особой. Толстенький румяный каноник, напротив, излучал добродушие.

Подали кофе, и стулья слегка отодвинули от столиков. Мисс Прескотт открыла несессер и вытащила оттуда ужасающего вида скатерть, которую она вышивала. Она поведала мисс Марпл обо всех событиях этого дня. Утром они посетили новую школу для девочек, а после полуденного отдыха отправились через сахарные плантации выпить чаю с друзьями, которые остановились в пансионе.

Так как Прескотты пробыли в «Золотой пальме» дольше мисс Марпл, они могли просветить ее относительно остальных постояльцев.

Старый мистер Рэфьел приезжает сюда каждый год. Он фантастически богат — владелец множества супермаркетов на севере Англии. Молодая женщина с ним — его секретарша Эстер Уолтерс — вдова. (Разумеется, в их отношениях нет ничего непозволительного — в конце концов, ему уже почти восемьдесят лет!)

Мисс Марпл понимающе кивнула.

— Симпатичная женщина, — заметил каноник.

— Ее мать, по-моему, вдова и живет в Чичестере.

— С мистером Рэфьелом приехал и его слуга. Правда, он скорее медбрат — он, кажется, опытный массажист. Его фамилия Джексон. Ведь бедный мистер Рэфьел практически парализован. Какая жалость — с такими деньгами.

— Он всегда щедро жертвует на благотворительные цели, — доверительно заметил каноник Прескотт.

Люди постепенно менялись местами: одни отодвигались подальше от оркестра, другие, напротив, подсаживались ближе. Майор Пэлгрейв присоединился к квартету Хиллингдонов — Дайсонов.

— Что касается этих людей… — начала мисс Прескотт, понизив голос, хотя в этом не было никакой необходимости, так как ее слова заглушал грохот стил-бэнда.

— Да, я как раз собиралась спросить вас о них.

— Они были здесь в прошлом году. Три месяца в году они проводят в Вест-Индии, путешествуя по разным островам. Высокий худой мужчина — это полковник Хиллингдон, а та брюнетка — его жена. Они ботаники. Двое других — американцы, мистер и миссис Грегори Дайсон. Он, по-моему, занимается бабочками. И все они интересуются

птицами.

— Приятно иметь хобби, сопряженное с пребыванием на открытом воздухе, — улыбнулся каноник Прескотт.

— Не думаю, чтобы им понравилось, если бы они услышали, что ты называешь это «хобби», Джереми, — заметила его сестра. — Их статьи печатаются в «Национальной географии» и в «Королевском журнале садоводов», так что они относятся к своему увлечению вполне серьезно.

Из-за столика, за которым они наблюдали, послышался взрыв смеха, настолько громкий, что он смог даже перекрыть рев стил-бэнда. Грегори Дайсон откинулся назад, стуча кулаком по столу, его жена как будто протестовала, а опустошивший свой бокал майор Пэлгрейв, напротив, выражал одобрение. В этот момент их едва ли можно было назвать людьми, относящимися к себе серьезно.

— Майору Пэлгрейву не следовало бы пить так много, — кисло промолвила мисс Прескотт. — У него ведь повышенное давление.

На стол подали свежую порцию пунша.

— Как приятно во всем разобраться, — заметила мисс Марпл. — Когда я встретила их сегодня днем, то не могла понять, кто на ком женат.

Последовала небольшая пауза. Мисс Прескотт сухо кашлянула.

— Ну, что касается этого… — начала она.

— Джоан, — остановил ее каноник, — пожалуй, было бы благоразумно не углублять эту тему.

— Право, Джереми, я и не собиралась ничего говорить. Просто в прошлом году, не знаю, по какой причине, мы думали, что миссис Дайсон — жена мистера Хиллингдона, до тех пор, пока кто-то не сказал нам, что это не так.

— Странно, как легко создаются неверные впечатления, — с простодушным видом сказала мисс Марпл. На мгновение ее глаза встретились с глазами мисс Прескотт, и между двумя женщинами моментально установилось взаимопонимание.

Более толковый человек, чем каноник Прескотт, наверняка бы почувствовал, что он de trop[3].

Женщины обменялись еще одним взглядом, который означал: «Как-нибудь в другой раз».

— Мистер Дайсон называет свою жену Лаки. Это ее настоящее имя или прозвище? — спросила мисс Марпл.

— Едва ли это может быть настоящим именем.

---

[3] Примечания: 3
Лишний (фр.).

— Я как-то задал Дайсону этот вопрос, — сказал священник. — Он ответил, что называет ее Лаки, потому что она принесла ему удачу, и сказал, что если потеряет ее, то потеряет свою удачу. По-моему, это очень мило.

— Он любит шутить, — заметила мисс Прескотт.

Каноник с сомнением поглядел на свою сестру.

Оркестр превзошел самого себя, разразившись диким взрывом какофонии, и по залу заскользили танцующие.

Мисс Марпл и все остальные повернули свои стулья, чтобы наблюдать за происходящим. Танцы доставили мисс Марпл больше удовольствия, чем музыка. Ей нравились шарканье ног и ритмичное покачивание тел, кажущееся полным скрытого смысла.

Этим вечером она впервые почувствовала себя в новой обстановке относительно свободно. До сих пор ей никак не удавалось обрести свою обычную способность находить у людей, с которыми она встречалась, сходные черты с ее знакомыми. Возможно, ее ослепили яркие одежды и экзотический колорит, но вскоре она почувствовала, что может провести кое-какие интересные сравнения.

Молли Кендал, например, была похожа на одну симпатичную девушку, чье имя мисс Марпл не могла вспомнить и которая работала кондуктором в автобусе, идущем в Маркет-Бейзинг. Она всегда помогала мисс Марпл входить в автобус и никогда не давала сигнала к отправлению, прежде чем не убеждалась, что мисс Марпл села на удобное место. Тим Кендал немного походил на метрдотеля из медчестерского ресторана «Король Георг», самоуверенного и в то же время беспокойного (кажется, у него была язва). Что же касается майора Пэлгрейва, то он ничуть не отличался от генерала Лероя, капитана Флемминга, адмирала Уиклоу и коммандера Ричардсона. А вот к Грегу Дайсону подобрать аналог было труднее, так как он американец. Он, возможно, напоминал немного сэра Джорджа Троллопа, всегда отпускавшего шутки на собраниях, посвященных гражданской обороне, или мистера Мердока, мясника. У мистера Мердока была довольно скверная репутация, но некоторые считали, что это просто сплетни, которые мистеру Мердоку нравилось поощрять. Лаки — точь-в-точь Марлин из «Трех корон». Сложнее дело обстояло с Эвелин Хиллингдон. Внешне ей соответствуют многие — высоких, худых, загорелых англичанок полным-полно.

Пожалуй, она напоминает леди Каролину Вулф, первую жену Питера Вулфа, покончившую самоубийством. Или Лесли Джеймс — тихую, спокойную женщину, которая редко обнаруживала свои чувства, а в один прекрасный день продала дом и уехала, никому не сказав куда. В полковнике Хиллингдоне сразу не разберешься — для этого нужно познакомиться с ним поближе. Один из этих сдержанных людей с хорошими манерами. По ним никогда не поймешь, о чем они думают. Иногда эти люди совершают неожиданные поступки. Например, майор Харпер в один прекрасный день перерезал себе горло, а причины никто так никогда и не узнал. Впрочем, у мисс Марпл имелись на этот счет кое-какие подозрения, но она была не вполне уверена…

Ее взгляд задержался на столике мистера Рэфьела. Об этом человеке было известно, что он невероятно богат, полупарализован и каждый год приезжает в Вест-Индию. Внешне он напоминал старую сморщенную хищную птицу. Ему могло быть семьдесят, восемьдесят и даже девяносто лет. Одежда свободно висела на его хилом теле, из-под бровей поблескивали проницательные глаза. Он часто бывал резок, но люди редко обижались на него, отчасти из-за его

богатства, а отчасти из-за исходившей от него гипнотической силы, внушавшей ощущение, что мистер Рэфьел имеет право быть грубым, если ему этого хочется.

С ним сидела его секретарша, миссис Уолтерс. У нее было приятное лицо и пшеничного цвета волосы. С ней мистер Рэфьел бывал груб очень часто, но она, казалось, ничего не замечала, не потому, что была раболепной, а просто не обращая на это внимания и ведя себя как хорошо вышколенная медсестра. Возможно, подумала мисс Марпл, когда-то она ею и была.

Высокий красивый молодой человек в белой куртке подошел к креслу мистера Рэфьела. Старик поднял на него глаза, кивнул и указал на стул. Молодой человек послушно сел.

«Очевидно, это его слуга — мистер Джексон», — решила мисс Марпл, внимательно его разглядывая.

2

В пустом баре Молли Кендал опустилась на стул и сбросила туфли на высоких каблуках. Пришедший с террасы Тим присоединился к ней.

— Устала, дорогая? — спросил он.

— Немножко. Чувствую тяжесть в ногах.

— Смотри не переутомись. Я ведь знаю, какая это тяжелая работа. — Он с беспокойством посмотрел на нее.

— Не говори глупости, Тим, — засмеялась Молли. — Мне здесь очень нравится. Я всегда мечтала о таком, честное слово.

— Да, для приезжих это развлечение, а для владельцев — тяжкий труд.

— Ну, нельзя же не пускать в гостиницу постояльцев, — рассудительно заметила Молли.

Тим Кендал нахмурился:

— По-твоему, все идет как надо и мы делаем успехи?

— Конечно.

— А тебе не кажется, что люди говорят: «Здесь совсем не так, как было при Сэндерсонах»?

— Кто-то, безусловно, так говорит, но это наверняка заядлые консерваторы. Я уверена, что мы работаем лучше, чем Сэндерсоны. У нас больше обаяния. Ты очаровываешь старушек, умудряясь выглядеть так, будто жаждешь заняться любовью с какой-нибудь отчаявшейся особой на пятом или шестом десятке, а я строю глазки старым джентльменам, отчего они чувствуют себя как псы на выгуле, а с теми, кто посентиментальнее, веду себя как ласковая и любящая дочь. Так что

все идет отлично.

Чело Тима прояснилось.

— Хорошо, если так. А то меня иногда охватывает паника. Мы рискнули всем, взявшись за это дело. Я бросил свою работу…

— И правильно сделал, — быстро вставила Молли. — А то бы она тебя доконала.

Тим рассмеялся и чмокнул жену в кончик носа.

— Говорю тебе, все идет отлично, — повторила она. — Почему ты все время беспокоишься?

— Очевидно, у меня такой характер. Я всегда боюсь, что случится что-нибудь скверное.

— Что именно?

— О, я не знаю. Ну, кто-нибудь возьмет да и утонет.

— Глупости. Пляж здесь совершенно безопасный. К тому же тут постоянно дежурит этот неуклюжий швед.

— Конечно, я болтаю вздор, — согласился Тим Кендал. Поколебавшись, он спросил: — А тебя больше не тревожат эти сны?

Но Молли только улыбнулась.

Глава 3
СМЕРТЬ В ОТЕЛЕ

Мисс Марпл, как обычно, подали завтрак в постель. Чай, яйцо вкрутую, ломтики фруктов.

Фрукты, произрастающие на этом острове, не слишком радовали мисс Марпл. Она бы с удовольствием съела яблоко, но о существовании яблок здесь, казалось, даже не подозревали.

Пробыв на острове неделю, мисс Марпл отвыкла от привычки спрашивать, какая погода. Погода здесь всегда стояла великолепная и никогда не изменялась.

Конечно, на Сент-Оноре бывали ураганы, но мисс Марпл считала их не столько погодой, сколько стихийным бедствием. Иногда налетал ливень, который через пять минут так же внезапно прекращался. Все и всё промокали до нитки, но через десять минут снова были сухими.

Черная вест-индская девушка весело улыбнулась, обнажив ряд ослепительно белых зубов, пожелала мисс Марпл доброго утра и поставила поднос к ней на колени. Жаль, что здешние девушки так неохотно выходят замуж. Это огорчало

каноника Прескотта, который утешал себя тем, что ему зато очень часто приходится совершать обряд крещения — гораздо чаще, чем бракосочетания.

Съев завтрак, мисс Марпл задумалась над тем, как она проведет день. Это не отняло у нее много времени. Сейчас она встанет с постели, оденется, двигаясь медленно, так как из-за жары ее пальцы были не такими проворными, как обычно. Потом она отдохнет минут десять, возьмет вязанье и не спеша зашагает к отелю, решая, где ей устроиться поудобнее. На террасе, выходящей на море? Или на пляже, чтобы наблюдать за купающимися и за детьми? Обычно она останавливалась на последнем варианте. После полуденного отдыха она, может быть, пойдет прогуляться.

Да, сегодняшний день, по-видимому, ничем не будет отличаться от других.

Однако это оказалось далеко не так.

Мисс Марпл начала действовать по намеченной программе и медленно шла по тропинке к отелю, когда встретила Молли Кендал. На этот раз молодая женщина не улыбалась. Огорченное выражение так не подходило к ее лицу, что мисс Марпл сразу же спросила:

— Что-нибудь случилось, дорогая?

Молли кивнула.

— Ну, — поколебавшись, заговорила она, — все равно все узнают. Майор Пэлгрейв умер.

— Умер?

— Да, умер ночью.

— Боже мой! Какое несчастье!

— Да, смерть здесь — это просто ужас. Все сразу же придут в уныние. Конечно, он был уже стар…

— Вчера он выглядел веселым и здоровым, — заметила мисс Марпл, слегка обиженная уверенностью Молли, что каждый человек преклонного возраста может умереть в любую минуту.

— У него было повышенное давление, — возразила Молли.

— Но против этого существуют какие-то таблетки. В наши дни наука делает чудеса.

— Да, но, возможно, он забыл принять таблетки или, наоборот, принял их слишком много. Знаете, как бывает с инсулином.

Мисс Марпл не думала, что диабет и повышенное давление — это одно и то же.

— А что сказал врач? — спросила она.

— О, его осматривал доктор Грейем — он живет в отеле и практически уже отошел от дел. Потом приходили, чтобы выдать официальное свидетельство о смерти, но, по-моему, здесь все

ясно. Такое часто случается с людьми, у которых повышенное давление, особенно если они злоупотребляют алкоголем. А майор Пэлгрейв в этом отношении был очень недисциплинирован. Например, вчера вечером.

— Да, я заметила, — согласилась мисс Марпл.

— По-видимому, он забыл принять таблетки. Конечно, старику не повезло, но не могут же люди жить вечно. А нам с Тимом это ужасно неприятно. Еще подумают, что с пищей было что-то не так.

— Но ведь симптомы пищевого отравления и повышенного давления совершенно различны?

— Да, но люди любят болтать вздор. А если они решат, что пища была испорчена, и уедут, да еще скажут своим друзьям…

— Право, вам незачем беспокоиться, — ласково сказала мисс Марпл. — Вы же сами говорили, что пожилым людям вроде майора Пэлгрейва — а ему, очевидно, было уже за семьдесят — ничего не стоит умереть. Большинству это покажется вполне обычным происшествием, печальным, но не из ряда вон выходящим.

— Если бы только, — печально произнесла Молли, — это не случилось так внезапно.

«Да, это случилось весьма внезапно», — подумала мисс Марпл, медленно зашагав дальше. Еще

вчера вечером он был в отличном настроении, смеялся и болтал с Хиллингдонами и Дайсонами.

С Хиллингдонами и Дайсонами… Мисс Марпл зашагала еще медленнее и наконец совсем остановилась. Вместо того чтобы идти на пляж, она устроилась в тенистом углу террасы, вытащила свое вязанье и защелкала спицами так быстро, словно старалась не отставать от бега собственных мыслей. Ей не нравилось это — совсем не нравилось. Уж слишком «кстати» все произошло.

Мисс Марпл задумалась над вчерашними событиями.

Майор Пэлгрейв и его истории…

Они были такими же, как всегда, и вряд ли требовали того, чтобы их слушали очень внимательно. Хотя, возможно, было бы лучше, если бы она слушала его как следует.

Кения… Он говорил о Кении, потом об Индии… о северо-западных границах… А затем по какой-то причине они перешли к убийствам. И даже тогда она не начала внимательно слушать…

Какое-то нашумевшее событие, происшедшее здесь, — о нем было напечатано в газетах.

Это было после того, как он поднял ее клубок шерсти. Именно тогда он рассказал ей о фотогра-

фии — о снимке убийцы.

Мисс Марпл закрыла глаза и постаралась поточнее припомнить его рассказ.

Это была довольно бессвязная история, которую рассказал майору в клубе один врач (сам он услышал ее от другого врача). У этого врача был снимок какого-то человека, выходившего из парадной двери, и этот человек был убийцей.

Постепенно мисс Марпл вспоминала все подробности.

Майор предложил показать ей снимок. Он вынул свой бумажник и начал рыться в его содержимом, не переставая болтать. Потом майор посмотрел не на нее, а на что-то за ней, точнее за ее правым плечом, и внезапно умолк, его лицо побагровело, он начал засовывать все назад в бумажник слегка дрожащими руками и заговорил громким неестественным голосом о слоновьих бивнях!

Через минуту к ним присоединились Хиллингдоны и Дайсоны.

Тогда она повернула голову, чтобы посмотреть, что находится за ее правым плечом, но никого и ничего не увидела. Слева на некотором расстоянии по направлению к отелю сидели Тим Кендал и его жена, а за ними семья венесуэльцев. Но

майор Пэлгрейв смотрел не в эту сторону…

Мисс Марпл размышляла до самого ленча. После ленча она не пошла на прогулку. Вместо этого она сообщила, что не совсем хорошо себя чувствует, и попросила узнать у доктора Грейема, не будет ли он так любезен прийти осмотреть ее.

Глава 4
МИСС МАРПЛ ТРЕБУЕТ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Доктор Грейем был добродушным пожилым человеком лет шестидесяти пяти. Он уже много лет практиковал в Вест-Индии, но теперь почти совсем бросил работу, предоставив ее своим партнерам. Приветливо поздоровавшись с мисс Марпл, он спросил, что ее беспокоит. К счастью, в годы мисс Марпл, приложив некоторые усилия, всегда можно было обнаружить у себя какое-нибудь недомогание. Мисс Марпл колебалась между плечом и коленом, остановив наконец выбор на втором варианте.

Доктор Грейем весьма любезно не стал упоминать о том факте, что в возрасте мисс Марпл подобные недомогания только естественны, а сразу же выписал ей таблетки. Зная по опыту, что многие пожилые люди испытывают одиночество, впервые приезжая на Сент-Оноре, он задержался, чтобы немного поболтать с ней.

«Славный человек, — подумала мисс Марпл. — Мне очень стыдно, что я вынуждена солгать

ему. Но я не вижу никакого другого выхода».

Мисс Марпл была воспитана в строгом уважении к правде и по натуре была очень правдивой женщиной. Но в определенных обстоятельствах, когда долг велел ей лгать, она лгала с поразительным правдоподобием.

Слегка кашлянув, чтобы прочистить горло, мисс Марпл приступила к делу.

— Я хотела кое о чем спросить вас, доктор Грейем, — защебетала она. — Конечно, может быть, и не стоило говорить об этом, но для меня это очень важно. Надеюсь, вы меня поймете и не сочтете назойливой.

— Я с удовольствием помогу вам, если вас что-то беспокоит, — любезно ответил доктор Грейем.

— Это связано с майором Пэлгрейвом. Я была так потрясена, когда услышала утром о его смерти!

— Да, все произошло действительно очень неожиданно, — согласился доктор Грейем. — Вчера он был в таком хорошем настроении. — Судя по его тону, смерть майора Пэлгрейва ничуть не казалась ему чем-то из ряда вон выходящим. Мисс Марпл вдруг испугалась, что поднимает много шуму из ничего. Может быть, во всем виновата ее природная подозрительность и ей уже

не следовало доверять собственным суждениям? Но как бы то ни было, она уже занялась этим вопросом и должна идти дальше.

— Вчера днем мы сидели и разговаривали, — продолжала она. — Он рассказывал мне о своей интересной жизни. Оказывается, на земле столько удивительных стран!

— Да, в самом деле, — согласился доктор Грейем, которому воспоминания майора Пэлгрейва успели порядком надоесть.

— Потом он заговорил о своем детстве, своей семье. Я рассказала ему немного о своих племянниках и племянницах, и он слушал очень внимательно. Тогда я показала ему фотоснимок одного моего племянника, который был у меня с собой. Такой милый мальчик… Правда, на снимке он уже не совсем мальчик, но для меня он всегда останется маленьким.

— Разумеется, — подтвердил доктор Грейем, думая, сколько еще времени пройдет, прежде чем старая леди перейдет к делу.

— Я дала ему карточку, и он рассматривал ее, когда вдруг подошли эти симпатичные люди, которые собирают цветы и бабочек, — полковник и миссис Хиллингдон и… я забыла фамилию.

— Хиллингдоны и Дайсоны?

— Да, совершенно верно. Они присоединились к нам, предложили выпить, и майор Пэлгрейв, очевидно, машинально сунул мою карточку к себе в бумажник и положил его в карман. Тогда я не обратила на это большого внимания, но позже сказала себе: «Надо не забыть попросить майора вернуть мне фотокарточку Дензила». Я подумала об этом вчера вечером, когда были танцы и играл оркестр, но не захотела ему мешать — они все так веселились, и я решила напомнить ему об этом утром. А утром… — И мисс Марпл сделала паузу.

— Да-да, понимаю, — сказал доктор Грейем. — И вы, естественно, хотите получить свой снимок, не так ли?

Мисс Марпл кивнула:

— Да. Видите ли, это единственный экземпляр, а негатива у меня нет. Мне было бы жаль лишиться этого снимка, так как бедный Дензил умер пять или шесть лет назад, а это был мой любимый племянник. Только эта карточка и напоминала мне о нем. И я решила… Конечно, это назойливо с моей стороны… может быть, вам удастся вернуть его мне? Я просто не знаю, кого еще я могла бы об этом попросить. Ведь мне неизвестно, кто будет заниматься вещами майора, а все подумают, что это просто блажь. Никто не сумеет понять, что

этот снимок для меня значит.

— Конечно, конечно, — согласился доктор Грейем. — Я вас хорошо понимаю. Это вполне естественное чувство. Вскоре я должен встретиться с местными властями — завтра похороны, прибудет кто-нибудь из администрации, чтобы просмотреть бумаги и имущество майора, прежде чем связаться с его семьей. Вы могли бы описать эту карточку?

— На ней был изображен фасад дома, — сказала мисс Марпл. — И кто-то… я имею в виду, Дензил только что вышел из парадной двери. Фотографировал другой мой племянник, который очень любил цветы, а перед домом, кажется, росли гибискусы. В этот момент Дензил как раз вышел. Снимок неважного качества — очень нерезкий. Но мне он нравился, и я всегда хранила его при себе.

— Ну, все как будто ясно, — заметил доктор Грейем. — Думаю, что будет нетрудно вернуть вам фотографию, мисс Марпл.

Он встал со стула. Мисс Марпл благодарно улыбнулась ему:

— Вы очень любезны, доктор Грейем. Вы ведь меня понимаете?

— Конечно, — сказал доктор Грейем, тепло

пожимая ей руку. — Можете не беспокоиться. Упражняйте ваше колено каждый день, только не слишком усердно, а я пришлю вам таблетки. Принимайте по одной три раза в день.

Глава 5
МИСС МАРПЛ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Похороны майора Пэлгрейва состоялись на следующий день. Мисс Марпл присутствовала на них в компании с мисс Прескотт. Каноник прочитал заупокойную службу, после чего жизнь потекла по-прежнему.

Смерть майора Пэлгрейва была всего лишь неприятным инцидентом, о котором вскоре забыли. Жизнь здесь состояла из моря, солнца и развлечений. Смерть бросила мрачную тень на Сент-Оноре, но эта тень исчезла довольно быстро. В конце концов, все едва лишь знали покойного. Он был обычным старым занудой, каких часто встречаешь в клубах, вечно делившимся своими воспоминаниями, которых никто не жаждал услышать. Приткнуться ему было негде. Его жена умерла много лет назад. Он жил и умер одиноким. Но, несмотря на это, майор Пэлгрейв всю жизнь провел среди людей, что очень скрашивало его существование. Невзирая на одиночество, он был веселым человеком, умевшим извлекать из жизни радости. А теперь он мертв, похоронен, и

через неделю никто даже не вспомнит о нем.

Единственным человеком, чувствующим его отсутствие, была мисс Марпл. Она не питала к покойному личной привязанности, но он являл собой ту жизнь, которую она знала. Когда становишься старой, то постепенно привыкаешь слушать рассказы таких же стариков, даже если они не представляют особого интереса, поэтому между ней и майором установилось своеобразное взаимопонимание. Мисс Марпл, конечно, не оплакивала майора Пэлгрейва, но ей его недоставало.

После похорон, когда она сидела и вязала на своем любимом месте, к ней подошел доктор Грейем и сел рядом. Мисс Марпл поздоровалась с ним, отложив спицы.

— Боюсь, — виновато заговорил доктор, — что я вынужден разочаровать вас, мисс Марпл.

— В самом деле? По поводу моей…

— Да, к сожалению, мы не нашли вашего снимка.

— Очень жаль. Конечно, это не имеет особого значения — обычная сентиментальность. Значит, его не было в бумажнике майора Пэлгрейва?

— Нет, ни там, ни вообще среди его вещей. У него было много хлама — письма, газетные вы-

резки, несколько старых фотографий, но такого снимка, как вы описали, не было.

— Ну, ничего не поделаешь, — вздохнула мисс Марпл. — Большое вам спасибо, доктор Грейем. Извините за беспокойство.

— О, право, не о чем говорить. Я ведь по собственному опыту знаю, что значат семейные фотографии, особенно когда стареешь.

«Старая леди легко примирилась с этим огорчением, — подумал он. — Возможно, майор Пэлгрейв обнаружил снимок, когда вынимал что-то из бумажника, и, забыв, откуда он взялся, разорвал его как ненужный хлам. Конечно, для старушки это большое разочарование. Хорошо, что она отнеслась к этому философски и даже весело».

Но в действительности чувства мисс Марпл были совершенно противоположными. Ей требовалось время, чтобы обдумать все как следует, но пока что она решила использовать все возможности создавшейся ситуации.

Мисс Марпл вовлекла доктора Грейема в беседу с энтузиазмом, который она даже не пыталась скрыть. Добрый доктор, приписывающий словоохотливость старой леди ее одиночеству и тоске по собеседнику, старался отвлечь ее от неприят-

ных воспоминаний о потерянной фотографии беспечной болтовней о жизни на Сент-Оноре и о различных интересных местах, которые мисс Марпл, может быть, захотела бы посетить. Он и сам не заметил, как разговор вернулся к кончине майора Пэлгрейва.

— Так печально, что он умер вдали от дома, — сказала мисс Марпл. — Хотя, насколько я поняла из его рассказов, у него не было близких родственников. Кажется, он один жил в Лондоне.

— По-моему, он много путешествовал, — заметил доктор Грейем. — Во всяком случае, в зимнее время. Наша английская зима ему не нравилась. Не могу его за это порицать.

— Я тоже, — согласилась мисс Марпл. — А может быть, у него были слабые легкие или что-нибудь в этом роде, вынуждавшее его ездить зимой за границу?

— Не думаю.

— У него как будто было повышенное давление. В наши дни это встречается сплошь и рядом.

— Он говорил вам об этом?

— Нет, никогда. Мне сказал это кто-то другой.

— Ах вот как?

— Полагаю, — продолжала мисс Марпл, — что при таких обстоятельствах следовало ожидать

смерти.

— Это вовсе не обязательно, — возразил доктор Грейем. — Сейчас существуют методы контроля давления.

— Его смерть последовала очень внезапно, но вы вроде бы не удивились.

— Ну, когда человек умирает в таком возрасте, не стоит особенно удивляться. Но я этого не ожидал. Откровенно говоря, мне казалось, что он в отличной форме, хотя я никогда его не осматривал и не измерял ему давление.

— А разве врач может определить, только взглянув на человека, повышено ли у него давление? — с наивным видом осведомилась мисс Марпл.

— Одного взгляда мало, — улыбнулся доктор. — Требуется еще и осмотр.

— О, понимаю. Это ужасно, когда вокруг руки оборачивают резиновую штуку, а потом ее надувают. Терпеть не могу эту процедуру! Но мой врач мне говорил, что для моих лет у меня очень хорошее давление.

— Рад это слышать, — сказал доктор Грейем.

— Конечно, майор злоупотреблял пуншем, — задумчиво промолвила мисс Марпл.

— Да. Алкоголь — не слишком хорошее средство от гипертонии.

— Он, кажется, принимал таблетки?

— Да, в его комнате нашли бутылочку с серенитом.

— В наши дни наука творит чудеса, — заметила мисс Марпл. — Врачи могут сделать очень много, не так ли?

— У нас есть сильный конкурент — природа, — ответил доктор Грейем. — Поэтому еще до сих пор применяются некоторые старомодные домашние средства.

— Например, класть паутину на порез, — подхватила мисс Марпл. — Когда я была ребенком, мы всегда так делали.

— Весьма благоразумно, — одобрил доктор Грейем.

— Или класть льняную припарку на грудь и натираться камфорным маслом от кашля.

— Да вы все знаете! — рассмеялся доктор Грейем, вставая. — Как колено? Не слишком беспокоит?

— Нет, оно гораздо лучше.

— Ну, мы не знаем, следует ли благодарить за это природу или мои таблетки, — заметил доктор Грейем. — Простите, что я не смог помочь вам.

— Что вы! Вы были так любезны! Мне стыдно, что я отняла у вас время. Так вы говорите, что в

бумажнике майора не было фотографий?

— Были две карточки — одна изображала майора в молодости верхом на пони, другая — мертвого тигра, на которого майор наступил ногой. Это все воспоминания о днях его юности. Я искал очень тщательно и не нашел снимка вашего племянника.

— О, я уверена, что вы искали тщательно, — просто я поинтересовалась… Все мы любим хранить всякую ерунду.

— Сокровища из прошлого, — улыбнулся доктор.

Попрощавшись, он удалился.

Мисс Марпл осталась на месте, задумчиво глядя на пальмы и море и несколько минут не притрагиваясь к вязанью. Теперь у нее имелся факт, и она задумалась над тем, что он означает. Снимка, который майор вынул из бумажника и так поспешно положил назад, не оказалось на месте после его смерти. Такую вещь майор не мог выбросить. Он сунул фото в бумажник, и оно должно было находиться там после кончины майора. Деньги могли украсть, но кому могло понадобиться красть снимок? Если, конечно, для этого не было особой причины…

Лицо мисс Марпл стало серьезным. Ей следо-

вало принять решение. Позволит она майору Пэлгрейву мирно покоиться в своей могиле или нет? Может, лучше оставить все как есть? Она пробормотала себе под нос цитату: «Теперь Дункан спокойно спит в гробу. Прошел горячечный припадок жизни»[4]. Теперь ничто не могло повредить майору Пэлгрейву. Он ушел туда, где опасность не может его коснуться. Было ли простым совпадением, что он умер именно в эту ночь? А может быть, нет? Врачи без особого внимания относятся к смерти пожилых людей, особенно если в их комнате стоит бутылочка с таблетками, которые гипертоники должны принимать каждый день. Но если кто-то взял снимок из бумажника майора, то этот же человек мог поставить бутылочку в его комнату. Она сама никогда не видела, чтобы майор принимал таблетки; ей он никогда не говорил, что у него повышенное давление. Единственно, что он сказал о своем здоровье, была фраза: «Я уже не так молод». У майора иногда была небольшая одышка — обычная астма и ничего более. Но кто-то упоминал, что у него повышенное давление. Молли? Мисс Прескотт? Она не могла вспомнить.

---

[4] Примечания: 4
Шекспир У. Макбет. Перевод Б. Пастернака.

Мисс Марпл вздохнула.

«Ну, Джейн, что ты намерена делать? — произнесла она про себя. — А вдруг ты все это придумала? Есть ли у тебя хоть какая-нибудь зацепка?»

Напрягая память, она принялась слово за словом тщательно припоминать свою беседу с майором об убийствах и убийцах.

— О боже! — вздохнула мисс Марпл. — Даже если это и так — я все равно не знаю, что я могу сделать…

Но теперь она была уверена, что предпримет попытку…

Глава 6
ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

1

Мисс Марпл проснулась рано. Как и многие старые люди, она спала чутко, и у нее бывали периоды бессонницы, во время которых она планировала свои действия на ближайшее будущее. Разумеется, в большинстве случаев ее мысли касались сугубо личных дел или домашнего хозяйства. Но в это утро мисс Марпл размышляла об убийстве и о том, что ей следует предпринять, если ее подозрения верны. Это было нелегко. У нее имелось одно-единственное оружие — разговоры.

Старые леди, как правило, всегда много болтали. Их собеседникам порядком это надоедало, но они не усматривали в этом никаких скрытых мотивов. Ей вовсе не придется задавать прямые вопросы (к тому же было весьма затруднительно решить, какой именно вопрос следует задать). Просто мисс Марпл должна побольше разузнать о некоторых людях, которых она сейчас перебирала в уме.

Возможно, мисс Марпл могла бы кое-что выяснить о майоре Пэлгрейве, но помогло бы это ей? Она сильно сомневалась. Если майора Пэлгрейва убили, то не из-за денег, не из мести и не из-за какой-то тайны в его жизни. Хотя он и являлся жертвой, но это был один из тех редких случаев, когда добыча знаний о жертве не может навести на след убийцы. Очевидно, причина убийства была в том, что майор Пэлгрейв слишком много болтал.

Один интересный факт она узнала от доктора Грейема. У майора в бумажнике было несколько фотографий: одна — изображавшая его самого верхом на пони, на другой был мертвый тигр, остальные, наверно, были в том же духе. Почему же майор Пэлгрейв носил с собой эти снимки? «Очевидно, — подумала мисс Марпл, имеющая опыт в знакомствах со старыми адмиралами, генералами и майорами, — потому что они служили иллюстрациями к историям, которые он так любил рассказывать, — об охоте на тигров в Индии, о пони для игры в поло. Точно так же историю о подозреваемом убийце должна была подкрепить извлеченная из бумажника фотография».

В беседе с мисс Марпл майор следовал этому

образцу. Когда разговор зашел об убийстве, он, чтобы возбудить интерес к своему рассказу, сделал то, что, безусловно, всегда делал в аналогичных случаях, — вытащил снимок и сказал что-то вроде: «Никогда не подумаешь, что этот парень убийца, верно?»

По-видимому, эта история входила в его постоянный репертуар. Как только беседа касалась убийства, майор тотчас же несся на всех парах.

В таком случае, подумала мисс Марпл, он мог уже рассказать об этом кому-то еще. И даже больше чем одному. Если так, то она могла узнать у этих людей какие-нибудь дополнительные детали истории, возможно, описание человека, изображенного на фотографии.

Мисс Марпл удовлетворенно кивнула. С этого можно было начать.

И разумеется, оставались люди, которых мисс Марпл именовала про себя «четверо подозреваемых». Хотя вообще-то майор Пэлгрейв говорил о мужчине, а их было только двое. Полковник Хиллингдон и мистер Дайсон не очень-то походили на убийц, но ведь далеко не все убийцы обладают характерной внешностью. Может быть, там был кто-то еще? Она не увидела никого, когда повернула голову, чтобы проверить. Конечно,

там стояло бунгало мистера Рэфьела. Может, кто-нибудь вышел из бунгало и успел войти назад прежде, чем она посмотрела в ту сторону? Если так, то это мог быть только слуга. Как его фамилия? Ах да, Джексон. Неужели Джексон вышел из домика и, таким образом, стал в той же позе, как и на снимке? Человек, выходящий из двери… Майор мог внезапно узнать его. До сих пор майор Пэлгрейв не проявлял никакого интереса к Артуру Джексону — блуждающий любопытный взгляд его единственного глаза, безусловно, был взглядом сноба, а так как Джексон не принадлежал к «пукка-сахиб»[5], то майор вряд ли бы посмотрел на него дважды.

Но если, держа в руках снимок, он поглядел через правое плечо мисс Марпл и увидел человека, выходящего из двери?..

Мисс Марпл повернула голову на подушке. Итак, программа на завтра или, вернее, на сегодня — расследование по линиям: Хиллингдоны, Дайсоны и Артур Джексон.

2

Доктор Грейем тоже проснулся рано. Обычно

---

[5] Примечания: 5

Пукка-сахиб — человек из высшего общества *(англо-инд.).*

он поворачивался на другой бок и засыпал снова. Но сегодня сон никак не приходил. Что-то мешало ему уснуть. Доктор уже давно не страдал от бессонницы. В чем же была причина его беспокойства? Он не мог этого понять. Может быть, здесь есть какая-то связь со смертью майора Пэлгрейва? Но что в этом событии могло не давать ему покоя? То, что говорила болтливая старая дама? Да, с ее фотокарточкой вышло неудачно, но она мужественно с этим примирилась. Какую же случайную фразу она обронила, от которой ему до сих пор не по себе? В конце концов, в смерти майора не было ничего странного. По крайней мере, он так считал.

Было совершенно ясно, что при состоянии здоровья майора… но тут его мысли задержались. Так ли уж много он знал о состоянии здоровья майора Пэлгрейва? Все говорили, что у него было повышенное давление. Но ведь он сам никогда не беседовал с майором на эту тему, да и вообще редко с ним говорил. Пэлгрейв был старым занудой, а он всегда избегал людей этой категории. Какого же черта ему пришла в голову мысль, что здесь что-то не так? Из-за этой старой леди? Но ведь она фактически ничего такого не сказала. Как бы то ни было, это не его дело. Местные

власти были вполне удовлетворены. В комнате нашли бутылочку с таблетками серенита, а старик, по-видимому, всем говорил о повышенном давлении.

Доктор Грейем повернулся в постели и вскоре снова заснул.

3

За территорией отеля в одной из лачуг у ручья девушка по имени Виктория Джонсон повернулась и села в кровати. Это была великолепная представительница обитателей Сент-Оноре, с телом, словно высеченным скульптором из черного мрамора. Проведя рукой по темным жестким локонам, она слегка толкнула ногой своего спящего компаньона:

— Проснись.

Мужчина, ворча, повернулся:

— Чего тебе надо? Еще не утро.

— Проснись. Я хочу поговорить с тобой.

Мужчина сел, потянулся и зевнул, показав ряд ровных белых зубов.

— Что случилось?

— Да вот этот майор, который умер… Мне это не нравится. Здесь что-то не так.

— Чего ради ты должна об этом беспокоиться?

Он был уже стар и умер.

— Да послушай же! Эти пилюли, о которых меня спрашивал доктор…

— Ну и что? Может быть, он принял их слишком много.

— Нет, дело не в этом. Слушай. — Она наклонилась к нему и что-то горячо зашептала.

Зевнув, мужчина снова лег.

— Чепуха!

— Как бы то ни было, утром я скажу об этом миссис Кендал. По-моему, что-то здесь все же не так.

— Не стоит из-за этого волноваться, — сказал мужчина, которого Виктория в настоящее время считала своим мужем, хотя и не заручилась брачным свидетельством. — Давай не будем подыскивать себе причину для беспокойства, — добавил он и, зевнув, повернулся на другой бок.

Глава 7
УТРО НА ПЛЯЖЕ

1

Эвелин Хиллингдон вылезла из воды и плюхнулась на теплый золотистый песок. Сняв купальную шапочку, она энергично тряхнула темными волосами. Пляж был не особенно большим. Люди обычно приходили туда по утрам, и к половине двенадцатого там происходило нечто вроде общего собрания. Слева от Эвелин в причудливом плетеном кресле современной конструкции лежала сеньора де Каспеаро, красавица из Венесуэлы. По соседству с ней расположился мистер Рэфьел, в настоящее время самый старший из обитателей «Золотой пальмы» и обладавший властью, доступной только пожилым и богатым инвалидам. Эстер Уолтерс, как всегда, находилась рядом, имея при себе карандаш и блокнот на случай, если мистеру Рэфьелу внезапно взбредет в голову срочно отправить какую-нибудь деловую телеграмму. Мистер Рэфьел в пляжном наряде казался донельзя высохшим; кости покрывали гирлянды висевшей кожи. Хотя он имел вид

человека, стоящего одной ногой в могиле, жители Вест-Индии утверждали, что он выглядит точно так же, по крайней мере, уже лет восемь. Проницательные голубые глаза поблескивали на морщинистом лице. Его основным развлечением было энергично отрицать все, что ему ни скажут.

Мисс Марпл также присутствовала на пляже. Как всегда, она сидела и вязала, прислушиваясь к происходящему и очень редко вступая в беседу. Когда же она начинала говорить, то это всех удивляло, так как обычно о ее существовании все забывали. Эвелин Хиллингдон снисходительно на нее посматривала, считая ее «милой старушонкой».

Сеньора де Каспеаро натирала ноги маслом для загара, что-то бурча себе под нос. Она была весьма неразговорчивой особой. Закончив процедуру, сеньора недовольно посмотрела на пузырек.

— Это масло хуже «Франхипаньо», — печально промолвила она. — А его достать здесь просто невозможно. — И ее веки снова опустились.

— Вы не хотите окунуться, мистер Рэфьел? — спросила Эстер Уолтерс.

— Окунусь, когда сочту нужным, — огрызнулся мистер Рэфьел.

— Но уже половина двенадцатого, — заметила миссис Уолтерс.

— Ну и что из этого? — осведомился мистер Рэфьел. — Вы думаете, я принадлежу к людям, которые зависят от времени? Это сделай тогда-то, это — через двадцать минут, это — еще через двадцать минут — тьфу!

Миссис Уолтерс прослужила у мистера Рэфьела достаточно долго, чтобы выработать соответствующую линию поведения с ним. Она знала, что ему требуется немало времени для того, чтобы прийти в себя после купания, и поэтому напоминала ему о времени, оставляя в запасе добрых десять минут для пререканий.

— Мне не нравятся эти пляжные туфли, — заявил мистер Рэфьел, подняв ногу и глядя на нее. — Я уже говорил этому болвану Джексону, но он никогда не обращает внимания на мои слова.

— Я принесу вам другие, мистер Рэфьел.

— Сидите на месте! Терпеть не могу людей, которые суетятся как клуши.

Лежащая на теплом песке Эвелин слегка пошевелилась и раскинула руки.

Мисс Марпл, поглощенная вязанием (по крайней мере, так казалось), вытянула ногу и поспешно извинилась:

— Простите, миссис Хиллингдон. Боюсь, что я толкнула вас.

— Ничего, — ответила Эвелин. — Пляж слишком переполнен.

— О, пожалуйста, не беспокойтесь. Я отодвину свое кресло назад, чтобы больше вас не задевать.

Во время передислокации мисс Марпл продолжала непринужденно болтать:

— Здесь просто чудесно! Знаете, я раньше никогда не была в Вест-Индии. Вот уж не думала, что когда-нибудь сюда попаду. А все по доброте моего племянника. Полагаю, вы хорошо знаете эти места, не так ли, миссис Хиллингдон?

— На этом острове я раньше была один или два раза, а кроме того, я была на многих других островах.

— Ах да! Бабочки и цветы. Вы занимаетесь ими вместе с вашими друзьями… или они ваши родственники?

— Друзья, и ничего более.

— Очевидно, вы много бываете вместе, потому что у вас общие интересы?

— Да. Мы путешествовали вместе несколько лет.

— И наверно, у вас было несколько увлекательных приключений?

— Едва ли, — ответила Эвелин. Ее голос звучал уныло и невыразительно. — Приключения всегда случаются с другими. — И она зевнула.

— Ни опасных встреч со змеями и хищниками, ни столкновений с дикими туземцами? — продолжала мисс Марпл, думая про себя: «Что за чушь я болтаю!»

— Только с кусачими насекомыми, — заверила ее Эвелин.

— Знаете, бедного майора Пэлгрейва однажды укусила змея, — сообщила мисс Марпл заведомую ложь.

— Неужели?

— А он никогда не рассказывал вам об этом?

— Может быть, и рассказывал. Я не помню.

— Он всегда рассказывал множество интересных историй.

— На редкость нудный старик, — вмешался мистер Рэфьел. — И к тому же глуп как пробка. Он бы не умер, если бы следил за собой как следует.

— О, пожалуйста, мистер Рэфьел, — взмолилась миссис Уолтерс.

— Я знаю, что говорю. Если следишь за своим здоровьем, то все будет в порядке. Посмотрите на меня. Врачи уже несколько лет назад признали меня безнадежным. «Отлично, — сказал я. — У

меня есть собственные медицинские правила, и я буду им следовать». И вот, как видите, я до сих пор жив. — И он гордо огляделся вокруг.

То, что он был до сих пор жив, и в самом деле казалось чудом.

— У бедного майора Пэлгрейва было повышенное давление, — заметила миссис Уолтерс.

— Чепуха, — отрезал мистер Рэфьел.

— Но это действительно так, — подхватила Эвелин Хиллингдон. В ее голосе неожиданно послышались твердые нотки.

— Он сам вам это сообщил? — осведомился мистер Рэфьел.

— Кто-то мне говорил.

— У него было очень красное лицо, — вставила мисс Марпл.

— Это еще ничего не значит, — возразил мистер Рэфьел. — К тому же у него не было повышенного давления, и он сам мне об этом сказал.

— Что вы имеете в виду? — спросила миссис Уолтерс.

— Я видел, как он много ест и без передышки поглощает пунши, и как-то прочитал ему мораль: «В ваши годы нужно помнить о кровяном давлении, соблюдать диету и не злоупотреблять алкоголем». А он ответил, что ему это незачем, так

как для его возраста у него прекрасное давление.

— Но он, кажется, принимал какое-то лекарство от гипертонии, — снова вмешалась мисс Марпл. — Как будто оно называется «серенит».

— По-моему, — сказала Эвелин Хиллингдон, — ему просто не хотелось признаться в своей болезни. Очевидно, он принадлежал к людям, которые боятся болезней и, как ни странно, именно поэтому не говорят, что они больны.

Глядя на ее темноволосую голову, мисс Марпл подумала, что эта тирада чересчур длинна для Эвелин Хиллингдон.

— Беда в том, — наставительно произнес мистер Рэфьел, — что люди слишком интересуются чужими болезнями. Они считают, что каждый, кому больше пятидесяти, обязательно должен умереть от гипертонии, коронарного тромбоза или чего-нибудь в этом роде. Чепуха! Если человек говорит, что с ним все в порядке, значит, так оно и есть. Люди должны знать о собственном здоровье. Сколько сейчас времени? Без четверти двенадцать? Мне уже давно было пора окунуться. Почему вы не напомнили мне об этом, Эстер?

Миссис Уолтерс не выразила протеста. Она встала, помогла подняться мистеру Рэфьелу и, поддерживая его, вошла вместе с ним в море.

— Как безобразны старики! — промолвила сеньора де Каспеаро, открыв глаза. — Пожалуй, людям следовало бы умирать в сорок или даже в тридцать пять лет.

К ним подошли Эдуард Хиллингдон и Грегори Дайсон, скрипя ногами по песку.

— Как вода, Эвелин?

— Как обычно.

— Да, здесь температура всегда одна и та же. А где Лаки?

— Не знаю, — ответила Эвелин.

И снова мисс Марпл задумчиво на нее посмотрела.

— Ну, пожалуй, я изображу кита, — сказал Грегори. Он сбросил яркую рубашку, побежал по пляжу, бросился в воду, пыхтя и отфыркиваясь, и быстро поплыл кролем.

Эдуард Хиллингдон сел на песок рядом с женой.

— Искупаемся? — спросил он.

Она улыбнулась, надела купальную шапочку, и они вдвоем зашагали к морю, делая это значительно менее эффектно, чем Грегори.

Сеньора де Каспеаро снова открыла глаза.

— Сначала я думала, что у этих двоих медовый месяц — он с ней так мил, но они, оказывается,

женаты восемь или девять лет. Удивительно, правда?

— Интересно, где миссис Дайсон? — заметила мисс Марпл.

— Лаки? С каким-нибудь мужчиной.

— Вы… вы в самом деле так думаете?

— Конечно, — подтвердила сеньора де Каспеаро. — Она — женщина именно такого типа, хотя и не так уж молода. А у ее мужа тоже глаза бегают повсюду. Уж это-то я знаю.

— Безусловно, знаете, — согласилась мисс Марпл. — В этом я не сомневаюсь.

Сеньора де Каспеаро бросила на нее удивленный взгляд. Очевидно, она не ждала от мисс Марпл подобного ответа.

Мисс Марпл тем временем продолжала смотреть на волны с выражением святой невинности.

2

— Могу я поговорить с вами, миссис Кендал?

— Да, конечно, — ответила Молли, сидящая за письменным столом в кабинете.

Виктория Джонсон в белой крахмальной униформе подошла ближе и закрыла за собой дверь с таинственным видом.

— Я хотела рассказать вам кое-что, миссис Кендал.

— Да? Что-нибудь не так?

— Не знаю. Я не уверена. Это касается старого джентльмена, который умер во сне.

— Ну и что же?

— В его комнате была бутылочка с таблетками. Доктор спрашивал меня о них.

— Да?

— Доктор сказал: «Позвольте мне взглянуть, что у него стоит на полочке в ванной». Там были зубной порошок, желудочные таблетки, аспирин, каскара и пузырек с надписью: «Серенит».

— Да? — снова повторила Молли.

— Доктор увидел эту бутылочку и казался вполне удовлетворенным. Но потом я вспомнила, что раньше ее не было в ванной, — я там ее не видела. Зубной порошок, крем для бритья, аспирин и прочее там всегда стояли, но таблеток серенита я никогда раньше не замечала.

— Значит, вы думаете… — Молли казалась удивленной.

— Не знаю, что и думать, — сказала Виктория. — Я только поняла, что здесь что-то не так, и решила рассказать вам. Может быть, вы сообщите доктору? А вдруг кто-то подсунул ему эти пилюли,

чтобы он проглотил их и умер?

— Едва ли, — возразила Молли.

Виктория покачала курчавой головой:

— Кто знает. Люди часто совершают дурные поступки.

Молли посмотрела в окно. Место казалось земным раем. Солнце, море, коралловые рифы, музыка, танцы… Но ведь даже в саду Эдема появился змей. «Дурные поступки» — как мерзко звучат эти слова.

— Я наведу справки, Виктория, — быстро ответила она. — Не беспокойтесь и, пожалуйста, не распространяйте нелепых слухов.

Как только Виктория неохотно удалилась, в комнату вошел Тим Кендал.

— Что-нибудь случилось, Молли?

Молли колебалась, но ведь Виктория могла пойти и к Тиму, поэтому она передала ему рассказ девушки.

— Чепуха какая-то! При чем тут эти пилюли?

— Ну, я не знаю, Тим. Доктор Робертсон, когда он приходил сюда, говорил, что они как-то действуют на кровяное давление.

— Ну и что из этого? У майора ведь было высокое давление, и он, наверное, принимал эти таблетки.

— Да, — неуверенно продолжала Молли, — но Виктория, кажется, думает, что он из-за этих таблеток мог умереть.

— Знаешь, дорогая, это уж чересчур мелодраматично! Ты имеешь в виду, что кто-то мог заменить таблетки от давления на что-нибудь другое и тем самым отравить майора?

— Это звучит абсурдно, — виновато сказала Молли, — в твоих устах. Но Виктория как будто думает именно так.

— Глупая девчонка! Конечно, мы могли бы пойти к доктору Грейему и все у него выяснить. Но, право, это такая чепуха, что не стоит его беспокоить.

— Я тоже так считаю.

— Что заставило ее думать, будто кто-то мог подменить таблетки? Ты говоришь, ей кажется, что другие таблетки положили в тот же самый пузырек?

— Не знаю, — беспомощно ответила Молли. — Виктория вроде бы говорила, что пузырек с серенитом она увидела там впервые.

— Что за ерунда! — воскликнул Тим Кендал. — Майор же все время должен был принимать эти таблетки, чтобы снижать давление. — И он вышел из комнаты, чтобы посоветоваться с метр-

дотелем Фернандо.

Но Молли не могла так легко прогнать беспокойные мысли. Когда суета с ленчем кончилась, она сказала мужу:

— Тим, я все думаю… если Виктория будет повсюду об этом болтать, лучше было бы нам все самим выяснить.

— Но, дорогая, Робертсон и остальные все проверили.

— Да, но ты знаешь, как эти девушки легко возбуждаются.

— Ну ладно. Пойдем посоветуемся с Грейемом. Он должен все знать.

Доктор Грейем сидел с книгой в своей лоджии. Чета Кендал вошла к нему, и Молли начала рассказ. Так как он был весьма бессвязным, то Тим взял на себя инициативу.

— Звучит это, конечно, по-идиотски, — словно извиняясь, добавил он, — но, насколько я понял, девчонка вбила себе в голову, что кто-то положил ядовитые таблетки в пузырек из-под этого… как его… сера…

— Но почему она так решила? — спросил доктор Грейем. — Она что-нибудь видела или слышала?

— Не знаю, — довольно беспомощно ответил Тим. — Послушай, Молли, там что, заменили

бутылочку?

— Нет, — возразила Молли. — По-моему, она говорила, что на ней была надпись: «Севен… Серен…»

— «Серенит», — подсказал доктор. — Это известный препарат. Он, очевидно, регулярно принимал его.

— Но Виктория сказала, что раньше она не видела его у него в комнате.

— Раньше не видела? — резко переспросил Грейем. — Что она под этим подразумевает?

— Ну, то, что она сказала. Виктория утверждает, что на полке в ванной стояли зубной порошок, крем для бритья, аспирин… ну и прочая чепуха. Очевидно, она всегда убирала там и поэтому помнит все наизусть. Но этого… серенита она никогда там не видела до смерти майора.

— Очень странно, — протянул доктор Грейем. — Она в этом уверена?

Резкость его тона удивила обоих Кендалов. Они не ожидали, что доктор Грейем так к этому отнесется.

— Как будто уверена, — медленно ответила Молли.

— Может быть, она просто хотела устроить сенсацию? — предположил Тим.

— Пожалуй, — сказал доктор Грейем, — я лучше переговорю с самой девушкой.

Виктория не скрывала своего удовольствия, когда ей разрешили повторить рассказ.

— Не хочу иметь неприятности, — закончила она. — Я не ставила туда бутылочку и не знаю, кто это сделал.

— Значит, вы думаете, что ее туда подсунули? — спросил Грейем.

— Должно быть, так, доктор, раз ее не было там раньше.

— Но майор Пэлгрейв мог держать ее в ящике стола или где-нибудь еще.

Виктория покачала головой:

— Вряд ли, если он должен был принимать таблетки постоянно.

— Да, — неохотно согласился Грейем. — Это лекарство он должен был принимать несколько раз в день. А вы никогда не видели, как он принимал его?

— Да говорю же вам, что его там раньше не было. Вот я и подумала, не был ли это какой-нибудь яд, который подсунул майору его враг.

— Чепуха, девочка, — сурово возразил доктор. — Совершеннейшая чепуха.

Виктория выглядела потрясенной.

— Так вы говорите, что эти таблетки были обычным лекарством? — с сомнением переспросила она.

— Хорошим и даже необходимым, — ответил доктор Грейем. — Поэтому не волнуйтесь, Виктория. Уверяю вас, что с этим лекарством все в порядке.

— Вы просто сняли камень у меня с души, — сказала Виктория и весело улыбнулась, обнажив белые зубы.

Но камень не упал с души доктора Грейема. Его смутное беспокойство начало обретать реальную почву.

Глава 8
РАЗГОВОР С ЭСТЕР УОЛТЕРС

— Это место уже не такое, как было раньше, — раздраженно произнес мистер Рэфьел, заметив, что мисс Марпл приближается туда, где он сидел со своей секретаршей. — Нельзя ступить и шагу, чтобы какая-нибудь старая квочка не следовала за тобой по пятам. Зачем эти старухи едут в Вест-Индию?

— А куда, по-вашему, они должны ездить? — осведомилась Эстер Уолтерс.

— В Челтенхем, — тотчас же ответил мистер Рэфьел, — либо в Борнмут, Торки или Лэндриндод-Уэллс. Выбор богатый, и там они полностью счастливы.

— Полагаю, что они нечасто могут позволить себе путешествие в Вест-Индию, — заметила Эстер. — Не всем так везет, как вам.

— Везет, нечего сказать, — проворчал мистер Рэфьел. — Торчи здесь со всеми своими болезнями и еще в придачу с вами, которая только читает мне лекции и ничего не делает! Почему вы до сих пор не отпечатали письма?

— У меня не было времени.

— Ну, так займитесь ими немедленно. Я привез вас сюда, чтобы вы работали, а не грелись на солнце и демонстрировали вашу фигуру.

Многие сочли бы поведение мистера Рэфьела невыносимым, но Эстер Уолтерс работала у него уже несколько лет и отлично знала, что его брани не следует придавать значения. Мистер Рэфьел почти все время страдал от каких-нибудь болей и, делая ядовитые замечания, давал выход своим чувствам. Поэтому, что бы он ни говорил, Эстер всегда сохраняла полнейшее спокойствие.

— Какой прекрасный вечер, не правда ли? — сказала мисс Марпл, остановившись рядом с ними.

— Ну и что? — огрызнулся мистер Рэфьел. — Ведь для этого мы сюда и приехали.

Мисс Марпл рассмеялась:

— Вы забываете, что погода — чисто английская тема для разговора. О боже, эта шерсть другого цвета. — Она положила вязанье на столик и поспешила к своему бунгало.

— Джексон! — рявкнул мистер Рэфьел.

Джексон тут же появился.

— Отведите меня в домик, — распорядился мистер Рэфьел. — Я хочу заняться массажем до того,

как вернется эта болтливая старуха. Впрочем, от этого массажа нет никакого толку, — добавил он, позволив своему массажисту помочь ему встать и отвести в бунгало.

Смотрящая им вслед Эстер Уолтерс повернула голову, когда подошедшая с клубком шерсти мисс Марпл села рядом с ней.

— Надеюсь, я вам не помешаю? — спросила мисс Марпл.

— Конечно нет, — ответила Эстер Уолтерс. — Я скоро должна идти печатать, но сперва мне хочется минут десять полюбоваться закатом.

Мисс Марпл начала болтать, в то же время внимательно изучая Эстер Уолтерс. Не бог весть какая красавица, но если постарается, то может выглядеть привлекательной. Мисс Марпл интересовало как раз то, почему она не старается. Вряд ли потому, что против этого возражал мистер Рэфьел. Он был так поглощен собственной персоной, что до тех пор, пока о нем не забывали, его секретарша могла походить хоть на райскую гурию без каких-либо возражений с его стороны. Кроме того, мистер Рэфьел обычно рано ложился спать, и вечером во время танцев Эстер Уолтерс вполне могла себе позволить выглядеть… мисс Марпл подбирала в уме нужное слово, одно-

временно весело рассказывая о своей поездке в Джеймстаун, — ах да, поярче!

Мисс Марпл заговорила о Джексоне. В этой области Эстер Уолтерс не выказала особой осведомленности.

— Он очень опытный массажист.

— Очевидно, он уже давно работает у мистера Рэфьела?

— О нет, по-моему, около девяти месяцев.

— Он женат? — рискнула спросить мисс Марпл.

— Женат? Не думаю, — несколько удивленно ответила Эстер. — Он никогда об этом не упоминал… Нет, конечно, он не женат. — Казалось, подобное предположение ее позабавило.

Мисс Марпл решила, что про себя она подумала: «Во всяком случае, он не ведет себя как женатый человек».

Однако мисс Марпл знала достаточное количество женатых людей, которые не вели себя так, как подобает их положению.

— Он красивый молодой человек, — промолвила она.

— Да, пожалуй, — без особого интереса согласилась Эстер.

Мисс Марпл задумчиво посмотрела на нее.

Очевидно, Эстер Уолтерс не интересуется мужчинами. Быть может, она принадлежала к тем женщинам, которых мужчина интересовал только раз в жизни, — тем более что она вдова?

— А вы давно работаете у мистера Рэфьела? — спросила она.

— Четыре или пять лет. После смерти мужа я была вынуждена снова пойти работать, так как оказалась в очень затруднительном положении, а у меня дочь учится в школе.

— С мистером Рэфьелом, должно быть, работать нелегко? — отважилась спросить мисс Марпл.

— В общем, нет, если узнать его поближе. Он страшный спорщик и часто приходит в ярость. Думаю, его настоящая беда в том, что он устал от людей. В течение двух лет он сменил пятерых слуг. Ему нужен был кто-то новый, на кого можно ворчать. Но мы с ним отлично уживаемся.

— Мистер Джексон, наверное, очень услужливый молодой человек?

— Он очень тактичен, — сказала Эстер. — Конечно, он иногда… — Она не окончила фразу.

— Попадает в неловкое положение? — подсказала мисс Марпл.

— Вот именно. Ведь его должность не совсем понятна — то ли слуга, то ли медбрат. Все же,

— она улыбнулась, — мне кажется, что он умеет хорошо провести время.

Мисс Марпл задумалась над полученными сведениями. Они не слишком ей помогли. Она продолжала болтать и вскоре услышала многое о квартете натуралистов — Дайсонах и Хиллингдонах.

— Хиллингдоны приезжают сюда последние три-четыре года, — сообщила Эстер, — а Грегори Дайсон бывал здесь гораздо раньше. Он очень хорошо знает Вест-Индию. По-моему, впервые он приезжал сюда с первой женой. У нее было слабое здоровье, и зимой ей приходилось уезжать за границу или, во всяком случае, туда, где потеплее.

— Она умерла или они разошлись?

— Она умерла. Кажется, где-то здесь. Не на этом самом острове, но где-то в Вест-Индии. У них как будто был какой-то скандал или что-то в этом роде. Он никогда не говорит о ней. Мне рассказывал о них кто-то другой. Очевидно, жили они неважно.

— И потом он женился на этой Лаки? — Мисс Марпл произнесла последнее слово с оттенком неодобрения, словно говоря: «Право, какое нелепое имя!»

— Кажется, она была родственницей его пер-

вой жены.

— А они давно знакомы с Хиллингдонами?

— Думаю, что только с тех пор, как Хиллингдоны стали сюда ездить. Три-четыре года, не больше.

— Хиллингдоны производят очень приятное впечатление, — заметила мисс Марпл. — Они такие спокойные.

— Да, они спокойные.

— Все говорят, что они очень любят друг друга, — сказала мисс Марпл. Это было произнесено вполне невинным тоном, тем не менее Эстер резко вскинула голову.

— Но вы же так не считаете? — спросила она.

— Вы ведь сами так не думаете, дорогая.

— Ну, как вам сказать…

— Спокойных, сдержанных мужчин вроде Эдуарда Хиллингдона, — продолжала мисс Марпл, — часто привлекают яркие женщины. — И она добавила после многозначительной паузы: — Лаки — какое странное имя. Вы думаете, мистер Дайсон догадывается о том, что… могло произойти?

«Старая сплетница, — подумала Эстер Уолтерс. — Ох уж эти старухи!»

— Понятия не имею, — холодно ответила она.

— Какая печальная история случилась с бед-

ным майором Пэлгрейвом, — переменила тему мисс Марпл.

Эстер Уолтерс машинально согласилась.

— Мне очень жаль Кендалов, — сказала она.

— Да, когда такое случается в отеле, это малоприятно.

— Люди ведь приезжают сюда получать удовольствие, — продолжала Эстер. — Забыть о болезнях, смертях, подоходных налогах, замерзших радиаторах и обо всем остальном. Они не хотят, — добавила она внезапно изменившимся голосом, — чтобы им напоминали о смерти.

Мисс Марпл отложила вязанье.

— Вы совершенно правы, дорогая, — согласилась она.

— Кендалы — еще совсем молодая пара, — сказала Эстер Уолтерс. — Они сменили здесь Сэндерсонов только полгода назад, и их очень беспокоило то, как пойдут дела, потому что у них мало опыта.

— И вы думаете, что эта история может им повредить?

— Откровенно говоря, нет, — ответила Эстер. — По-моему, в здешней атмосфере люди ни о чем не помнят больше двух дней. Смерть, конечно, потрясла их, но только на сутки — после похорон

о ней забыли. Разумеется, если им не напоминать. Я говорила об этом Молли, но она такая беспокойная.

— Миссис Кендал? Она всегда кажется такой беспечной.

— Думаю, что ее беспечность в значительной мере напускная, — медленно произнесла Эстер. — По-моему, она принадлежит к тому сорту людей, которые все время волнуются, что что-то может случиться.

— А мне ее муж казался более беспокойным.

— Вряд ли вы правы. Очевидно, он беспокоится из-за ее волнений, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Интересно, — заметила мисс Марпл.

— Я думаю, что Молли изо всех сил старается выглядеть веселой и радоваться жизни, но эти усилия изнуряют ее, и тогда у нее появляются странные приступы депрессии. Она… ну, неуравновешенная.

— Бедное дитя, — вздохнула мисс Марпл. — Таких людей очень много, но посторонние часто не подозревают об их состоянии.

— Нет, они ведь искусно его скрывают. Как бы то ни было, — добавила Эстер, — я не думаю, что Молли следует беспокоиться из-за этой истории.

В наши дни люди постоянно умирают от коронарного тромбоза, кровоизлияния в мозг и прочих подобных болезней, по-моему, гораздо чаще, чем раньше, когда умирали в основном от пищевого отравления и брюшного тифа.

— Майор Пэлгрейв никогда не говорил мне, что у него повышенное давление, — сказала мисс Марпл. — А вам?

— Он говорил об этом кому-то — не знаю, кому именно. Может быть, мистеру Рэфьелу, правда, мистер Рэфьел это отрицает, но ведь он всегда спорит. Кажется, Джексон как-то сказал мне об этом и добавил, что майору не следовало бы злоупотреблять алкоголем.

— Понятно, — задумчиво произнесла мисс Марпл. — Очевидно, вы считали майора скучным стариком? Он всегда рассказывал разные истории и к тому же часто повторял одно и то же.

— Это самое худшее, — вставила Эстер. — Приходилось по нескольку раз выслушивать ту же историю, если только не удавалось отключиться.

— Я не особенно возражала потому, — продолжала мисс Марпл, — что с первого раза никогда ничего не запоминаю.

Эстер весело рассмеялась.

— Особенно он любил одну историю об убий-

стве, — сказала мисс Марпл. — Вам он, наверное, тоже ее рассказывал?

Эстер Уолтерс открыла свою сумочку и, порывшись в ней, вытащила губную помаду.

— Я думала, что потеряла ее… Простите, вы что-то сказали?

— Я спросила, рассказывал ли вам майор Пэлгрейв свою любимую историю об убийстве?

— Как будто да. Кажется, о женщине, которая отравила своего мужа газом — усыпила его снотворным и сунула его голову в духовку. Вы об этом говорите?

— Не совсем, — ответила мисс Марпл, с сомнением глядя на Эстер Уолтерс.

— Он рассказывал такое множество историй, — оправдывалась Эстер, — что запомнить их было невозможно.

— У него был снимок, который он всем показывал.

— Кажется, да. Я точно не помню… А он показывал его вам?

— Нет, — ответила мисс Марпл, — не показывал. Нам помешали.

Глава 9
МИСС ПРЕСКОТТ И ДРУГИЕ

— История, которую я слышала… — начала мисс Прескотт, понизив голос и оглядевшись.

Мисс Марпл придвинула ближе свой стул. Прошло немало времени, прежде чем ей удалось встретиться наедине с мисс Прескотт, чтобы поговорить с глазу на глаз. Подобно всем священникам, каноник обожал пребывание в семейном кругу и постоянно сопровождал свою сестру, а в компании общительного каноника мисс Марпл и мисс Прескотт едва ли могли бы как следует посплетничать.

— Конечно, — продолжала мисс Прескотт, — я не хочу распространять скандальные слухи, и к тому же я практически ничего не знаю…

— О, разумеется, — согласилась мисс Марпл.

— Кажется, был какой-то скандал, когда его первая жена была еще жива! По-видимому, эта женщина, Лаки (ну и имя!), которая как будто приходилась кузиной его первой жене, приехала сюда, присоединилась к ним и, очевидно, стала вместе с ним заниматься цветами, бабочками и

прочим. Ну, так как они очень много времени проводили вместе, то люди начали болтать — вы понимаете, что я имею в виду.

— Люди всегда все замечают, — вставила мисс Марпл.

— А потом, когда его жена умерла так внезапно…

— Она умерла здесь, на этом острове?

— Нет. Они тогда находились на Мартинике или Тобаго, но я слышала от людей, которые были там в то время, что врач был не очень удовлетворен.

— В самом деле? — с интересом осведомилась мисс Марпл.

— Конечно, это всего лишь сплетни, но мистер Дайсон очень скоро женился снова. — И она прошептала: — По-моему, уже через месяц.

— Через месяц?! — переспросила мисс Марпл.

Обе женщины посмотрели друг на друга.

— Удивительная бесчувственность, — заметила мисс Прескотт.

— Действительно, — согласилась мисс Марпл и деликатно добавила: — А не было ли это связано с деньгами?

— Право, не знаю. Он часто шутит, что его жена принесла ему удачу — отсюда и пошло ее

прозвище.

— Да, я слышала это.

— А некоторые считают, что удача состояла в том, что он женился на богатой женщине. Конечно, — добавила мисс Прескотт с видом воплощенного беспристрастия, — она очень красивая, если вам нравятся женщины такого типа, но я думаю, что деньги были у его первой жены.

— А Хиллингдоны достаточно обеспечены?

— По-моему, да, хотя, конечно, не сказочно богаты. Двое их сыновей учатся в школе в Англии. Бóльшую часть зимы они проводят в путешествиях.

Появившийся в этот момент каноник предложил немного прогуляться. Мисс Прескотт встала и присоединилась к брату. Мисс Марпл осталась сидеть на месте.

Несколько минут спустя мимо нее прошел Грегори Дайсон, идущий в сторону отеля. Он весело помахал рукой мисс Марпл.

— О чем задумались? — спросил он.

Мисс Марпл мягко улыбнулась, представив себе его реакцию, если бы она ответила: «Я думаю о том, вы ли убийца».

Это казалось весьма возможным. В таком случае все превосходно соответствовало друг другу…

Эта история о смерти первой жены мистера Дайсона… Ведь майор Пэлгрейв рассказывал именно о преступнике, специализировавшемся на убийстве своих жен, даже напомнив об истории с «женами, утопленными в ванне».

Да, все соответствовало — только слишком уж хорошо. Но мисс Марпл сразу же обругала себя за эту мысль. Ведь нельзя же мерить все убийства по одной мерке.

Внезапно послышавшийся хрипловатый голос заставил ее вздрогнуть.

— Вы не видели Грега, мисс… э-э?..

«Лаки, — подумала мисс Марпл, — в не особенно хорошем настроении».

— Он только что прошел мимо в сторону отеля.

— Так я и думала! — с раздражением воскликнула Лаки и поспешила прочь.

«Ей не меньше сорока лет, и сегодня утром она так и выглядит», — подумала мисс Марпл.

Ее охватила жалость к многочисленным Лаки, к которым так безжалостно время. Услышав позади чей-то голос, она повернула свой стул.

Мистер Рэфьел, поддерживаемый Джексоном, вышел из своего бунгало.

Усадив своего хозяина в кресло на колесах,

Джексон продолжал суетиться вокруг него. Мистер Рэфьел раздраженно махнул рукой, и Джексон зашагал по направлению к отелю.

Мисс Марпл не намеревалась терять время — ведь мистер Рэфьел никогда не оставался один надолго. Скоро к нему должна была присоединиться Эстер Уолтерс. Мисс Марпл хотела побеседовать с мистером Рэфьелом и решила, что время пришло. Она должна действовать как можно быстрее — без длительных предисловий. Мистер Рэфьел не тот человек, которого может заинтересовать праздная болтовня со старой леди. Он еще чего доброго вернется к себе в бунгало, спасаясь от преследования. Мисс Марпл решила сразу же взять быка за рога.

Подойдя к тому месту, где сидел мистер Рэфьел, она подвинула к себе стул и села.

— Я хочу спросить вас кое о чем, мистер Рэфьел.

— Валяйте, спрашивайте. Очевидно, я должен пожертвовать на деятельность миссионеров в Африке или на ремонт церкви?

— Вообще-то я заинтересована в благотворительности, — сказала мисс Марпл, — и была бы рада, если бы вы сделали взнос. Но сейчас я хотела спросить вас, не рассказывал ли вам когда-ни-

будь майор Пэлгрейв историю об убийстве?

— Эге! — протянул мистер Рэфьел. — Значит, он и вам ее рассказывал? И вы попались на удочку?

— Право, я не знала, что и думать, — сказала мисс Марпл. — А что именно он рассказывал вам?

— Болтал что-то о какой-то молодой золотоволосой красавице, которая оказалась настоящей Лукрецией Борджа.

— О! — воскликнула слегка сбитая с толку мисс Марпл. — И кого же она убила?

— Своего мужа, разумеется, — ответил мистер Рэфьел. — А вы думали кого?

— Она его отравила?

— Нет, кажется, дала ему снотворного и затем сунула его голову в духовку. Находчивая особа! Потом она сказала, что это было самоубийство, и вышла сухой из воды. Это всегда удается красивым женщинам и избалованным молодым хулиганам, которых слишком любят их мамаши. Тьфу!

— Майор показывал вам фотокарточку?

— Фотокарточку этой женщины? Нет. А зачем?

Мисс Марпл была ошеломлена. Очевидно, майор Пэлгрейв рассказывал не только об убитых им тиграх и слонах, но и об убийцах, с которыми

он встречался. Возможно, в его репертуаре было множество подобных историй — с этим следует считаться. Внезапно она вздрогнула, так как мистер Рэфьел неожиданно издал громогласный вопль:

— Джексон!!!

Ответа не последовало.

— Может быть, мне поискать его? — предложила мисс Марпл, вставая.

— Вы его не найдете. Бегает за какой-нибудь бабой. У этого парня паршивый характер, но свое дело он знает.

— Я все-таки разыщу его, — повторила мисс Марпл.

Она нашла Джексона в дальнем конце террасы отеля занятым выпивкой с Тимом Кендалом.

— Мистер Рэфьел разыскивает вас, — сообщила мисс Марпл.

Джексон скорчил выразительную гримасу, осушил свой стакан и поднялся.

— Опять! — вздохнул он. — Я думал, что два телефонных разговора и составление диеты дадут мне алиби на четверть часа. Оказывается, нет. Благодарю вас, мисс Марпл. Спасибо за выпивку, мистер Кендал.

И он удалился.

— Мне жаль этого парня, — сказал Тим. — Поэтому я и составляю ему компанию, чтобы развеселить его. Хотите чего-нибудь, мисс Марпл? Как насчет лимонада? Я знаю, что вы его любите.

— Спасибо, сейчас не хочу. Думаю, что прислуживать мистеру Рэфьелу нелегко. С инвалидами часто приходится трудновато…

— Я имел в виду не только это. Ради хорошего заработка можно примириться с капризами, а Рэфьел в общем-то неплохой старик. Дело не в этом… — Он колебался.

Мисс Марпл вопросительно посмотрела на него.

— Не знаю, как вам объяснить… Это делает неясным положение Джексона в обществе. Люди ведь такие заядлые снобы — а здесь нет ни одного представителя его класса. Он выше, чем слуга, но ниже, чем обычный постоялец, — но крайней мере, все так считают. Выходит, что он — нечто вроде викторианской гувернантки. Даже секретарша, миссис Уолтерс, считает себя выше его. Конечно, ему бывает трудновато. — Сделав паузу, Тим с чувством добавил: — Социальные проблемы в таком месте, как это, просто невыносимы!

Мимо них прошел доктор Грейем, держа в руке книгу. Он сел за стол и уставился на море.

— Доктор Грейем выглядит расстроенным, — заметила мисс Марпл.

— Еще бы! Мы все расстроены.

— И вы тоже? Из-за смерти майора Пэлгрейва?

— Нет, об этом я уже бросил беспокоиться. Люди уже как будто все позабыли. Меня тревожит Молли. Вы знаете что-нибудь о снах?

— О снах? — удивленно переспросила мисс Марпл.

— Да, о дурных снах — ночных кошмарах. О, иногда это случается со всеми нами. Но Молли — с ней это теперь происходит почти постоянно. Сны пугают ее. Нельзя ли принять против этого какие-нибудь меры? Молли пьет какие-то снотворные таблетки, но говорит, что от них ей только хуже — она старается проснуться и не может.

— А что это за сны?

— Ну, кто-то или что-то либо гонится, либо следит за ней — она не может избавиться от этого ощущения, даже когда проснется.

— Может быть, врач…

— У Молли предубеждение против врачей. Она не хочет и слышать о них. Конечно, я надеюсь, что это пройдет. Но мы были так счастливы, а теперь, особенно в последнее время… Возможно, ее огорчила смерть старика Пэлгрейва. С тех пор

ее словно подменили…

Тим встал:

— Ну, надо заняться делом. Так вы все-таки отказываетесь от лимонада?

Мисс Марпл покачала головой.

Задумавшись, она сидела за столиком. Ее лицо было серьезным и обеспокоенным.

Поглядев на доктора Грейема, мисс Марпл приняла решение. Она встала и подошла к его столу.

— Я должна извиниться перед вами, доктор Грейем.

— Что? — Доктор с удивлением поглядел на нее. Он придвинул к ней стул, и мисс Марпл села.

— Боюсь, что я совершила некрасивый поступок, — сказала мисс Марпл. — Я солгала вам, доктор Грейем. — И она с тревогой посмотрела на него.

— В самом деле? — осведомился он. — Ну, из-за этого не стоит особенно беспокоиться.

Очевидно, эта славная старушка солгала относительно своего возраста. Хотя он не помнил, чтобы эта тема затрагивалась.

— Ну, так в чем же дело? — спросил он, видя, что мисс Марпл хочет покаяться.

— Вы помните, как я рассказывала вам о фотографии моего племянника, которую я показывала

майору Пэлгрейву и которую он мне не вернул?

— Да-да, конечно, помню. Жаль, что мы не могли ее разыскать.

— Ее никогда не существовало, — созналась мисс Марпл.

— Прошу прощения?

— Я все это выдумала.

— Выдумали? — Доктор Грейем с беспокойством посмотрел на нее. — Зачем?

Мисс Марпл ясно, отчетливо и без лишних слов объяснила ему все. Она сообщила ему о рассказе майора Пэлгрейва, о том, как он собирался показать ей этот фотоснимок, и о его внезапном смущении. Потом она поведала ему о своих тревогах и об окончательном решении самой взглянуть на карточку.

— Таким образом, я была вынуждена солгать вам, — закончила мисс Марпл. — У меня просто не было другого выхода. Надеюсь, вы меня простите.

— Вы думали, что он собирался показать вам фотографию убийцы?

— Так он сказал. По крайней мере, он говорил, что снимок дал ему знакомый, который и рассказал историю об этом убийце.

— И вы… простите… поверили ему?

— Тогда я не знала, верить ему или нет, — сказала мисс Марпл. — Но видите ли, на следующий день он умер.

Неумолимая логика последней фразы начала убеждать доктора Грейема.

— А снимок исчез.

Доктор Грейем посмотрел на нее, не находя слов.

— Извините меня, мисс Марпл, — заговорил он наконец, — но на этот раз вы рассказали мне правду?

— Я не удивляюсь, что вы сомневаетесь в моих словах, — ответила мисс Марпл. — На вашем месте я думала бы так же. Да, я рассказала вам чистую правду, хотя хорошо понимаю, что у меня нет никаких доказательств. Я знала, что вы можете мне не поверить, и все же сочла своим долгом сообщить вам об этом.

— Почему?

— Потому что вы должны располагать наиболее полной информацией, если…

— Если — что?

— Если вы решите принять какие-нибудь меры.

Глава 10
РЕШЕНИЕ В ДЖЕЙМСТАУНЕ

В кабинете джеймстаунской администрации доктор Грейем сидел за столом напротив своего друга Дейвентри, молодого человека лет тридцати пяти.

— Ваш звонок меня очень заинтриговал, Грейем, — сказал Дейвентри. — Какой-нибудь особый случай?

— Не знаю, — ответил доктор Грейем, — но я обеспокоен.

В этот момент принесли напитки, и Дейвентри, удовлетворенно кивнув, начал беспечно болтать о рыбной ловле. Когда слуга удалился, он откинулся на спинку кресла и посмотрел на своего собеседника.

— Ну, давайте послушаем вашу историю.

Доктор Грейем поведал о беспокоивших его фактах. Дейвентри присвистнул.

— Понятно! Значит, вы считаете, что в смерти старого Пэлгрейва есть что-то странное? Теперь вы уже не вполне уверены, что это была естественная смерть? Кто выдал свидетельство?

Наверно, Робертсон. У него хоть нет никаких сомнений?

— Нет, но мне кажется, что на него могли повлиять таблетки серенита, найденные в ванной. Он спрашивал меня, упоминал ли когда-нибудь Пэлгрейв, что у него гипертония. Я ответил, что никогда не беседовал с ним на медицинские темы, но, очевидно, он говорил об этом другим обитателям отеля. Флакон с таблетками и эти разговоры соответствовали официальному мнению, поэтому никто ни в чем не усомнился. Но теперь мне кажется, что это решение не было правильным. Конечно, я бы тоже выдал свидетельство без всякой задней мысли. Обстоятельства были совершенно очевидными, и я никогда бы не изменил своего мнения, если бы не странное исчезновение этого снимка…

— Послушайте, Грейем, — сказал Дейвентри. — Не слишком ли много значения вы придаете фантастической истории, которую вам рассказала эта старая леди? Вы же прекрасно знаете, что старухи всегда рады сделать из мухи слона.

— Знаю, — печальным тоном согласился доктор Грейем. — Я уже много раз говорил себе это. Возможно, так оно и есть, но все-таки я не вполне уверен. Она так логично обосновала свои подо-

зрения…

— Мне все это представляется совершенно невероятным. Какая-то старая леди рассказывает вам историю о фотоснимке, которого там не должно было быть… То есть наоборот — я уже сам запутался… Короче говоря, единственный реальный факт, от которого вы можете отталкиваться, — это рассказ горничной о том, что флакона с таблетками, благодаря которому власти выдали свидетельство, не было в комнате майора за день до его смерти. Но ведь этому можно найти сотню объяснений. Он мог таскать пилюли с собой в кармане.

— Конечно, это вполне возможно.

— Или горничная могла ошибиться и не заметить их раньше.

— И это тоже возможно.

— Ну, тогда…

— Но девушка казалась уверенной в своих словах, — заметил Грейем.

— Ну, вы же знаете, что жители Сент-Оноре слишком эмоциональны и возбуждаются чуть что. Или вы думаете, что она… знает немного больше, чем говорит?

— По-моему, это не исключено, — согласился доктор Грейем.

— Тогда постарайтесь вытянуть из нее все. Не можем же мы устраивать много шуму из ничего. Если он умер не от повышенного давления, так от чего же, по-вашему?

— Сейчас существует много средств… — уклончиво ответил доктор Грейем.

— Вы имеете в виду средства, не оставляющие видимых следов?

— Нужно быть слишком предупредительным по отношению к властям, чтобы использовать мышьяк, — сухо произнес доктор Грейем.

— Так значит, вы подозреваете, что содержимое флакончика заменили, отравив таким образом майора Пэлгрейва?

— Вовсе нет. Так думает эта девушка — Виктория. Но она не права. Если бы кому-нибудь понадобилось быстро избавиться от майора, то ему подсыпали бы яд в какой-нибудь напиток, а затем, чтобы создать видимость естественной смерти, поставили бы к нему в комнату флакон с таблетками от гипертонии, предварительно распустив слух, что у Пэлгрейва повышенное давление.

— И кто же распустил этот слух?

— Я старался узнать — безуспешно. Слишком уж тонко это было проделано. А говорит: «По-

моему, мне сказал об этом Б». Б отвечает: «Нет, я этого не говорил, но я помню, что на днях об этом упоминал В». В свою очередь В сообщает: «Об этом говорили многие — один из них, кажется, был А». Таким образом, движешься по замкнутому кругу.

— Да, задумано умно.

— В том-то и дело. К тому времени, когда узнали о смерти майора, уже все постоянно твердили о его высоком давлении.

— А не легче было бы просто отравить его — без всяких дополнительных предосторожностей?

— Нет. Это могло повлечь за собой расследование, а может быть, и вскрытие. А так доктор просто констатировал смерть и выдал свидетельство.

— Что же вы хотите от меня? Чтобы я добился эксгумации? Но ведь это вызовет страшную кутерьму.

— Можно все сделать втайне.

— Втайне? На Сент-Оноре? Ну, знаете, это просто неосуществимо! Но как бы то ни было, — вздохнул Дейвентри, — полагаю, что нам придется что-нибудь предпринять. Хотя, если вы хотите знать мое мнение, — вся эта история не стоит выеденного яйца!

— Я искренне на это надеюсь, — сказал доктор Грейем.

Глава 11
ВЕЧЕР В «ЗОЛОТОЙ ПАЛЬМЕ»

1

В столовой Молли делала последние приготовления — убрала лишний нож, поправила вилку, переставила два бокала, отошла назад, чтобы взглянуть, все ли теперь в порядке, и затем вышла на террасу. Сейчас там никого не было. Пройдя в дальний угол, Молли остановилась, облокотившись на балюстраду. Скоро наступит вечер с обычной веселой болтовней и выпивкой. Еще недавно эта жизнь доставляла ей так много радости. А теперь даже Тим кажется огорченным и обеспокоенным. Хотя естественно, что он немного волнуется. Очень важно, чтобы их предприятие увенчалось успехом. В конце концов, ведь он вложил в него все, что имел.

«Но на самом деле, — думала Молли, — его беспокоят не дела в гостинице, а я. Хотя не понимаю, почему он из-за меня волнуется».

В том, что Тим волнуется из-за нее, Молли не сомневалась. Это было видно по его вопросам, по быстрым беспокойным взглядам, которые он

время от времени бросал на нее. В чем же причина? Молли не могла этого понять. Она не могла вспомнить, когда с ней это началось. Неизвестно почему она стала бояться людей. А что плохого они могли ей сделать?

Молли грустно покачала головой и внезапно вздрогнула, почувствовав чье-то прикосновение. Повернувшись, она увидела Грегори Дайсона, стоявшего с несколько виноватым видом.

— Простите. Я напугал вас, малютка.

Молли ненавидела, когда ее называли «малютка».

— Я не слышала, как вы подошли, мистер Дайсон, — быстро ответила она, — и поэтому вздрогнула.

— «Мистер Дайсон»? Откуда такие церемонии? Разве все мы не составляем здесь одну большую семью? Эд, я, Лаки, Эвелин, вы с Тимом и даже Эстер Уолтерс и старый Рэфьел.

«Он уже успел хватить лишнего», — подумала Молли.

— О, иногда мне приходится становиться просто скучной хозяйкой гостиницы, — улыбнулась она. — Мы с Тимом считаем, что излишняя фамильярность только вредит.

— По-моему, от излишней чопорности вреда

гораздо больше. Поэтому, дорогая Молли, я предлагаю вам выпить со мной.

— Немного позже, — сказала Молли. — Мне еще надо кое-что сделать.

— Только не уходите. — Рука Грегори вцепилась в ее руку. — Вы очаровательная девушка, Молли. Надеюсь, Тим понимает, какая ему выпала удача.

— О, об этом я забочусь, — весело ответила Молли.

— Знаете, я бы мог пойти за вами на край света, хотя мне не хотелось бы, чтобы это слышала моя жена.

— Сегодня вы совершили дальнюю прогулку?

— Да. Между нами говоря, мне это порядком надоело. Птицы и бабочки тоже могут осточертеть. Как вы смотрите на предложение организовать вдвоем небольшой пикник?

— Об этом надо подумать, — сказала Молли и, весело смеясь, вернулась в бар.

— Хэлло, Молли, — приветствовал ее Тим. — Куда это ты так спешишь? И с кем ты там говорила?

— С Грегори Дайсоном.

— Что ему нужно?

— Хочет попристовать ко мне.

— Черт бы его побрал! — выругался Тим.

— Не беспокойся, — сказала Молли. — В конце концов, в моем положении это неизбежно.

Тим начал отвечать ей, но, увидев метрдотеля Фернандо, устремился к нему, отдавая на ходу какие-то распоряжения. Выскользнув через кухню из дома, Молли зашагала по дорожке к пляжу.

Грегори Дайсон пробормотал какое-то ругательство. Затем он медленно направился в сторону своего бунгало. Он уже подходил к домику, когда его внезапно кто-то окликнул. Вздрогнув, Грегори оглянулся. В надвигающихся сумерках ему показалось, что в тени кустов стоит привидение. Но он рассмеялся, поняв, что это впечатление вызвано белым платьем и черным лицом девушки.

Виктория шагнула из-за кустов на дорожку:

— Мистер Дайсон…

— Да? В чем дело?

Стыдясь своего испуга, он говорил с оттенком раздражения.

— Я принесла вам это, сэр. — Девушка протянула руку, в которой она держала флакончик с таблетками. — Это принадлежит вам, не так ли?

— О, мои таблетки серенита. Да, конечно. Где вы их нашли?

— Я нашла там, куда их поставили. В комнате

джентльмена.

— Что вы хотите сказать — какого джентльмена?

— Джентльмена, который умер, — серьезно ответила Виктория. — Не думаю, что ему хорошо спится в могиле.

— А почему бы и нет? — осведомился Дайсон.

Виктория стояла, молча глядя на него.

— Я все еще не знаю, о чем вы говорите. Вы имеете в виду, что нашли эти таблетки в бунгало майора Пэлгрейва?

— Совершенно верно, сэр. Когда доктор и люди из Джеймстауна собирались уезжать, они отдали мне все вещи из его ванной, чтобы я их выбросила. Зубную пасту, крем для бритья и все остальное, включая это.

— Ну так почему же вы это не выбросили?

— Потому что это ваши таблетки. Помните, вы спрашивали о них?

— Я… да, помню. Мне казалось, что я их потерял.

— Нет, вы их не теряли. Их взяли из вашей комнаты и положили в бунгало майора Пэлгрейва.

— Откуда вы знаете? — резко спросил он.

— Знаю. Я видела. — Она улыбнулась, сверкнув ослепительно белыми зубами. — Кто-то положил

таблетки в комнату мертвого джентльмена, а теперь я возвращаю их вам.

— Постойте! Что это значит? Что… кого вы видели?

Но девушка уже скрылась за кустами. Грег сделал движение, как будто собираясь погнаться за ней, но потом остановился, поглаживая подбородок.

— В чем дело, Грег? Увидел привидение? — спросила миссис Дайсон, выйдя из бунгало на дорожку.

— Минуты две назад я именно так и подумал.

— Кого же ты увидел?

— Цветную девушку, которая здесь работает. Кажется, ее зовут Виктория.

— Ну и что же она хотела? Соблазнить тебя?

— Не болтай глупостей, Лаки. Эта девчонка вбила себе в голову идиотскую идею.

— А именно?

— Ты помнишь, что я на днях не мог найти мой серенит?

— Да, ты говорил, что не можешь его найти.

— Что значит «говорил»?

— О, ради бога, неужели ты собираешься придираться к каждому моему слову?

— Прости, — буркнул Грег. — Все выглядит так

чертовски таинственно. — Он показал жене флакончик. — Девушка вернула его мне.

— Она стащила его?

— Нет. Она… по-моему, она где-то его нашла.

— Ну и что из этого? Что тут таинственного?

— О, ничего, — ответил Грег. — Она просто разозлила меня — вот и все.

— Нашел причину для волнений! Лучше выпей что-нибудь перед обедом.

2

Молли спустилась на пляж, придвинула старое шаткое плетеное кресло и села в него. Некоторое время она глядела на море, потом внезапно уронила голову на руки и заплакала. Услышав рядом с собой шорох, она резко подняла голову и увидела миссис Хиллингдон, смотревшую на нее.

— Хэлло, Эвелин. Простите, я… я не слышала, как вы подошли.

— Что случилось, девочка? — спросила Эвелин. — Что-нибудь не так? — Она придвинула к себе другое кресло и села рядом с Молли. — Расскажите мне.

— Что вы, вовсе ничего не случилось, — попыталась улыбнуться Молли.

— Тогда почему же вы сидите здесь и плачете?

Вы что, поссорились с Тимом?

— Конечно нет.

— Рада это слышать. Вы всегда казались такой счастливой парой.

— И вы тоже, — сказала Молли. — Мы с Тимом всегда думаем: как чудесно, что вы с Эдуардом так счастливы вместе, хотя и женаты уже много лет.

— О, вот как, — протянула Эвелин. В ее голосе послышалась нотка горечи, но Молли едва ли заметила это.

— Большинство людей, — сказала она, — даже если они очень любят друг друга, обычно постоянно ссорятся, не обращая никакого внимания на посторонних.

— Многим просто нравится скандалить, — заметила Эвелин. — Для них скандалы — в порядке вещей.

— А по-моему, это ужасно, — заявила Молли.

— По-моему, тоже, — согласилась Эвелин.

— Вот почему, когда смотришь на вас и Эдуарда…

— О, не надо, Молли. Я не могу позволить вам так заблуждаться. Эдуард и я… — Она сделала паузу. — Если хотите знать, за последние три года мы вряд ли сказали друг другу хотя бы одно слово наедине.

— Что?! — Молли испуганно уставилась на нее. — Я… я не могу в это поверить.

— Мы оба хорошо играем свои роли, — продолжала Эвелин. — Мы не похожи на тех людей, о которых вы говорили, что они всегда ссорятся при посторонних. Да и вообще мы никогда не ссорились.

— Тогда в чем же дело? — спросила Молли.

— Обычная история.

— Что вы хотите этим сказать? Другая…

— Да, другая женщина, и думаю, что для вас не составит труда догадаться, кто она.

— Вы имеете в виду миссис Дайсон — Лаки?

Эвелин кивнула.

— Я знаю, что они постоянно флиртуют, — сказала Молли, — но я думала, что это просто…

— Просто от хорошего настроения, не так ли? — подсказала Эвелин.

— Но почему… — начала Молли и осеклась. — Наверно, я не должна об этом спрашивать.

— Спрашивайте что хотите. Я устала от постоянного молчания, устала изображать благовоспитанную счастливую супругу. Эдуард просто потерял голову из-за Лаки. Он оказался настолько глуп, что сообщил мне об этом. Очевидно, сознание собственной честности принесло ему

некоторое облегчение. Разумеется, ему не пришло в голову, что мне эта новость особого облегчения не принесет.

— Он хотел оставить вас?

Эвелин покачала головой.

— У нас двое детей, — ответила она, — и мы оба их очень любим. Они учатся в школе в Англии. Мы не хотели разрушать семью. К тому же Лаки вовсе не жаждет развода. Грег ведь очень богатый человек. Его первая жена оставила ему кучу денег. Поэтому мы решили не расходиться, невзирая на отношения Эдуарда и Лаки. Грег пребывает в блаженном неведении, а мы с Эдуардом — просто добрые друзья. — Последние слова она произнесла со жгучей горечью.

— Как… как же вы можете выносить это?

— Ко всему можно привыкнуть. Но иногда…

— Да?

— Иногда у меня появляется желание убить эту женщину.

Страстность, звучавшая в ее голосе, испугала Молли.

— Давайте больше не будем говорить обо мне, — сказала Эвелин. — Поговорим теперь о вас. Я хотела бы знать, что случилось.

Несколько секунд Молли молчала.

— Просто, — наконец заговорила она, — мне кажется, что со мной что-то не так.

— Не так? Что вы под этим подразумеваете?

Молли печально покачала головой.

— Я боюсь, — сказала она. — Ужасно боюсь.

— Чего вы боитесь?

— Всего, — ответила Молли. — Это… ну, как бы находит на меня. Голоса в кустах, шаги, чужие разговоры. Как будто кто-то все время следит, шпионит за мной… Кто-то ненавидит меня, я чувствую это.

— Боже мой! — Эвелин казалась испуганной и потрясенной. — И давно это началось?

— Не знаю. Это началось постепенно. К тому же меня тревожат и другие вещи.

— Какие?

— Иногда, — медленно произнесла Молли, — я не могу ничего объяснить, ничего вспомнить.

— Вы хотите сказать, что у вас провалы памяти?

— Очевидно… Вот, например, сейчас пять часов, а я почти ничего не помню, что происходило примерно с половины второго.

— О, дорогая, но это просто потому, что вы вздремнули.

— Нет, — возразила Молли, — я чувствую себя

не так, как будто только что проснулась. Иногда я внезапно оказываюсь в другом месте, иногда замечаю, что на мне надето другое платье, иногда я говорю с кем-то или делаю что-то, но не могу вспомнить, с кем говорила и что делала…

— Но, Молли, в таком случае вам следует показаться врачу.

— Не хочу! Не желаю даже близко подходить к врачам.

Эвелин посмотрела на девушку и взяла ее за руку.

— Возможно, вы делаете из мухи слона, Молли. Вы же знаете, что существует множество нервных расстройств, которые легко излечиваются. Врач скажет вам то же самое.

— Нет, он может сказать, что у меня что-то серьезное.

— А почему у вас должно быть что-то серьезное?

— Потому что… — начала Молли, но быстро оборвала фразу. — Сама не знаю почему, — закончила она.

— Не мог бы кто-нибудь из вашей семьи — мать или сестры — приехать сюда?

— С матерью я всегда не ладила. У меня есть сестры. Они замужем, но я полагаю, они смогли

бы приехать, если бы я захотела. Но я не хочу. Мне не нужен никто, кроме Тима.

— А Тим знает об этом? Вы говорили ему?

— Только намекала, — сказала Молли. — Но он беспокоится обо мне и следит, как я себя веду. Такое впечатление, что он старается оберегать меня. Неужели меня действительно нужно оберегать?

— По-моему, это в большой степени ваше воображение, но мне все-таки кажется, что вы должны показаться врачу.

— Старому доктору Грейему? От него не будет никакого толку.

— На острове есть и другие врачи.

— Нет, — сказала Молли. — Я просто… просто не должна обращать на это внимания. По-видимому, как вы говорите, во всем виновато мое воображение. Боже мой, как поздно! Мне уже нужно быть в столовой. Я… я должна вернуться.

Бросив резкий, почти вызывающий взгляд на Эвелин Хиллингдон, она поспешила к отелю. Эвелин посмотрела ей вслед.

Глава 12
СТАРЫЕ ГРЕХИ ОТБРАСЫВАЮТ ДЛИННЫЕ ТЕНИ

1

— Кажется, мне повезло.

— Ты о чем, Виктория?

— Думаю, что у меня появилась возможность раздобыть денег. Много денег.

— Будь осторожна, девочка. Не попади в какую-нибудь неприятную историю. Может быть, лучше я этим займусь?

Виктория усмехнулась.

— Погоди немного, тогда увидишь сам, — сказала она. — Я знаю, как вести игру. Дело пахнет большими деньгами. Кое-что я видела, а кое о чем догадываюсь и думаю, что догадываюсь правильно.

И ее негромкий музыкальный смех снова послышался в ночной тишине.

2

— Эвелин…

— Да?

Эвелин Хиллингдон откликнулась словно машинально, без всякого интереса. На мужа она не смотрела.

— Эвелин, ты бы не возражала, если бы мы все бросили и вернулись домой, в Англию?

Эвелин расчесывала свои короткие темные волосы, но, услышав последние слова мужа, быстро опустила руки и обернулась к нему:

— Ты имеешь в виду… Но ведь мы только приехали. Не прошло и трех недель.

— Я знаю. Но… ты бы не возражала?

Она недоверчиво посмотрела на него:

— Ты действительно хочешь вернуться в Англию?

— Да.

— И оставить… Лаки?

Он поморщился:

— Полагаю, ты знала все время, что… ну, что это все еще продолжается?

— Отлично знала.

— Но ты никогда ничего не говорила.

— А что я должна была говорить? Мы ведь все обсудили уже несколько лет назад. Никто из нас не хотел разрушать семью. Поэтому мы решили на публике держаться как супруги. — Прежде чем он успел что-нибудь сказать, она добавила:

— Но почему теперь ты так хочешь вернуться в Англию?

— Потому что я дошел до ручки. Я не могу больше этого выносить, не могу! — Обычно спокойный, Эдуард Хиллингдон совершенно преобразился. Он судорожно глотал слюну, его руки тряслись, всегда бесстрастное лицо казалось искаженным болью.

— Ради бога, Эдуард, что случилось?

— Ничего, кроме того, что я хочу уехать отсюда.

— Ты был безумно влюблен в Лаки, но теперь это прошло. Ты это хочешь сказать мне?

— Да, хотя я знаю, что тебе эти чувства недоступны.

— О, давай не будем впадать в мелодраму, Эдуард! Я просто хочу понять, что тебя так сильно волнует.

— Ничего.

— Неправда. Так что же?

— Разве это не очевидно?

— Нет, не очевидно, — ответила Эвелин. — Попробуем ясно описать ситуацию. У тебя была связь с женщиной. Такое случается достаточно часто. А теперь роман кончился. Или не кончился? Может быть, не кончился с ее стороны? Это

так? Меня часто интересовало, известно ли Грегу об этом.

— Не знаю. Он никогда ничего не говорил и всегда держался по-дружески.

— Мужчины бывают на редкость тупы, — задумчиво промолвила Эвелин. — Или, может быть, Грег сам имеет кого-то на стороне.

— Он ведь цеплялся и к тебе, не так ли? — осведомился Эдуард. — Ответь мне. Я знаю, что…

— О да, — беспечно ответила Эвелин, — но он цепляется ко всем. Таков уж Грег. Думаю, этому не стоит придавать особого значения. Просто ему необходимо как-то доказывать, что он настоящий мужчина.

— Тебе он нравится, Эвелин? Я хочу знать правду.

— Грег? Я к нему очень привязана, он меня забавляет. К тому же он хороший товарищ.

— И это все? Как бы я хотел тебе поверить!

— Я, право, не понимаю, какое это для тебя может иметь значение, — сухо произнесла Эвелин.

— Очевидно, я это заслужил.

Эвелин подошла к окну, бросила взгляд на веранду и снова вернулась.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне, что тебя огорчает на самом деле, Эдуард.

— Я уже рассказал тебе.

— Разве?

— Ты, наверное, не в состоянии понять, каким диким может показаться собственное поведение, когда временное безумие проходит.

— Я могу постараться и понять. Но сейчас меня беспокоит то, как отреагирует на это Лаки. Она не просто отвергнутая любовница. Она тигрица, у которой есть когти. Ты должен сказать мне правду, Эдуард, если хочешь, чтобы я тебе помогла.

— Если я не уеду от нее в ближайшее время, — тихо сказал Эдуард, — то убью ее.

— Убьешь Лаки? Почему?

— Потому что она заставила меня…

— Что заставила?

— Я помог ей совершить убийство.

Слова были сказаны. Последовала пауза. Эвелин уставилась на мужа:

— Ты понимаешь, что ты говоришь?

— Да. Я сам не знал, что делаю. Она попросила меня купить ей кое-что в аптеке. Я и понятия не имел, зачем ей это нужно. Лаки велела мне переписать рецепт, который она мне дала.

— Когда это было?

— Четыре года назад. Когда мы были на Мартинике. Когда… когда жена Грега…

— Ты имеешь в виду Гейл — первую жену Грега? Значит, Лаки отравила ее?

— Да, и я помог ей. Потом я понял…

Эвелин прервала его:

— Когда ты понял, что произошло, Лаки напомнила тебе, что ты переписал рецепт, что ты покупал лекарство и что, следовательно, вы оба в этом замешаны. Это так?

— Да. Лаки сказала, что сделала это из жалости — что Гейл была тяжело больна и умоляла ее достать какое-нибудь средство, которое положило бы конец ее страданиям.

— Убийство из милосердия! Понятно. И ты поверил в это?

Несколько секунд Эдуард Хиллингдон хранил молчание.

— Не особенно поверил, — наконец заговорил он. — Я примирился с этим объяснением, потому что мне хотелось в него поверить, потому что я был без ума от Лаки.

— А после — когда она вышла замуж за Грега — ты все еще в это верил?

— К тому времени я приучил себя к этой мысли.

— А Грег — ему многое об этом известно?

— Абсолютно ничего.

— Вот в это мне что-то не верится.

Эдуард Хиллингдон окончательно потерял самообладание:

— Эвелин, я должен спастись от этого кошмара! Эта женщина до сих пор напоминает мне о том, что я сделал. Она знает, что я больше не люблю ее — и не только не люблю, а начинаю ненавидеть! Но она дает мне понять, что прошлое связало нас намертво!

Эвелин, шагавшая взад-вперед по комнате, остановилась и посмотрела мужу прямо в глаза.

— Вся беда в том, Эдуард, что ты невероятно чувствителен и легко поддаешься внушению. Эта ведьма делает с тобой все, что хочет, играя на твоем чувстве вины. И я должна тебе сказать, что вина, которая тяготит тебя, — это адюльтер, а не убийство. Ты чувствовал себя виноватым из-за того, что связался с Лаки, и тогда она сделала из тебя орудие задуманного ею преступления и притом смогла внушить тебе мысль, что ты разделяешь ее вину. Но на самом деле это не так.

— Эвелин… — Он шагнул к ней.

Она слегка отступила и изучающе взглянула на него:

— Это правда, Эдуард? Или ты выдумал?

— Эвелин! Зачем бы я стал выдумывать!

— Не знаю, — вздохнула Эвелин Хиллингдон. — Очевидно, я просто стала недоверчивой.

— Давай бросим все и вернемся домой, в Англию!

— Да, вернемся. Но не сейчас.

— Почему?

— Потому что мы должны вести себя как обычно. Ты понимаешь меня, Эдуард? Лаки не должна догадываться о том, что мы замышляем.

Глава 13
СМЕРТЬ ВИКТОРИИ ДЖОНСОН

Вечер близился к концу. Стил-бэнд наконец умолк. Тим стоял в столовой, глядя на террасу. Он только что потушил несколько ламп на пустых столиках. Внезапно сзади послышался голос:

— Тим, вы можете уделить мне несколько минут?

Тим Кендал вздрогнул:

— Хэлло, Эвелин, чем я могу быть вам полезен?

Эвелин огляделась:

— Давайте присядем за этот столик.

Она направилась к столику в дальнем конце террасы. Поблизости никого не было.

— Тим, вы должны извинить меня за вмешательство, но меня беспокоит Молли.

Лицо Тима сразу же изменилось.

— Что с ней такое? — спросил он.

— С ней что-то неладное. Она кажется очень расстроенной.

— Да, в последнее время она из-за всего волнуется.

— По-моему, ей следует показаться врачу.

— Конечно, но она не желает. Она терпеть не может этой процедуры.

— Почему?

— Что «почему»?

— Почему она терпеть не может показываться врачам?

— Ну, — уклончиво ответил Тим, — этого многие не любят. Люди часто боятся врачей.

— Но ведь вы сами беспокоитесь за нее, не так ли, Тим?

— Да, вы правы.

— Никто из ее семьи не мог бы приехать сюда к ней?

— Нет. Это только бы ухудшило положение.

— Почему?

— Видите ли, Молли никогда с ними не ладила, особенно с матерью. Они… ну, они во многих отношениях очень странные люди. И по-моему, Молли хорошо сделала, что порвала с ними.

— Молли говорила мне, — неуверенно начала Эвелин, — что у нее как будто бывают провалы памяти и что она боится людей. Это почти мания преследования.

— Не говорите так, — сердито оборвал ее Тим. — Мания преследования, вот еще! Она просто… ну, слегка нервная. К тому же многие люди, приез-

жающие в Вест-Индию, чувствуют себя неуютно среди цветных.

— Только не такие девушки, как Молли!

— О, у каждого свои странности. Одни люди не могут находиться в одной комнате с кошкой, другие падают в обморок, если на них упадет гусеница.

— Простите, но вам не кажется, что ей следует обратиться к психиатру?

— Нет! — возразил Тим. — Я не хочу, чтобы они мучили ее! Я им не верю! От них людям становится только хуже! Если бы ее мать оставила психиатров в покое…

— Значит, в ее семье уже были неприятности такого рода? Я имею в виду… — она тщательно подбирала слова, — ну, неуравновешенность?

— Я не хочу говорить об этом! Я увез ее оттуда, и с ней все было в порядке… К тому же эти заболевания не наследственные. Теперь это всем известно. Это все предрассудки! Молли совершенно нормальна! Просто ее испугала смерть этого мерзкого старикашки Пэлгрейва.

— Допустим, — задумчиво произнесла Эвелин. — Но ведь в смерти майора Пэлгрейва не было ничего, что могло бы кого-нибудь напугать.

— Конечно, не было. Но когда человек внезапно

умирает, то это может вызвать потрясение.

Тим выглядел таким несчастным, что Эвелин охватила жалость. Она положила свою ладонь на его руку.

— Ну, надеюсь, вы знаете, что делаете, Тим, но если я могу вам чем-нибудь помочь… Я могла бы полететь с Молли в Нью-Йорк, в Майами или куда-нибудь еще, где ей могли бы оказать первоклассную медицинскую помощь.

— Это очень любезно с вашей стороны, Эвелин, но с Молли все в порядке. К тому же ей уже гораздо лучше.

Эвелин с сомнением покачала головой. Повернувшись, она медленно зашагала вдоль террасы. Большинство людей уже разошлись по своим бунгало. Эвелин подошла к столику, чтобы посмотреть, не забыла ли она там чего-нибудь, когда вдруг услышала восклицание Тима. Она быстро обернулась. Тим уставился в сторону лестницы в конце террасы. Проследив за его взглядом, Эвелин затаила дыхание.

Молли поднималась по лестнице с пляжа. Она тяжело дышала и громко всхлипывала, тело ее раскачивалось из стороны в сторону.

— Молли! Что случилось? — закричал Тим.

Он бросился к ней; Эвелин последовала за ним.

Молли поднялась по лестнице и стояла, пряча руки за спиной.

— Я нашла ее, — рыдала она. — Она там, в кустах… Посмотрите на мои руки, посмотрите на мои руки!

Молли вытащила руки из-за спины, и Эвелин увидела на них странные темные пятна. Они казались черными в полумраке, но она хорошо знала, что их настоящий цвет — красный!

— Что случилось, Молли? — повторил Тим.

— Спустись сюда, — сказала Молли, шатаясь как пьяная. — Там, в кустах…

После секундного колебания Тим обменялся взглядом с Эвелин и побежал вниз.

Эвелин обняла девушку:

— Пойдемте, Молли. Сядьте сюда. Выпейте что-нибудь, и вам станет лучше.

Молли упала в кресло и уронила голову на руки. Эвелин больше не задавала вопросов. Она решила дать ей время прийти в себя.

— Все будет в порядке, — мягко сказала она.

— Я не знаю, — заговорила Молли. — Не знаю, что случилось. Я ничего не могу вспомнить. Я… — Внезапно она подняла голову. — Что со мной? Боже мой, что со мной?!

— Все в порядке, девочка.

Тим медленно поднимался по лестнице. Его лицо было мертвенно-бледным. Эвелин посмотрела на него, вопросительно подняв брови.

— Там лежит одна из наших девушек… как ее имя?.. Виктория, — сказал он. — Кто-то всадил в нее нож.

Глава 14
РАССЛЕДОВАНИЕ

1

Молли лежала на своей кровати. Доктор Грейем и доктор Робертсон, вест-индский полицейский врач, стояли с одной стороны, Тим — с другой. Робертсон щупал Молли пульс. Потом он обернулся к высокому смуглому мужчине в полицейской форме — инспектору Уэстону из полиции Сент-Оноре.

— Только несколько вопросов — не больше, — сказал врач.

Инспектор кивнул.

— Ну, миссис Кендал, расскажите нам, как вы нашли эту девушку.

Несколько секунд Молли лежала молча. Потом она заговорила слабым, еле слышным голосом:

— В кустах… белое…

— Вы увидели что-то белое и решили посмотреть, что это такое? Так?

— Да… Там лежало что-то белое… Я хотела… я старалась ее поднять, но она… кровь… кровь на моих руках!..

Молли начала дрожать.

Доктор Грейем покачал головой.

— Больше она не выдержит, — шепнул Робертсон.

— Что вы делали на дорожке, ведущей к пляжу, миссис Кендал?

— У моря приятно… тепло…

— Вы знали, кто эта девушка?

— Виктория… такая славная девушка… веселая… всегда смеялась… а теперь уже никогда она не будет смеяться… Я никогда этого не забуду!.. — В ее голосе послышались истерические нотки.

— Молли, не надо, — заговорил Тим.

— Спокойно, — властно произнес доктор Робертсон. — Пожалуйста, расслабьтесь. Один маленький укол…

Сделав укол, он спрятал шприц.

— Ее нельзя будет допрашивать еще по крайней мере целые сутки, — заявил он. — Я дам вам знать, когда она придет в себя.

2

Высокий красивый негр не сводил взгляда с двоих мужчин, сидящих за столом.

— Клянусь богом, — сказал он. — Я рассказал вам все, что знаю.

На лбу его выступила испарина. Дейвентри вздохнул. Председательствующий за столом инспектор Уэстон из полиции Сент-Оноре махнул рукой. Джим Эллис моментально выскользнул из комнаты.

— Конечно, это не все, что он знает, — заметил Уэстон. — Но большего нам из него не вытянуть.

— Вы думаете, он вне подозрений? — спросил Дейвентри.

— Да. Они как будто жили дружно.

— Но они не были женаты?

Слабая усмешка мелькнула на губах лейтенанта Уэстона.

— Нет, — ответил он. — Они не были женаты. У нас на острове браки — редкое явление. Хотя детей они крестят. У него двое детей от Виктории.

— Вы считаете, что он действовал вместе с ней?

— Может быть, и нет. Думаю, он бы побоялся влезть в подобную историю. Да и она, по-моему, знала не так уж много.

— Но достаточно для шантажа?

— Я даже не знаю, можно ли это назвать шантажом. Сомневаюсь, что девушка вообще понимала, что означает это слово. Плата за молчание не рассматривалась ею как нечто подобное. Видите ли,

на острове постоянно толкутся богатые повесы, которые не желают, чтобы их нравы стали достоянием общества. — В его голосе послышались едкие интонации.

— В этом я с вами согласен, — сказал Дейвентри. — Какая-нибудь особа, не желающая, чтобы ее похождения получили огласку, делает подарок своей служанке, подразумевая, что это плата за молчание.

— Вот именно.

— Но здесь совсем другой случай, — возразил Дейвентри. — Это было убийство.

— Я не уверен, что девушка понимала всю серьезность положения. Она видела какое-то непонятное происшествие, очевидно связанное с этим флакончиком с таблетками. Насколько я понял, он принадлежал мистеру Дайсону. Пожалуй, сейчас пришло время побеседовать с ним.

Грегори, как всегда, держался по-дружески.

— Чем я могу вам помочь? — сказал он. — Скверная получилась история. Она была симпатичной девушкой. Нам с женой она очень нравилась. Наверно, у нее произошла ссора с каким-то мужчиной, но она казалась такой счастливой и никогда не выказывала признаков огорчения. Я еще вечером беседовал с ней.

— Кажется, мистер Дайсон, вы принимаете препарат, который называется «серенит»?

— Совершенно верно. Маленькие розовые таблетки.

— Вам прописал их врач?

— Да. Если хотите, могу показать вам рецепт. У меня повышенное давление, как, впрочем, у многих в наши дни.

— Но об этом факте мало кто знал?

— Ну, я об этом не болтал. Я всегда в хорошем настроении и терпеть не могу людей, которые все время говорят о своих болезнях.

— Сколько таблеток вы принимали?

— По две три раза в день.

— Значит, у вас с собой большой запас?

— Да, около полудюжины пузырьков. Но они заперты в чемодане — я держу при себе только один.

— Я слышал, что вы недавно потеряли этот пузырек?

— Совершенно верно.

— И вы спрашивали эту девушку, Викторию Джонсон, не видела ли она его?

— Да, спрашивал.

— И что она ответила?

— Она сказала, что в последний раз видела его

на полке в нашей ванной и обещала поискать.

— А потом?

— Она вернула мне пузырек спустя некоторое время и спросила, его ли я потерял.

— А вы?

— Я сказал, что да, и спросил, где она его нашла. Она ответила, что он был в комнате старого майора Пэлгрейва. Я спросил, как он туда попал.

— И что же она ответила на это?

— Она сказала, что не знает, но… — Он заколебался.

— Да, мистер Дайсон?

— Ну, у меня осталось чувство, что она знает немного больше, чем говорит, но я не обратил на это особого внимания. В конце концов, это было не так уж важно. Как я вам уже сказал, у меня с собой есть много флакончиков. Я решил, что, очевидно, оставил его в ресторане или еще где-нибудь, а старый Пэлгрейв зачем-то подобрал его. Возможно, он сунул его к себе в карман, намереваясь вернуть мне, а потом забыл.

— И это все, что вы об этом знаете, мистер Дайсон?

— Да, все. Жаль, что я ничем не могу быть вам полезен. А это важно?

Уэстон пожал плечами:

— Все может оказаться важным.

— Не понимаю, при чем здесь эти таблетки. Я думал, что вы захотите узнать, где я находился, когда зарезали эту несчастную девушку. Поэтому я написал отчет о своих передвижениях.

Уэстон задумчиво поглядел на него:

— В самом деле? Весьма разумно с вашей стороны, мистер Дайсон.

— Мне казалось, что это избавит от лишних хлопот, — сказал Грег и положил на стол лист бумаги.

Уэстон начал изучать отчет, а Дейвентри, подвинув ближе свой стул, смотрел через его плечо.

— Все как будто ясно, — заявил Уэстон через минуту-две. — Вы и ваша жена вместе переодевались к обеду в вашем бунгало до без десяти девять. Потом вы бродили по террасе и выпивали с сеньорой де Каспеаро. В четверть десятого к вам присоединились полковник и миссис Хиллингдон, и вы отправились обедать. Насколько вы можете вспомнить, спать вы пошли примерно в половине двенадцатого.

— Конечно, — сказал Грег, — я не знаю, когда именно убили эту девушку…

В его фразе явно слышались вопросительные

интонации. Однако лейтенант Уэстон, казалось, не заметил этого.

— Насколько я понял, ее нашла миссис Кендал? Должно быть, это было для нее большим потрясением.

— Да. Доктору Робертсону пришлось дать ей успокоительное.

— Это случилось поздно, когда большинство людей уже пошли спать?

— Да.

— А она уже долго была мертва? Я имею в виду, когда миссис Кендал нашла ее?

— У нас еще нет на этот счет точных данных, — спокойно ответил Уэстон.

— Бедная малютка Молли! Да, это, очевидно, на ней скверно отразилось. Вообще-то вчера вечером я ее не видел. Может быть, у нее заболела голова и она легла.

— А когда вы в последний раз видели миссис Кендал?

— О, довольно рано, перед тем как я пошел переодеваться. Она делала приготовления к обеду, перекладывала на столах ножи.

— Понятно.

— Тогда она казалась веселой, — продолжал Грег. — Молли — славная девушка. Мы все ее

очень любим. Да, Тиму крупно повезло.

— Ну, благодарю вас, мистер Дайсон. Вы не можете больше ничего вспомнить из того, что говорила Виктория, когда возвращала вам таблетки?

— Вроде бы нет. Она только спросила меня, эти ли таблетки я искал, и сказала, что нашла их в комнате старика Пэлгрейва.

— Она не знала, кто положил их туда?

— Как будто нет… Право, не помню.

— Спасибо, мистер Дайсон.

Грегори вышел.

— Весьма любезно с его стороны, — заметил Уэстон, постучав ногтем по листу бумаги, — было предоставить нам это подробное описание своего местопребывания вчера вечером.

— Вы думаете, что это было немного чересчур любезно? — спросил Дейвентри.

— Трудно сказать. Некоторые люди очень беспокоятся о своей безопасности и боятся впутаться в какую-нибудь историю. Вовсе не обязательно при этом, что им известна какая-то преступная тайна. С другой стороны, все может быть.

— А как обстоят дела с алиби? Правда, на это особенно рассчитывать не приходится. Играет оркестр, все танцуют, встают из-за столов, вхо-

дят и выходят. Женщины отлучаются, чтобы попудрить носы, мужчины — чтобы прогуляться. Дайсон, как и все остальные, мог выскользнуть в любой момент. Но он как будто не особенно стремится доказать, что не делал этого. — Дейвентри задумчиво поглядел на бумагу. — Значит, миссис Кендал перекладывала ножи на столе, — промолвил он. — Интересно, умышленно ли Дайсон упомянул об этом факте?

— А вам это кажется вероятным?

— Все возможно.

Снаружи послышался шум.

— Я должен сообщить кое-что, — требовал чей-то визгливый высокий голос. — Пустите меня к этим джентльменам.

Высокий полисмен в форме открыл дверь.

— Один из здешних поваров, — сообщил он, — очень хочет вас видеть. Он утверждает, что должен вам что-то сообщить.

Испуганный смуглый человек в поварском колпаке ворвался в комнату. Это был один из младших поваров, кубинец по происхождению.

— Сейчас я вам все расскажу, — начал он. — Она прошла через мою кухню, и у нее в руке был нож! Понимаете? Потом она открыла дверь и вышла в сад. Я видел ее!

— Пожалуйста, успокойтесь, — сказал ему Дейвентри. — О ком вы говорите?

— О ком? Да о жене хозяина, о миссис Кендал, о ком же еще? У нее в руке был нож, и она скрылась в темноте. Это было перед обедом, а назад она не возвращалась!

Глава 15
РАССЛЕДОВАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

1

— Не могли бы мы немного побеседовать с вами, мистер Кендал?

— Конечно. — Сидевший за письменным столом Тим отодвинул в сторону бумаги и предложил вошедшим сесть. Его лицо было печальным. — Как идут дела? Удалось вам что-нибудь выяснить? Здесь словно поселилась смерть. Все хотят уезжать, расспрашивают об авиарейсах. А ведь все как будто шло как надо. О боже, вы и представить не можете, что эта гостиница значит для нас с Молли. Мы ведь вложили в нее все, что имели.

— Я знаю, вам сейчас очень тяжело, — сказал инспектор Уэстон. — Не думайте, что мы вам не сочувствуем.

— Если бы все можно было поскорее выяснить, — вздохнул Тим. — Эта негодная девчонка Виктория… О, конечно, я не должен так говорить — она была неплохой девушкой. Но… но ведь здесь может быть совсем простое объяснение — например, какая-нибудь любовная интрига.

Возможно, ее муж…

— Джим Эллис не был ее мужем, и они казались весьма спокойной парой.

— Если бы только удалось поскорее все выяснить, — повторил Тим. — Простите, вы, кажется, хотели меня спросить о чем-то?

— Да, о вчерашних событиях. Согласно медицинскому свидетельству, Виктория была убита где-то между половиной одиннадцатого и полуночью. При сложившихся обстоятельствах алиби будет не так-то легко установить. Все ходили взад-вперед, танцевали, прогуливались. Это очень затрудняет дело.

— Очевидно. Но значит, вы уверены, что Виктория была убита кем-то, живущим здесь?

— Ну, мы должны исследовать подобную возможность, мистер Кендал. Сейчас же я хотел спросить вас о заявлении, сделанном одним из ваших поваров.

— Каким? Что он сказал?

— Насколько я понял, он кубинец.

— У нас два кубинца и один пуэрториканец.

— Этот человек, его зовут Энрике, утверждает, что ваша жена, идя из столовой, прошла через кухню и вышла в сад и что она держала в руке нож.

Тим уставился на него:

— Молли держала в руке нож? Ну а почему бы и нет? Вы же не думаете… не можете же вы предполагать… Что вы имеете в виду?

— Это было перед тем, как люди вошли в столовую. Примерно около половины девятого. Вы сами как будто в это время находились в столовой, беседуя с метрдотелем Фернандо.

— Да, — припомнил Тим.

— А ваша жена вошла с террасы?

— Да, — подтвердил Тим. — Она всегда проверяет, все ли на столах в порядке. А то иногда официанты забывают что-нибудь положить. Очевидно, так оно было и на этот раз. Молли, наверно, держала лишний нож, ложку или что-то в этом роде.

— Значит, она вошла с террасы в столовую. Она говорила с вами?

— Да, мы перебросились двумя словами.

— Не могли бы вы припомнить, что именно она сказала?

— По-моему, я спросил ее, с кем она говорила. Я слышал ее голос снаружи.

— С кем же?

— С Грегори Дайсоном.

— Ага! Он говорил то же самое.

— Мне кажется, он любезничал с ней. Это вообще в его стиле. Я разозлился и сказал: «Черт бы его побрал!» — а Молли засмеялась и ответила, что в ее положении этого не избежать. Хорошо, что Молли умная девушка, потому что положение ее в самом деле нелегкое. Оскорблять гостей нельзя, поэтому такой привлекательной женщине, как Молли, остается отделываться от приставаний смехом и шутками. А Грегори Дайсон не пропустит ни одной хорошенькой женщины.

— Между ними произошла ссора?

— Нет, не думаю. Она, как всегда, просто смеялась.

— Вы не можете точно вспомнить, был у нее в руке нож или нет?

— Точно не помню… Но я почти уверен, что не было. Даже совершенно уверен.

— Но ведь вы только что сказали…

— Я просто имел в виду, что если Молли была в столовой или на кухне, то вполне вероятно, что у нее в руке мог быть нож. Но теперь я точно помню, что когда она вышла из столовой, то в руках у нее ничего не было.

— Понятно, — протянул Уэстон.

Тим искоса взглянул на него:

— К чему вы клоните? Что наговорил вам этот

болван Мануэль… или как его… Энрике?

— Он сказал, что ваша жена вошла в кухню, что она выглядела огорченной и что в руке у нее был нож.

— Он просто преувеличивает.

— А за обедом или после вы разговаривали с женой?

— По-моему, нет. Я был занят.

— Во время обеда ваша жена была в столовой?

— Я… о да, мы всегда ходим от столика к столику и смотрим, все ли в порядке.

— И вы совсем не говорили с ней?

— Кажется, нет… Видите ли, в это время мы всегда так заняты, что не только не говорим, но даже не замечаем друг друга.

— Следовательно, вы не помните, что говорили с женой до тех пор, пока она три часа спустя поднялась по лестнице, после того как обнаружила труп?

— Это было для нее ужасным потрясением. Молли так расстроилась.

— Я знаю. Весьма малоприятное происшествие. А каким образом она оказалась на дорожке, ведущей к пляжу?

— Устав после процедуры обеда, она часто ходила прогуляться, чтобы хоть несколько минут

не видеть гостей.

— Как я понял, когда она вернулась, вы разговаривали с миссис Хиллингдон?

— Да. Почти все уже ушли спать.

— А о чем вы беседовали с миссис Хиллингдон?

— Ни о чем особенном. А почему вы об этом спрашиваете? Что она вам сказала?

— Пока что она ничего не сказала. Мы еще не говорили с ней.

— Мы просто болтали о всякой чепухе — о Молли, о трудностях ведения хозяйства в отеле…

— И тогда ваша жена поднялась на террасу и сообщила вам о случившемся?

— Да.

— На ее руках была кровь?

— Конечно, была! Молли ведь не сразу поняла, что случилось с девушкой, — она склонилась над ней, попыталась ее поднять. Разумеется, руки у нее были в крови. Послушайте, что это вы подозреваете?

— Пожалуйста, успокойтесь, — сказал Дейвентри. — Я знаю, Тим, что вам сейчас нелегко, но мы во всем должны разобраться до конца. Насколько мне известно, ваша жена в последнее время чувствовала себя не очень хорошо?

— Чепуха! С ней все в порядке. Просто ее немного расстроила смерть майора Пэлгрейва. Это естественно — ведь Молли такая чувствительная.

— Когда она придет в себя, нам придется задать ей несколько вопросов, — заметил Уэстон.

— Ну, сейчас это невозможно. Доктор дал ей успокоительное и сказал, чтобы ее не беспокоили. Я не желаю, чтобы ее расстраивали и пугали, слышите?

— Мы не собираемся никого пугать, — сказал Уэстон. — Мы просто хотим все выяснить. Сейчас мы не станем ее беспокоить, но, как только доктор разрешит, мы будем вынуждены побеседовать с ней. — В его мягком голосе послышались властные нотки.

Тим посмотрел на него, открыл рот, но ничего не сказал.

2

Эвелин Хиллингдон, спокойная и сдержанная, как всегда, сидела, тщательно обдумывая каждый ответ. Ее темные смышленые глаза задумчиво смотрели на Уэстона.

— Да, — сказала она, — я разговаривала с мистером Кендалом на террасе, когда его жена

поднялась по лесенке и рассказала нам об убийстве.

— А вашего мужа там не было?

— Нет, он пошел спать.

— У вас были какие-нибудь особые причины для беседы с мистером Кендалом?

Эвелин подняла подкрашенные брови. Этот жест, несомненно, означал упрек.

— Что за странный вопрос, — холодно произнесла она. — Нет, никаких особых причин не было.

— Вы не говорили о состоянии здоровья его жены?

Эвелин снова задумалась.

— Право, не помню, — ответила она наконец.

— Вы в этом уверены?

— В чем? В том, что я не помню? Что тут удивительного?

— Миссис Кендал как будто в последние дни неважно себя чувствовала?

— Выглядела она хорошо — только казалась немного утомленной. Конечно, чтобы содержать такое заведение, требуется немало усилий, а она еще совсем неопытна. Естественно, что она часто бывала возбуждена.

— Возбуждена, — повторил Уэстон. — Вы так описываете ее состояние?

— Возможно, это несколько старомодное слово, но оно ничуть не хуже того медицинского жаргона, который мы теперь используем на каждом шагу. Вирусная инфекция вместо обычной простуды и невроз вместо простого волнения.

Ее улыбка сбивала Уэстона с толку. Он подумал про себя, что Эвелин Хиллингдон отнюдь не глупа. Его интересовало, что думает Дейвентри, лицо которого продолжало оставаться бесстрастным.

— Благодарю вас, миссис Хиллингдон, — вздохнув, сказал Уэстон.

3

— Мы не хотели беспокоить вас, миссис Кендал, но нам нужно выслушать ваш рассказ о том, как вы нашли эту девушку. Доктор Грейем говорит, что вы уже достаточно оправились, чтобы беседовать на эту тему.

— О да, — сказала Молли, — со мной уже все в порядке. — Она нервно усмехнулась. — Это был обычный шок — такое ужасное зрелище…

— Да, в самом деле. Как я понял, вы пошли прогуляться после обеда?

— Да… Я часто так делаю.

Молли отвела взгляд, и Дейвентри заметил, как судорожно сплетались пальцы ее рук.

— В какое время это было, миссис Кендал? — спросил Уэстон.

— Ну, не знаю точно — мы не очень-то следим за временем.

— Стил-бэнд еще играл?

— Да… по-моему… Право, не помню.

— И куда же вы пошли?

— По дорожке, ведущей к пляжу.

— Налево или направо?

— Сначала туда, потом сюда. Я… я не обратила внимания.

— А почему, миссис Кендал?

Молли нахмурилась:

— Потому что… ну… я задумалась.

— О чем-нибудь особенном?

— Нет. Просто о том, что надо сделать в отеле. — Снова то же нервное сплетение пальцев. — А потом… я заметила что-то белое за кустами гибискуса… и заинтересовалась, что это такое. Я остановилась… и потянула это к себе… — Она судорожно проглотила слюну. — Это была она… Виктория… Я попыталась поднять ее голову и… почувствовала кровь на своих руках. — Взглянув на руки, Молли повторила с удивлением, словно говоря о чем-то невозможном: — Кровь на своих руках.

— Да, действительно, ужасное происшествие. На этих подробностях вам незачем останавливаться. Вы долго гуляли до того, как нашли ее?

— Не знаю. Понятия не имею.

— Час? Полчаса? Или больше часа?

— Не знаю, — повторила Молли.

— Вы взяли с собой на прогулку нож? — осведомился Дейвентри спокойным, будничным тоном.

— Нож? — Молли казалась удивленной. — Зачем?

— Я спрашиваю только потому, что один из поваров сообщил нам, что у вас в руке был нож, когда вы вышли через кухню в сад.

Молли снова нахмурилась:

— Но я не проходила через кухню… О, вы, наверно, имеете в виду раньше — перед обедом… Я… я не помню этого…

— Может быть, вы поправляли ножи на столах?

— Иногда я это делаю. Прислуга часто кладет мало ножей или, наоборот, много. Путают количество вилок и ложек…

— И в тот вечер вы тоже это делали?

— Возможно… Ведь я делаю это совершенно машинально и могла забыть…

— Значит, вы могли в тот вечер выйти из кухни с ножом в руке?

— Не думаю. По-моему, я этого не делала… Там был Тим, — добавила она. — Он должен знать, спросите его.

— Вам нравилась эта девушка — Виктория? Она хорошо справлялась с работой? — спросил Уэстон.

— Да, она была славной девушкой.

— Вы никогда не ссорились с ней?

— Конечно нет!

— И она никогда вам не угрожала?

— Угрожала мне? Что вы имеете в виду?

— Это не важно. У вас нет никаких соображений относительно того, кто мог убить ее?

— Нет, — твердо сказала Молли.

— Ну, благодарю вас, миссис Кендал. — Он улыбнулся. — Как видите, процедура оказалась не такой уж страшной.

— Это все?

— Пока все.

Дейвентри встал, открыл дверь и выпустил Молли.

— «Тим должен знать», — процитировал он, снова садясь на стул. — А Тим уверенно заявляет, что у нее не было ножа.

— Думаю, — мрачно заметил Уэстон, — что на его месте любой муж сказал бы то же самое.

— Столовый нож как будто не слишком подходит для убийства.

— Но это был мясной нож, мистер Дейвентри. В тот вечер в меню входило мясо. А мясные ножи очень острые.

— Право, Уэстон, я не могу поверить, что девушка, с которой мы только что говорили, — кровавая убийца.

— Пока что в это не обязательно верить. Может быть, миссис Кендал вышла в сад перед обедом, держа нож, который она взяла со стола, так как он оказался лишним. Миссис Кендал могла не заметить, что держит нож, она могла потерять его или положить куда-нибудь, а потом кто-то нашел его и использовал для своих целей. Я тоже считаю маловероятным, что она убийца.

— Тем не менее, — задумчиво промолвил Дейвентри, — я уверен, что она не говорит всего, что знает. Ее небрежность в определении времени весьма странная. Где она была и что делала? В столовой ее как будто в тот вечер никто не видел.

— Да, муж был на месте, а жена отсутствовала.

— Вы думаете, что она уходила, чтобы встретиться с Викторией Джонсон?

— Возможно. А может быть, она видела кого-то, кто ходил встречаться с Викторией?

— Вы думаете о Грегори Дайсоне?

— Мы знаем, что он разговаривал с Викторией раньше. Может быть, он условился встретиться с ней снова. Но вспомните, что в это время все свободно расхаживали по террасе — танцевали, пили, заходили в бар.

— Короче говоря, алиби есть только у оркестра, — криво усмехнулся Дейвентри.

Глава 16
МИСС АРПЛ ИЩЕТ ПОМОЩИ

Если бы кто-нибудь обратил внимание на симпатичную пожилую леди, задумчиво стоявшую в лоджии своего бунгало, то он бы решил, что единственная проблема, которая ее волнует, — как провести сегодняшний день. Посетить Касл-Клифф, съездить в Джеймстаун, закусить в кафе на мысе Пеликан или просто отдохнуть на пляже?

Но симпатичная старая леди думала совсем о другом — она пребывала в воинственном настроении.

— Что-то необходимо предпринять, — вслух произнесла мисс Марпл.

Она была убеждена, что времени терять нельзя.

Но кого она могла в этом убедить? Сначала мисс Марпл думала, что она сможет доискаться до правды самостоятельно. Раньше это удавалось ей неоднократно. Но теперь времени было в обрез, а на этом райском острове, увы, не было ни одного из ее обычных помощников.

Мисс Марпл с сожалением подумала о своих английских друзьях. Сэр Генри Клизеринг, всегда готовый терпеливо слушать, его крестник Дермот, все еще уверенный, несмотря на высокое положение, ныне занимаемое им в Скотленд-Ярде, что если мисс Марпл высказала какую-нибудь мысль, то за этим обязательно что-нибудь есть.

Но станет ли этот местный полицейский офицер с приятным голосом обращать внимание на мысли старой леди? Может быть, доктор Грейем? Нет, доктор Грейем не тот человек, который ей нужен, — он слишком мягок, пассивен и, безусловно, не способен к быстрым решениям и активным действиям.

Чувствуя себя скромным представителем Господа Всемогущего, мисс Марпл уже была готова вопрошать в библейском духе:

— Кто последует за мной? Кого мне послать?

В послышавшемся звуке мисс Марпл не сразу признала ответ на ее мольбы. Он скорее напомнил крик человека, зовущего свою собаку.

— Эй!

Задумавшаяся мисс Марпл не обратила на это особого внимания.

— Эй! — Сила звука резко возросла. Мисс Марпл рассеянно огляделась.

— Эй! — в третий раз крикнул мистер Рэфьел и добавил: — Вы, там…

Мисс Марпл не сразу осознала, что крик мистера Рэфьела был адресован ей. Обычно к ней не обращались столь неджентльменским образом. Но она не обиделась, потому что люди редко обижались на деспотические манеры мистера Рэфьела. Он был сам себе закон, и все принимали это как должное. Посмотрев туда, откуда донесся крик, мисс Марпл увидела мистера Рэфьела, сидевшего в своей лоджии и манившего ее рукой.

— Вы звали меня? — спросила она.

— Конечно, вас, — сказал мистер Рэфьел. — А вы думали, кошку? Идите сюда.

Мисс Марпл взяла сумочку и пересекла пространство, отделяющее ее бунгало от бунгало мистера Рэфьела.

— Я не могу подойти к вам без посторонней помощи, — объяснил мистер Рэфьел. — Поэтому вам пришлось подойти ко мне.

— Я так и поняла, — ответила мисс Марпл.

Мистер Рэфьел указал на соседнее кресло.

— Садитесь, — распорядился он. — Я хочу поговорить с вами. На этом острове происходит что-то чертовски странное.

— Да, в самом деле, — согласилась мисс Марпл,

по привычке вытаскивая из сумочки вязанье.

— Только не смейте вязать, — предупредил мистер Рэфьел. — Терпеть не могу, когда женщины вяжут. Это меня просто бесит.

Мисс Марпл спрятала вязанье без чрезмерной покорности, подобно врачу, выполняющему прихоть капризного пациента.

— Здесь много болтают, — продолжал мистер Рэфьел, — и держу пари, что вы болтаете больше других. Вы и этот священник со своей сестрой.

— При сложившихся обстоятельствах болтовня вполне естественна, — заметила мисс Марпл.

— Зарезанную девушку-островитянку нашли в кустах. В этом может не быть ничего особенного. Парень, с которым она жила, мог к кому-нибудь приревновать ее, или же он сам завел себе другую девушку, а она устраивала ему сцены. Секс в тропиках. Вы что-то сказали?

— Нет, — покачала головой мисс Марпл.

— И все же, — продолжал мистер Рэфьел, — власти как будто так не считают.

— Вам, во всяком случае, они скажут больше, чем мне, — заметила мисс Марпл.

— Однако готов спорить, что вы знаете об этом больше, чем я. Вы прислушиваетесь ко всем сплетням.

— Безусловно, — согласилась мисс Марпл.

— Вам что, больше делать нечего?

Таким образом часто можно получить полезные сведения.

— Знаете, — сказал мистер Рэфьел, внимательно ее изучая, — я не часто ошибаюсь в людях, но в вас я ошибся. Вы не так просты, как кажетесь. Все эти слухи о майоре Пэлгрейве и его рассказах… Вы думаете, что его ухлопали, верно?

— Боюсь, что да.

— Так вот: это истинная правда, — заявил мистер Рэфьел.

Мисс Марпл затаила дыхание.

— Это точно? — спросила она.

— Совершенно точно. Я узнал об этом от Дейвентри. Тайны из этого делать нет смысла, так как результаты вскрытия все равно станут известны. Вы что-то наговорили Грейему, он пошел к Дейвентри, Дейвентри обратился к администрации, администрация информировала полицию, а там пришли к выводу, что вся история выглядит довольно подозрительной, и поэтому решили выкопать старого Пэлгрейва, чтобы во всем разобраться.

— И что они обнаружили? — нетерпеливо спросила мисс Марпл.

— Выяснилось, что он умер от смертельной дозы чего-то, что только врач может произнести правильно. Насколько я помню, это звучало вроде как «дифлоргексагоналэтилкарбензол». Очевидно, полицейский врач обозвал это так специально, чтобы никто ничего не понял. Возможно, это было обычное лекарство вроде эвипана, веронала или сиропа Истона, а официальное наименование только сбивает с толку непрофессионалов. Короче говоря, он проглотил достаточную дозу, чтобы отправиться на тот свет, а смерть от этого яда наступает с теми же симптомами, какие бывают при гипертонии, тем более что накануне вечером он злоупотреблял алкоголем. Все выглядело так естественно, что никто ни на момент ни в чем не усомнился. Только сказали: «Бедный старик!» — и быстро его похоронили. А теперь, выходит, вообще неизвестно, было у него повышенное давление или нет. Он когда-нибудь говорил вам об этом?

— Нет.

— Вот в том-то и дело. Ведь все считали это неоспоримым фактом.

— Очевидно, кому-то он все-таки это говорил.

— Совсем как в историях с привидениями, — сказал мистер Рэфьел. — Трудно встретить

человека, который своими глазами видел привидение. Обычно это троюродная сестра чьей-нибудь тети или друг чьего-нибудь приятеля. Ну ладно, оставим это. Все решили, что у него было повышенное давление, потому что в его комнате обнаружили флакончик с таблетками от гипертонии, но теперь мы подходим к основному моменту — я понял, что эта девушка, которую убили, намекала, что этот флакончик подложил туда кто-то другой и что в действительности он принадлежал Грегу Дайсону.

— Жена мистера Дайсона упоминала, что у него повышенное давление, — вставила мисс Марпл.

— Следовательно, флакон подсунули в комнату Пэлгрейва в качестве доказательства того, что он страдал гипертонией и умер естественной смертью.

— Совершенно верно, — согласилась мисс Марпл. — И кто-то предусмотрительно распустил слух, что майор часто упоминал о своем повышенном давлении. Но ведь слух распустить очень легко — я не раз видела, как это делается.

— В этом я не сомневаюсь, — заметил Рэфьел.

— Нужно только шепнуть тут и там, — продолжала мисс Марпл. — Не надо говорить, что вы сами это знаете; нужно просто сказать, что это

сообщила вам миссис Б со слов полковника В. Таким образом, становится очень трудно найти того, кто первый пустил слух. А люди, которым вы это рассказали, продолжают передавать сплетню дальше так, словно им это досконально известно.

— Да, кто бы ни был этот человек, ума у него хватает, — задумчиво промолвил мистер Рэфьел.

— Я тоже так думаю, — вздохнула мисс Марпл.

— Очевидно, эта девушка что-то видела или знала и пыталась кого-то шантажировать, — предположил мистер Рэфьел.

— Возможно, она и не рассматривала это как шантаж, — сказала мисс Марпл. — В этих больших отелях часто случается, что горничные узнают вещи, которые людям не хотелось бы разглашать. За молчание они получают некоторую сумму денег в виде чаевых или подарка. Может быть, девушка не сразу осознала всю важность имеющихся у нее сведений.

— И все же ее пырнули ножом в спину, — заметил мистер Рэфьел.

— Да. Очевидно, кто-то не мог позволить ей говорить.

— Ну, давайте послушаем, что вы об этом думаете.

Мисс Марпл задумчиво посмотрела на него:

— Почему вам кажется, мистер Рэфьел, что я знаю больше, чем вы?

— Может быть, и не знаете, — ответил мистер Рэфьел, — но мне все-таки интересно узнать ваши соображения.

— Но почему?

— Здесь у меня не так много занятий, — сказал мистер Рэфьел. — Только делать деньги.

Мисс Марпл казалась удивленной.

— Делать деньги? Здесь?

— Ведь отсюда можно посылать дюжину шифрованных телеграмм каждый день, — объяснил мистер Рэфьел. — Этим я и занимаюсь. Сражаюсь с конкурентами на расстоянии. Беда в том, что это занимает не так уж много времени, поэтому я и заинтересовался этим делом. Оно возбудило мое любопытство. Пэлгрейв все время болтал с вами — очевидно, больше никто не мог его выдержать. О чем он с вами говорил?

— Он рассказывал мне множество разных историй, — ответила мисс Марпл.

— Знаю. Как правило, они были чертовски скучны. К тому же их приходилось выслушивать по нескольку раз.

— Да, — вздохнула мисс Марпл. — Боюсь, что

это присуще всем старым джентльменам.

Мистер Рэфьел резко взглянул на нее.

— Я не рассказываю никаких историй, — заявил он. — Так что же интересного сообщил вам Пэлгрейв? Ведь все началось именно с этого?

— Он говорил, что знал одного убийцу. Правда, в этом нет ничего особенного — по-моему, такое случается почти со всеми.

— Не понимаю, — проворчал мистер Рэфьел.

— Ну, например, — объяснила мисс Марпл, — если вы, мистер Рэфьел, начнете вспоминать все события вашей жизни, то, безусловно, обнаружите в своей памяти чьи-нибудь слова вроде таких: «Я хорошо знал такого-то — он умер внезапно, и говорили, что его угробила жена, но, по-видимому, это просто сплетни». Вам ведь приходилось слышать подобные рассказы?

— Ну, может быть. Но это же… одним словом, несерьезно.

— Совершенно верно, — подтвердила мисс Марпл, — но майор Пэлгрейв был очень серьезным человеком. Думаю, он получал удовольствие, рассказывая эту историю. Майор говорил, что у него есть снимок убийцы. Он собирался показать его мне, но не сделал этого.

— Почему?

— Потому что он что-то увидел, — ответила мисс Марпл, — и я подозреваю, что даже не что-то, а кого-то. Его лицо внезапно побагровело, он спрятал снимок в бумажник и переменил тему разговора.

— И кого же он увидел?

— Я много об этом думала. Я сидела около своего бунгало, а майор — напротив меня, и в этот момент он смотрел на что-то находящееся за моим правым плечом.

— То есть он увидел кого-то, идущего с той стороны — по дорожке, которая ведет к ручью и стоянке автомобилей?

— Да.

— Ну и кто же там шел?

— Мистер и миссис Дайсон и полковник и миссис Хиллингдон.

— И все?

— Больше я никого не заметила. Конечно, ваше бунгало также могло попасть в его поле зрения.

— Ага! Значит, мы должны включить Эстер Уолтерс и Джексона. Каждый из них мог выйти из бунгало и вернуться назад прежде, чем вы его заметили.

— Вполне возможно, — согласилась мисс Марпл. — Я не сразу повернула голову.

— Дайсоны, Хиллингдоны, Эстер, Джексон. Один из них — убийца. Впрочем, я тоже в числе подозреваемых, — добавил он.

Мисс Марпл улыбнулась.

— Он сказал, что убийца — мужчина?

— Да.

— Отлично. Тогда Эвелин Хиллингдон, Лаки и Эстер Уолтерс отпадают. Значит, если эта невероятная история окажется правдой, то убийца — Дайсон, Хиллингдон или мой сладкоречивый Джексон.

— Либо вы сами, — напомнила мисс Марпл.

Мистер Рэфьел игнорировал ее замечание.

— Не раздражайте меня без толку, — сказал он. — Лучше послушайте, что мне тут кажется непонятным и чего вы, наверное, не учли. Если один из этих трех убийца, то какого же дьявола старый Пэлгрейв не узнал его раньше? Черт возьми, ведь последние две недели они все постоянно с ним встречались. По-моему, это просто бессмысленно.

— Вовсе нет, — возразила мисс Марпл.

— Ну, тогда объясните мне.

— Видите ли, майор Пэлгрейв ни разу не видел этого человека. Историю рассказал ему один врач, который и дал снимок. Возможно, тогда

майор внимательно рассмотрел фотографию, а потом сунул ее в бумажник и хранил как сувенир. Может быть, иногда он вынимал ее, чтобы иллюстрировать свой рассказ. И потом, мистер Рэфьел, мы не знаем, когда это случилось. Майор не дал мне на этот счет никаких указаний. Может быть, он рассказывал историю уже пять или десять лет подряд. Некоторые его повествования об охоте на тигров касались событий двадцатилетней давности.

— В самом деле, — согласился мистер Рэфьел.

— Поэтому я не думаю, чтобы майор Пэлгрейв узнал убийцу, случайно встретив его. Я почти уверена, что он, несколько секунд держа в руках фотографию и изучая ее, поднял голову и внезапно увидел на расстоянии десяти-двенадцати футов этого человека или очень на него похожего.

— Да, это возможно, — задумчиво промолвил мистер Рэфьел.

— Майор был ошарашен, — продолжала мисс Марпл. — Он спрятал снимок в бумажник и начал громко говорить о чем-то другом.

— Но ведь у него не могло быть твердой уверенности, — заметил мистер Рэфьел.

— Не могло, — подтвердила мисс Марпл. — Но

позже, очевидно, он изучил фотоснимок более внимательно и пришел к правильному выводу.

Подумав, мистер Рэфьел покачал головой:

— Здесь что-то не так. Нет достаточного мотива для убийства. Он говорил с вами громко?

— Да, — ответила мисс Марпл. — Он всегда говорил громко.

— Что верно, то верно — орать он любил. Значит, подошедший мог услышать его слова?

— Думаю, что их можно было услышать на достаточно солидном расстоянии.

Мистер Рэфьел покачал головой еще раз:

— Это чересчур фантастично. Над таким рассказом можно только посмеяться. Старый осел что-то болтает о какой-то истории, услышанной им от кого-то еще и касающейся убийства, происшедшего по меньшей мере год или два назад! Неужели это обеспокоило бы убийцу? Ведь никаких доказательств нет — только какая-то сплетня, услышанная неизвестно от кого. Он даже может сказать: «Ха-ха! Я и в самом деле похож на этого парня». Никто не принял бы всерьез утверждений старого Пэлгрейва. Не возражайте мне, потому что я все равно вам не поверю. Нет, этому парню (если только это действительно парень) нечего было бояться. Зачем же ему убивать Пэлгрейва?

В этом же не было никакой нужды — вы должны это понять.

— Я понимаю, — вздохнула мисс Марпл, — и все-таки не могу с вами согласиться. Это-то меня и волнует, причем так волнует, что прошлую ночь я просто не могла сомкнуть глаз.

Мистер Рэфьел уставился на нее.

— Ну, послушаем, что у вас на уме, — спокойно сказал он.

— Возможно, я не права, — неуверенно промолвила мисс Марпл.

— Весьма возможно, — откликнулся мистер Рэфьел с присущим ему отсутствием такта, — но, во всяком случае, послушаем, о чем вы размышляли среди ночи.

— Здесь мог быть очень сильный мотив, если…

— Если — что?

— Если вскоре планировалось еще одно убийство.

Мистер Рэфьел попытался подтянуться в своем кресле.

— Объяснитесь, — потребовал он.

— Я всегда так плохо объясняю. — Мисс Марпл говорила быстро и несколько бессвязно. На ее щеках появился румянец. — Предположим, было запланировано убийство. Если вы помните, ис-

тория, которую рассказал мне майор Пэлгрейв, была связана с человеком, чья жена умерла при подозрительных обстоятельствах. Затем, через некоторое время, произошло еще одно убийство при таких же самых обстоятельствах. Хотя этот человек носил тогда другое имя, врач, рассказывавший об этом майору, узнал его. Следовательно, все указывает на то, что у этого субъекта преступления подобного стиля стали привычкой.

— Вы имеете в виду Смита и «жен в ванне»?

— Я слышала, читала, да и по собственному опыту знаю, что если человеку, совершившему преступление, удается выйти сухим из воды, то это, увы, поощряет его к дальнейшим злодеяниям. Он не сомневается в своем уме. И в конце концов, как у упомянутого вами Смита, топившего своих жен в ванне, это становится привычкой. Каждый раз убийство происходит в другом месте, и каждый раз убийца меняет имя. Но сами преступления очень похожи. Конечно, может быть, я не права…

— Но вы думаете, что вы правы, верно? — вставил мистер Рэфьел.

— …Но если, — продолжала мисс Марпл, не ответив на замечание мистера Рэфьела, — этот человек замыслил здесь избавиться от очеред-

ной жены и если это его третье или четвертое преступление, то ему пришлось убрать майора, опасаясь проведения нежелательных аналогий. Он не мог позволить Пэлгрейву громогласно рассказывать эту историю и демонстрировать фотоснимок. Убийца должен был действовать немедленно.

— Фактически в тот же вечер? — осведомился мистер Рэфьел.

— Да, — кивнула мисс Марпл.

— Проворная операция, — заметил мистер Рэфьел, — но в пределах возможного. Подложить таблетки в комнату Пэлгрейва, распустить слух о его повышенном давлении и подсыпать яд с непроизносимым названием в пунш — так?

— Да. Но с этим уже покончено. Мы же должны беспокоиться о будущем. Убрав с пути майора Пэлгрейва и уничтожив фотоснимок, убийца приведет в исполнение задуманное им преступление.

Мистер Рэфьел свистнул.

— Вы уже все разложили по полочкам, не так ли?

Мисс Марпл кивнула и заговорила совершенно несвойственным ей властным тоном:

— И мы должны помешать этому. Особенно вы,

мистер Рэфьел.

— Я? — удивился мистер Рэфьел. — Почему?

— Потому что вы богаты и влиятельны, — ответила мисс Марпл. — Люди прислушаются к тому, что предложите вы. На меня же они не обратят внимания. Они решат, что я обычная вздорная старуха с излишне развитым воображением.

— В таком случае они дураки, — заявил мистер Рэфьел. — А впрочем, если послушать ваши разговоры в обычных обстоятельствах, то никогда не скажешь, что у вас в голове есть хоть капля ума. Но на самом деле вы умеете логически мыслить, а это достоинство присуще очень немногим женщинам. — Он поудобнее устроился в кресле. — Куда запропастились Эстер и Джексон? Меня нужно перенести. Нет, не делайте этого, у вас не так уж много сил. Не знаю, какого черта они бросили меня одного.

— Я пойду разыщу их.

— Нет, не нужно. Оставайтесь здесь и хорошенько подумайте. Кто же из них убийца? Весельчак Грег, флегматик Хиллингдон или мой Джексон? Это должен быть кто-то из них, не так ли?

Глава 17
МИСТЕР РЭФЬЕЛ ПРИНИМАЕТСЯ ЗА ДЕЛО

— Не знаю, — сказала мисс Марпл.

— Что вы имеете в виду? О чем же мы говорили последние двадцать минут?

— Мне пришло в голову, что, может быть, я не права.

Мистер Рэфьел уставился на нее.

— Ну вот! — поморщился он. — А ведь вы говорили с такой уверенностью.

— О, что касается убийства, то в этом я уверена. Я сомневаюсь в том, кто убийца. Видите ли, я узнала, что у майора Пэлгрейва было несколько историй об убийствах — вы сами рассказывали мне, что он говорил вам о какой-то злодейке, вроде Лукреции Борджа.

— В самом деле. Но это была совсем другая история.

— Знаю. А миссис Уолтерс говорила, что он рассказывал ей, как расправились с одним человеком, сунув его голову в духовку.

— Но ведь история, которую он рассказал

вам…

Мисс Марпл прервала мистера Рэфьела — подобную вещь не часто позволяли себе его собеседники.

— Неужели вы не понимаете? — горячо заговорила она. — Ведь в таких обстоятельствах можно что-нибудь и прослушать. Спросите миссис Уолтерс — мне она сказала то же самое. Сначала вы слушаете внимательно, а потом ваше внимание рассеивается, мысли разбегаются — и внезапно вы осознаете, что некоторое время вы не слушали своего собеседника. Поэтому я допускаю возможность, что отключилась на несколько секунд после того, как он рассказал мне об убийце-мужчине, и до того, как он вытащил свой бумажник и спросил: «Хотите взглянуть на фотографию убийцы?»

— Но вы думали, что на фотографии, о которой он говорил, изображен мужчина?

— Да, думала. Тогда мне не приходила в голову другая возможность. Но теперь… Как я могу быть в этом уверена?

Мистер Рэфьел задумчиво поглядел на нее.

— Вся беда в том, — заметил он, — что вы слишком добросовестны. Сначала вы были такой решительной, а теперь вдруг распустили нюни.

По-моему, вас сбили с толку разговоры с сестрой священника и прочей компанией.

— Возможно, вы правы.

— Ну, так отрешитесь от этого на момент. Давайте вернемся к самому началу, потому что в девяти случаях из десяти первоначальное суждение оказывается самым верным. У нас трое подозреваемых. Займемся ими вплотную. Кому вы отдаете предпочтение?

— Пожалуй, никому, — вздохнула мисс Марпл. — Все трое не кажутся мне подходящими на роль убийцы.

— Рассмотрим сначала Грега, — продолжал мистер Рэфьел. — Лично я терпеть не могу этого парня. Впрочем, это не значит, что он убийца. И все же кое-что говорит против него. Ведь эти таблетки от гипертонии принадлежат ему — значит, ему ничего не стоило их использовать.

— Это было бы слишком очевидно, — возразила мисс Марпл.

— Ну, не знаю. В конце концов, главным было действовать побыстрее, а у Грега были свои таблетки. Едва ли он располагал временем, чтобы искать таблетки у кого-то другого. Допустим, что убийца Грег. Отлично. Если он хотел избавиться от своей дорогой супруги Лаки (а в этом желании

я с ним искренне солидарен), то я не могу понять его мотивов. Всем известно, что он богат, так как унаследовал кучу денег от своей первой жены. Возможно, ее он в самом деле угробил. С этим покончено — он вышел сухим из воды. Но Лаки была бедной родственницей его первой жены. Денег у нее нет, поэтому если он намерен разделаться с ней, то чтобы жениться на какой-то другой женщине. Слышали ли вы какие-нибудь сплетни по этому поводу?

Мисс Марпл покачала головой:

— Нет, не слышала. Правда, он… э-э… весьма галантно держался со всеми дамами.

— Какая у вас старомодная манера выражать свои мысли! — заметил мистер Рэфьел. — Короче говоря, Грег Дайсон — просто кобель, но для нас этого недостаточно. Поэтому перейдем к Эдуарду Хиллингдону. Вот уж кто действительно темная лошадка.

— Я бы не назвала его счастливым человеком, — промолвила мисс Марпл.

Мистер Рэфьел бросил на нее задумчивый взгляд:

— А по-вашему, убийца должен быть счастливым человеком?

Мисс Марпл кашлянула:

— Насколько я знаю из своего опыта, обычно да.

— Не думаю, чтобы у вас на этот счет был богатый опыт, — проворчал мистер Рэфьел.

На это утверждение мисс Марпл могла бы существенно возразить, но она предпочла воздержаться, так как знала, что джентльмены не любят, когда их поправляют.

— Хиллингдон мне в общем нравится, — продолжал мистер Рэфьел. — Правда, мне кажется, что между ним и его женой существуют какие-то странные отношения. Вы заметили это?

— Конечно, заметила, — ответила мисс Марпл. — На людях их поведение безупречно, но этого и следовало ожидать.

— Очевидно, вы знаете о людях этого сорта больше, чем я, — сказал мистер Рэфьел. — Однако вполне возможно, что, несмотря на свои джентльменские манеры, Эдуард Хиллингдон собирается прикончить Эвелин Хиллингдон. Вы со мной согласны?

— Если так, то здесь должна быть другая женщина.

— Но какая?

Мисс Марпл с неудовлетворенным видом покачала головой:

— Не знаю почему, но мне кажется, что здесь все не так просто.

— Ну, тогда кто следующий? Джексон? Надеюсь, меня мы исключили из списка?

— А почему мы должны исключать вас из списка, мистер Рэфьел?

— Потому что если вы хотите обсуждать вопрос о моей пригодности на роль убийцы, то лучше это делать с кем-нибудь другим. Со мной это просто потеря времени. К тому же на эту роль я и в самом деле непригоден. Ведь я совершенно беспомощен, меня вытаскивают из постели, как куклу, одевают, катают в кресле. Разве я в состоянии кого-нибудь убить?

— Так же, как и все остальные, — с энтузиазмом ответила мисс Марпл.

— Каким же это образом?

— Ну вы же не станете спорить, что вы человек умный.

— Конечно, не стану, — согласился мистер Рэфьел. — Во всяком случае, я гораздо умнее любого представителя здешнего общества.

— А будучи умным человеком, — продолжала мисс Марпл, — вы могли суметь преодолеть физические трудности, неизбежные при убийстве.

— Это потребовало бы немало сил.

— Безусловно, — подтвердила мисс Марпл. — Но я считаю, мистер Рэфьел, что вы бы от этого только испытывали удовольствие.

Несколько секунд мистер Рэфьел молча смотрел на нее, потом внезапно расхохотался.

— А вы довольно нахальная особа! — воскликнул он. — Совсем не такая тихонькая старая леди, какой кажетесь на вид. Значит, вы в самом деле думаете, что я убийца?

— Нет, — сказала мисс Марпл. — Не думаю.

— Почему?

— Откровенно говоря, именно потому, что вы умный человек. Имея мозги, можно добиться всего, чего хочешь, не прибегая к убийству. Убийство — это глупость.

— И вообще, кого бы мне понадобилось вдруг убивать?

— Это довольно интересный вопрос, — улыбнулась мисс Марпл. — Но думаю, что обсуждать его с вами не доставило бы мне особой радости.

Мистер Рэфьел снова рассмеялся.

— Беседы с вами могут оказаться опасными, — заметил он.

— Беседы всегда опасны, если хочешь что-нибудь скрыть.

— По-видимому, вы правы. Ну, перейдем к

Джексону. Что вы думаете о нем?

— Трудно сказать. Мне еще не представилось возможности для беседы с ним.

— Значит, на этот счет у вас нет определенной точки зрения?

— Он немного напоминает мне, — задумчиво промолвила мисс Марпл, — Джонаса Пэрри, молодого человека, служившего в конторе неподалеку от деревни, где я живу.

— Ну? — осведомился мистер Рэфьел.

— Он оставлял желать лучшего, — закончила свою мысль мисс Марпл.

— Вы хотите сказать, как и Джексон? Меня-то он вполне удовлетворяет — первоклассно работает и не возражает, если его обругаешь. Джексон знает, что зарабатывает кучу денег, и поэтому вынужден со многим мириться. Конечно, особо доверять я бы ему не стал. Может быть, его прошлое безупречно, а может быть, и нет. Рекомендации у него были в порядке, но несколько сдержанные. К счастью, у меня нет никаких преступных тайн, и поэтому я неподходящий объект для шантажа.

— Нет тайн? — переспросила мисс Марпл. — Но ведь вы имеете деловые секреты?

— Во всяком случае, Джексону до них не добраться. И вообще, я не могу себе представить его

в роли убийцы. Это на него не похоже.

Помолчав, мистер Рэфьел заговорил снова:

— Знаете, если заглянуть назад и вспомнить всю эту фантастическую историю — майора Пэлгрейва с его невероятными рассказами и все остальное, — то развитие событий покажется нелогичным. Я — то лицо, которое должны были убить.

Мисс Марпл с удивлением посмотрела на него.

— Я — как раз подходящий тип, — объяснил мистер Рэфьел. — Кто всегда оказывается жертвой в детективных романах? Богатые старики.

— И всегда есть множество людей, жаждущих убрать их с дороги, чтобы получить их деньги, — закончила мисс Марпл. — У вас такие тоже имеются?

— Ну, — задумался мистер Рэфьел. — Я мог бы назвать вам пять-шесть человек в Лондоне, которые не станут особенно рыдать, если прочтут в «Таймс» известие о моей смерти. Но никто из них не стал бы принимать никаких мер, чтобы приблизить мою кончину. Да и зачем им это делать? Я ведь могу умереть со дня на день. Все и так удивляются, что я до сих пор копчу небо, — а доктора больше всех.

— Но вы, разумеется, очень хотите жить, — за-

метила мисс Марпл.

— Полагаю, вам это кажется странным? — осведомился мистер Рэфьел.

Мисс Марпл покачала головой.

— Нет, — возразила она. — По-моему, это вполне естественно. Жизнь представляется наиболее интересной как раз тогда, когда вы можете потерять ее. Может быть, это жестоко, но так оно и есть. Когда вы молоды, сильны и здоровы и перед вами еще долгие годы, то мысли о смерти вас не волнуют. Поэтому молодой человек может легко покончить с собой из-за несчастной любви или другого пустячного огорчения. Старики же знают, какая драгоценная и интересная вещь жизнь.

— Подумаешь, старые клячи! — фыркнул мистер Рэфьел.

— И все-таки я права, не так ли?

— О да, совершенно правы. Но вам не кажется, что я тоже прав, считая, что в качестве жертвы надо было избрать меня?

— Это зависит от того, имеет ли кто-нибудь причину желать вашей смерти, — сказала мисс Марпл.

— Никто, — ответил мистер Рэфьел. — Кроме, как я уже говорил, моих конкурентов в деловом мире, которые предпочли бы, чтобы я не слиш-

ком задерживался на этом свете. Я не так глуп, чтобы делить свои деньги между родственниками. Им достанется только небольшая часть после того, как правительство получит львиную долю. Все приготовления я уже сделал — дарственные, распоряжения об опеке над имуществом и все прочее.

— Кстати, Джексон ничего не выиграет от вашей смерти?

— Он не получит ни пенни, — весело ответил мистер Рэфьел. — Я плачу ему вдвое больше, чем платил бы любой другой, только потому, что он терпит мой плохой характер. Он прекрасно знает, что с моей смертью окажется в проигрыше.

— А миссис Уолтерс?

— То же самое. Эстер славная девушка, первоклассная секретарша, толковая, с хорошим характером, понимает меня с полуслова, не реагирует, когда я выхожу из себя, и ни на что не обижается. Она обращается со мной, как гувернантка с капризным младенцем. Конечно, иногда даже Эстер меня раздражает, но тут уж ничего не поделаешь. Ничего особо выдающегося в ней нет. Обыкновенная молодая женщина, но она устраивает меня больше, чем кто бы то ни было. У нее в жизни было немало огорчений. Эстер вышла

замуж за довольно скверного парня. По-моему, когда дело доходит до мужчин, то ее суждениям вообще нельзя доверять. Такие женщины попадаются на удочку любому проходимцу, если только он расскажет им историю о своей тяжелой жизни. Они убеждены, что все, что нужно мужчине, — это то, чтобы какая-нибудь женщина поняла его, и что стоит ему вступить в брак, как он тут же остепенится! Как же, держи карман! Как бы то ни было, ее супруг, к счастью, умер — хватил лишнего на вечеринке и угодил под автобус. У Эстер осталась дочь, и, чтобы содержать ее, она была вынуждена снова начать работать секретаршей. У меня она служит уже пять лет. Я сразу дал ей понять, что после моей смерти ей не на что рассчитывать. С самого начала я платил ей большое жалованье, которое каждый год увеличивал на четверть. Но людям нельзя до конца доверять, какими бы скромными и честными они ни казались. Поэтому я сказал Эстер, что не намерен завещать ей ни пенни. Пока я жив, ее жалованье постоянно увеличивается, и если она каждый год будет помещать солидную часть в банк — что, по-моему, она и делает, — то к тому времени, когда я протяну ноги, будет вполне обеспеченной женщиной. Я оплачиваю обучение ее дочери,

а когда она достигнет совершеннолетия, то получит некоторую сумму денег. Поэтому миссис Эстер Уолтерс может считать себя великолепно устроенной, а моя смерть будет означать для нее серьезные финансовые затруднения. — Он строго посмотрел на мисс Марпл. — Эстер очень благоразумная и прекрасно это сознает.

— Она ладит с Джексоном? — спросила мисс Марпл.

Мистер Рэфьел бросил на нее быстрый взгляд:

— Что-нибудь заметили, а? Да, Джексон в последнее время явно на нее поглядывает. Он, конечно, красивый парень, но ничего у него не выйдет. Помешают классовые различия. Будь она намного выше его, это бы не имело значения, но, так сказать, представители нижнего этажа среднего класса заботятся о таких вещах. Ее мать была школьной учительницей, а отец — банковским клерком. Конечно, для Джексона Эстер лакомый кусочек, но он его не получит.

— Тише, она идет сюда! — предупредила мисс Марпл.

Оба посмотрели на Эстер Уолтерс, идущую по дорожке.

— Красивая женщина, — заметил мистер Рэфьел, — но ни капли шика. Не знаю почему

— ведь она хорошо одевается.

Мисс Марпл вздохнула. Видя, как женщина пренебрегает возможностями, дарованными ей природой, другая женщина, как бы стара она ни была, никогда не может удержаться от вздоха. Недостаток Эстер назывался по-разному в течение различных периодов жизни мисс Марпл. «Не слишком привлекательна», «несексапильна» и тому подобное. Светлые красивые волосы, стройное сложение, карие глаза, отличная фигура, приятная улыбка, но нет в ней того, что заставляет встречных мужчин оборачиваться.

— Ей бы следовало снова выйти замуж, — сказала мисс Марпл, понизив голос.

— Конечно. Она, безусловно, была бы хорошей женой.

В этот момент Эстер Уолтерс присоединилась к ним, и мистер Рэфьел заговорил слегка наигранно:

— Вот и вы, наконец! Что вас задержало?

— Все словно сговорились посылать телеграммы сегодня утром, — ответила Эстер. — Хотят уезжать отсюда.

— Из-за убийства?

— Очевидно. Бедный Тим так расстроен.

— Еще бы. Для них это большая неудача.

— Да, в это предприятие они, наверное, много вложили и, естественно, хотели добиться успеха. Они так хорошо справлялись…

— Действительно, — согласился мистер Рэфьел. — Тим очень способный и трудолюбивый человек. Молли тоже симпатичная девушка — и хорошенькая к тому же. Они оба работали как негры, хотя здесь этот термин не вполне подходящий, ибо негры на этом острове работой себя не изнуряют. Я видел, как один парень карабкался на кокосовую пальму, чтобы добыть себе завтрак, а потом на полдня завалился спать. Неплохая жизнь. — И добавил: — Мы как раз обсуждали это убийство.

Эстер Уолтерс, казавшаяся слегка испуганной, повернулась к мисс Марпл.

— Я о ней неверно думал, — заявил мистер Рэфьел со свойственной ему откровенностью. — Мне казалось, что от таких старух нет никакого толку — одно вязание да сплетни. Но у этой есть глаза и уши, и она умеет ими пользоваться.

Эстер Уолтерс посмотрела на мисс Марпл, словно извиняясь за своего патрона, но та вовсе не казалась оскорбленной.

— Под этим подразумевается комплимент, — объяснила Эстер.

— Я так и поняла, — сказала мисс Марпл. — И еще я поняла, что мистер Рэфьел считает своей привилегией быть грубым, если ему этого хочется.

— Разве я был груб? — удивился мистер Рэфьел. — Простите, если я чем-нибудь вас обидел.

— Вы меня не обидели, — возразила мисс Марпл. — Вам я делаю скидку.

— Ну ладно, не надо злиться. Эстер, принесите стул и сядьте здесь. Вы можете оказаться полезной.

Эстер поднялась на террасу бунгало и принесла оттуда легкое плетеное кресло.

— Продолжим наше совещание, — заговорил мистер Рэфьел. — Мы говорили о покойном Пэлгрейве и его нескончаемых историях.

— Обычно я старалась по возможности прятаться от него, — вздохнула Эстер.

— Мисс Марпл была более терпеливой, — заметил мистер Рэфьел. — Скажите, Эстер, он рассказывал вам когда-нибудь историю об убийстве?

— Да, — ответила Эстер. — Несколько раз.

— Постарайтесь припомнить ее поточнее.

Эстер задумалась.

— Беда в том, — виновато сказала она, — что

я не слишком внимательно его слушала. Эта история мало чем отличалась от его рассказов о львах в Родезии, которые просто нельзя было выдержать.

— Ну, расскажите хотя бы, что вы помните.

— По-моему, это началось с какой-то газетной статьи об убийстве. Майор Пэлгрейв заявил, что у него в этой области богатый опыт, так как он встречался с убийцей лицом к лицу.

— Встречался?! — воскликнул мистер Рэфьел. — Он так и сказал: «встречался»?

Эстер выглядела смущенной.

— Кажется, да, — с сомнением промолвила она. — А может быть, он сказал: «Я могу показать вам убийцу».

— Но ведь это же вовсе не одно и то же.

— Я точно не помню. Как будто он сказал, что покажет мне чью-то фотографию.

— Это уже что-то.

— И потом, он много говорил о Лукреции Борджа.

— На этом можно не задерживаться. О Лукреции Борджа мы все знаем.

— Он говорил об отравителях, о том, что Лукреция была красивой рыжеволосой женщиной, и добавил, что в мире, возможно, существует гораз-

до больше отравительниц, чем мы думаем.

— Боюсь, что это весьма вероятно, — вставила мисс Марпл.

— Майор сказал, что яд — женское оружие.

— Кажется, он отклонился от исходной темы, — заметил мистер Рэфьел.

— Ну конечно. Он постоянно перескакивал с места на место. Под конец я просто переставала слушать и только иногда для виду вставляла отдельные реплики.

— Так что же было с этой фотографией?

— Не помню. Может быть, он увидел похожее лицо в газете…

— Он не показывал вам снимок?

— Снимок? Нет. — Эстер покачала головой. — Я уверена в этом. Он говорил, что она была очень красивой и что по ней никогда нельзя было сказать, что она убийца.

— Она?

— В том-то и дело! — воскликнула мисс Марпл. — Это все путает.

— Он говорил о женщине? — спросил мистер Рэфьел.

— Да.

— И на этом снимке была женщина?

— Да.

— Этого не может быть!

— Но это так, — настаивала Эстер. — Он сказал: «Она здесь, на этом острове. Я покажу вам ее и расскажу целую историю».

Мистер Рэфьел выругался. Высказывая свои мысли о покойном майоре Пэлгрейве, он не стеснялся в выражениях.

— Возможно, — закончил он, — в его болтовне вообще нет ни слова правды!

— Интересно, — пробормотала мисс Марпл.

— Конечно, — продолжал мистер Рэфьел, — старый дурак начинал с охотничьих историй. Охота на кабанов с копьем, стрельба по тиграм и слонам, чудесные спасения от львов. Одна или две из них, может быть, имели место. Остальные же были выдумкой или произошли с кем-то другим. Потом он перешел к теме убийства и тоже стал рассказывать одну историю за другой, причем так, будто они случались с ним самим. Десять против одного, что большинство из них — мешанина из того, что он читал в газетах или же видел по телевизору.

Мистер Рэфьел с сердитым лицом обернулся к Эстер:

— Вы же сами признаете, что слушали невнимательно. Может быть, вы его не поняли?

— Я уверена, что он говорил о женщине, — упорствовала Эстер. — Поэтому я и заинтересовалась, кто она.

— И кто же она, по-вашему? — спросила мисс Марпл.

Эстер покраснела и казалась смущенной.

— О, я… я бы не хотела…

Мисс Марпл не настаивала. Присутствие мистера Рэфьела, несомненно, препятствовало выяснению этого обстоятельства. Эстер могла поделиться своими подозрениями, только находясь наедине с другой женщиной. К тому же, возможно, Эстер Уолтерс лгала. Естественно, мисс Марпл не высказала это предположение вслух. Кроме того, она не очень в это верила. Во-первых, Эстер Уолтерс не казалась ей похожей на лгунью (хотя кто знает!), а во-вторых, мисс Марпл не могла найти причин для подобной лжи.

Мистер Рэфьел обернулся к мисс Марпл:

— Вы говорите, что он, рассказав вам об убийце, собирался показать его фотографию?

— По-моему, да.

— По-вашему? Раньше вы вроде были в этом уверены.

— Не так легко, передавая какой-нибудь разговор, точно придерживаться всех фраз своего

собеседника, — возразила мисс Марпл. — Вам кажется, что он сказал то, что вы считаете само собой разумеющимся, и вы впоследствии приписываете ему эти слова. Майор Пэлгрейв действительно поведал мне историю. Он говорил, что врач, рассказавший ему о ней, показал снимок убийцы, но если быть честной, то я должна признаться, что когда он предложил мне взглянуть на фотокарточку убийцы, то я, естественно, предположила, что это та самая карточка, о которой шла речь, то есть снимок именно того убийцы. Однако приходится допустить возможность — хотя и слабую, — что по ассоциации мыслей он переключился с того снимка, который ему показали в прошлом, на снимок кого-то, присутствующего здесь, кого он считал убийцей.

— О женщины! — раздраженно фыркнул мистер Рэфьел. — Вы все одинаковы! Точность вам недоступна, вы никогда ни в чем не уверены. Теперь к нашему списку прибавились Эвелин Хиллингдон и Лаки Дайсон, что окончательно все запутывает!

Послышалось тихое деликатное покашливание. Рядом с мистером Рэфьелом стоял Артур Джексон. Он появился так бесшумно, что никто его не заметил.

— Пришло время массажа, сэр, — напомнил он.

Мистер Рэфьел сразу же забрюзжал:

— Почему вы ступаете так неслышно? Вы меня напугали!

— Простите, сэр.

— Думаю, что сегодня я обойдусь без массажа. От него вообще нет никакого толку.

— О, сэр, вы не должны так говорить. — Джексон был полон энтузиазма профессионала. — Если вы бросите массаж, то сразу это почувствуете.

И он быстро покатил кресло к дому.

Мисс Марпл поднялась, улыбнулась Эстер и направилась к пляжу.

Глава 18
БЕЗ БЛАГОСЛОВЕНИЯ ЦЕРКВИ

Этим утром пляж был почти пуст. Грег с шумом плескался в воде; Лаки лежала на спине лицом вниз — ее загорелая спина блестела от масла, светлые волосы спускались на плечи. Хиллингдоны отсутствовали. Сеньора де Каспеаро, окруженная группой джентльменов, возлежала, обратив лицо к солнцу, и что-то говорила по-испански глубоким гортанным голосом. Несколько французских и итальянских детей, смеясь, играли у берега. Каноник и мисс Прескотт сидели в пляжных креслах, наблюдая за происходящим. Каноник, по-видимому, дремал, надвинув шляпу на глаза. Рядом с мисс Прескотт стояло пустое кресло, и мисс Марпл тут же воспользовалась им.

— О боже! — произнесла она с глубоким вздохом.

— Да, — вздохнула в ответ мисс Прескотт.

Эти слова выражали их отношение к насильственной смерти.

— Бедная девушка, — сказала мисс Марпл.

— Да, весьма прискорбное происшествие, — за-

говорил каноник.

— Сначала Джереми и я хотели уехать, — сообщила мисс Прескотт, — но потом изменили свое решение. Мне кажется, это было бы непорядочно по отношению к Кендалам. В конце концов, это же не их вина. Такое могло случиться где угодно.

— И в расцвете жизни нас ожидает смерть, — торжественно произнес каноник.

— Очень важно, — продолжала мисс Прескотт, — чтобы у Кендалов дела шли успешно. Ведь они вложили в это предприятие весь свой капитал.

— Молли очень славная девочка, — заметила мисс Марпл, — но в последнее время она неважно выглядит.

— Она очень нервничает, — согласилась мисс Прескотт. — Конечно, ведь ее семья… — Она покачала головой.

— По-моему, Джоан, — укоризненно сказал каноник, — есть вещи, о которых…

— Все об этом знают, — отмахнулась мисс Прескотт. — Ее семья живет неподалеку от нас. Двоюродная бабушка у нее была очень странная, а дядя однажды разделся догола на станции метро — кажется, на Грин-парк.

— Джоан, такие вещи не следует повторять!

— Печально, — покачала головой мисс Марпл,

— хотя это, по-моему, нередкая форма безумия. Когда я работала в организации по оказанию помощи Армении, один пожилой почтенный священник проделал вдруг то же самое. Позвонили его жене, она приехала и увезла его домой в кэбе, завернув в одеяло.

— Конечно, с близкими родственниками Молли все в порядке, — сказала мисс Прескотт. — Она, правда, не уживалась с матерью, но в наши дни с девушками это обычное явление.

— Очень жаль, — заметила мисс Марпл, — потому что девушке всегда необходимы знания и жизненный опыт ее матери.

— Вот именно, — подхватила мисс Прескотт. — Молли как-то познакомилась с совершенно неподходящим мужчиной.

— Это часто случается, — вставила мисс Марпл.

— Ее семью, естественно, это не обрадовало. Она ничего им не рассказала — они узнали все от совершенно постороннего человека. Разумеется, мать велела Молли привести его в дом, чтобы побеседовать с ним должным образом. Но девушка, как я поняла, отказалась это сделать, заявив, что для него будет унизительно, если его начнут осматривать, как лошадь.

Мисс Марпл вздохнула.

— Когда имеешь дело с молодежью, нужно обладать большим тактом, — сказала она.

— В итоге они запретили ей видеться с ним.

— Но в наше время это невозможно, — возразила мисс Марпл. — Девушки ходят на работу и встречаются с кем хотят, несмотря на все запреты.

— Но потом, к счастью, — продолжала мисс Прескотт, — она познакомилась с Тимом Кендалом, и тот субъект был вынужден исчезнуть со сцены. Представляете, как рада была ее семья!

— Надеюсь, они не высказывали своей радости слишком откровенно, — сказала мисс Марпл. — Это часто отвращает девушек от подходящих знакомых.

— Да, в самом деле.

Мысли мисс Марпл перенеслись в далекое прошлое, когда за игрой в крокет она познакомилась с одним молодым человеком. Он казался симпатичным, веселым, с почти что богемными взглядами. А потом он был неожиданно тепло принят ее отцом, его сочли за вполне подходящего жениха, несколько раз свободно принимали в доме, и мисс Марпл в конце концов показалось, что он очень-очень скучный.

Каноник, похоже, спал, и мисс Марпл предприняла попытку приблизиться к цели беседы.

— Вы, конечно, много знаете об этом месте, — заговорила она. — Ведь вы ездите сюда уже несколько лет подряд, не так ли?

— Да, мы уже приезжаем сюда четвертый год. Нам очень нравится Сент-Оноре. Здесь всегда такая приятная публика. Нет этих сорящих деньгами богачей.

— Значит, вы хорошо знаете Хиллингдонов и Дайсонов?

— Да, достаточно хорошо.

Мисс Марпл кашлянула и слегка понизила голос.

— Майор Пэлгрейв рассказывал мне одну интересную историю, — сказала она.

— О, у него этих историй был обширный репертуар. Конечно, он много путешествовал по Африке, Индии и даже, кажется, по Китаю.

— Да, действительно, — подтвердила мисс Марпл. — Но я не имела в виду это. Та история была связана с… ну, с одним из людей, о которых я только что упомянула.

— Ах вот как? — многозначительно промолвила мисс Прескотт.

— Да. И сейчас меня интересует… — Мисс

Марпл устремила взгляд туда, где лежала Лаки, подставив спину солнцу. — У нее красивый загар, — заметила она. — А какие чудесные волосы! Такого же цвета, как и у Молли Кендал, правда?

— С той разницей, — ответила мисс Прескотт, — что у Молли натуральный цвет, а у Лаки — нет.

— Право, Джоан, — неожиданно запротестовал снова пробудившийся каноник. — Не кажется ли тебе, что ты слишком беспощадна?

— Я вовсе не беспощадна, — ледяным голосом отозвалась мисс Прескотт, — а просто констатирую факт.

— А мне цвет ее волос очень нравится, — заявил каноник.

— Ну разумеется. Поэтому она и красит волосы. Но я уверяю тебя, дорогой Джереми, что никакую женщину это не обманет. Верно? — Она обернулась к мисс Марпл.

— Хотя у меня и нет вашего опыта, — ответила мисс Марпл, — но боюсь, что цвет действительно искусственный. У корней ее волосы темнеют каждый пятый или шестой день… — Она взглянула на мисс Прескотт, и обе кивнули с чисто женской уверенностью в своей правоте.

Каноник опять погрузился в дремоту.

— Майор Пэлгрейв рассказал мне очень необыч-

ную историю, — вполголоса заговорила мисс Марпл, — о… ну, я могла неточно его понять. Иногда я становлюсь туговатой на ухо. Как будто он намекал… — Она сделала паузу.

— Я знаю, что вы имеете в виду. В свое время об этом много говорили.

— В то время, когда…

— Когда умерла первая миссис Дайсон. Смерть ее была очень неожиданной. Все считали ее malade imaginaire[6] — ипохондричкой. Поэтому, когда она умерла от внезапного припадка, естественно, начались разговоры.

— А никаких… э-э… неприятностей тогда не было?

— Врач был удивлен. Это был еще молодой человек, не имевший достаточного опыта. Он принадлежал к тем докторам, которые все лечат антибиотиками. Такие не тратят много времени на внимательный осмотр и установление точного диагноза. Они прописывают больному какие-нибудь пилюли, а если от них не становится легче, то просто меняют лекарства. Да, он как будто удивился, но выяснилось, что у нее было что-то не так с желудком. По крайней мере,

---

[6] Примечания: 6
Мнимая больная *(фр.)*.

это утверждал ее муж, а причины предполагать что-нибудь другое вроде не было.

— Но вы сами думаете…

— Ну я, конечно, не могу утверждать ничего определенного, но, учитывая всеобщее мнение…

— Джоан! — воскликнул каноник, внезапно воинственно выпрямившись в кресле. — Я не желаю… мне неприятно слышать, как повторяют такие нездоровые сплетни. Мы всегда боролись против этого. Не смотреть на зло, не слушать о зле и, более того, не думать о зле — это должно стать девизом каждого христианина!

Две женщины погрузились в молчание. Получившие строгое воспитание, они не могли не считаться с критикой духовного лица. Но в глубине души они нисколько не раскаивались и даже чувствовали раздражение. Мисс Прескотт бросила на своего брата сердитый взгляд. Мисс Марпл вытащила вязанье. Но к счастью, судьба была на их стороне.

— Mon pure[7], — послышался тонкий пронзительный голосок.

Это была девочка-француженка, игравшая у моря вместе с другими детьми. Она незаметно

---

[7] Примечания: 7
Отец мой *(фр.).*

подошла к креслу каноника Прескотта.

— Mon pure, — повторила она.

— А? Да, дорогая? Oui, qu'est-ce qu'il y a, ma petite?[8]

Девочка объяснила. Они поспорили, кто следующий должен плавать на надувном матраце. Каноник Прескотт очень любил детей, особенно маленьких девочек, и с удовольствием играл роль арбитра в их небольших спорах. Он охотно встал и вместе с девочкой направился к морю. Мисс Марпл и мисс Прескотт испустили вздох облегчения и быстро повернулись друг к другу.

— Джереми, конечно, справедливо возражает против нездоровых сплетен, — промолвила мисс Прескотт, — но нельзя же не обращать внимания на то, что говорят люди. А в то время, как я уже сказала, разговоров было достаточно.

— Да? — Голос мисс Марпл явно поощрял мисс Прескотт к дальнейшим откровениям.

— Видите ли, эта молодая женщина — кажется, тогда ее звали мисс Грейторекс — приходилась как будто кузиной покойной миссис Дайсон и присматривала за ней — давала ей лекарства и так далее. — Последовала краткая, многозначи-

---

[8] Примечания: 8

Что случилось, дитя мое? *(фр.).*

тельная пауза. — И как я поняла, — мисс Прескотт понизила голос, — между мистером Дайсоном и мисс Грейторекс кое-что было. Это многие замечали. В таком месте, как это, на все обращаешь внимание. Потом произошла странная история с каким-то лекарством, за которым Эдуард Хиллингдон ходил в аптеку.

— Так Эдуард Хиллингдон тоже был замешан в этом?

— Да, говорили, что он тоже очень увлекся Лаки — мисс Грейторекс. А она натравливала друг на друга Хиллингдона и Грега Дайсона. Надо признать, что она всегда была очень привлекательной женщиной.

— Даже теперь, когда она не так уж молода, — вставила мисс Марпл.

— Разумеется. Правда, Лаки всегда хорошо одевалась и ловко пользовалась косметикой. Конечно, она не так ярко выглядела, когда была только бедной родственницей. О своей кузине Лаки как будто очень заботилась. Но в результате вышло вот что.

— А что это за случай с лекарством в аптеке? Как об этом стало известно?

— Ну, это случилось не в Джеймстауне. Думаю, когда они были на Мартинике. Французы, оче-

видно, менее осторожны с лекарствами, чем мы. Аптекарь кому-то сболтнул, и все выплыло наружу. Вы же знаете, как это бывает.

Мисс Марпл знала это лучше, чем кто бы то ни был.

— Он говорил, что полковник Хиллингдон просил, очевидно, неизвестное ему лекарство, так как все время смотрел на рецепт. Но, одним словом, пошли разговоры.

— Я не понимаю, почему полковник Хиллингдон… — Мисс Марпл задумчиво нахмурилась.

— Думаю, что его использовали в качестве слепого орудия. Как бы то ни было, Грегори Дайсон женился снова и в невероятно короткий срок — чуть ли не через месяц.

Они посмотрели друг на друга.

— Но настоящих подозрений не было? — спросила мисс Марпл.

— Нет, только разговоры. Возможно, за этим вообще ничего не было.

— А майор Пэлгрейв думал, что было.

— Он вам это говорил?

— Я не очень внимательно слушала, — сознался мисс Марпл. — Мне только хотелось бы знать… э-э… ну, не говорил ли он то же самое вам?

— На днях он мне как-то показал на нее, — ответила мисс Прескотт.

— Показал?

— Да. Сначала я решила, что он показывает на миссис Хиллингдон. Он усмехнулся и сказал: «Посмотрите-ка вон на ту женщину. По-моему, она совершила убийство и вышла сухой из воды». Конечно, я была шокирована и воскликнула: «Вы, разумеется, шутите, майор Пэлгрейв!» — а он ответил: «Да-да, дорогая леди, давайте назовем это шуткой». Дайсоны и Хиллингдоны сидели за столом недалеко от нас, и я боялась, что они могли услышать. А майор добавил: «Не подойти ли мне туда и не попросить кое-кого смешать мне коктейль? Это будет похоже на ужин с семейством Борджа».

— Как интересно! — воскликнула мисс Марпл. — А он не упоминал о фотографии?

— Не помню… Это была вырезка из газеты?

Собиравшаяся ответить мисс Марпл плотно сжала губы. Солнце закрыла чья-то тень. Сзади подошла Эвелин Хиллингдон.

— Доброе утро, — поздоровалась она.

— А я удивлялась, почему вас нет, — сказала мисс Прескотт.

— Я ездила в Джеймстаун за покупками. —

Увидев, что мисс Прескотт с рассеянным видом огляделась, Эвелин добавила: — Я не брала с собой Эдуарда — мужчины ведь ненавидят покупки.

— Нашли что-нибудь интересное?

— Нет, я только ходила в аптеку.

Улыбнувшись, она зашагала к морю.

— Приятная пара эти Хиллингдоны, — заметила мисс Прескотт, — хотя нелегко догадаться, что у нее на уме.

— Может быть, это к лучшему, — задумчиво промолвила мисс Марпл.

— Простите?

— Я только подумала, что ее мысли, возможно, многих бы шокировали.

Мисс Прескотт казалась удивленной.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — сказала она и продолжала, слегка переменив тему: — По-моему, у них прелестное имение в Хэмпшире и мальчик или даже два мальчика, которые недавно переехали в Винчестер.

— Вы хорошо знаете Хэмпшир?

— Почти совсем не знаю. Кажется, их дом где-то около Элтона.

— А где живут Дайсоны? — спросила мисс Марпл после небольшой паузы.

— В Калифорнии, — ответила мисс Прескотт.

— Правда, они редко бывают дома — постоянно путешествуют.

— Как мало знаешь о людях, с которыми встречаешься во время путешествий, — заметила мисс Марпл. — Я имею в виду, о них узнаешь только то, что они сами о себе рассказывают. Например, вы ведь сами не знаете, что Дайсоны живут в Калифорнии.

— Я уверена, что мистер Дайсон упоминал об этом, — удивленно сказала мисс Прескотт.

— Вот именно. Об этом я и говорю. То же самое и с Хиллингдонами. Когда вы сказали, что они живут в Хэмпшире, вы ведь просто повторили то, что они вам рассказывали, не так ли?

Мисс Прескотт выглядела слегка встревоженной.

— Вы имеете в виду, что они не живут в Хэмпшире? — спросила она.

— Вовсе нет, — возразила мисс Марпл. — Я просто привела их в качестве примера того, что мы знаем или не знаем о людях. Я уже говорила вам, что живу в Сент-Мэри-Мид — об этом местечке вы, несомненно, никогда не слышали. Но ведь вы знаете это только с моих слов, правда?

Мисс Прескотт с трудом удержалась от ответа, что ее мало волнует место жительства мисс

Марпл. Она знала только то, что это какая-то деревня на юге Англии.

— О, я понимаю, что вы имеете в виду, — поспешно сказала она. — Но ведь, находясь за границей, невозможно соблюдать подобную скрупулезность.

— Я имела в виду не совсем это, — заметила мисс Марпл.

В ее голове теснились странные мысли. Откуда она знает, что каноник и мисс Прескотт действительно были каноником и мисс Прескотт? Они так говорили, и этому ничто не противоречило. Ведь надеть на себя высокий воротник, раздобыть соответствующую одежду и вести подобающие беседы ничего не стоило. Если только у них для этого была причина.

Мисс Марпл многое знала о священниках из тех краев, где она жила, но Прескотты приехали с севера, кажется из Дерема. Мисс Марпл не сомневалась, что они были именно теми, за кого себя выдавали, но все же, как она только что говорила, приходится верить на слово.

Да, это надо учитывать. Может быть… Мисс Марпл задумчиво покачала головой.

Глава 19
О ПОЛЬЗЕ ТУФЕЛЬ

Каноник Прескотт вернулся на место слегка задыхаясь — игра с детьми его порядком утомила.

Вскоре он со своей сестрой направился в отель, решив, что на пляже слишком жарко.

— А разве на пляже не должно быть жарко? — презрительно усмехнулась сеньора де Каспеаро, когда Прескотты скрылись. — Какая чепуха! Конечно, ей будет жарко — ведь у нее закрыты даже руки и шея. Может быть, это и к лучшему — кожа у нее безобразная, как у ощипанной курицы.

Мисс Марпл глубоко вздохнула. Сейчас как раз наступил нужный момент для беседы с сеньорой де Каспеаро. Но, как назло, она не знала, с чего начать. У них не было никаких общих тем для разговора.

— У вас есть дети, сеньора? — спросила мисс Марпл.

— У меня есть три ангела, — ответила сеньора де Каспеаро, поцеловав кончики своих пальцев.

Мисс Марпл не поняла, означала ли эта фраза то, что отпрыски сеньоры пребывают на небесах,

или же она относилась к их характерам.

Один из вертевшихся вокруг джентльменов произнес что-то по-испански, и сеньора де Каспеаро, запрокинув голову, залилась громким и мелодичным смехом.

— Вы поняли, что он сказал? — спросила она у мисс Марпл.

— Боюсь, что нет, — виновато ответила мисс Марпл.

— Это даже лучше. Он довольно злой человек.

За этим последовал быстрый обмен испанскими шутками.

— Это просто позор! — с внезапной серьезностью заговорила сеньора де Каспеаро, вновь возвращаясь к английскому языку. — Полиция не позволяет нам уехать с этого острова. Я прошу, кричу, топаю ногами, а они говорят «нет» — и все! Кончится тем, что нас всех перебьют.

Телохранитель сеньоры попытался ее успокоить.

— Не спорьте, здесь нет ничего хорошего. Я с самого начала это знала… Этот противный майор — у него был дурной глаз, помните? Его глаза смотрели в разные стороны, а это скверная примета. Каждый раз, когда он смотрел в мою сторону, я делала знак рогов. — И сеньора тут же

это продемонстрировала. — Хотя из-за его косоглазия я не всегда понимала, на меня он смотрит или нет.

— У него был стеклянный глаз, — объяснила мисс Марпл. — Насколько я поняла, майор лишился глаза еще в молодости, во время несчастного случая. Он в этом не виноват.

— А я вам говорю, что он накликал сюда беду, потому что у него был дурной глаз.

И сеньора де Каспеаро снова изобразила «знак рогов» — чисто латинский жест, — выставив вперед указательный палец и мизинец и поджав два средних пальца.

— Как бы то ни было, — весело сказала она, — он умер, и мне больше не придется на него смотреть. Я вообще не люблю смотреть ни на что безобразное.

Мисс Марпл это показалось довольно жестокой эпитафией на могилу майора Пэлгрейва.

Из воды вышел Грегори Дайсон. Лаки перевернулась на песке. Эвелин Хиллингдон посмотрела на Лаки, и выражение ее лица почему-то заставило мисс Марпл поежиться.

«Ведь под таким жарким солнцем я никак не могла замерзнуть», — подумала она.

Поднявшись, мисс Марпл медленно побрела к

своему бунгало.

По дороге она встретила мистера Рэфьела и Эстер Уолтерс, идущих на пляж. Мистер Рэфьел подмигнул ей, но мисс Марпл не стала подмигивать в ответ. Она казалась расстроенной.

Наконец мисс Марпл вошла в бунгало и улеглась на койку. Она чувствовала себя старой, утомленной и обеспокоенной.

Она не сомневалась, что нельзя терять времени… Становилось поздно. Солнце клонилось к закату. Надо было посмотреть на него сквозь закопченное стекло… Где же тот кусочек стекла, который ей кто-то дал?..

Нет, не стоит. Тень закрыла солнце… Тень Эвелин Хиллингдон? Нет, не Эвелин… Тень смерти! Она должна… Но что она должна — сделать «знак рогов», чтобы отвести дурной глаз майора Пэлгрейва?

Ее веки дрогнули. Она проснулась. Но тень в самом деле была — кто-то смотрел в окно.

Тень исчезла, и мисс Марпл увидела, что это был Джексон.

«Какое нахальство! — подумала она. — Действительно, совсем как Джонас Пэрри».

Сравнение это не делало чести Джексону.

Интересно, зачем он заглядывал к ней в окно?

Чтобы посмотреть, дома ли она? А может быть, узнать, спит она или нет?

Мисс Марпл встала, пошла в ванную и осторожно выглянула в окно.

Артур Джексон стоял у двери соседнего бунгало — бунгало мистера Рэфьела. Она видела, как он огляделся и быстро скользнул внутрь. Любопытно, что означает этот взгляд? Ведь то, что Джексон вошел в бунгало мистера Рэфьела, было вполне естественно, так как у него самого была комната в задней части домика. Он всегда входил туда и выходил оттуда по разным поручениям. Тогда к чему же этот быстрый, вороватый взгляд?

«Этому может быть только одна причина, — подумала мисс Марпл, отвечая на собственный вопрос. — Джексон хотел убедиться, что никто не видит, как он входит в дом именно в данный момент, потому что он собирается там что-то проделать».

В это время все, конечно, находились на пляже, кроме тех, кто отправился в экспедицию. Примерно через двадцать минут Джексон должен пойти на пляж, чтобы помочь мистеру Рэфьелу окунуться в море. Если он хотел что-то тайком сделать в бунгало, то сейчас был самый подходящий момент. Он убедился, что мисс Марпл

спит и что поблизости нет никого, кто бы мог за ним наблюдать. Ну, теперь пришел ее черед действовать!

Сев на кровать, мисс Марпл сняла сандалии и заменила их парой тапочек на резиновой подошве. Затем, покачав головой, она сняла тапочки, порылась в чемодане и вытащила оттуда пару туфель, каблук одной из которых, после того как она споткнулась о порог, находился в весьма рискованном состоянии. С помощью гвоздя мисс Марпл сделала его еще менее надежным. Затем, соблюдая необходимую осторожность, она вышла из дома в одних чулках, неся туфли в руках. Словно охотник, подкрадывающийся к стаду антилоп, мисс Марпл приблизилась к бунгало мистера Рэфьела. Зайдя за угол дома, она надела туфлю и, окончательно оторвав каблук от второй, опустилась на колени под окном. Если бы Джексон что-нибудь услышал и выглянул из окна, то старая леди сказала бы ему, что она упала, потому что у нее отломался каблук. Но Джексон, очевидно, ничего не слышал.

Медленно мисс Марпл подняла голову. Окна в бунгало были очень низкими. Скрываясь за гирляндой вьющегося растения, она заглянула внутрь…

Джексон стоял на коленях перед чемоданом. Крышка была поднята, и мисс Марпл увидела, что в чемодане было несколько отделений, заполненных бумагами, которые просматривал Джексон, иногда вытаскивая документы из длинных конвертов. Мисс Марпл недолго оставалась на своем наблюдательном посту. Ей только хотелось узнать, чем занимается Джексон, и теперь она это знала. Джексон совал нос в чужие дела. Искал ли он что-нибудь конкретное или же просто следовал своим инстинктам, она сейчас не могла судить. Но это подтвердило ее мнение, что Артур Джексон и Джонас Пэрри походили друг на друга не только внешне.

Теперь ей надо было ретироваться. Мисс Марпл снова опустилась на колени и ползла вдоль газона до тех пор, пока не достигла места, где из окна ее нельзя было увидеть. Войдя в бунгало, мисс Марпл аккуратно спрятала в чемодан туфлю с отломанным каблуком — ведь в один прекрасный день она снова может ей понадобиться. Надев сандалии, она направилась на пляж.

Выбрав момент, когда Эстер Уолтерс пошла купаться, мисс Марпл села в кресло.

Грег и Лаки смеялись и шумно болтали с сеньорой де Каспеаро.

Мисс Марпл заговорила очень тихо, не глядя на мистера Рэфьела:

— Вы знаете, что Джексон сует нос в ваши дела?

— Это меня не удивляет, — отозвался мистер Рэфьел. — А вы что, поймали его за этим занятием?

— Я смогла понаблюдать за ним через окно. Он открыл один из ваших чемоданов и просматривал лежащие там бумаги.

— Должно быть, ему удалось достать ключ. Находчивый парень! Но он будет разочарован. Никакой пользы ему это не принесет.

— Сейчас он идет сюда, — сообщила мисс Марпл, взглянув в сторону отеля.

— Пришло время для этого идиотского купания. Что же касается вас, — тихо добавил он, — то лучше не лезьте на рожон. Жаль, если следующие похороны будут вашими. Помните о своем возрасте и будьте осторожны. Учтите: здесь действует кто-то, не особенно разборчивый в средствах.

Глава 20
НОЧНАЯ ТРЕВОГА

1

Наступил вечер. На террасе зажглись лампы. Люди обедали, разговаривали и смеялись, хотя менее громко и беззаботно, чем день или два назад. Стил-бэнд гремел, как всегда, но танцы кончились рано. Все, зевая, отправились спать. Свет погас. В «Золотой пальме» наступил покой и тишина…

— Эвелин, Эвелин! — послышался резкий шепот.

Эвелин Хиллингдон вздрогнула и повернулась.

— Эвелин. Пожалуйста, проснитесь.

Эвелин поднялась с подушки. В дверях стоял Тим Кендал. Она удивленно посмотрела на него.

— Простите, Эвелин, не могли бы вы прийти к нам? Молли заболела. Не знаю, что с ней случилось. Нужно что-то предпринять.

Эвелин быстро приняла решение:

— Хорошо, Тим. Вы возвращайтесь к ней, а я скоро приду.

Тим Кендал удалился. Эвелин соскочила с по-

стели, накинула халат и взглянула на соседнюю кровать. Ее муж как будто не проснулся. Он лежал, повернув голову, его дыхание было ровным и спокойным. Подумав, Эвелин решила не будить его. Она вышла из своего бунгало и, пройдя здание отеля, очутилась у бунгало Кендалов, в дверях которого стоял Тим.

Молли лежала на кровати. Ее глаза были закрыты, дышала она неестественно ровно. Эвелин наклонилась над ней, пощупала пульс, приподняла веко и бросила взгляд на столик у кровати. Там стоял стакан и пустой пузырек. Она взяла его.

— Там были ее снотворные таблетки, — сказал Тим, — но вчера или позавчера флакон был пуст только наполовину. Я думаю, она выпила слишком большую дозу.

— Пойдите и приведите доктора Грейема, — приказала Эвелин. — По дороге разбудите кого-нибудь из ваших поваров и скажите, чтобы он сварил крепкий кофе. Только, пожалуйста, побыстрее.

Тим исчез. Выйдя, он столкнулся с Эдуардом Хиллингдоном.

— О, простите, Эдуард.

— Что здесь происходит? — осведомился Эдуард Хиллингдон. — Что происходит?

— Молли плохо. С ней Эвелин. Я должен найти доктора. Очевидно, мне следовало бежать к нему в первую очередь, но я… я растерялся и решил посоветоваться с Эвелин. Молли бы наверняка рассердилась, если бы я зря вызвал врача.

Он убежал прочь. Эдуард Хиллингдон посмотрел ему вслед, потом вошел в спальню.

— Что случилось? — спросил он. — Что-нибудь серьезное?

— О, вот и ты, Эдуард. А я думала, проснулся ты или нет. Бедная девочка отравилась.

— Это опасно?

— Смотря сколько она приняла. Думаю, что мы поспели вовремя. Я послала за кофе.

— Но почему она это сделала? Тебе не кажется… — Он внезапно умолк.

— Что мне не кажется? — переспросила Эвелин.

— Ты не думаешь, что это из-за расследования, полиции и прочего?

— Очень может быть. Нервных людей это всегда расстраивает.

— Молли никогда не казалась нервной.

— Трудно сказать, — возразила Эвелин. — По внешнему виду не всегда можно определить. Иногда теряют над собой контроль такие люди,

от которых этого уж никак нельзя было ожидать.

— Да. Я понимаю… — И он снова умолк.

— Все дело в том, — продолжала Эвелин, — что никто не знает друг друга до конца — даже самого близкого человека.

— По-моему, Эвелин, ты преувеличиваешь.

— Едва ли. Думая о людях, ты представляешь их такими, какими их сам себе воображаешь.

— Я знаю тебя, — тихо произнес Эдуард Хиллингдон.

— Ты только думаешь, что знаешь.

— Нет, я уверен. — И он добавил: — А ты так же уверена во мне.

Эвелин посмотрела на него, потом обернулась к кровати и встряхнула Молли за плечи.

— Нужно что-то делать, но придется подождать доктора Грейема. О, кажется, я слышу их шаги.

2

— Ну, вот и все. — Доктор Грейем шагнул назад, вытер лоб носовым платком и облегченно вздохнул.

— Вы считаете, сэр, что с ней будет все в порядке? — с беспокойством осведомился Тим.

— Да-да. Мы поспели вовремя. И вообще, может быть, она приняла дозу, недостаточную для

того, чтобы убить себя. Через пару дней она будет совершенно здорова, но эти два дня будет чувствовать себя весьма скверно. — Он поднял пустой пузырек. — Кто дал ей это?

— Врач в Нью-Йорке. Она неважно спала.

— Да, снотворные теперь выдаются свободно. Никто не советует молодым женщинам, страдающим бессонницей, считать слонов, съесть бисквит или написать пару писем, а потом снова лечь в постель. В наши дни все требуют более действенных средств. Иногда я очень сожалею о подобном вольном обращении со снотворным. Люди должны научиться сами справляться с такими неприятностями. Конечно, можно сунуть ребенку в рот соску, чтобы он перестал кричать, но нельзя же проделывать это с ним всю жизнь. — Он усмехнулся. — Держу пари, если вы спросите мисс Марпл, что она делает, когда не может заснуть, то мисс Марпл ответит вам, что она считает слонов.

Молли слегка пошевелилась, и доктор обернулся к кровати. Глаза девушки были открыты. Она смотрела на окружающих, словно не узнавая их. Доктор Грейем взял ее за руку:

— Ну, дорогая моя, что же вы с собой натворили?

Молли молча моргала глазами.

— Почему ты сделала это, Молли, почему? Скажи мне! — Тим взял ее за другую руку.

Глаза Молли остановились на Эвелин Хиллингдон. Казалось, в них мелькнул вопрос.

— Меня привел Тим, — сказала Эвелин.

Молли перевела взгляд на Тима, потом на доктора Грейема.

— На этот раз все обошлось, — заявил доктор Грейем, — но больше так не делайте.

— Она вовсе не хотела этого делать, — спокойно сказал Тим. — Я в этом уверен. Молли просто захотелось хорошо поспать. Возможно, таблетки сразу не подействовали, и она приняла еще несколько штук. Правда, Молли?

Но Молли отрицательно покачала головой.

— Ты хочешь сказать… значит, ты сделала это нарочно? — спросил Тим.

— Да, — впервые заговорила Молли.

— Но зачем, Молли, зачем?

Веки девушки дрогнули.

— Боюсь, — еле слышно шепнула она.

— Боишься? Чего?

Но Молли снова закрыла глаза.

— Лучше дайте ей прийти в себя, — посоветовал доктор Грейем.

Но Тима уже нельзя было остановить.

— Чего ты боялась? Полиции? Потому что они приставали к тебе с вопросами? Ну, это может напугать кого угодно. Но ведь это их работа. Никто никогда не думал… — Он осекся.

Доктор Грейем выразительно покачал головой.

— Я хочу спать, — сказала Молли.

— Для вас это самое лучшее, — кивнул доктор Грейем.

Он двинулся к двери, остальные последовали за ним.

— Теперь она крепко заснет, — сказал Грейем.

— Я что-нибудь должен сделать? — спросил все еще встревоженный Тим.

— Если хотите, я останусь, — предложила Эвелин.

— Нет, теперь все будет в порядке, — сказал Тим.

Эвелин снова подошла к кровати:

— Мне остаться с вами, Молли?

Глаза Молли опять открылись.

— Нет, — ответила она и добавила после паузы: — Только Тим.

Тим вернулся назад и уселся у кровати.

— Я здесь, Молли, — сказал он и взял ее за руку. — Постарайся заснуть. Я тебя не оставлю.

Она слабо вздохнула и закрыла глаза.

Выйдя из бунгало, доктор и Хиллингдоны остановились.

— Вы уверены, что я ничем не могу помочь? — спросила Эвелин.

— Да, благодарю вас, миссис Хиллингдон. Ей сейчас, кроме мужа, никто не нужен. Но завтра кому-то придется с ней побыть — ведь Кендал, в конце концов, должен заниматься делами отеля.

— Вы думаете, она может… снова попытаться? — спросил Хиллингдон.

Грейем с раздражением потер переносицу.

— В таких случаях это трудно предугадать. Вообще-то это очень маловероятно. Как вы сами видите, самочувствие ее довольно неприятное. Но конечно, все предвидеть невозможно. Она могла спрятать где-нибудь еще несколько таблеток.

— Никогда бы не подумал, что такая девушка, как Молли, может решиться на самоубийство, — заявил Хиллингдон.

— Люди, которые все время говорят о самоубийстве, — сухо заметил Грейем, — обычно ограничиваются разговорами, давая этим выход своим чувствам.

— Но Молли всегда казалась такой счастливой… — Эвелин заколебалась. — Я должна кое-что

рассказать вам, доктор Грейем.

Она сообщила ему о своей беседе с Молли на пляже в тот вечер, когда убили Викторию. Когда Эвелин закончила, лицо Грейема стало очень серьезным.

— Я рад, что вы рассказали мне это, миссис Хиллингдон. К сожалению, налицо очень неблагоприятные признаки. Надо будет утром поговорить с ее мужем.

3

— Я хочу серьезно поговорить с вами о вашей жене, Кендал.

Они сидели в кабинете Тима. Эвелин Хиллингдон дежурила у постели Молли, а Лаки обещала сменить ее. Мисс Марпл тоже предложила свои услуги. Бедный Тим разрывался между отелем и больной женой.

— Не понимаю, — сказал Тим. — Не могу понять, что происходит с Молли. Она совершенно переменилась.

— Насколько я понял, она видит дурные сны?

— Да, она часто жалуется на это.

— И давно?

— О, не знаю. По-моему, уже месяц, а может быть, и дольше. Она… мы думали, что это просто…

ну, обычные ночные кошмары.

— Допустим. Но более серьезные опасения внушает тот факт, что она, кажется, кого-то боится. На это она вам тоже жаловалась?

— Да. Один или два раза она говорила, что ее преследуют.

— Ага! Шпионят за ней?

— Да, она как-то использовала этот термин. Молли говорила, что ее преследуют враги.

— А у нее были враги, мистер Кендал?

— Нет. Конечно нет.

— И никаких неприятных инцидентов в Англии, возможно, до вашего брака?

— Нет, ничего такого вроде бы не было. Она только не слишком ладила с матерью, но та была эксцентричная особа, с которой вообще нелегко было ужиться.

— А были ли в ее семье какие-нибудь признаки психического расстройства?

Тим открыл было рот, но тут же закрыл его, нервно теребя лежащую на письменном столе авторучку.

— Должен заметить, Тим, — продолжал доктор, — что для вас лучше быть полностью со мной откровенным.

— Ну, кое-какие отклонения там были. Прав-

да, ничего серьезного, но ее тетя, кажется, была немного свихнувшейся. Ведь такое встречается в каждой семье.

— Да, вы совершенно правы. Я вовсе не стараюсь тревожить вас напрасно, но подобные случаи могут указывать на тенденцию терять самообладание и воображать неизвестно что при каждом стрессе.

— Я об этом не так уж много знаю, — сказал Тим. — В конце концов, люди не любят выбалтывать семейные тайны.

— Да, разумеется. А может быть, Молли до вас была с кем-то помолвлена и этот человек потом стал ей угрожать?

— Не думаю. Действительно, когда мы познакомились, Молли была помолвлена с каким-то мужчиной. Насколько я понял, ее родители резко возражали против такой партии, и Молли, по-моему, продолжала встречаться с этим парнем только из духа противоречия. — Тим усмехнулся. — Молодые всегда так поступают.

— Да, это обычное дело, — улыбнулся в ответ доктор Грейем. — Против нежелательных друзей своих детей лучше не возражать — они, как правило, сами от них отвыкают. А этот человек никогда не угрожал Молли?

— Конечно нет. Она бы мне сказала. Молли сама говорила, что это была глупая детская привязанность, возникшая главным образом из-за того, что у него была плохая репутация.

— Ну что ж, очевидно, это и в самом деле чепуха. Перейдем к дальнейшему. Как я понял, у вашей жены случалось нечто вроде провалов памяти — короткие промежутки времени, о которых она ничего не помнила. Вы знали об этом, Тим?

— Нет, — медленно произнес Тим, — не знал. Она никогда мне об этом не говорила. Правда, я иногда замечал, что у нее какой-то отсутствующий вид и... — Он сделал паузу, задумавшись. — Да, вы правы, это объясняет все. Я часто не мог понять, почему она забывает самые простейшие вещи и иногда даже не помнит, утро сейчас или полдень. Но я думал, что это простая рассеянность.

— Как бы то ни было, Тим, я настоятельно советую вам показать вашу жену какому-нибудь хорошему специалисту.

Лицо Тима побагровело от гнева.

— Очевидно, вы имеете в виду психиатра?

— Право, не стоит расстраиваться из-за терминологии. Невропатолога, психиатра — одним словом, врача — специалиста по нервным рас-

стройствам. Такой врач есть в Кингстоне и, разумеется, в Нью-Йорке. По-видимому, что-то служит причиной нервного возбуждения вашей жены. Возможно, она сама толком не знает о причине. Поэтому я советую вам, Тим, заняться этим как можно скорее. — Он похлопал молодого человека по плечу и поднялся. — Пока что беспокоиться не о чем. У вашей жены много друзей, и мы не спустим с нее глаз.

— Она не… Неужели вы думаете, что она снова попытается?

— Я считаю это весьма маловероятным, — ответил доктор Грейем.

— Но вы не уверены? — настаивал Тим.

— Одно из правил моей профессии — никогда ни в чем не быть уверенным. — Он снова положил руку на плечо Тима. — Не стоит так волноваться.

— Легко сказать, — проворчал Тим, когда доктор вышел из кабинета. — Не волноваться! Из чего, он полагает, я сделан?

Глава 21
ДЖЕКСОН И КОСМЕТИКА

— Вы действительно согласны, мисс Марпл? — спросила Эвелин Хиллингдон.

— Ну конечно, дорогая, — ответила мисс Марпл. — Я очень рада принести хоть какую-нибудь пользу, а то, знаете, в мои годы чувствуешь себя совершенно бесполезной, особенно на отдыхе, когда нет никаких обязанностей. Я с удовольствием посижу с Молли. А вы поезжайте в экспедицию. Сегодня вы едете на мыс Пеликан?

— Да, — сказала Эвелин. — Нам с Эдуардом нравится это место. Так интересно смотреть на птиц, ныряющих за рыбой. Сейчас у Молли Тим, но у него много дел, а он, кажется, не хочет оставлять Молли одну.

— Он совершенно прав, — заявила мисс Марпл. — Ведь когда человек один раз сделал такую попытку, то никогда нельзя быть уверенным… Ну, до свидания, дорогая.

Эвелин присоединилась к поджидавшей ее небольшой группе, состоящей из ее мужа, Дайсонов и еще четырех человек. Мисс Марпл

отложила вязанье, проверила, все ли она взяла с собой, и направилась к бунгало Кендалов.

Поднявшись в лоджию, она услышала голос Тима через полуоткрытое французское окно.

— Скажи мне, Молли, почему ты это сделала? Что заставило тебя? Может быть, в этом виноват я? Должна же быть какая-то причина. Пожалуйста, скажи мне.

— Я не знаю, Тим. Не знаю. Очевидно, со мной что-то случилось.

Мисс Марпл постучала в окно и вошла.

— А, вот и вы, мисс Марпл. Очень любезно с вашей стороны.

— Что вы, — ответила мисс Марпл. — Я с удовольствием помогу вам. Можно я сяду в это кресло? Вы выглядите гораздо лучше, Молли. Я очень рада.

— Со мной все в порядке, — сказала Молли. — Я… я просто сонная.

— Лежите спокойно и отдыхайте — я не буду отвлекать вас разговорами, — пообещала мисс Марпл. — У меня с собой вязанье.

Тим Кендал бросил на нее благодарный взгляд и вышел. Мисс Марпл поудобнее устроилась в кресле.

Молли лежала слева от нее. Лицо ее казалось

измученным и опустошенным, на нем застыло какое-то бессмысленное выражение.

— Спасибо вам, мисс Марпл, — тихо прошептала она. — Я, пожалуй, посплю.

Она повернулась на подушках и закрыла глаза. Ее дыхание стало более ритмичным, но все еще оставляло желать лучшего. Имеющая за плечами долгий опыт сиделки, мисс Марпл почти машинально поправила простыню и попыталась засунуть ее под матрац. При этом ее рука наткнулась на какой-то твердый прямоугольный предмет, лежащий под матрацем. Удивленная, мисс Марпл вытащила его. Это была книга. Мисс Марпл бросила быстрый взгляд на девушку, но Молли лежала неподвижно. Очевидно, она спала. Мисс Марпл открыла книгу. Это оказалась популярная работа о нервных болезнях. Она была открыта на той странице, где описывались начальные симптомы мании преследования и вообще шизофрении и сходных с ней заболеваний.

Изложенный в книге материал был легко понятен любому непрофессионалу. Во время чтения лицо мисс Марпл становилось все более и более серьезным. Через две минуты она закрыла книгу и задумалась, потом склонилась вперед и осторожно засунула книгу на прежнее место

под матрац.

Покачав головой, мисс Марпл бесшумно встала, сделала несколько шагов к окну и внезапно резко обернулась. Глаза Молли были открыты, но, как только мисс Марпл повернула голову, они снова закрылись. Мисс Марпл стояла в нерешительности: может быть, ей только привиделся быстрый, тревожный взгляд девушки? Значит, Молли только притворялась, что спит? Это могло иметь вполне естественное объяснение. Она, возможно, боялась, что мисс Марпл начнет говорить с ней, и поэтому прикидывалась спящей.

Но почему же ей почудилось во взгляде Молли какое-то неприятное, хитрое выражение?

Мисс Марпл решила как можно скорее переговорить с доктором Грейемом. Она снова села в кресло у кровати и через пять минут решила, что Молли и в самом деле заснула. Если бы она притворялась, то не могла бы лежать так спокойно и дышать так ровно. Мисс Марпл опять поднялась. Сегодня на ней были туфли на резиновой подошве — обувь не слишком элегантная, но зато просторная и вполне соответствующая местному климату.

Мисс Марпл неслышно прошлась по спальне, остановившись у обоих окон, выходивших в про-

тивоположных направлениях.

Территория отеля казалась пустынной. Вернувшись к креслу и собираясь сесть, мисс Марпл услышала слабый звук снаружи. Неужели это скрип башмака на веранде? После недолгого колебания мисс Марпл подошла к французскому окну, открыла его пошире, вышла наружу и заговорила, обернувшись к комнате:

— Я отлучусь только на минутку, дорогая, — пройду к себе в бунгало и посмотрю, не забыла ли я там свои выкройки. Я была уверена, что взяла их с собой. А вы лежите спокойно.

«Бедняжка действительно спит, — подумала она. — Ну что ж, это к лучшему».

Пройдя по лоджии, мисс Марпл спустилась с лесенки и свернула на тропинку вправо. Если бы за ней наблюдал кто-нибудь стоявший у кустов гибискуса, то он был бы удивлен, увидев, что мисс Марпл внезапно направилась к газону, обогнула бунгало сзади и снова вошла в него через вторую дверь. Пройдя через маленькую комнатку, которую Тим иногда использовал в качестве неофициального кабинета, она очутилась в гостиной.

Полуопущенные занавеси создавали в комнате прохладный полумрак. Отодвинув одну из них,

мисс Марпл стала ждать. Отсюда она сразу бы заметила любого человека, приближавшегося к спальне Молли.

Через четыре-пять минут мисс Марпл увидела Джексона, который в своей аккуратной белой униформе поднялся по ступенькам на лоджию. Подождав немного, он постучал в открытую створку французского окна. Ответа не последовало. Быстро оглядевшись вокруг, Джексон скользнул внутрь. Мисс Марпл подошла к двери, ведущей в спальню, и продолжала наблюдение сквозь щель.

Войдя в комнату, Джексон приблизился к кровати и несколько минут смотрел на спящую девушку. Затем он обернулся и направился к двери, ведущей в ванную. Брови мисс Марпл удивленно полезли вверх. Подумав, она вышла в коридор и оттуда зашла в ванную через другую дверь.

Джексон моментально прервал обследование полки над раковиной. Он казался сбитым с толку, что было неудивительно.

— О! — воскликнул он. — Я… я не…

— Мистер Джексон? — удивленно произнесла мисс Марпл.

— Я так и думал, что вы где-то здесь, — вздохнул

Джексон.

— Что вам нужно? — спросила мисс Марпл.

— Ну, вообще-то говоря, — ответил Джексон, — я только хотел взглянуть, какого сорта у миссис Кендал крем для лица.

Увидев, что Джексон в самом деле держит в руке баночку с кремом для лица, мисс Марпл оценила его находчивость.

— Приятный запах, — продолжал он, сморщив нос. — Отличная штука. Более дешевые сорта не всегда хорошо действуют, а у некоторых даже вызывают сыпь. С пудрой иногда случается то же самое.

— Вы, кажется, хорошо разбираетесь в этом вопросе, — заметила мисс Марпл.

— Я немного работал фармацевтом, — сказал Джексон, — и узнал многое о косметических препаратах. Стоит их покрасивее упаковать, так их любая женщина купит.

— И только ради этого… — начала мисс Марпл.

— Нет, я пришел сюда не беседовать о косметике, — признался Джексон.

«У тебя не было времени, чтобы придумать подходящую ложь, — подумала мисс Марпл. — Ладно, посмотрим, как ты теперь выкрутишься».

— На днях, — продолжал Джексон, — миссис

Уолтерс одолжила свою губную помаду миссис Кендал. Вот я и пришел, чтобы взять ее отсюда. Я постучал в окно и, увидев, что миссис Кендал крепко спит, решил просто войти в ванную и поискать помаду.

— И вы нашли ее? — осведомилась мисс Марпл.

Джексон покачал головой.

— Возможно, она лежит у нее в сумочке, — беспечно произнес он. — Ну, ничего. Миссис Уолтерс вовсе не беспокоилась. Она просто как-то припомнила это к случаю. — Джексон продолжал обозревать принадлежности туалета. — У миссис Кендал не так уж много косметики, верно? Впрочем, в ее возрасте и с такой кожей это и не требуется.

— Очевидно, вы рассматриваете женщин с другой точки зрения, нежели обыкновенные мужчины, — улыбнулась мисс Марпл.

— Да. По-видимому, род деятельности влияет и на угол зрения.

— А вы много знаете о наркотиках?

— О да. Мне немало пришлось с ними повозиться. По-моему, теперь их развелось слишком много — разные транквилизаторы, стимуляторы и прочая дребедень. Конечно, если вы их принимаете

по рецепту, то это хорошо, но сейчас ими стали часто пользоваться и без рецепта, а некоторые из них очень опасны.

— Очевидно, вы правы, — согласилась мисс Марпл.

— Они очень сильно действуют на поведение человека. Из-за этого у многих подростков часто бывает истерия — наглатываются всякой дряни. Впрочем, в этом нет ничего нового. Наверное, привычка пришла с Востока. Правда, я сам на Востоке не был, но ведь все диковинки приходят оттуда. Знаете, что там женщины раньше давали своим мужьям? Ну, например, в Индии в старину, если молодую женщину выдавали замуж за старика, то она не могла желать ему смерти, потому что оставаться вдовой было мало радости — вдов тогда либо сжигали на погребальном костре, либо изгоняли из семьи. Но жена могла с помощью наркотиков сделать мужа слабоумным, вызвать у него галлюцинации и тому подобные «приятные» вещи. — Он покачал головой. — Вспомните ведьм. Тут тоже есть немало интересного. Почему они так легко признавались в том, что они действительно колдуньи и летают на помеле на шабаш?

— Пытки? — предположила мисс Марпл.

— Не всегда, — возразил Джексон. — Конечно, пытки применялись вовсю, но они начинали сознаваться раньше и даже хвастались своими способностями. Дело в том, что эти женщины натирали себя мазями, а некоторые препараты, например белладонна или атропин, при втирании в кожу могут вызвать ощущение левитации — полета в воздухе. Беднягам казалось, что они в самом деле летают. А вспомните ассасинов — средневековую секту в Сирии и Ливане. Им давали гашиш, вызывавший у них ощущение бесконечности жизни, пребывания в раю среди гурий, говоря, что такое ожидает их после смерти, но, чтобы достичь этого, они должны совершить ритуальные убийства. Я не выдумываю — так все и было.

— В сущности, — заметила мисс Марпл, — все это происходит из-за того, что люди слишком доверчивы.

— Что ж, может быть, и так.

— Они верят всему, что им говорят, — продолжала мисс Марпл. — Да, мы все к этому склонны. — Внезапно она спросила: — Кто рассказывал вам истории об Индии — о том, как жены одурманивают мужей датурой, — майор Пэлгрейв?

Джексон казался слегка удивленным.

— Ну, вообще-то да. Он рассказал мне много таких историй. Конечно, большинство из них происходили задолго до того, как он появился на свет, но он как будто все об этом знал.

— Майору Пэлгрейву казалось, что он все знает, — заметила мисс Марпл. — Но в своих рассказах он часто бывал неточен. — Она задумчиво покачала головой. — Майор Пэлгрейв должен был бы за многое ответить.

В спальне послышался слабый звук. Мисс Марпл резко обернулась и вышла из ванной. В спальне у окна стояла Лаки Дайсон.

— Я… О, я не знала, что вы здесь, мисс Марпл.

— Я только на минуту вышла в ванную, — с достоинством ответила мисс Марпл.

Оставшийся в ванной Джексон широко осклабился. Викторианская скромность всегда забавляла его.

— Я хотела узнать: может быть, мне пора вас сменить? — Лаки поглядела на кровать. — Она спит?

— По-моему, да, — ответила мисс Марпл. — Но вы не беспокойтесь. Можете идти и спокойно развлекаться, дорогая. Я думала, что вы отправились в экспедицию.

— Я собиралась, — сказала Лаки, — но у меня

так разболелась голова, что в последний момент я передумала. Поэтому мне пришло в голову посмотреть, не нужна ли здесь моя помощь.

— Это очень мило с вашей стороны, — мисс Марпл снова села у кровати и взялась за вязанье, — но я здесь отлично себя чувствую.

Немного поколебавшись, Лаки повернулась и вышла. Подождав несколько секунд, мисс Марпл на цыпочках вернулась в ванную, но Джексон уже удалился через вторую дверь. Мисс Марпл подобрала баночку с кремом, которую он держал, и сунула ее в карман.

Глава 22
МУЖЧИНА В ЕЕ ЖИЗНИ?

Непринужденно побеседовать с доктором Грейемом было не так уж легко, так как мисс Марпл не хотела излишне подчеркивать важность тех вопросов, которые она намеревалась ему задать.

Вернулся Тим, и мисс Марпл сказала ему, что она посидит с Молли в обеденное время, когда присутствие Тима необходимо в столовой. Тим начал уверять ее, что это охотно сделают миссис Дайсон или миссис Хиллингдон, но мисс Марпл прямо заявила, что молодым женщинам нужны развлечения, а она предпочитает легкую пищу в более раннее время. Тим тепло поблагодарил ее. Блуждая по дорожке, связывающей различные бунгало, в том числе доктора Грейема, мисс Марпл обдумывала дальнейшие планы.

В ее мозгу теснилось множество запутанных и противоречивых мыслей, и это ей очень не нравилось. Сначала это дело казалось совершенно ясным. Майор Пэлгрейв с его прискорбным пристрастием к рассказам, история об убийстве, по неосторожности майора кем-то подслушанная, и

в результате — смерть Пэлгрейва через двадцать четыре часа. В этом как будто не было ничего особенно сложного.

Но впоследствии, к сожалению, возникла масса трудностей. Все «ключи» уводили в совершенно противоположные направления. Даже если не верить ни одному слову, учитывая, что большинство находящихся на этом острове имеют печальное сходство с некоторыми обитателями Сент-Мэри-Мид, то все равно в итоге оказываешься в тупике.

Мисс Марпл сосредоточила весь свой ум на потенциальной жертве. Кого-то собираются убить, и она все сильнее чувствовала, что должна знать, кого именно. Что-то здесь было… Что-то, что она видела? Слышала? Отметила про себя?

Кто-то сказал ей какую-то вещь, имеющую отношение к данной проблеме. Джоан Прескотт? Джоан Прескотт говорила много и о многих. Может быть, речь шла о каком-то скандале или сплетне?

Грегори Дайсон, Лаки… Мысли мисс Марпл вернулись к Лаки. Она была убеждена с присущей ей подозрительностью, что Лаки активно способствовала смерти первой жены Грегори Дайсона. Все указывало на это. Может быть, будущая жерт-

ва, о которой она теперь беспокоится, — Грегори Дайсон? Возможно, Лаки хотела снова выйти замуж и получить для этого не только свободу, но и солидное состояние, оставшись вдовой Грегори?

— И все же, — вслух произнесла мисс Марпл, — это всего лишь предположения. Боже, как я глупа! Ведь если отбросить все лишнее, то разгадка наверняка окажется предельно простой. Вся беда в том, что здесь слишком много лишнего.

— Беседуете сами с собой? — осведомился мистер Рэфьел.

Мисс Марпл вздрогнула — она не заметила, как он подошел. Поддерживаемый Эстер Уолтерс, мистер Рэфьел медленно приближался к террасе.

— Я не заметила вас, мистер Рэфьел.

— А я увидел, как шевелятся ваши губы. Ну как, вы еще настаиваете на своем?

— Да, настаиваю, — ответила мисс Марпл, — только я никак не могу разглядеть того, что, безусловно, должно быть совершенно ясным.

— Хорошо, если это и в самом деле так просто. Ну, если вам понадобится помощь, рассчитывайте на меня.

Он повернулся к Джексону, который приближался к ним по дорожке.

— Вот и вы, Джексон. Где вас дьявол носил?

Когда вы мне нужны, так вас никогда нет.

— Простите, мистер Рэфьел. — Он ловко подставил старику плечо. — На террасу, сэр?

— Отведите меня в бар, — распорядился мистер Рэфьел. — Эстер, вы можете идти и переодеться в вечернее платье. Встретите меня на террасе через полчаса.

Мистер Рэфьел и Джексон удалились. Миссис Уолтерс упала в кресло рядом с мисс Марпл, растирая руку.

— Как будто он почти ничего не весит, — заметила она, — но иногда у меня руки просто немеют. Я сегодня совсем не видела вас, мисс Марпл.

— Я сидела с Молли Кендал, — объяснила мисс Марпл. — Ей стало гораздо лучше.

— По-моему, у нее вообще ничего не было, — промолвила Эстер Уолтерс.

Мисс Марпл подняла брови, удивленная сухостью ее тона.

— Вы считаете, что попытка самоубийства…

— Я не думаю, что это была попытка самоубийства, — сказала Эстер. — Я ни на секунду не поверила в то, что она приняла опасную дозу, и, по-моему, доктор Грейем это отлично знает.

— Вы очень заинтересовали меня. Почему вы так считаете?

— Потому что я в этом уверена. О, такое случается очень часто. Это один из способов привлечь к себе внимание.

— «Тебе будет жаль, когда я умру», — процитировала мисс Марпл.

— Вот именно, — подтвердила Эстер Уолтерс, — но мне кажется, что в данном случае была другая причина. Ваша цитата подходит к тем ситуациям, когда жена безумно любит мужа, но ей кажется, что он охладел к ней.

— А вы думаете, что Молли Кендал не любит своего мужа?

— А вы? — ответила Эстер вопросом на вопрос.

Мисс Марпл задумалась.

— Я была уверена, что любит, — заговорила она, — хотя, возможно, ошибалась.

Эстер криво улыбнулась:

— Я ведь кое-что о ней слышала.

— От мисс Прескотт?

— От одного-двух человек. Она была сильно увлечена одним мужчиной, но ее семья этому воспротивилась.

— Да, — сказала мисс Марпл, — я тоже об этом слышала.

— И тогда она вышла замуж за Тима. Возможно, он ей нравился. Но тот, другой, не сдавался. Я

даже думала, не последовал ли он за ней сюда.

— Но кто бы это мог быть?

— Не знаю, — ответила Эстер. — Думаю, что им приходится соблюдать большую осторожность.

— Вы считаете, что она любит этого другого мужчину?

Эстер пожала плечами.

— По-моему, этот человек — порядочный негодяй, — сказала она, — но из тех, которые умеют внушить женщине любовь.

— А вы не слышали, что это за человек, что он собой представляет?

Эстер покачала головой:

— Нет, не слышала, а догадки тут бесполезны. Может быть, ее семья не любила его, потому что он уже был женат или отличался скверными наклонностями — пил или же был не в ладах с законом. Но я твердо знаю, что она все еще любит его.

— Вы что-нибудь видели или слышали? — отважилась спросить мисс Марпл.

— Я знаю, что говорю, — ответила Эстер. Ее голос стал резким и неприятным.

— Эти убийства… — начала мисс Марпл.

— Неужели вы не можете забыть об убийствах? — воскликнула Эстер. — Вы уже и мистера Рэфье-

ла втянули в эту историю. Пусть все остается как есть. Вы все равно никогда ничего не узнаете.

Мисс Марпл поглядела на нее.

— А вам кажется, что вы все знаете? — спросила она.

— Думаю, что да. Я почти уверена в этом.

— Тогда не должны ли вы рассказать… предпринять что-нибудь?

— Зачем? Что хорошего из этого выйдет? Я ведь не могу ничего доказать. В наши дни многим удается выходить сухими из воды. Это называется «неполнота ответственности». Несколько лет тюрьмы — и вы снова на свободе.

— А если из-за вашего молчания появится еще одна жертва?

Эстер уверенно покачала головой.

— Этого не случится, — заявила она.

— Как вы можете утверждать это?

— Я убеждена. И вообще, я не понимаю, кто… — Эстер нахмурилась. — Как бы то ни было, — несколько непоследовательно добавила она, — возможно, в данном случае мы имеем дело с «неполнотой ответственности». Может быть, человек и в самом деле не в силах совладать с собой, если он психически неуравновешен. Не знаю. Но самое лучшее было бы, если бы она

уехала с этим субъектом, кто бы он ни был, и мы обо всем бы забыли.

Эстер взглянула на часы, испуганно вскрикнула и встала.

— Я должна пойти переодеться.

Мисс Марпл молча смотрела ей вслед. Конечно, женщины вроде Эстер Уолтерс любят бросаться местоимениями. Неужели она по какой-то причине была уверена, что именно женщина повинна в смерти майора Пэлгрейва и Виктории Джонсон? Похоже на то. Мисс Марпл задумалась.

— Вот как — мисс Марпл сидит одна и даже не вяжет?

Это оказался доктор Грейем, которого она так долго и безуспешно разыскивала. А теперь ему самому захотелось посидеть и немного поболтать. Конечно, он не останется здесь надолго, потому что ему тоже надо переодеться к обеду, а обедает он обычно рано.

Мисс Марпл объяснила ему, что ей сегодня пришлось сидеть у постели Молли Кендал.

— Прямо трудно поверить, что девушка могла так быстро поправиться, — заметила мисс Марпл.

— Ну, это не очень удивительно, — ответил доктор Грейем. — Она ведь приняла не такую уж

большую дозу.

— О, я решила, что она проглотила полпузырька таблеток.

Доктор Грейем снисходительно улыбнулся.

— Вряд ли, — сказал он. — Может быть, она собиралась принять их, но в последний момент выбросила половину. Люди, даже если им кажется, что они хотят покончить с собой, часто на самом деле не так уж этого жаждут и поэтому принимают неполную дозу. Причем иногда это не обман, а просто подсознательное действие инстинкта самосохранения.

— Но может быть, она хотела, чтобы это выглядело так… — Мисс Марпл сделала паузу.

— Возможно, — согласился доктор Грейем.

— Если, например, у нее с Тимом была ссора?

— Вы же знаете, что они никогда не ссорятся. Они очень любят друг друга. Хотя поссориться всегда можно. Думаю, что сейчас с ней все в порядке. Она даже может встать и заняться делами, но на всякий случай лучше денька два подержать ее в постели.

Доктор поднялся, весело кивнул и направился к отелю. Мисс Марпл осталась сидеть. Множество мыслей теснилось в ее голове. Книга под матрацем Молли, ее притворный сон… то, что говорили

Джоан Прескотт и Эстер Уолтерс?

Потом она снова подумала о том, с кого все началось, — о майоре Пэлгрейве. Что-то мелькнуло у нее в голове. Что-то касающееся майора. Если бы только она могла вспомнить что…

Глава 23
ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

1

«И был вечер, и было утро: день последний», — произнесла про себя мисс Марпл.

Затем, слегка сконфуженная, она вздрогнула и села прямо. Случилось невероятное — мисс Марпл задремала в то время, когда играл стил-бэнд. Значит, она уже совсем освоилась в этом месте. О чем она только что думала? Какая-то цитата, но что-то в ней было неправильно… Ага, там говорилось не о последнем, а о первом дне…[9] Но как бы то ни было, сейчас не первый и, по-видимому, не последний день.

Мисс Марпл чувствовала страшную усталость. Сказалось постоянное беспокойство, постыдное ощущение собственного бессилия… Она снова вспомнила странный хитрый взгляд, который бросила на нее Молли из-под полузакрытых век. Какие мысли роились в голове девушки? Да, сначала все выглядело совсем по-другому. Тим

---

[9] Примечания: 9
«И был вечер, и было утро: день один». Библия, Бытие, 1:5.

Кендал и Молли, счастливая молодая пара. Симпатичные, безукоризненно воспитанные Хиллингдоны. Веселые, трещащие без умолку Грег и Лаки Дайсон, довольные собой и всем миром… Вся четверка казалась такой дружной! Добродушный каноник Прескотт и его сестра, весьма язвительная, но славная женщина, подобно всем славным женщинам любящая посплетничать. Еще бы — ведь они должны знать обо всем происходящем, уметь в нужный момент доказать, что дважды два — пять. Вреда такие женщины не приносят. Несмотря на свою болтливость, они всегда готовы прийти на помощь, если кто-нибудь попал в беду. Мистер Рэфьел — выдающаяся личность, человек с характером — такого не забудешь ни при каких обстоятельствах. Врачи, судя по его словам, часто признавали его безнадежным, но мисс Марпл почему-то считала, что теперь пришло время, когда скоро их предсказания сбудутся. И мистер Рэфьел, безусловно, знает, что дни его сочтены.

Какие же действия может предпринять человек, уверенный в своей близкой кончине?

Мисс Марпл задумалась над этим вопросом, потому что он мог оказаться очень важным.

Что же именно мистер Рэфьел сказал ей, когда голос его звучал чересчур громко и уверенно?

Мисс Марпл отлично разбиралась в оттенках человеческого голоса — в этом отношении у нее имелся достаточный опыт. Мистер Рэфьел сказал ей что-то, что не было правдой.

Мисс Марпл огляделась. Вечерний воздух, нежный аромат цветов, столы с маленькими лампочками, женщины в нарядных платьях — Эвелин в темно-синем, отделанном белым ситцем; Лаки вся в белом, ее красивые волосы отливали золотистым блеском. Сегодня вечером все казались веселыми и полными жизни. Даже Тим Кендал улыбался.

— Не знаю, как отблагодарить вас за все, что вы сделали, — сказал он, проходя мимо столика мисс Марпл. — Молли почти совсем пришла в норму. Док говорит, что завтра она сможет встать.

Улыбнувшись, мисс Марпл ответила, что очень этому рада. Впрочем, улыбнулась она через силу. Да, она очень устала.

Мисс Марпл поднялась и медленно побрела к своему бунгало. Ей хотелось по дороге продолжать думать, вспоминать, собирать воедино различные факты, слова, взгляды. Но она не смогла этого делать. Уставший мозг взбунтовался. «Ты должна идти спать», — распорядился он.

Мисс Марпл разделась, легла, почитала немно-

го Фому Кемпийского, лежавшего у ее кровати, и выключила свет. Уже в темноте она прочитала молитву — ведь самому, без поддержки, нельзя сделать все.

— Ночью ничего не случится, — с надеждой прошептала она.

2

Внезапно мисс Марпл проснулась и села на кровати. Ее сердце забилось от волнения. Она зажгла свет и взглянула на часы. Два часа ночи. Но, несмотря на позднее время, снаружи что-то происходило. Мисс Марпл встала, надела халат, туфли и шерстяной шарф и вышла на разведку. Повсюду сновали люди с фонарями. Увидев среди них каноника Прескотта, она подошла к нему.

— Что случилось?

— О, мисс Марпл! Исчезла миссис Кендал. Ее муж проснулся и увидел, что она встала с постели и вышла. Мы ищем ее.

Он поспешил прочь. Мисс Марпл зашагала за ним. Куда же ушла Молли? И зачем? Неужели она заранее решила сбежать, как только ослабят наблюдение за ней и когда Тим будет крепко спать? Мисс Марпл это показалось возможным. Но почему? По какой причине? Может быть, как

намекала Эстер Уолтерс, из-за другого мужчины? Но если так, то кто же это мог быть? Или причина ее исчезновения была более зловещей?

Мисс Марпл шла, оглядываясь вокруг, смотря под кусты. Внезапно она услышала крик:

— Здесь! Сюда!

Кричали не на территории отеля.

«Очевидно, — подумала мисс Марпл, — это у ручья, впадающего в море». И она быстро зашагала в этом направлении.

В поисках участвовало не так уж много народу, как ей показалось сначала. Большинство людей все еще спали в своих бунгало. У ручья стояло несколько человек. Кто-то оттолкнул мисс Марпл, едва не сбив ее с ног. Это был Тим Кендал. Вскоре она услышала его крик:

— Молли! Боже мой, Молли!

Через две минуты мисс Марпл присоединилась к небольшой группе. Она состояла из официанта-кубинца, Эвелин Хиллингдон и двух местных девушек. Они расступились, чтобы пропустить Тима. Мисс Марпл подошла как раз в тот момент, когда он склонился вниз.

— Молли… — Тим медленно опустился на колени. Мисс Марпл отчетливо различала тело девушки, лежащее в ручье. Лицо было скрыто под

водой, золотистые волосы рассыпались поверх зеленой, расшитой цветами шали, покрывавшей ее плечи. Плавающие в ручье листья и тростник делали обстановку похожей на сцену из «Гамлета» с Молли в роли мертвой Офелии.

Когда Тим протянул к ней руку, мисс Марпл взяла на себя инициативу и проговорила резко и властно:

— Не трогайте ее, мистер Кендал. Ее нельзя трогать.

Тим ошеломленно уставился на нее:

— Но я должен… Молли…

Эвелин Хиллингдон прикоснулась к его плечу:

— Она мертва, Тим. Я не передвигала ее, но пощупала пульс.

— Мертва? — недоверчиво переспросил Тим. — Мертва? Вы имеете в виду, что она… утопилась?

— К сожалению, похоже на то.

— Но почему?! — внезапно громко закричал Тим. — Почему?! Вечером она была такой счастливой. Говорила о том, что мы будем делать завтра. Почему же она снова решила умереть — выскользнула ночью тайком, прибежала сюда и утопилась? Что ее довело до отчаяния, почему она мне ничего не сказала?!

— Не знаю, Тим, — мягко произнесла Эвелин.

— Не знаю.

— Кто-нибудь должен позвать доктора Грейема, — заговорила мисс Марпл, — а кому-то придется позвонить в полицию.

— В полицию? — Тим горько усмехнулся. — А что они могут сделать?

— В случае самоубийства следует уведомить полицию, — сказала мисс Марпл.

Тим медленно поднялся.

— Я приведу Грейема, — с трудом проговорил он. — Может быть, даже сейчас… ему удастся что-нибудь сделать.

Эвелин Хиллингдон и мисс Марпл, стоя рядом, глядели на мертвую девушку.

— Слишком поздно, — покачала головой Эвелин. — Она уже остыла. Должно быть, она мертва уже по меньшей мере час, а может, и больше. Какая ужасная трагедия! Они казались такой счастливой парой. Очевидно, она всегда была психически неуравновешенной.

— Нет, — возразила мисс Марпл, — я не думаю, что она была психически неуравновешенной.

Эвелин с любопытством посмотрела на нее:

— Что вы имеете в виду?

Луна вышла из-за облаков, осветив серебряным сиянием растрепанные волосы Молли…

Внезапно мисс Марпл резко вскрикнула. Наклонившись, она внимательно посмотрела на труп, потом протянула руку и дотронулась до золотистой головы девушки.

— Я думаю, — сказала она, и ее голос звучал совсем по-другому, — что нам лучше убедиться.

Эвелин Хиллингдон изумленно уставилась на нее:

— Но вы же сами говорили Тиму, что мы не должны ничего трогать.

— Да. Но тогда не было луны и я не видела…

Очень мягко мисс Марпл разделила золотистые волосы, обнажив их корни…

— Лаки! — воскликнула Эвелин. — Значит… значит, это не Молли…

Мисс Марпл кивнула:

— У нее волосы были такого же цвета, но, конечно, темнее у корней, потому что они были крашеными.

— Но на ней шаль Молли!

— Она ей очень нравилась. Я сама слышала, как Лаки говорила, что хочет купить такую же. Очевидно, она так и сделала.

— Так вот почему мы были обмануты… — Эвелин умолкла, встретив внимательный взгляд мисс Марпл.

— Кто-то, — сказала мисс Марпл, — должен сообщить ее мужу.

Последовала небольшая пауза.

— Хорошо, — сказала Эвелин. — Я сделаю это.

Она повернулась и зашагала вдоль пальм.

Несколько секунд мисс Марпл не двигалась, потом обернулась и позвала:

— Полковник Хиллингдон!

Эдуард Хиллингдон вышел сзади из-за деревьев и стал рядом с ней.

— Вы знали, что я был там?

— Вы отбрасывали тень, — объяснила мисс Марпл.

Последовало молчание.

— Итак, — заговорил Хиллингдон, словно обращаясь к себе, — в конце концов ее прозвище себя не оправдало.

— Вы как будто рады, что она умерла?

— И это вас шокирует? Ну что ж, не отрицаю, я рад, что она умерла.

— Смерть часто решает все проблемы.

Эдуард Хиллингдон медленно обернулся. Мисс Марпл твердо встретила его взгляд.

— Если вы думаете… — Он шагнул к ней. В его голосе внезапно послышалась угроза.

— Ваша жена скоро вернется сюда с мистером

Дайсоном, — спокойно заговорила мисс Марпл. — Или же придут мистер Кендал с доктором Грейемом.

Лицо Эдуарда смягчилось. Он снова устремил взгляд на мертвую женщину.

Мисс Марпл неслышно ускользнула. Постепенно она ускоряла шаги.

Только добравшись до своего бунгало, мисс Марпл остановилась. На этом месте она в тот день беседовала с майором Пэлгрейвом. Здесь он начал рыться в своем бумажнике, разыскивая фотографию убийцы…

Она вспомнила, как он поднял голову и как внезапно побагровело его лицо. «Он был безобразен, — говорила о нем сеньора де Каспеаро. — У него был дурной глаз».

Дурной глаз… Глаз… Глаз!..

Глава 24
НЕМЕЗИДА

1

Шум, поднятый ночной тревогой, дошел до ушей мистера Рэфьела. Он спал как убитый, слегка подхрапывая, когда кто-то внезапно начал сильно трясти его за плечо.

— А?.. Что?.. Какого черта?!

— Это я, — заявила мисс Марпл, — хотя, следуя традициям древних греков, я должна была сказать: «Это Немезида».

Мистер Рэфьел, с трудом приподнявшись на подушках, уставился на нее. Мисс Марпл стояла освещенная лунным светом, ее шея была обмотана пушистым шарфом из розовой шерсти. Трудно было представить себе кого-нибудь менее похожего на Немезиду.

— Стало быть, вы Немезида? — осведомился мистер Рэфьел после небольшой паузы.

— Надеюсь ею стать — с вашей помощью.

— Может быть, вы выскажетесь яснее?

— Мы должны действовать быстро. Как можно быстрее. Я была непроходимо глупа. Мне следо-

вало с самого начала обо всем догадаться. Ведь это было так просто.

— Что было просто? И вообще, о чем вы говорите?

— Вы многое проспали, — сказала мисс Марпл. — Был обнаружен труп. Сначала мы думали, что это Молли Кендал, но это оказалась Лаки Дайсон. Она утонула в ручье.

— Лаки утонула в ручье? — переспросил мистер Рэфьел. — Она покончила с собой или ее кто-то утопил?

— Да, ее кто-то утопил, — подтвердила мисс Марпл.

— Понятно. Так вот почему это кажется вам таким простым. Грег Дайсон всегда выглядел самым подозрительным, и эти подозрения оказались верными, не так ли? Вы об этом думаете? А теперь вы боитесь, что ему удастся выйти сухим из воды?

Мисс Марпл глубоко вздохнула:

— Мистер Рэфьел, можете ли вы мне довериться? Мы должны предотвратить убийство.

— А я так понял, что убийство уже совершено.

— Это убийство совершено по ошибке, но следующее может произойти в любой момент. Нельзя терять времени. Мы должны немедленно идти.

— Вам легко говорить, — сказал мистер Рэфьел, — «мы»! По-вашему, я в состоянии это сделать? Я ведь не могу даже прогуляться без помощи. Как же мы можем принимать меры по предотвращению убийства? Вам уже около ста лет, а я разбитая старая кляча.

— Я имела в виду Джексона, — объяснила мисс Марпл. — Джексон ведь сделает все, что вы ему прикажете?

— Вообще-то да, особенно если я дам ему понять, что не останусь в долгу.

— Тогда скажите ему, чтобы он шел со мной и выполнял любые мои распоряжения.

Несколько секунд мистер Рэфьел молча глядел на нее.

— Хорошо, — наконец заговорил он. — Очевидно, я иду на немалый риск. Ну что ж, мне это не впервой. — И, нажав кнопку звонка, он громко позвал: — Джексон!

Меньше чем через полминуты из соседней комнаты появился Джексон.

— Вы звали меня, сэр? Что-нибудь случилось? — И он внезапно умолк, уставившись на мисс Марпл.

— Слушайте внимательно, Джексон. Вы пойдете с этой леди, мисс Марпл, туда, куда она вам

скажет, и будете выполнять все ее приказания. Вы меня поняли?

— Я…

— Вы меня поняли?

— Да, сэр.

— Если вы это сделаете, — добавил мистер Рэфьел, — то обещаю вам, что вы не прогадаете.

— Благодарю вас, сэр.

— Пошли, Джексон, — сказала мисс Марпл и обернулась к мистеру Рэфьелу: — По дороге мы скажем миссис Уолтерс, чтобы она пришла к вам, помогла встать и привела.

— Куда?

— В бунгало Кендалов, — ответила мисс Марпл. — Думаю, что Молли уже вернулась туда.

2

Молли поднималась по тропинке, ведущей с моря, неподвижно глядя перед собой. Иногда она тихо стонала.

Поднявшись на веранду, она немного помедлила, потом, открыв французское окно, вошла в спальню. Свет горел, но комната была пуста. Молли села на кровать и сидела там несколько минут, нахмурившись и время от времени поглаживая лоб.

Затем, оглядевшись украдкой, она сунула руку под матрац, вытащила спрятанную там книгу и склонилась над ней, ища нужную страницу.

Услышав шаги снаружи, Молли подняла голову и быстро спрятала книгу за спину.

Войдя в комнату, тяжело дышавший Тим Кендал облегченно вздохнул, увидев жену.

— Слава богу! Где ты была, Молли? Я всюду искал тебя.

— Я ходила к ручью.

— Ты ходила… — Он не кончил фразу.

— Да. Но я не могла оставаться там. В воде лежала женщина — она была мертва.

— А ты знаешь, ведь я думал, что это ты. Я только что узнал, что это была Лаки.

— Я не убивала ее, Тим! Я не убивала ее! Ведь я бы помнила, если бы это сделала, правда?

Тим медленно опустился на кровать.

— Ты не… Ты уверена в этом? Нет, конечно нет! — горячо заговорил Тим. — Только не начинай думать об этом, Молли. Лаки утопилась сама. Хиллингдон бросил ее, поэтому она пошла к ручью, легла и сунула лицо в воду.

— Лаки бы этого не сделала. Ни за что бы не сделала. Но я не убивала ее! Клянусь тебе, Тим!

— Конечно, дорогая. — Он обнял ее, но она вы-

рвалась.

— Я ненавижу это место. Мне казалось, что оно все залито солнечным светом. Но это не так… Здесь появилась тень — страшная черная тень! Я попала в нее и не могу вырваться! — Ее голос перешел в крик.

— Тише, Молли! Ради бога, тише!

Тим вышел в ванную и вернулся оттуда со стаканом.

— Выпей. Это успокоит тебя.

— Я… я не могу ничего пить. У меня стучат зубы.

— Ничего, дорогая, сядь. Вот сюда, на кровать. — Он снова обнял Молли и поднес стакан к ее губам. — Выпей, не бойся.

За окном послышался голос.

— Джексон, — ясно и отчетливо произнесла мисс Марпл, — идите туда, возьмите у этого человека стакан и крепко держите его. Будьте осторожны. Он очень силен, а сейчас, когда он доведен до отчаяния…

Джексон был человеком, приученным повиноваться любым приказаниям, тем более если за это обещаны деньги, к которым он был отнюдь не равнодушен. К тому же он обладал великолепно развитой мускулатурой.

Быстрый как молния, он пересек комнату, одной рукой схватившись за стакан, который Тим поднес к губам Молли, а другой вцепившись в Тима. Резкий рывок — и стакан оказался у него в руках. Взбешенный Тим попытался вырваться, но Джексон крепко держал его.

— Какого черта?! Пустите меня! Вы что, с ума сошли? Что вы делаете?

— Держите его, Джексон, — предупредила мисс Марпл.

— Что случилось? Что здесь происходит?

Поддерживаемый Эстер Уолтерс, в комнату через окно вошел мистер Рэфьел.

— Вы спрашиваете, что происходит?! — заорал Тим. — Ваш слуга спятил — вот что! Скажите ему, чтобы он отпустил меня!

— Нет, — сказала мисс Марпл.

Мистер Рэфьел обернулся к ней.

— Говорите, Немезида, — произнес он. — Пришло время для вашего выступления!

— Я была непроходимо глупа, — начала мисс Марпл, — но теперь я наконец поумнела. Когда содержимое стакана, которое он пытался дать своей жене, будет взято на анализ, то я готова прозакладывать свою бессмертную душу — в нем обнаружат смертельную дозу наркотика.

Точно так же, как вы помните, развертывались события и в рассказе майора Пэлгрейва. Жена в состоянии депрессии пытается покончить с собой, муж вовремя спасает ее. Затем во второй раз она добивается своего. Когда майор Пэлгрейв рассказал мне эту историю, он вытащил снимок и собирался мне его показать, но, подняв голову, увидел…

— За вашим правым плечом, — подсказал мистер Рэфьел.

— Нет, — покачала головой мисс Марпл. — За моим правым плечом он ничего не видел.

— Но вы же сами говорили…

— Я была не права, абсолютно не права. Мне действительно показалось, что майор Пэлгрейв смотрит на что-то, находящееся за моим правым плечом, но он не мог ничего там увидеть, так как он смотрел туда левым глазом, а левый глаз у него был стеклянным.

— Да, у него был стеклянный глаз, — подтвердил мистер Рэфьел. — Я просто не заострял на этом внимания, считая сей факт само собой разумеющимся. Значит, по-вашему, он не мог ничего видеть?

— Вовсе нет, — возразила мисс Марпл. — Он мог видеть, но только одним правым глазом. Следо-

вательно, он смотрел на кого-то или на что-то не справа, а слева от меня.

— А кто же там был?

— Там неподалеку сидели Тим Кендал со своей женой. Сидели за столиком под большим кустом гибискуса, занимаясь своими подсчетами. Его стеклянный глаз был устремлен поверх моего правого плеча, другим же глазом он смотрел на человека, сидевшего под кустом гибискуса, лицо которого было то же, что и на фотокарточке, только немного старше. И находился он также под гибискусом. Тим Кендал слышал историю, рассказанную майором, и видел, что майор узнал его. Разумеется, ему пришлось его убить. Позже он убил Викторию, потому что она видела, как он подсунул флакончик с таблетками в комнату майора. Сначала она не заподозрила ничего дурного, так как у Тима Кендала могло быть множество предлогов для того, чтобы зайти в бунгало к одному из постояльцев. Например, он мог вернуть что-нибудь, забытое на столике в ресторане. Но, подумав, Виктория стала задавать Тиму вопросы, и он был вынужден избавиться и от нее. Однако запланированное им убийство было еще впереди. Ведь он специализировался на убийствах своих жен.

— Что за проклятая чушь!.. — начал Тим.

Внезапно раздался пронзительный гневный крик. Эстер Уолтерс вдруг отскочила от мистера Рэфьела так, что он чуть не упал, и набросилась на Джексона.

— Пустите! Пустите его! Это неправда! В этом нет ни слова правды! Тим, Тим, дорогой, ведь это ложь! Ты не мог никого убить, я знаю, что не мог! Это сделала та ужасная девушка, на которой ты женился! Она лгала тебе. Они ошибаются… Я верю в тебя — верю и люблю! Я…

И тут Тим Кендал потерял самообладание.

— Заткнись, проклятая сука! — закричал он. — Ты что, хочешь, чтобы меня повесили? Заткни свою грязную, паршивую глотку!

— Бедняжка, — промолвил мистер Рэфьел. — Так вот, значит, в чем было дело!

Глава 25
МИСС МАРПЛ ИСПОЛЬЗУЕТ СВОЕ ВООБРАЖЕНИЕ

— Так вот, значит, в чем было дело, — сказал мистер Рэфьел, сидя рядом с мисс Марпл. — Она была любовницей Тима Кендала?

— Вряд ли любовницей, — возразила мисс Марпл. — По-моему, здесь имела место романтическая привязанность с перспективой брака в будущем.

— То есть после смерти его жены?

— Едва ли бедная Эстер Уолтерс знала, что Молли должна умереть, — сказала мисс Марпл. — Очевидно, она верила в историю, рассказанную ей Тимом, о том, что Молли любит другого мужчину и что этот человек последовал за ней сюда. Видимо, Эстер рассчитывала на то, что Тим получит развод. Так что все было вполне респектабельно. Но она, конечно, очень любила его.

— Ну, это легко понять. Он привлекательный парень. Но знаете ли вы, что заставило его волочиться за ней?

— Вы, во всяком случае, это знаете, не так ли?

— Вообще-то у меня есть идея на этот счет, но я не могу взять в толк, как вы до этого докопались. И уж совсем мне непонятно, как об этом пронюхал Тим Кендал.

— Думаю, что с помощью небольшой доли воображения я смогу это объяснить, но было бы проще, если бы вы все мне рассказали.

— И не собираюсь, — заявил Рэфьел. — Если вы такая умная, так сами и рассказывайте.

— Ну, мне кажется возможным, — начала мисс Марпл, — что, как я уже намекала вам, у Джексона была привычка время от времени рыться в ваших деловых документах.

— Это вполне вероятно, — согласился мистер Рэфьел, — но я позаботился о том, чтобы это не принесло ему никакой пользы.

— Думаю, — продолжала мисс Марпл, — что он читал ваше завещание.

— Да, у меня была копия завещания.

— Вы как-то говорили мне — причем подчеркнуто громко и уверенно, — что не завещали ничего ни Эстер Уолтерс, ни Джексону и что вы их об этом предупредили. Но, по-моему, это было правдой только в отношении Джексона. Ему вы действительно ничего не оставили, но миссис Уолтерс вы завещали крупную сумму,

хотя ни единым словом об этом не обмолвились. Я права?

— Совершенно правы, но я не понимаю, как вы узнали.

— Вы слишком уж настаивали на этом факте, — объяснила мисс Марпл. — А у меня достаточно опыта, чтобы определить, когда люди лгут.

— Сдаюсь! — воскликнул мистер Рэфьел. — Все верно. Я завещал Эстер пятьдесят тысяч фунтов. Это явится для нее приятным сюрпризом, когда я умру. Очевидно, узнав об этом, Тим Кендал решил избавиться от своей жены и жениться на Эстер Уолтерс с пятьюдесятью тысячами в придачу, возможно, с тем, чтобы в свое время разделаться и с ней. Но как же он узнал, что она должна получить пятьдесят тысяч фунтов?

— Ему, безусловно, сказал об этом Джексон, — ответила мисс Марпл. — Они ведь очень дружили. Тим Кендал держался с Джексоном по-приятельски и, по-моему, без задней мысли. Но среди прочих сплетен Джексон, очевидно, выболтал Тиму, что Эстер Уолтерс должна унаследовать огромное состояние, хотя она сама об этом не знает. Возможно, он добавил, что надеется жениться на ней, хотя до сих пор не добился успеха в своих ухаживаниях. Да, видимо, так все и произошло.

— Ваши предположения всегда чертовски правдоподобны, — заметил мистер Рэфьел.

— Но я была глупа, — продолжала мисс Марпл, — предельно глупа. Как видите, все прекрасно сходится. Тим Кендал — очень умный и в такой же степени жестокий человек. Особенно ярко его талант проявился в распространении слухов. Добрая половина всего, что я здесь услышала, принадлежала его фантазии. Прежде всего, это история о том, как Молли хотела выйти замуж за «неподходящего» молодого человека, но я сильно подозреваю, что этим человеком был сам Тим Кендал, хотя тогда он и носил другое имя. Очевидно, семья Молли что-то узнала о его сомнительном прошлом. Тогда он разыграл возмущение, отказавшись представиться родителям Молли, и затем привел в действие план, который, видимо, очень позабавил их обоих. Молли притворялась тоскующей по своему жениху, а в это время появляется мистер Тим Кендал, который ссылается на знакомство со старыми друзьями семьи Молли, и они принимают его с распростертыми объятиями, надеясь, что он заставит девушку забыть о прежнем поклоннике. Да, очевидно, они с Молли немало над этим посмеялись. Как бы то ни было, он женился на ней и на ее

деньги купил эту гостиницу, после чего они приехали сюда. Думаю, что значительную часть денег Молли Тим просто промотал. Потом он встретил Эстер Уолтерс, и перед ним предстала заманчивая перспектива дальнейшего обогащения.

— А почему же он не угробил меня? — осведомился мистер Рэфьел.

Мисс Марпл кашлянула.

— Очевидно, он хотел прежде всего быть окончательно уверенным в миссис Уолтерс. Кроме того… — Смутившись, она умолкла.

— Кроме того, он понимал, что ему не так уж долго ждать, — закончил за нее мистер Рэфьел, — и считал, что будет лучше, если я умру естественной смертью. К тому же кончина миллионера, несомненно, вызвала бы более тщательное расследование, чем смерть жен мистера Кендала, верно?

— Да, вы правы, — согласилась мисс Марпл. — Но вернемся к Тиму Кендалу. Как ловко ему удалось внушить Молли, что она больна, подсунув ей книгу об умственных расстройствах, а тем временем с помощью наркотиков вызывая у нее галлюцинации и ночные кошмары! Кстати, ваш Джексон проявил здесь недюжинный ум. Думаю, что по симптомам заболевания Молли он угадал

действие наркотиков и вошел в тот день в бунгало Кендалов, чтобы пошарить у них в ванной. Крем для лица был обследован им только потому, что он припомнил истории о ведьмах, натирающихся мазью с белладонной. Белладонна в креме для лица могла бы вызвать подобный результат — провалы в памяти, воздушные полеты во сне. Неудивительно, что Молли испугалась — у нее ведь были все признаки психического заболевания. Джексон был на правильном пути. Может быть, эту идею ему подсказали рассказы майора Пэлгрейва о том, как индийские женщины одурманивали датурой своих мужей.

— Опять майор Пэлгрейв! — воскликнул мистер Рэфьел.

— Конечно, его болтливость послужила причиной трех убийств, — заметила мисс Марпл, — но он все-таки узнал убийцу.

— А что заставило вас внезапно вспомнить про его стеклянный глаз? — с любопытством спросил мистер Рэфьел.

— Одна фраза, сказанная сеньорой де Каспеаро. Она как-то стала говорить о том, какой майор был безобразный и что у него был дурной глаз. Я возразила, сказав, что у бедняги был просто стеклянный глаз и что он в этом не виноват, а

она добавила, что у него глаза смотрели в разные стороны (что соответствовало действительности) и что это приносит несчастье. Я знала, что в тот день услыхала нечто важное. Прошлой ночью, после смерти Лаки, я поняла, что это было. И тогда мне стало ясно, что нельзя терять времени…

— А каким образом Тим Кендал убил не ту женщину?

— Совершенно случайно. Думаю, что его план состоял в следующем. Убедив всех, включая саму Молли, в ее психическом расстройстве и дав ей солидную порцию наркотика, он сказал ей, что они сами должны выяснить, кто убийца, но для этого ей придется ему помочь. Когда все заснут, они должны по очереди выйти из бунгало и встретиться у ручья.

Тим сказал ей, что догадывается, кто убийца, и что им необходимо его выследить. Молли послушно пошла, но ее сознание было затуманено действием наркотика. Тим прибыл на условленное место первым и, увидев там женщину, решил, что это Молли — ведь у нее были золотистые волосы и зеленая шаль. Он подкрался к ней сзади, зажал рот, сунул голову в воду и держал, пока она не захлебнулась.

— Да, симпатичный молодой человек! Но разве

не было бы проще дать ей смертельную дозу наркотика?

— Конечно. Но это могло вызвать подозрения. Ведь все наркотики и снотворные были помещены вне досягаемости Молли. А если бы у нее оказался новый запас, то, вероятнее всего, ее мог снабдить им муж! Но если бы Молли в припадке отчаяния вышла из дому и утопилась в то время, как ее муж крепко спал, то вся история выглядела бы как романтическая трагедия и никто бы не заподозрил, что ее убили! Кроме того, — добавила мисс Марпл, — убийцам всегда трудно идти по наиболее простому пути — они не могут удержаться от изощренных способов.

— Вы как будто убеждены, что вам все известно об убийцах! Значит, по-вашему, Тим не знал, что он убил не ту женщину?

Мисс Марпл покачала головой:

— Он, даже не взглянув на ее лицо, поспешил домой, подождал час, а затем организовал ее поиски, играя роль встревоженного супруга.

— Но какого дьявола понадобилось Лаки идти среди ночи к ручью?

Мисс Марпл сконфуженно кашлянула.

— Очевидно, она должна была… ну… с кем-то встретиться.

— С Эдуардом Хиллингдоном?

— О нет, — возразила мисс Марпл. — С этим уже покончено. Мне кажется — это, конечно, только предположение, — что она могла поджидать там Джексона.

— Джексона?

— Я один-два раза заметила, как она смотрела на него, — сказала мисс Марпл, отводя глаза в сторону.

Мистер Рэфьел свистнул.

— Ну и кобель же, оказывается, мой Джексон! Я и не подозревал в нем таких способностей. Должно быть, Тим испытал немалое потрясение, когда узнал, что убил не ту женщину.

— Еще бы. Очевидно, он был близок к отчаянию, узнав, что Молли цела и невредима. Ведь попади она в руки опытного психиатра, вся история с ее умственным расстройством рассеялась бы как дым. К тому же она могла рассказать о том, что Тим просил ее прийти ночью к ручью. У него оставалась единственная надежда — разделаться с Молли как можно скорее. Тогда можно было бы создать версию, что Молли в приступе умопомрачения утопила Лаки, а потом, ужаснувшись содеянному, покончила с собой.

— И тогда, — вставил мистер Рэфьел, — вы ре-

шили выступить в роли Немезиды, а?

Внезапно он откинулся назад и расхохотался.

— Если бы вы только знали, какое это было зрелище, когда вы заявились ко мне ночью с розовым шарфом на шее и сообщили, что вы Немезида! Я этого никогда не забуду!

ЭПИЛОГ

Пришло время уезжать. Мисс Марпл ожидала на аэродроме свой самолет. Провожать ее пришло много людей. Правда, Хиллингдоны уже уехали, Грегори Дайсон улетел на другой остров и, по слухам, увлекся одной аргентинской вдовой, а сеньора де Каспеаро вернулась в Южную Америку.

Молли поехала проводить мисс Марпл. Она была худой и бледной, но стойко перенесла страшный удар и с помощью одного из поверенных мистера Рэфьела, которому он телеграфировал в Англию, продолжала содержать отель.

— Вы должны быть заняты, чтобы ни о чем не вспоминать, — посоветовал ей мистер Рэфьел. — Продолжайте ваше дело, девочка, и держитесь бодрей — пусть здесь все останется на том же уровне.

— А вам не кажется, что убийства…

— Людям только нравятся убийства, когда они уже раскрыты, — заверил ее мистер Рэфьел. — Поэтому продолжайте работать и, ради бога, не разочаровывайтесь во всех мужчинах из-за того, что вы один раз встретили на своем пути негодяя.

— Вы совсем как мисс Марпл, — слабо улыбнулась Молли. — Она все время утверждает, что в один прекрасный день я встречу именно того мужчину, который мне нужен.

На аэродроме, кроме Молли, присутствовали каноник и мисс Прескотт, мистер Рэфьел и Эстер Уолтерс, которая выглядела печальной и постаревшей и с которой теперь мистер Рэфьел часто бывал неожиданно ласков. Джексон тоже вертелся поблизости, делая вид, что следит за багажом мисс Марпл. Все эти дни с его лица не сходила улыбка, позволявшая предполагать, что он получил некоторую сумму денег.

В небе послышалось гудение — самолет прибыл. Но обычных формальностей здесь не было — пассажиры просто выходили из маленького, утопающего в цветах павильона на гудронированную площадку.

— До свидания, дорогая мисс Марпл. — Молли поцеловала ее.

— До свидания. Постарайтесь навестить нас, — тепло пожала ей руку мисс Прескотт.

— Познакомиться с вами было огромным удовольствием, — сказал каноник. — Я присоединяюсь к приглашению моей сестры.

— Всего наилучшего, мадам, — попрощался

Джексон, — и запомните: в любое время, когда вам понадобится массаж, пошлите мне телеграмму, и мы обо всем договоримся.

Только Эстер Уолтерс отошла в сторону, когда пришло время прощаться, но мисс Марпл не стала навязываться.

Последним к ней подошел мистер Рэфьел.

— Ave Caesar, nos morituri te salutamus[10], — сказал он, взяв ее за руку.

— Боюсь, что я не сильна в латыни, — вздохнула мисс Марпл.

— Но это вы поняли?

— Да. — Больше она ничего не добавила, так как хорошо знала, что сказал ей мистер Рэфьел. — Очень рада была с вами познакомиться, — промолвила мисс Марпл и зашагала по площадке к самолету.

---

[10] Примечания: 10

Да здравствует Цезарь, мы, идущие на смерть, приветствуем тебя *(лат.)*.

НЕМЕЗИДА

Дафне Ханибоун

Глава 1
УВЕРТЮРА

Вечерами, согласно заведенному ею самой обычаю, мисс Джейн Марпл разворачивала свою вторую газету. Каждое утро в ее дом приносили две газеты. Первую мисс Марпл прочитывала за ранним утренним чаем — в том случае если газету доставляли вовремя. Разносивший газеты мальчишка был известен своим вольным обращением со сроками. Впрочем, его часто заменял новый мальчишка или же временный заместитель первого. И у каждого из них имелись собственные представления относительно географических особенностей выбранного им маршрута доставки. Быть может, подобным образом они разнообразили собственную жизнь. Однако те из подписчиков, кто имел обыкновение прочитывать газеты пораньше, чтобы успеть ознакомиться с самыми сочными из ежедневных новостей, прежде чем погрузиться в автобус, поезд или другое удобное для себя средство передвижения к месту повседневной работы, бывали раздосадованы опозданием газеты, хотя многие

пожилые леди и дамы средних лет, мирно обитавшие в Сент-Мэри-Мид, чаще предпочитали прочитывать газету за накрытым для завтрака столом.

Сегодня мисс Марпл ознакомилась с первой страницей и несколькими другими статьями ежедневной газеты, которую она именовала «Ежедневной всячиной», сатирическим образом осмысляя тот факт, что эта газета — «Ежедневные новости» — в результате смены владельца, к ее собственному и подруг великому разочарованию, теперь занялась публикацией статей о женской и мужской моде, дамских кумирах, детских конкурсах и жалостливых писем от дам, при этом умудрившись задвинуть реальные новости с любой части первой страницы в какой-нибудь дальний уголок, где их просто невозможно было найти. Мисс Марпл, особа старомодная, считала, что газеты должны оставаться газетами и прежде всего обязаны снабжать читателя новостями.

После полудня, отобедав, позволив себе минут так с двадцать вздремнуть в специально приобретенном кресле с прямой спинкой, удовлетворявшем запросы ее ревматической спины, она открыла номер «Таймс», пригодный для более ленивого чтения. Не то чтобы «Таймс»

оставалась прежней. Она раздражала тем, что теперь в ней вообще нельзя было ничего найти. Прежний освященный временем порядок, позволявший по прочтении первой страницы получить нужные указания и направиться к статьям на интересующие тебя темы, теперь нарушался самым нахальным образом. Две страницы ни с того ни с сего были отведены обильно иллюстрированному путешествию по Капри. Куда большее место, чем в прежние времена, было отведено спорту. Новости королевского двора и некрологи следовали обыкновению в несколько большей мере. Сообщения о рождениях, браках и смертях, раньше занимавшие внимание мисс Марпл прежде всего благодаря их заметному положению, отныне переместились в другую часть газеты и теперь, по ее мнению, почти постоянно занимали последнюю страницу.

Прежде всего мисс Марпл уделила внимание основным новостям на первой странице. Она не стала долго задерживаться на них, поскольку соответствующие сообщения прочла еще утром — правда, изложенные в несколько менее солидной манере, чем это делала «Таймс». Потом быстро просмотрела содержание — статьи, комментарии, наука, спорт, — после чего, последовав

своей обыкновенной схеме, обратилась к последней странице и бегло окинула взглядом известия о рождениях, браках и смертях, а затем открыла страницу с корреспонденциями, где почти всегда обретала нечто приятное; далее она занялась «Протокольными мероприятиями Двора»[11], на одной странице с которыми соседствовали новости аукционов. Там же нередко обнаруживалось короткое сообщение на научные темы, которое она читать не намеревалась. Подобные вещи редко интересовали ее.

Как обычно, повернув к себе газету последней страницей с сообщениями о рождениях, браках и смертях, мисс Марпл произнесла про себя привычные слова: «Как это ни печально, но в наши дни настоящий интерес представляют только сообщения о смертях».

Сперва шли сообщения о рождениях, однако те, у кого появлялись на свет дети, не были известны мисс Марпл даже по фамилиям. Если бы имеющая отношение к новорожденным колонка трактовала их как чьих-нибудь внуков, имелись бы шансы на кое-какие удовольствия. В таком

[11] Примечания: 11

Ежедневный бюллетень об участии членов королевской семьи в официальных мероприятиях; рассылается редакциям газет и журналов. Введен королем Георгом III в 1803 г.

случае она имела бы возможность подумать про себя: «Ого, у Мэри Прендергаст родилась третья внучка!», хотя, возможно, подобный факт и не представляет существенного интереса.

Пробежав взглядом раздел свадеб, также не слишком внимательно, поскольку в большинстве своем дочери и сыновья ее подруг давно уже переженились, мисс Марпл добралась до траурного столбца, к которому отнеслась куда более дотошно. А точнее, прочла, стараясь не упустить ни единой фамилии. Алловей, Ангопастро, Арден, Бартон, Бедшоу, Бурговайссер... (боже мой, что за германское имечко, откуда такой господин в Лидсе)... Карпентер, Кампердаун, Клегг... Клегг? Не из знакомых ли ей Клеггов? Нет, не похоже. Джанет Клегг, из Йоркшира. Макдональд, Маккензи, Николсон... Николсон? Нет, опять не из знакомых ей Николсонов.

Огг, Ормерод... должно быть, одна из тетушек, подумала она. Да, наверное. Линда Ормерод. Нет, с ней она не знакома. Квонтрил? Боже мой, это же Элизабет Квонтрил. Восемьдесят пять. Ну и ну! А она-то думала, что Элизабет Квонтрил уже умерла несколько лет назад. Надо же, сколько прожила! А всегда была такая хрупкая. .. Никому и в голову не могло прийти, что она протянет

так долго. Райс, Радли, Рэфьел. Рэфьел? В памяти шевельнулось нечто. Эта фамилия показалась ей знакомой. Рэфьел. Белфорд-парк, Мейдстоун. Белфорд-парк, Мейдстоун... Нет, подобный адрес ей неизвестен. Никаких цветов. Джейсон Рэфьел. И в самом деле, необычная фамилия... Пожалуй, она где-то слыхала ее. Росс-Перкинс. Ну, это может быть... нет, не может. Райленд? Эмили Райленд. Нет. Нет, она не была знакома с Эмили Райленд. Искренне любимой мужем и детьми. Что ж, очень хорошо — или весьма прискорбно. С какой стороны посмотреть.

Мисс Марпл отложила газету, пробежав праздным взглядом кроссворд, и попыталась все-таки вспомнить, почему фамилия Рэфьел кажется ей знакомой.

— Я это вспомню, — заключила мисс Марпл на основании долгого знакомства с методикой работы памяти у стариков. — Вспомню, не сомневаюсь.

Она глянула из окошка в сторону сада, отвела взгляд и попыталась выбросить это из памяти. Собственный садовый участок в течение уже многих, многих лет являл собой для мисс Марпл источник великого удовольствия и место усердного труда. Однако теперь — благодаря

мнительности врачей — работа в саду стала ей недоступна. Однажды она попыталась пренебречь этим запретом, но была вынуждена прийти к выводу, что, в конце-то концов, спокойнее следовать их рекомендациям. Так что она переставила свое кресло под таким углом, чтобы сад не был виден ей, кроме как в случае четкого и ясного желания рассмотреть в нем нечто конкретное. Вздохнув, мисс Марпл взяла в руки сумочку с вязанием и достала из нее уже почти готовую крохотную шерстяную детскую кофточку. Спинка и перед уже были готовы, оставалось довязать рукава. Последнее всегда было неприятно ей. Два совершенно одинаковых рукава. Подумать только, какая скука. Впрочем, какая милая розовая нитка... Розовая шерсть. Минуточку, к чему это она вспоминает? Да... да, в связи с упомянутым в газете именем. Розовая шерсть. Синее море. Карибское море. Песчаный пляж. Солнце. Она вяжет, и тут же, конечно, мистер Рэфьел. Это было то самое путешествие на Карибы, на остров Сент-Оноре. Предпринятое благодаря любезности ее племянника Реймонда. И еще Джоан, ее невестка, жена Реймонда сказала тогда: «Тетя Джейн, не надо вам больше вмешиваться во всякие убийства. Это вам не полезно».

Ну, она, собственно, и не собиралась снова вмешиваться в любые убийства, однако все произошло без ее согласия. Просто так произошло. Потому лишь, что пожилой майор со стеклянным глазом принялся рассказывать ей долгие и скучные истории. Бедный майор... как там его звали? Она забыла. Мистер Рэфьел и его секретарша, миссис... миссис Уолтерс, да, Эстер Уолтерс, а еще его массажист и помощник Джексон. Все вернулось. Так, хорошо. Бедный мистер Рэфьел. Итак, мистер Рэфьел мертв. Ему было известно, что долго он не проживет. По сути дела, он сам и сказал ей об этом. Похоже, что мистер Рэфьел протянул больше, чем сулили врачи. Он был сильным человеком... упрямым и очень богатым.

Мисс Марпл погрузилась в размышления. Вязальные спицы мерно шевелились в ее руках, однако мысли ее были далеки от вязания. Ум ее был обращен к покойному мистеру Рэфьелу, к тем воспоминаниям о нем, которые сохранились в ее памяти. На самом деле человека этого было трудно забыть. Мисс Марпл без труда могла представить себе его внешность... бесспорно очень яркая личность... трудный, раздражительный мужчина, подчас кошмарно грубый. Впрочем, никто не был в претензии на его грубость. Теперь

она вспомнила и это. На грубость его не обращали внимания, потому что он был настолько богат. Действительно... очень, очень богат. Он возил с собой секретаршу и слугу, опытного массажиста. Ему трудно было обходиться без чьей-нибудь помощи.

А вот этот самый помощник — личность сомнительная, припомнила мисс Марпл. Иногда мистер Рэфьел обходился с ним весьма бесцеремонно. И того это не возмущало. Опять-таки потому, что мистер Рэфьел был настолько богат.

— Никто не будет платить ему и половины того, что плачу я, — говаривал мистер Рэфьел, — впрочем, ему это известно.

Интересно, задумалась мисс Марпл, а остался ли с ним этот самый Джексон? Или все-таки Джонсон? Остался... на сколько же это выходит... еще на год? На год и три или четыре месяца. Скорее всего, нет: мистер Рэфьел был не из тех, кому нравится постоянство. Он уставал от людей, уставал от их привычек, уставал от их лиц, от их голосов.

Мисс Марпл понимала его. Она и сама подчас ощущала нечто подобное. Взять эту ее компаньонку, милую, внимательную женщину, так раздражавшую ее своим воркующим голоском.

— Ах, — произнесла мисс Марпл, — как все с тех пор переменилось к лучшему ... — О боже, она забыла ее имя... мисс — Бишоп? Ну нет, конечно, не мисс Бишоп. Но почему ей пришла в голову именно эта фамилия. Боже, ну как все сложно!..

Мысли ее вновь обратились к мистеру Рэфьелу и к... нет, это был не Джонсон, это был Джексон, Артур Джексон.

— Боже мой, — вновь произнесла мисс Марпл, — всегда я путаю имена. И, конечно же, я думаю о мисс Найт, а не о мисс Бишоп. Но почему она припомнилась мне как мисс Бишоп?

Ответ немедленно осенил ее. Виноваты шахматы. Шахматные фигурки. Слон и ладья[12].

— В следующий раз она вспомнится мне как мисс Кастл или мисс Рук. Хотя она не из тех, кто станет мошенничать.

Нет, конечно. А как звали эту милую секретаршу мистера Рэ-фьела? Ах да, Эстер Уолтерс. Правильно. Хотелось бы знать, как поживает сейчас Эстер Уолтерс... Ей завещали деньги? Ей должна была отойти какая-то сумма.

Мистер Рэфьел, вспомнила мисс Марпл, что-

---

[12] Примечания: 12

Шахматные конь и слон в английском языке соответственно именуются knight и bishop. Ладья — castle, rook. Последнее слово также обозначает «мошенничать, жульничать».

то говорил ей об этом, или же это сделала сама Эстер... о боже, как все перепутывается, когда ты пытаешься припомнить прошлое по возможности точно. Эстер Уолтерс. Карибская история стала для нее тяжелым ударом, однако она перенесла его. Она же была вдовой, так ведь? Мисс Марпл надеялась, что Эстер Уолтерс снова вышла замуж за доброго, хорошего, надежного человека. Впрочем, едва ли. Эстер Уолтерс, подумала она, обладала талантом симпатизировать таким мужчинам, за которых нельзя выходить замуж.

Мисс Марпл вернулась к размышлениям о мистере Рэфье-ле. Никаких цветов, так было написано. Не то чтобы ей хотелось послать цветы на гроб мистера Рэфьела, который мог бы при желании скупить все оранжереи Англии. И в любом случае, они не состояли в дружеских отношениях, не питали друг к другу особой симпатии. Они были — как это правильно сказать? — союзниками. Да, союзниками на какое-то не слишком продолжительное время. Но очень волнующее время. А он был из тех союзников, которых стоит иметь. Мисс Марпл это понимала. Понимала тогда, на Карибах, когда темной тропической ночью бежала к нему. Да, она помнила: тогда на ней была эта розовая шаль... как же их называли, когда она

была молода?., завлекалочка. Прекрасная розовая шерстяная шаль, которую она накинула себе на голову; взглянув на нее, он рассмеялся, а потом, когда она произнесла — воспоминание заставило мисс Марпл улыбнуться — некое слово, он снова рассмеялся. Но потом уже ему было не до смеха. Нет, он сделал то, о чем она просила его, и поэтому... «Ах!» — вздохнула мисс Марпл; все это было — она не могла не признать этого — очень волнительно. И она никогда не рассказывала обо всей этой истории своему племяннику или дорогой Джоан, потому что, в конце концов, именно этого они и просили ее не делать, правда? Мисс Марпл качнула головой, а потом негромко произнесла:

— Бедный мистер Рэфьел; надеюсь, что он не слишком страдал.

Возможно, он действительно не так уж страдал. Не исключено, что жизнь его в последние дни облегчали дорогие болеутоляющие средства. Тогда, в те недели, проведенные им на Карибах, он почти все время мучился. Боли не отпускали его. Какой отважный человек! Действительно отважный. Ей было жаль, что он умер, потому что, по ее мнению, пусть он и был немолодым, больным, практически инвалидом, в результате его ухода мир потерял нечто существенное.

Мисс Марпл не имела никакого представления о том, каким был Рэфьел в своем деле. Наверное, жестоким, решила она, грубым, самовластным и агрессивным. Всегда атакующим. Однако и надежным другом, подумала она. И где-то еще в нем присутствовала глубокая доброта, которую он старался никогда не выпускать на поверхность. Мисс Марпл восхищалась этим мужчиной и уважала его. Что ж, ей жаль, что он ушел; кроме того, она надеялась, что он не слишком переживал по этому поводу и что уход его не был трудным... Теперь его, конечно, кремируют, а прах поместят в какую-нибудь там большую и благопристойную мраморную гробницу. Она даже не знала, был ли женат этот человек. Сам он никогда не упоминал жену или детей. Одиночка? Или жизнь его была настолько полна, что он не нуждался ни в каком одиночестве? Хотелось бы знать.

Тем днем мисс Марпл долго сидела, погрузившись в размышления о мистере Рэфьеле. Она не рассчитывала когда-нибудь снова увидеть его после своего возвращения в Англию и действительно больше не встречалась с ним. И все же каким-то странным образом могла в любое мгновение ощутить себя в соприкосновении с ним. Ну, как если бы он обращался непосредственно

к ней или предлагал встретиться, ощущая, быть может, связь благодаря спасенной ими жизни или по какой-то другой причине. Но связь.

— Конечно, — проговорила мисс Марпл, ужаснувшись самой идее, пришедшей ей в голову, — нас ведь не может связывать общая жестокость?

А не бывала ли когда-нибудь она сама, Джейн Марпл, безжалостной и жестокой?

— А знаешь, — обратилась она к себе самой, — вообще-то, это нечто... подобное просто никогда не приходило мне прежде в голову. Полагаю, тебе прекрасно известно, что ты умеешь быть жестокой...

Тут дверь отворилась, и в нее просунулась темная и кудрявая головка. Это была Черри, приятная преемница мисс Бишоп... то есть мисс Найт.

— Вы что-то сказали? — осведомилась Черри.

— Я говорила сама с собой, — ответила мисс Марпл. — Мне пришло в голову спросить у себя, умею ли я быть жестокой.

— Что... вы? — отреагировала Черри. — Никогда! Вы — сама доброта.

— И все же, — проговорила мисс Марпл, — полагаю, что я способна проявить жестокость в требующей этого ситуации.

— А какую ситуацию вы сочтете требующей этого?

— Произведение правосудия, — заявила мисс Марпл.

— Видела, как вы производили правый суд над юным Гэри Хопкинсом, — заметила Черри. — В тот день, когда застали его мучающим кошку. Никогда не думала, что вы способны на такую бурю! Перепугали его до полусмерти. Он так и не оправился от испуга.

— Надеюсь, что теперь он кошек не мучает.

— Ну, во всяком случае, сперва убедится в том, что вас нет поблизости, прежде чем приступать к этому занятию, — проговорила Черри. — На самом деле, я не очень уверена в этом, поскольку остальные мальчишки сие занятие не забросили. Как посмотришь на вас с этими клубками и хорошенькими вещицами, которые вы вяжете, так и подумаешь, что видишь кроткую овечку Однако бывают времена, когда, скажу честно, вы превращаетесь во льва, если того требуют обстоятельства.

На лице мисс Марпл проступили некоторые сомнения. Она не могла представить себя в той роли, которую теперь приписывала ей Черри. Случалось ли ей когда-нибудь... Она задумалась,

припоминая различные мгновения — действительно, мисс Бишоп-Найт случалось вызывать у нее сильнейшее раздражение. (Нет, в самом деле, нельзя же все время так путать имена.) Однако ее раздражение проявлялось всегда в более или менее иронических репликах. Львы, по понятным причинам, к иронии не прибегают. В них вообще нет ничего иронического. Лев прыгает Лев рычит. Пользуется своими когтями, отхватывает большие куски от своей добычи...

— Вот что, — проговорила мисс Марпл, — не думаю, чтобы мне когда-нибудь случалось вести себя подобным образом.

В тот вечер, неторопливо прогуливаясь по своему саду, ощущая, как крепнет в ней обычная досада, она вновь обратилась к этой мысли. Возможно, на эту мысль ее навела клумба с львиным зевом. Ну что ж это такое, она все время твердит старику Джорджу, что хочет этот самый антиррринум ярко-желтого цвета, а не этого уродливого сиреневого, который так обожают садовники.

— Ярко-желтого цвета, — произнесла мисс Марпл вслух.

Из-за изгороди, отгораживавшей улочку от ее дома, донесся чей-то голос, и к ней повернулась чья-то голова.

— Прошу прощения? Вы что-то сказали?

— Боюсь, что я разговаривала сама с собой, — отозвалась мисс Марпл, выглядывая за изгородь.

Там оказалась незнакомка. А ведь она знала большинство жителей Сент-Мэри-Мид; знала в лицо, если не была знакома. За изгородью стояла крепко сложенная женщина в поношенной, но прочной твидовой юбке и в хороших прогулочных ботинках. Изумрудного цвета пуловер дополнял вязаный шерстяной шарф.

— Увы, в моем возрасте это случается нередко, — добавила мисс Марпл.

— У вас красивый сад, — произнесла незнакомка.

— Теперь уже не очень, — возразила мисс Марпл. — Вот когда я сама могла ухаживать за ним...

— О, я это знаю и в точности понимаю ваши чувства. Должно быть, вы наняли одного из этих любителей... у меня для них много имен, в основном очень грубых — короче, пожилых мужчин, утверждающих, что им все известно про садоводство. Случается, что это действительно так, однако чаще бывает, что они не смыслят в нем ни на грош. Они приходят к вам, гоняют чаи — и самую крохотную малость пропалывают ваш сад.

Они очень приятные люди — ну, некоторые из них, — но тем не менее негодование сдержать трудно... Я сама опытная садовница, — добавила она.

— Вы живете здесь? — спросила мисс Марпл с некоторым интересом.

— Ну, снимаю жилье у миссис Гастингс. Кажется, я слышала, как она говорила о вас. Вы и есть мисс Марпл, так ведь?

— Ну, да.

— Я живу у нее в качестве чего-то вроде компаньонки и садовницы. Кстати, моя фамилия Бартлетт... мисс Бартлетт. Здесь мне особенно нечего делать, — заявила мисс Бартлетт. — Миссис Гастингс занимается исключительно однолетниками, и только. Не во что как следует запустить зубы. — С этими словами она широко раскрыла рот, блеснув зубами. — Конечно, мне приходится исполнять и различные поручения. Ходить за покупками, например, и тому подобное. В любом случае, если вы хотите, я могла бы выделить для вас час или два. И думаю, окажу вам больше помощи, чем тот тип, который сейчас работает у вас.

— Это совсем нетрудно устроить, — согласилась мисс Марпл. — Больше всего я люблю цветы,

овощи меня особо не интересуют.

— У миссис Гастингс скучно, но необходимо... Что ж, я справлюсь — Женщина окинула взглядом мисс Марпл с ног до головы, словно пытаясь запомнить ее внешность, после чего приветливо кивнула и потопала дальше.

Миссис Гастингс? Мисс Марпл не могла припомнить никакой миссис Гастингс. Безусловно, она не принадлежала к числу ее старых подруг. А кроме того, никогда не была садоводом. И, конечно же, она живет в одном из недавно построенных домов в конце Гибралтар-роуд. В прошлом году туда въехали несколько семейств. Мисс Марпл вздохнула, снова с досадой посмотрела на свои ан-тирринумы, заметила несколько сорняков, которые надлежало искоренить, пару пышных побегов, дожидавшихся ее секатора, и в итоге, вздыхая, мужественно преодолевая искушение, завершила обход по дорожке и возвратилась в дом. Мысли ее вновь возвратились к мистеру Рэфьелу. Они, он и она, были... как это было написано в той книге, которую так часто цитировали в дни ее молодости? Кораблями, проходившими

мимо в ночи[13]... На самом деле весьма точная формулировка, если как следует подумать. Корабли, проходящие мимо в ночи... В ночи пришла она к нему, чтобы попросить... нет, потребовать помощи. Чтобы настоять на своем, чтобы сказать — нельзя терять времени. И он согласился, и дела сразу пришли в движение! Быть может, в этом случае она была похожа на льва? Нет. Нет, нельзя так говорить. Мисс Марпл ощущала не гнев. Скорее настойчивость... абсолютную необходимость немедленно навести должный порядок. И он понял ее.

Бедный мистер Рэфьел. Корабль, который прошел мимо в ночи, был интересным. А если привыкнуть к его грубостям, мог он сделаться вполне приемлемым человеком?.. Нет! Она тряхнула головой. Мистер Рэфьел никогда не смог бы стать приемлемым человеком. А посему следует выбросить его из головы.

Корабли, что минуют друг друга в ночи,

---

[13] Примечания: 13

Этой идиоме больше 150 лет. Она появилась в «Рассказах придорожной гостиницы» Генри Лонгфелло в 1863 г.: «Корабли минуют друг друга в ночи, переговариваясь между собою; дан сигнал, и в ночи раздается далекий голос; так в океане жизни мы проходим мимо друг друга, короткий взгляд и голос, а потом снова тьма».

На ходу говоря меж собою;

Лишь сигнал, словно шепот далекий, звучит...

Должно быть, она никогда больше не вспомнит о нем. Разве что глянет проверить, не появится ли в «Таймс» некролог. Однако едва ли. Все-таки он не принадлежал к числу очень известных людей, подумала мисс Марпл. Был не знаменитым, а просто очень богатым. Конечно, некрологи многих людей публикуются в газетах просто потому, что они были очень богаты; однако богатство мистера Рэфьела, скорее всего, имело иное происхождение. Он не был знаменитым промышленным магнатом, не был великим финансовым гением или видным банкиром. Просто всю свою жизнь зарабатывал огромные деньги...

Глава 2
ПАРОЛЬ: «НЕМЕЗИДА»

Примерно неделя прошла после смерти мистера Рэфьела до того момента, когда мисс Марпл взяла письмо с поданного к завтраку подноса и целое мгновение смотрела на него, прежде чем распечатать. Остальные два письма, также пришедшие с утренней почтой, содержали собой счета или же расписки к счетам. В данном случае они не представляли заметного интереса. В отличие от этого письма.

Лондонский штемпель, напечатанный на машинке адрес, длинный, хорошего качества конверт... Мисс Марпл разрезала его ножом для бумаг, который всегда держала под рукой на подносе. Письмо отправлено было конторой «Господ Бродрибба и Шустера, нотариальных поверенных», обретавшейся в Блумсбери. Содержало оно изложенное вежливой юридической фразеологией приглашение посетить их заведение на следующей неделе, дабы обсудить возможно выгодный для нее вопрос. Предлагалась дата: четверг, 24-е число. Но если эта дата для нее

неудобна, быть может, она известит их о том, когда посетит Лондон в самое ближайшее время. Пояснение гласило, что они являлись поверенными покойного мистера Рэфьела, с которым она, очевидно, была знакома.

Мисс Марпл нахмурилась в легком недоумении. Поднялась на ноги — медленнее, чем обычно, — обдумывая полученное письмо. Вниз по лестнице ей помогла спуститься Черри, постоянно дежурившая в холле для того, чтобы мисс Марпл не пришлось в одиночку претерпевать трудности, связанные со спуском по лестнице — старомодной, посреди марша поворачивавшей под острым углом.

— Ты очень внимательна ко мне, Черри, — проговорила мисс Марпл.

— Приходится, — обратилась Черри к своему любимому словесному обороту. — Хороших людей на свете немного.

— Ну, что ж, спасибо за комплимент, — поблагодарила ее мисс Марпл, благополучно утвердившись обеими ногами на полу первого этажа.

— Ничего не случилось, а? — поинтересовалась Черри. — Какая-то вы не такая, если можно так выразиться.

— Ничего особенного не произошло, — про-

говорила мисс Марпл. — Просто я получила неожиданное письмо из нотариальной конторы.

— А не подает ли кто-нибудь на вас в суд? — проговорила Черри, склонявшаяся к тому, чтобы считать письма от юристов неизменно связанными с какого-нибудь рода несчастьем.

— Ну, нет, не похоже на то, — ответила мисс Марпл. — Ничего подобного. Они просто попросили меня на следующей неделе посетить их лондонскую контору.

— Быть может, вам оставили крупное состояние? — с надеждой в голосе произнесла Черри.

— А вот это едва ли возможно, — заметила мисс Марпл.

— Никогда не скажешь заранее, — возразила Черри.

Усевшись в кресло и достав вязание из вышитой сумки, мисс Марпл принялась обдумывать вероятность того, что мистер Рэфьел оставил ей наследство. Идея эта теперь показалась ей еще более невероятной, чем когда Черри предложила ее. Мистер Рэфьел, по мнению мисс Марпл, был не из тех людей, кто способен на подобные жесты.

Однако предложенная дата не устраивала ее. Мисс Марпл планировала в этот день присут-

ствовать на собрании Женского института[14], на котором предполагалось обсудить сбор денег на пристройку пары небольших дополнительных комнат. И потому ответила на письмо просьбой перенести встречу на один из дней следующей недели. Ответ пришел должным образом, и встреча была назначена. Интересно, каковы из себя господа Бродрибб и Шустер? Письмо на сей раз подписал Дж. Р. Бродрибб, очевидно являвшийся старшим партнером. Возможно, подумала мисс Марпл, что мистер Рэфьел в своем завещании оставил ей какую-нибудь памятку или сувенир. Наверное, какую-нибудь книжицу о редких цветах, которая, по его мнению, могла порадовать старую, помешанную на садоводстве леди. А может быть, даже и оставшуюся от бабушки брошку с камеей... Фантазии эти развлекали ее. Всего только фантазии, подумала она, поскольку в каждом случае душеприказчики — если эти адвокаты таковыми являлись — могли просто отправить ей нужный предмет по почте. Никакого собеседования ситуация не требовала.

— Ладно, — проговорила мисс Марпл, — узнаю все в следующий вторник.

---

[14] Примечания: 14

Организация, объединяющая женщин, живущих в сельской местности; в ее рамках действуют различные кружки.

— Интересно, какая она, — обратился мистер Бродрибб к мистеру Шустеру, посмотрев на часы.

— Она должна прийти через час, — проговорил тот. — Но будет ли она пунктуальной?

— Ну, думаю, да. Насколько я понимаю, она — женщина немолодая и куда более педантичная, чем нынешние юные вертихвостки.

— Толстая или тощая? — продолжил расспросы мистер Шустер.

Мистер Бродрибб покачал головой.

— А Рэфьел когда-нибудь описывал вам ее внешность? — спросил мистер Шустер.

— Он всегда был чрезвычайно уклончив во всем, что говорил о ней.

— Вся эта история кажется мне чрезвычайно странной, — заметил мистер Шустер. — Если бы мы только чуть больше знали о том, что она подразумевает...

— Скорее всего, — задумчивым тоном произнес мистер Бродрибб, — что все это каким-то образом связано с Майклом.

— Что? После стольких прошедших лет? Не может быть. С чего это пришло вам в голову? Или он упоминал...

— Нет, он ничего не упоминал. И не оставил мне никакого намека на то, что происходило в

его голове. Просто ограничился одними инструкциями.

— А вам не кажется, что к концу своих дней он сделался, скажем так, чудаковатым?

— Ни в коей мере. В интеллектуальном отношении он сохранил столь же блестящий, как и прежде, ум. Физическое нездоровье никогда не могло подействовать на его умственные способности. За последние два месяца своей жизни он сумел сделать еще две сотни тысяч фунтов. Около того.

— У него был тонкий нюх, — заметил мистер Шустер с должным почтением. — Безусловно, у него был нюх.

— Ум крупного финансиста, — произнес мистер Бродрибб, также с приличествующей ситуации почтительной интонацией. — На свете не так уж много подобных ему людей... об этом остается только жалеть.

На столе звякнул звонок. Мистер Шустер взял трубку. Женский голос произнес:

— Мисс Джейн Марпл ожидает приема у мистера Бродрибба по предварительной договоренности.

Мистер Шустер посмотрел на партнера и поднял бровь, дожидаясь положительного или

отрицательного решения. Мистер Бродрибб кивнул.

— Проводите ее, — сказал мистер Шустер в трубку. И добавил: — Теперь и увидим.

Мисс Марпл вошла в комнату. Навстречу ей с несколько меланхоличным выражением на лице поднялся джентльмен средних лет, худой и поджарый. Очевидно, это и был мистер Бродрибб, внешность которого некоторым образом противоречила имени[15]. Рядом с ним находился джентльмен помоложе, обладавший заметно более округлым сложением. Под черными волосами поблескивали небольшие и проницательные глазки, заметен был находящийся в стадии роста второй подбородок.

— Мой партнер, мистер Шустер, — представил компаньона мистер Бродрибб.

— Надеюсь, что лестница не слишком утомила вас, — любезным тоном проговорил тот, подумав про себя: «Семьдесят — и то в лучшем случае, но скорее всего под восемьдесят».

— Я всегда чуть задыхаюсь, поднимаясь по лестнице.

— Наше здание не из новых, — извиняющимся

---

[15] Примечания: 15

Примерный перевод с английского слова broadribb — «широкогрудый».

тоном проговорил мистер Бродрибб. — Лифта нет. Однако мы представляем собой весьма известную фирму и не стремимся обзаводиться многими новомодными штучками, как бы ни хотели того наши клиенты.

— Эта комната обладает великолепными пропорциями, — вежливо похвалила мисс Марпл.

Она опустилась в пододвинутое ей мистером Бродриббом кресло. Мистер Шустер, стараясь быть незаметным, покинул комнату.

— Надеюсь, что вам удобно в этом кресле, — проговорил старший партнер. — Не разрешите ли чуть подвинуть штору? Похоже, что солнце светит вам прямо в лицо.

— Благодарю вас, — произнесла с признательностью мисс Марпл.

Она сидела с прямой спиной, следуя давно заведенной привычке. На ней был легкий твидовый костюм, нитка жемчуга и небольшая, без полей, шляпка. Мистер Бродрибб сказал самому себе: «Провинциальная леди. Положительная особа. Пушистенькая старушка. Может, уже чокнулась, может, нет. Но взгляд острый и проницательный. Интересно, где это Рэфьел подцепил ее... Должно быть, чья-то деревенская тетушка».

Пока эти мысли циркулировали в его голове,

он приступил к преамбуле, и уместным образом обратившись прежде всего к погоде, перешел к плачевным результатам действия поздних заморозков в это время года и прочим, с его точки зрения, подобающим в подобном случае темам.

Кротко дожидаясь перехода от прелюдии к делу, мисс Марпл отвечала соответствующим ситуации образом.

— Вас, конечно, интересует причина нашего приглашения, — с доброжелательной и уместной улыбкой произнес мистер Бродрибб, положив перед собой несколько бумаг. — Вы, конечно, уже слышали о кончине мистер Рэфьела или, быть может, читали о ней в газете...

— Я прочла газетное объявление, — отметила мисс Марпл.

— Насколько я понимаю, он был вашим другом.

— Мы познакомились чуть больше года назад, — пояснила мисс Марпл и сразу добавила: — В Вест-Индии.

— Ах, так? Помню. Он отправился туда, рассчитывая в тепле поправить свое здоровье. Быть может, поездка в чем-то и помогла ему... впрочем, он был уже очень болен, настоящий калека, как вам известно.

— Да, — согласилась мисс Марпл.

— Вы его хорошо знали?

— Нет, — ответила она, — я бы так не сказала. Мы с ним оказались постояльцами одного отеля. Иногда разговаривали друг с другом. После возвращения в Англию я больше не встречалась с ним. Видите ли, я веду тихую жизнь в сельской местности, а он, насколько я понимаю, был полностью поглощен своим бизнесом.

— Он продолжал заключать сделки до самой... да, готов сказать: действительно до самого последнего дня своей жизни, — проговорил мистер Бродрибб. — Это был истинно одаренный финансист.

— Нисколько не сомневаюсь в этом, — согласилась мисс Марпл. — Я достаточно скоро поняла, что он был к тому же... весьма выдающейся личностью.

— Не знаю, имеете ли вы какое-нибудь представление о том, какое предложение я должен вам сделать согласно воле мистера Рэфьела... не намекал ли он вам каким-то образом на свои намерения в вашем отношении?

— Не могу даже представить себе, — проговорила мисс Марпл, — какого рода предложение собирался сделать мне мистер Рэфьел. Подобное

желание с его стороны кажется мне едва ли вероятным.

— Он придерживался очень высокого мнения о вас.

— Это очень любезно с его стороны, но едва ли оправдано, — возразила мисс Марпл. — Я женщина очень простая.

— Как вы, вне сомнения, понимаете, скончался он очень богатым человеком. Пункты его завещания нельзя назвать сложными. Он распорядился своим состоянием за некоторое время до смерти. Фонды и всякая благотворительность.

— Полагаю, что в наши дни это весьма обыденная процедура, — проговорила мисс Марпл, — хотя я совершенно не сведуща в экономике.

— Я пригласил вас сюда для того, чтобы сообщить вам о том, что для вас в его завещании предусмотрена некая сумма, — продолжил мистер Бродрибб, — которая полностью перейдет в ваше распоряжение через один год, — однако при условии, что вы примете определенное предложение, с которым я обязан вас ознакомить. — Взяв со своего стола продолговатый запечатанный конверт, он передал его мисс Марпл. — Полагаю, что будет лучше, если вы сами ознакомитесь с его содержимым. Не торопитесь. Спешить нам

некуда.

Мисс Марпл торопиться не стала. Приняв небольшой ножик для разрезания бумаг, предложенный ей мистером Бро-дриббом, она взрезала конверт, извлекла его содержимое, оказавшееся единственным листом с текстом, отпечатанным на машинке, и прочла его, а потом сложила. После чего снова развернула, перечитала и посмотрела на мистера Бродрибба.

— Это предложение трудно назвать конкретным. Нет ли у вас каких-нибудь пояснений к нему?

— Насколько мне ведомо — нет. Я должен был вручить вам этот конверт и назвать завещанную сумму. Речь идет о двадцати тысячах фунтов, не облагаемых налогом на наследство.

Мисс Марпл, не сходя с места, круглыми глазами уставилась на адвоката. Удивление буквально лишило ее дара речи. Мистер Бродрибб молчал, пристально наблюдая за гостьей. В подлинности ее реакции усомниться было невозможно. Нетрудно было понять, что мисс Марпл совершенно не рассчитывала услышать подобное предложение. Мистер Бродрибб попытался представить, какими будут ее первые слова. Она посмотрела на него с прямотой и строгостью,

достойной одной из его собственных теток, и едва ли не с возмущением проговорила:

— Это очень большие деньги.

— Не такие большие, как прежде, — заметил мистер Бродрибб (с трудом удержавший себя от того, чтобы сказать: «Практически гроши»).

— Вынуждена признаться, — продолжила мисс Марпл, — что я изумлена. Откровенно говоря, обескуражена. — Взяв в руки документ, она старательно еще раз перечитала его и спросила: — Надо думать, вам известно содержание этого письма?

— Да. Мистер Рэфьел сам надиктовал его мне.

— И при этом он не давал никаких пояснений?

— Нет, не давал.

— Но вы, конечно, хотя бы намекнули ему, что будет лучше, если он все-таки сделает их? — проговорила мисс Марпл уже с легкой едкостью в голосе.

Мистер Бродрибб чуть улыбнулся

— Вы правы. Именно так я и поступил. Я сказал, что вам будет сложно понять, к чему он клонит.

— Замечательно, — проговорила мисс Марпл.

— Конечно, не стоит думать, что вы обязаны дать мне ответ прямо сейчас, — сказал мистер Бродрибб.

— Безусловно, — согласилась мисс Марпл, — мне необходимо поразмыслить над этим предложением.

— Как вы уже говорили, это значительная сумма...

— Я старая женщина, — произнесла мисс Марпл. —Теперь принято говорить «пожилая», однако «старая» будет точнее. Достаточно старая. Ведь вполне возможно, и даже вероятно, что я не сумею дожить до конца этого года, чтобы получить эти деньги — в том сомнительном случае, если вдруг сумею заработать их?

— Деньги не следует презирать в любом возрасте, — заметил мистер Бродрибб.

— Я могла бы пожертвовать их на интересующие меня благотворительные мероприятия, — продолжила мисс Марпл, — а кроме того, рядом с нами всегда остаются люди... люди, для которых хочется хоть что-нибудь сделать, хотя собственные средства не позволяют этого. И я не стану говорить, что не имею таких желаний и удовольствий, которые хотела бы позволить себе — но не имею для этого нужных средств. Полагаю, что мистер Рэфьел прекрасно понимал, что открывшаяся внезапно в этом отношении возможность способна доставить пожилой особе

изрядное удовольствие.

— Да, в самом деле, — согласился мистер Бродрибб. — Быть может, вас заинтересовала бы поездка за границу? Один из доступных сегодня великолепных туров. А также театры, концерты, возможность наполнить свои погреба...

— Мои запросы будут более умеренными, — задумчивым тоном проговорила мисс Марпл. — Начнем с куропаток... в наши дни их трудно найти, а кроме того, они дороги. Я с большим удовольствием лично съем куропатку — целиком. Коробка засахаренных каштанов также не часто бывает мне по карману. Возможно, нанесу визит в оперу. Это означает такси до Ковент-Гарден и обратно, а также ночлег в отеле... Впрочем, не стоит заниматься праздной болтовней. Я возьму эту бумагу с собой и поразмыслю над ней. Не знаю, что именно заставило мистера Рэфьела... у меня нет ни малейшего представления о том, почему он сделал мне именно это предложение и почему решил, что я способна быть каким-то образом полезной ему. Он не мог не знать, что с момента нашей последней встречи прошел год, нет, почти два года, и что я могла еще больше одряхлеть, и в еще большей степени утратить свои прежние способности. Он рисковал. Ведь есть же и другие

люди, куда больше пригодные для выполнения подобного расследования?

— Откровенно говоря, так нетрудно подумать, — согласился мистер Бродрибб, — однако он выбрал именно вас, мисс Марпл. Простите меня за праздное любопытство, но не имели ли вы — как это сказать — какого-нибудь отношения к преступлениям или их расследованию?

— Строго говоря, я должна сказать: не имею и не имела, — проговорила мисс Марпл. — Во всяком случае, профессионального. Я никогда не была офицером, контролирующим условно освобожденных, не заседала в суде, не была сотрудницей детективного агентства. Чтобы объяснить причину этого поступка, мистер Бродрибб, что с моей стороны просто необходимо и что, по моему мнению, должен был сделать мистер Рэфьел, я могу сказать только одно: во время нашего пребывания в Вест-Индии нам с мистером Рэфьелом пришлось иметь дело с происшедшим там преступлением. Весьма необычным и запутанным убийством.

— И вы с мистером Рэфьелом нашли убийцу?

— Я бы сказала несколько иначе, — возразила мисс Марпл. — Мистер Рэфьел, за счет присущей его личности силы, и я, сумевшая сопоставить

пару подмеченных мной вполне очевидных свидетельств, сумели предотвратить уже подготовленное второе убийство. Действуя без такого партнера, я не смогла бы этого сделать из-за своей слабости. Мистер Рэфьел, как калека, тоже не справился бы с делом в одиночку. Мы выступали в качестве союзников.

— Мне хотелось бы задать вам еще один вопрос, мисс Марпл. Слово «Немезида» что-то говорит вам?

— Немезида, — задумчиво проговорила мисс Марпл. Это был не вопрос. На лице ее очень неторопливо появилась неожиданная улыбка. — Да, — проговорила она, — оно кое-что говорит мне. И кое-что значит для меня, как значило и для мистера Рэфьела. Я сказала ему это слово, и он весьма развеселился, услышав, что под Немезидой я подразумеваю себя.

Мистер Бродрибб ожидал услышать что угодно, но только не это. Он устремил на мисс Марпл столь же недоуменный и озадаченный взор, как и тогда мистер Рэфьел в своей спальне на берегу Карибского моря. Тихая интеллигентная старая леди. И надо же... Немезида!

— Нисколько не сомневаюсь в том, что вы испытываете похожие чувства, — проговорила мисс

Марпл, поднимаясь на ноги. — Мистер Бродрибб, если вам случится найти или получить любые дополнительные инструкции по этому поводу, прошу по возможности известить меня. Удивительно, что у вас нет ничего подобного. И потому я остаюсь в полном недоумении относительно того, что именно должна сделать или хотя бы попытаться сделать, по мнению мистера Рэфьела.

— Вы не знакомы с его родными, друзьями, его...

— Нет. Я же сказала вам. Мы познакомились случайно, встретившись в дальнем уголке мира. После чего в качестве союзников поучаствовали в одном таинственном деле. Вот и всё. — Уже собираясь направиться к двери, она вдруг повернулась и спросила: — У него была секретарша, миссис Эстер Уолтерс. Не сочтете ли вы нарушением этикета, если я спрошу, не оставил ли ей мистер Рэфьел пятьдесят тысяч фунтов?

— Его завещание будет опубликовано, — ответил мистер Бродрибб. — Но я могу ответить утвердительно на ваш вопрос... Кстати, миссис Уолтерс теперь стала миссис Андерсон. Она снова вышла замуж.

— Рада слышать. Она осталась вдовой с одной дочерью — и, похоже, была очень хорошей сек-

ретаршей. Она прекрасно понимала мистера Рэфьела. Хорошая женщина. Рада слышать, что он ее не забыл.

...Тем вечером мисс Марпл, сидя в своем кресле с прямой спинкой и протянув ноги к камину, в котором на дровах горело неяркое пламя, прогонявшее прохладу, способную по собственной прихоти в любой момент осенить Англию, вновь достала из продолговатого конверта врученный ей утром документ. Все еще не совсем доверяя себе, она принялась читать его вслух, негромко повторяя под нос слова, словно бы стремясь впечатать их в свою память.

Мисс Джейн Марпл, жительнице деревни Сент-Мэри-Мид.

Это письмо будет доставлено вам после моей смерти любезным попечением моего поверенного, Джеймса Бродрибба. Услугами этого человека я пользуюсь для разрешения тех легальных вопросов, которые возникают в моих личных делах, но не в деловой активности. Это здравомыслящий и достойный доверия адвокат. Подобно большинству представителей рода людского, он подвержен греху любопытства. Я не удовлетворил его. В некоторых отношениях это дело останется между мной и вами. Нашим паро-

лем, моя добрая леди, является «Немезида». Не думаю, что вы успели забыть то время и те обстоятельства, когда произнесли его в моем присутствии. По ходу своей деловой деятельности за теперь уже достаточно долгую жизнь я научился находить некое качество в человеке, которого намереваюсь принять на работу. Он должен обладать определенным талантом, особым чутьем, необходимым для той работы, которую я хочу чтобы он сделал для меня. Это не знания, это не опыт. Дар — единственное подходящее в этом отношении слово. Естественная способность к выполнению определенных вещей.

Вы, моя дорогая, если я вправе называть вас подобным образом, обладаете естественным чутьем справедливости, которое и привело вас к реализации природного таланта криминалиста. Я хочу, чтобы вы расследовали некое преступление. Я распорядился, чтобы определенную сумму разместили таким образом, что, если вы примете мое предложение и в результате вашего расследования будет пролит свет на обстоятельства этого дела, деньги полностью перейдут в ваше распоряжение. Я отвел вам один год на выполнение моего задания. Вы не молоды, но вы, если так можно выразиться, человек креп-

кий. Полагаю, у меня есть основания надеяться, что судьба оставит вас в живых как минимум на один год.

Думаю, что предлагаемая работа не покажется вам неприятной. Должен сказать, что вы наделены природным дарованием сыщика-криминалиста. Необходимые средства — так сказать, рабочий капитал для проведения настоящего расследования — по мере нужды будут переводиться вам все это время. Я предлагаю вам это занятие в качестве альтернативы той жизни, которую вы ведете в настоящее время.

Я представляю вас сидящей в кресле, вполне удобном и соответствующем той форме ревматизма, которой вы, вероятно, стра-

даете. По моему мнению, все персоны вашего возраста страдают от какого-нибудь варианта этой болезни. Если эта хворь поразила ваши колени или спину, если вам трудно передвигаться, свое время вы посвящаете в основном вязанию. Я вижу вас окруженной облачком розовой шерсти, какой увидел однажды поднятым ото сна благодаря вашей настойчивости. Я представляю вас вяжущей кофты, шали и разные прочие вещи, названия которых остаются за пределами моего ведения. Если вы предпочтете оставаться за

вязанием — не имею никаких возражений. Если же решите послужить делу правосудия, надеюсь, что вы, во всяком случае, сочтете мое предложение интересным.

«Пусть, как вода, течет суд, и правда — как сильный поток!» (Ам. 5:24)

Глава 3
МИСС МАРПЛ БЕРЕТСЯ ЗА ДЕПО

I

Мисс Марпл трижды перечитала письмо, после чего отложила его в сторону и, чуть нахмурясь, принялась размышлять над его содержанием и следствиями из него.

В первую очередь она ощутила, что ее оставляют в полном отсутствии конкретной информации. Предоставит ли ей какие-нибудь подробности мистер Бродрибб? Она ощутила почти полную уверенность в том, что на это надеяться не приходится. Просто потому, что это не отвечало плану мистера Рэфьела. И все же, каким образом, по мнению мистера Рэфьела, она должна действовать, вообще что-то делать в отношении абсолютно неизвестного ей дела? Это интриговало. Поразмышляв еще несколько минут, она решила, что мистер Рэфьел как раз и намеревался заинтриговать ее. Мысли ее вновь вернулись к этому человеку, к их непродолжительному знакомству. К его беспомощности, скверному характеру, блестящим вспышкам,

едким шуткам. Ему нравилось дразнить людей, подумала она. Как нравилось, что подтверждало и нынешнее послание, сбивать с толку мистера Бродрибба.

В переданном ей письме не содержалось никакого, даже минимального намека на суть предложенного ей к расследованию дела. Оно ничем не могло помочь ей. Мистер Рэфьел, по всей видимости, весьма определенным образом не намеревался предоставлять ей никакой помощи. У него — как бы это сказать? — были другие идеи. Тем не менее мисс Марпл не могла начать, не имея абсолютно никаких указаний. Это как решать кроссворд, имея в руках лишь пустую таблицу. К ней должен прилагаться текст. Она должна была знать, что ей предстоит делать и куда двигаться — или же понимать, что проблему можно решить, оставаясь в кресле, лишь отложив в сторону спицы для лучшей концентрации. Или же мистеру Рэфьелу было угодно, чтобы по воде или по воздуху она отправилась в Вест-Индию или Южную Америку, или в какое-нибудь другое назначенное им место, где должна будет самостоятельно обнаружить, что ей надлежит делать, или же получить от него вполне определенные инструкции? Неужели он решил, что она спо-

собна схватывать намеки на лету, сама задавать нужные вопросы, самостоятельно находить свой путь? Нет, мисс Марпл не могла поверить в это.

— Если он так думает, — произнесла она вслух, — то у него нет никакого ума. То есть не было ума перед смертью.

Однако мисс Марпл не могла согласиться с тем, что разум оставил мистера Рэфьела.

— А это значит, что я еще получу инструкции, — сказала она себе. — Но какие именно и когда?

И тут мисс Марпл поняла, что, не замечая того, вполне определенным образом приняла предложение, и проговорила вслух, обращаясь к пространству:

— Я верю в вечную жизнь и не могу сказать в точности, где именно вы находитесь, мистер Рэфьел, но не сомневаюсь в том, что вы где-то есть. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы исполнить ваше желание.

II

Через три дня мисс Марпл написала мистеру Бродриббу очень короткое письмо, ограничиваясь одной только сутью дела.

Дорогой мистер Бродрибб,

Я обдумала Ваши слова и хочу сообщить Вам, что решила принять предложение, сделанное мне покойным мистером Рэфьелом. Я сделаю все возможное, чтобы выполнить его желание, хотя совершенно не уверена в успехе. Более того, я не вижу никаких оснований для успешного завершения дела. Из его письма я не получила никаких инструкций и не была — кажется, это называется «проинформирована» должным образом. Если Вы располагаете другими сообщениями, устанавливающими для меня конкретные инструкции, буду рада получить их от Вас, но, поскольку Вы еще не сделали этого, думаю, что дело обстоит иначе.

Полагаю, что мистер Рэфьел пребывал перед смертью в трезвом уме и здравой памяти. Думаю, что имею право спросить у Вас, не случалось ли в его жизни в недавнее время какой-нибудь криминальной ситуации, способной заинтересовать его как в деловых, так и в личных отношениях. Не выражал ли он особого интереса, гнева или неудовлетворения какой-либо ситуацией? Если так, я считаю, что имею право просить Вас известить меня о ней. Быть может, кто-нибудь из его родственников и знакомых недавно претерпевал трудности, или стал жертвой некоей несправедливости, или попадал в положение, ко-

торое можно трактовать подобным образом?..

Не сомневаюсь в том, что Вы понимаете причины, побуждающие меня задавать подобные вопросы. Возможно, сам мистер Рэфьел ожидал, что я сделаю это.

Когда мистер Бродрибб показал это письмо мистеру Шустеру, тот откинулся на спинку своего кресла и присвистнул.

— Итак, она решила взяться за дело? Азартная старушка, — проговорил он и добавил: — Надо думать, ей хотя бы приблизительно известно, о чем идет речь?

— Вы ошибаетесь, — возразил мистер Бродрибб.

— Хотелось бы, — проговорил мистер Шустер. — Покойник был тот еще тип.

— Трудный человек, — согласился мистер Бродрибб.

— У меня нет и малейшего представления, — заявил мистер Шустер, — а у вас?

— И у меня тоже, — не стал возражать мистер Бродрибб. И добавил: — Насколько я могу судить, он не хотел ничего объяснять.

— М-да... и этим самым сделал свое предложение много более трудным. Я не вижу ни малейшего шанса на то, что эта облезлая старая

деревенская кошка сумеет разгадать его замысел и понять, какая блажь пришла ему в голову. А не мог ли он преднамеренно дурачить ее? Так сказать, не захотел ли поводить за нос? Разыграть, к примеру. Или, быть может, решил, что она набила руку на разрешении мелких деревенских проблем и возгордилась и потому ей надлежит преподать строгий урок...

— Едва ли, — усомнился мистер Бродрибб, — я так не считаю. Рэфьел был не из таких.

— Когда-то он любил пошалить, — заметил мистер Шустер.

— Не тот случай! На мой взгляд, он действовал вполне серьезно. Его что-то тревожило. Более того, я совершенно уверен в том, что перед смертью его что-то смущало.

— И он не рассказал вам, что именно... не сделал даже малейшего намека?

— Нет.

— Тогда какого черта может он ожидать... — взорвался Шустер.

— Наверное, он и в самом деле не рассчитывал на то, что из этой идеи получится что-то дельное, — заметил мистер Бродрибб. — Я, собственно, про то, с чего ей удастся начать?

— Если вас интересует мое мнение — это явный

розыгрыш.

— Однако двадцать тысяч фунтов — довольно крупная сумма.

— Да, но если ему заранее было ясно, что она не сможет этого сделать?

— Нет, — усомнился мистер Бродрибб. — Рэфьел не стал бы поступать настолько неспортивно. Он должен был думать, что она имеет возможность решить его загадку.

— И что мы будем делать?

— Ждать, — ответил мистер Бродрибб. — Подождем и посмотрим, что будет дальше. В конце концов, должен же быть какой-то прогресс.

— Так вы получили от него конверт с инструкциями?

— Мой дорогой Шустер, — проговорил мистер Бродрибб. — Мистер Рэфьел безоговорочно верил в мое благоразумие и этичное поведение в качестве адвоката. Его запечатанные инструкции могут быть вскрыты лишь в определенных обстоятельствах, которые пока не наступили.

— И не наступят, — утвердительным тоном проговорил мистер Шустер, тем самым закончив обсуждение.

IV

Мистеру Бродриббу и мистеру Шустеру везло уже в том, что они вели полностью загруженную профессиональную жизнь. Мисс Марпл была не настолько удачлива. Она вязала, она размышляла, она прогуливалась, иногда выслушивая от Черри укоризны за это.

— Вы же знаете, что сказал доктор. Что вам не следует перенапрягаться.

— Я хожу очень медленно, — оправдывалась мисс Марпл, — и ничего не делаю. То есть не копаю и не полю... я просто переставляю ноги по очереди и размышляю о всякой всячине.

— Это о чем? — с некоторым интересом спросила Черри.

— Хотелось бы знать самой, — проговорила мисс Марпл и попросила ее принести еще одну шаль, чтобы укрыться от холодного ветра.

— И что ее снедает, хотелось бы знать, — сказала Черри своему мужу, ставя перед ним китайскую тарелку с рисом и тушеными почками. — Китайский обед, — пояснила она.

Муж одобрительно кивнул.

— Ты с каждым днем готовишь все лучше, — заметил он.

— Я опасаюсь за нее, — сказала Черри. — И тревожусь, потому что она чем-то встревожена. Она получила какое-то письмо, которое взволновало ее.

— Ей нужно просто сесть на место, — сказал муж Черри. — Сесть, успокоиться, взять новые книги из библиотеки, пригласить к себе парочку подруг...

— Она что-то обдумывает, — промолвила Черри. — Какой-то план. Продумывает, как приступить к какому-то делу, я так это понимаю.

Завершив на этом разговор, она взяла кофейный поднос и отнесла его мисс Марпл.

— Ты знакома с женщиной, живущей где-то неподалеку от нас в новом доме... ее зовут миссис Гастингс? — спросила мисс Марпл. — И с особой по имени мисс Бартлетт... кажется, так... которая живет с ней?

— Вы имеете в виду тот дом в конце деревни, который только что отремонтировали и покрасили? Жильцы въехали в него совсем недавно. Я еще не знаю их имен. А что вы хотите знать? Это не слишком интересные люди. Во всяком случае, на мой вкус.

— Они родственницы?

— Нет. Думаю, просто подруги.

— Интересно, почему... — Мисс Марпл оборвала себя на полуслове.

— Что интересно?

— Ничего. Убери рукоделье с моего маленького столика и принеси перо и писчую бумагу. Я хочу написать письмо.

— Кому бы это? — Черри не стала скрывать естественное любопытство, присущее ее полу.

— Сестре священника, — проговорила мисс Марпл. — Каноника Прескотта.

— Того, с которым вы познакомились за границей, в Вест-Индии? Вы показывали мне его фото в своем альбоме.

— Да.

— Может, вам нехорошо, а? И вы решили написать священнику и так далее?

— Я чувствую себя как нельзя лучше, — проговорила мисс Марпл, — и хочу как можно скорее взяться за одно дело. Возможно, что мисс Прескотт поможет мне.

Дорогая мисс Прескотт, — писала мисс Марпл, *— надеюсь, что Вы не забыли меня. Я познакомилась с Вами и Вашим братом, если помните, в Вест-Индии на острове Сент-Оноре. Надеюсь, что дорогой каноник чувствует себя хорошо, и холодной прошлой зимой не слишком страдал*

от астмы.

Я пишу Вам, чтобы спросить, не можете ли Вы предоставить мне адрес миссис Уолтерс — Эстер Уолтерс, — которую Вы, может быть, помните по нашим карибским дням. Она была секретарем у мистера Рэфьела. Миссис Уолтерс давала мне свой адрес, однако я, к несчастью, затеряла его. Я хотела написать ей, поскольку теперь располагаю некоей агрономической информацией, о которой она просила меня, хотя прежде не владела ею. Недавно я окольными путями узнала, что она снова вышла замуж, однако мой информант был не совсем уверен в фактах. Быть может, Вам известно о ней больше, чем мне.

Надеюсь, что не причиню Вам особого беспокойства своим письмом. С поклоном Вашему брату и наилучшими пожеланиями Вам самой.

Искренне Ваша, Джейн Марпл.

Отправив это послание, мисс Марпл почувствовала себя лучше.

— Во всяком случае, — сказала она себе, — я приступила к делу. Не то чтобы я особенно надеялась на результат, но, может быть, оно поможет.

Мисс Прескотт, женщина старательная, ответила на письмо едва ли не с ответной почтой. Написав приятное письмо, она приложила к

нему искомый адрес.

Я ничего не слышала непосредственно об Эстер Уолтерс, — писала она, — *однако, подобно Вам, слышала от подруги, что она видела извещение о ее новом браке. Теперь она стала, как будто бы, миссис Алдерсон или Андерсон. Она проживает в Уинслоу-лодж, возле Элтона, Ханте. Мой брат передает Вам свои самые наилучшие пожелания. Как печально, что мы живем так далеко друг от друга: мы — на севере Англии, а Вы — к югу от Лондона. Надеюсь, что в будущем какая-нибудь оказия позволит нам встретиться.*

Искренне Ваша,
*Джоан Прескотт.*_

— Уинслоу-лодж, Элтон, — проговорила мисс Марпл, переписывая адрес. — На самом деле не столь уж далеко отсюда. Да. Не так уж и далеко. Я вполне могу осилить дорогу. Не знаю, как будет лучше — возможно, придется воспользоваться одним из такси Инча. Несколько экстравагантный способ, однако в случае каких-нибудь результатов дорогу можно будет оплатить вполне законным образом. А теперь, следует ли заранее предупредить ее письмом, или лучше оставить все на волю случая? На мой взгляд, лучше пусть будет случай.

Бедняжка Эстер... Едва ли она вспоминает меня хоть с какой-то симпатией и теплотой.

Мисс Марпл погрузилась в поток воспоминаний, рожденных этой мыслью. Вполне возможно, что ее действия на карибском берегу спасли Эстер Уолтерс от не столь уж далекой насильственной смерти. Во всяком случае, так полагала сама мисс Марпл, но Эстер Уолтерс, безусловно, не была обязана разделять ее точку зрения.

— Милая женщина, — негромко произнесла мисс Марпл, — очень милая женщина. Из тех, кто без особых размышлений выйдет за пропащего человека. Более того: из тех, кто охотно выйдет за убийцу, имея всего лишь полшанса на это. Я до сих пор считаю, — задумчиво и еще тише проговорила она, — что, скорее всего, спасла ее жизнь. Более того, практически уверена в этом, однако сомневаюсь, что Эстер готова согласиться с подобным мнением. Возможно, она не испытывает ко мне ни малейшей симпатии. Что еще более мешает мне воспользоваться ею в качестве источника информации. И все же придется попробовать. Все лучше, чем сидеть здесь и ждать, ждать, ждать...

Но быть может, мистер Рэфьел просто решил посмеяться над нею, когда писал это письмо? Он

не всегда оставался любезен с окружающими и мог весьма неосторожно посмеяться над чужими чувствами.

— В любом случае, — проговорила мисс Марпл, посмотрев на часы и решив пораньше отправиться в постель, — если вечером хорошо поразмыслить, утром в голову может прийти удачная мысль. Быть может, так получится и сейчас.

V

— Как спалось? — спросила Черри, ставя поднос с утренним чаем на столик у локтя мисс Марпл.

— Видела интересный сон, — поделилась впечатлением та.

— Кошмарный?

— Нет-нет, ничего подобного. Я разговаривала с кем-то не совсем мне знакомым. Просто разговаривала. А потом, посмотрев, поняла, что разговаривала совсем не с тем, с кем думала. Это оказался кто-то другой. Очень странно.

— Несколько запутанное сновидение, — сочувственно отозвалась Черри.

— Сон напомнил мне о чем-то, — продолжила мисс Марпл, — или скорее о ком-то, кого я когда-то знала, а потом забыла. Пригласите сюда Инча, хорошо? Пусть явится примерно в полдве-

надцатого.

Инч являлся частью прошлого мисс Марпл. Первый из Инчей, владелец кеба, скончался, оставив своим наследником сына, «Молодого Инча», тогда пребывавшего в возрасте сорока четырех лет, впоследствии превратившего семейную конюшню в гараж и купившего два подержанных автомобиля. После его кончины гараж перешел к новому владельцу. И хотя с тех пор друг друга сменили «Авто Пипа», «Такси Джеймса», «Аренда автомобилей Артура», деревенские старики по-прежнему называли владельца таксопарка Инчем.

— Уж не в Лондон ли вы собрались?

— Нет, я еду не в Лондон. Отобедаю где-нибудь в Хасле-мере.

— Ну-ка, чего 'это вы затеяли? — спросила Черри, подозрительно посмотрев на нее.

— Пытаюсь как бы случайно встретиться с одним человеком, и так, чтобы это выглядело вполне естественно, — проговорила мисс Марпл. — Это не то чтобы легко сделать, но я надеюсь, что у меня получится.

В половине двенадцатого такси подъехало к дому, Мисс Марпл дала указания Черри.

— Позвони по этому номеру, ладно? Спроси,

дома ли миссис Андерсон. Если тебе ответит сама миссис Андерсон или если скажут, что она идет к телефону, скажи, что с нею хочет поговорить мистер Бродрибб. Назовешься секретаршей мистера Бродрибба. Если ее нет дома, узнай, когда она вернется.

— А если она дома и я буду говорить с ней?

— Спроси, в какой день на следующей неделе она сможет встретиться с мистером Бродриббом в его лондонской конторе. Когда она ответит, запиши и положи трубку.

— Ну и выдумщица же вы! Зачем все это? Почему вы хотите, чтобы это сделала я?

— Память — любопытная вещь, — сказала мисс Марпл. — Иногда человек узнает голос, даже если не слышал его больше года.

— Ну, миссис Как-ее-там больше вообще никогда не услышит мой голос, так?

— Не услышит, — сказала мисс Марпл. — Вот почему звонить будешь ты.

Черри выполнила распоряжение. Она узнала, что миссис Андерсон ушла за покупками, однако вернется к ленчу и днем будет дома.

— Ну, это существенно облегчает дело, — проговорила мисс Марпл. — Инч уже здесь? Ах, да. Доброе утро, Эдвард, — обратилась она к водите-

лю из «Такси Артура», которого вообще-то звали Джорджем. — Теперь о том, куда мы с тобой поедем. Дорога займет, на мой взгляд, часа полтора или побольше.

Экспедиция выступила в путь.

Глава 4
ЭСТЕР УИТЕРС

Эстер Андерсон вышла из супермаркета и направилась к месту, на котором оставила свою машину, думая о том, что парковка с каждым днем становится все более сложной. Тут она столкнулась с какой-то пожилой женщиной, прихрамывая шедшей навстречу ей. Она извинилась, а женщина воскликнула:

— Неужели... неужели... это действительно вы... миссис Уолтерс, так? Эстер Уолтерс? Не думаю, что вы помните меня. Джейн Марпл. Мы встречались в отеле на Сент-Оноре, но это было давно. Полтора года назад.

— Мисс Марпл?.. Действительно так. Рада видеть вас!

— Какая приятная встреча. Я обедаю вместе с друзьями неподалеку отсюда, но потом мне придется возвращаться через Элтон. Вы сегодня днем будете дома? Мне хотелось бы поболтать. Как приятно видеть старую подругу!..

— Да, конечно. В любое время после трех часов дня.

И встреча была назначена.

«Старушка Джейн Марпл, — улыбнулась про себя Эстер Андерсон. — Интересно как получилось... Я-то думала, что она уже давно умерла».

Мисс Марпл позвонила у двери Уинслоу-лодж ровно в 3:30. Эстер открыла перед ней дверь и впустила гостью в дом.

Мисс Марпл опустилась в предложенное ей кресло, несколько волнуясь в той манере, которую напускала на себя, будучи несколько встревоженной. Или, во всяком случае, тогда, когда считала нужным произвести впечатление несколько встревоженной женщины. Впрочем, в данном случае это впечатление было ошибочным, так как все складывалось именно так, как она и задумала.

— Как приятно видеть вас, — обратилась мисс Марпл к Эстер. — Как приятно опять видеть вас. Знаете ли, мне кажется, что мир этот устроен достаточно странно. Надеешься снова встретиться с человеком и можешь не сомневаться в том, что эта встреча произойдет. Но проходит какое-то время — и вдруг такой внезапный сюрприз...

— Да, — согласилась Эстер, — ив подобных случаях всегда говорят, что мир тесен, не так ли?

— Вы правы, и мне кажется, что в этом действи-

тельно что-то есть. То есть я хочу сказать, что мир кажется настолько большим, а Вест-Индия находится настолько далеко от Англии... Ну, я хочу сказать, что могла бы встретить вас в любом месте. В Лондоне — скажем, в «Харродс»[16]. На железнодорожной станции или в автобусе. Возможностей бывает так много.

— В самом деле, существует много возможностей, — сказала Эстер. — И я, конечно, не могла бы надеяться на встречу с вами, потому что здешние края не принадлежат к вашей части мира?

— Да. Не принадлежат. Но не потому, что вы живете так далеко от моей Сент-Мэри-Мид. На деле нас разделяет всего что-то около двадцати пяти миль. Но двадцать пять миль в сельской местности — это действительно много, когда у тебя нет машины, которую, конечно, я не в состоянии позволить себе и, уж конечно, в любом случае не способна водить, и потому она бесполезна для меня, так что приходится посещать соседей, выезжая из своей деревни на автобусе или на такси.

— Вы выглядите удивительно хорошо, — заметила Эстер.

---

[16] Примечания: 16
«Харродс» — самый известный универмаг Лондона.

— И я тоже как раз хотела сказать, что вы выглядите удивительно хорошо, моя дорогая. Я и представления не имела о том, что вы живете в этих местах.

— Я живу здесь не очень давно. Всего лишь после свадьбы.

— О, я и не знала. Как интересно... Должно быть, я каким-то образом не заметила этого. Я всегда просматриваю брачные объявления.

— Я замужем уже четыре или пять месяцев, — сказала Эстер. — Теперь моя фамилия — Андерсон.

— Миссис Андерсон, — проговорила мисс Марпл. — Да. Надо напрячься и заставить себя запомнить. И кто ваш муж?

Будет неестественно, если я не спрошу о ее муже, подумала мисс Марпл: ведь старые девы всегда настолько любопытны.

— Он инженер, — сказала Эстер. — И руководит компанией «Тайм энд моушн». Он, — Эстер помедлила, — немного моложе меня.

— И это к лучшему, — немедленно одобрила мисс Марпл. — К лучшему, к лучшему, моя дорогая. В наши дни мужчины стареют быстрее женщин. Я знаю, что так не принято говорить, но на самом деле ошибки здесь нет. На мой взгляд,

они слишком много волнуются и работают. А потом у них начинается повышенное или пониженное давление или мелкие неприятности с сердцем. Кроме того, они подвержены раку желудка. Едва ли мы, женщины, так много волнуемся... на мой взгляд, как раз мы-то и являемся сильным полом.

— Возможно, вы правы, — проговорила Эстер.

Она улыбнулась мисс Марпл, и та приободрилась. Когда она в последний раз встречалась с Эстер, та, если судить по внешнему виду, ненавидела ее, а может, и действительно ненавидела в тот момент. Но теперь-то, теперь Эстер как будто бы ощущала даже известную благодарность. Возможно, она сумела понять, что в данный момент могла бы лежать под каменной плитой на каком-нибудь респектабельном кладбище, вместо того чтобы предположительно наслаждаться счастливой жизнью с мистером Андерсоном.

— Вы прекрасно смотритесь, — проговорила мисс Марпл, — у вас радостное лицо.

— Вы тоже отлично выглядите.

— Ну, конечно, я теперь еще более постарела. А в старости нам досаждает столько разных болезней... Я не про те, которые опасны для жизни, ничего подобного... я хочу сказать, что у тебя все-

гда найдется какой-нибудь там ревматизм или какое-нибудь нытье и колотье в самых разных местах. И ноги становятся не такими, какими им положено быть. А кроме того, нам вечно напоминает о себе спина, плечо или руки... Ах, дорогая моя, печально вспоминать о подобных вещах. Какой у вас отличный дом!

— Да, но мы живем здесь недавно. Мы въехали сюда около четырех месяцев назад.

Мисс Марпл огляделась. Похоже на то, подумала она. И еще подумала, что заезжали они сюда с размахом. Мебель показалась ей дорогой и уютной, удобной и разве что малость не дотягивающей до роскошной. Хорошие шторы, хорошие чехлы, никаких претензий на художественный вкус, однако она ничего подобного и не ожидала. Мисс Марпл подумала, что прекрасно понимает причину подобной демонстрации процветания... должно быть, оно явилось следствием внушительного наследства, выделенного Эстер покойным мистером Рэфьелом. Ей было приятно, что тот не передумал.

— Думаю, вы видели извещение о смерти мистера Рэфье-ла, — проговорила Эстер, словно бы уловив ход размышлений мисс Марпл.

— Да. Да, видела, конечно. Примерно месяц

назад, не так ли? Мне было так жаль. На деле я очень расстроилась, хотя, как вы помните, сам он все знал и едва ли не признавался в ожидании близкой смерти? При мне он несколько раз намекал на то, что долго не протянет. На мой взгляд, он очень мужественно относился к ожидавшей его перспективе, правда?

— Да, мистер Рэфьел и в самом деле был храбрым и очень добрым человеком, — проговорила Эстер. — Нанимая меня на работу, он сказал, что назначит мне очень хороший оклад, но что мне следует откладывать из него деньги, потому что я больше ничего не получу от него. Ну, я, конечно, больше ничего и не ожидала. Ведь он и в самом деле был хозяином своего слова, правда? Однако он передумал.

— Да, — проговорила мисс Марпл. — Да. Очень рада слышать это. Я предполагала такое, однако он сам ничего не говорил мне.

— Он завещал мне очень крупную сумму, — призналась Эстер. — Удивительно крупную, что оказалось для меня огромным сюрпризом. Сперва я даже не поверила.

— Думаю, он и хотел сделать вам сюрприз. Похоже, он был как раз из таких людей, — сказала мисс Марпл, а после добавила: — А он оставил

что-то этому... ну, как его звали? Своему помощнику... помощнику и сиделке?

— Вы о Джексоне? Нет, ему он ничего не оставил, однако, как мне кажется, в том году сделал ему крупные подарки.

— Вы больше не встречались с ним?

— Нет. Нет, после поездки на острова я не видела его, пожалуй, ни разу. После возвращения в Англию он ушел от мистера Рэфьела. Кажется, он перешел к какому-то лорду, живущему на острове... то ли Джерси, то ли Гернси.

— А мне хотелось бы еще раз повидаться с мистером Рэфьелом, — проговорила мисс Марпл. — Странно — после того, как все мы были так тесно сведены судьбой... Он, вы, я и некоторые другие люди. И потом, позже, когда я вернулась домой, через полгода, — мне подумалось: как тесно мы были связаны в это трудное время и как мало на самом деле я знала мистера Рэфьела. Все это пришло мне в голову лишь на следующий день после того, как я увидела в газете объявление о его смерти. И мне захотелось узнать о нем чуть больше. Ну, знаете, где он родился, кем были его родители... были ли у него дети, племянники и кузены... вообще была ли у него семья. И мне захотелось узнать это.

Эстер Андерсон чуть улыбнулась. Она посмотрела на мисс Марпл, и выражение на ее лице как будто говорило: можно не сомневаться в том, что вам всегда хочется узнать все подробности о тех людях, с которыми вас сталкивает жизнь. Однако произнесла она другие слова.

— Дело в том, что люди, как правило, знали о нем только одно.

— То, что он был очень богат, — немедленно отозвалась мисс Марпл. — Вы хотите сказать именно это, не так ли? Но когда вы узнаете, что кто-то богат, дальнейших вопросов почему-то никто не задает. То есть вам больше не хочется ничего знать. Вы говорите «он очень богат» или «он невероятно богат», и голос ваш наполняется почтением, ибо знакомство с невероятно богатым человеком производит на вас глубокое впечатление.

Эстер коротко рассмеялась.

— Он ведь не был женат, правда? — спросила мисс Марпл. — Он никогда не говорил при мне о своей жене.

— Он потерял ее много лет назад. Довольно скоро после того, как они поженились. Кажется, она была много моложе его... и, по-моему, она умерла от рака. Очень прискорбно.

— У него есть дети?

— О да, две дочери и сын. Одна из дочерей вышла замуж и живет в Америке. Другая, как мне кажется, умерла молодой. Американку эту я однажды встречала. Она ничем не напоминает своего отца. Такая тихая и довольно унылая молодая женщина.

Помолчав, она добавила:

— Мистер Рэфьел никогда не говорил о своем сыне. Думается, потому, что с ним были связаны какие-то неприятности. Какого-то рода скандал. По-моему, он умер несколько лет назад. В любом случае, отец никогда не упоминал его.

— Боже мой. Как это печально...

— Я думаю, что вся эта история произошла достаточно давно. Кажется, он отправился куда-то за границу, да так и не вернулся оттуда... умер в этом неведомом месте.

— Мистер Рэфьел был очень расстроен этим?

— Трудно сказать, — проговорила Эстер. — Он был из тех людей, которые всегда стремятся не обращать внимания на свои потери. И если этот сын оказался неудачником, бременем, а не благословением, думаю, он просто постарался забыть всю эту историю. Делал что-то необходимое, должно быть, посылал ему деньги, но больше

никогда не думал о нем.

— Интересно, — проговорила мисс Марпл. — Он и в самом деле никогда не рассказывал о своем сыне... даже не упоминал?

— Если вы помните, мистер Рэфьел принадлежал к числу тех мужчин, которые никогда не говорят о своих чувствах или своей личной жизни.

— Да, конечно же, помню. Но я подумала, поскольку вы были его секретаршей в течение стольких лет, он мог делиться с вами своими неприятностями.

— Он был не из тех, кто поверяет другим свои неприятности, — заявила Эстер. — В том случае, если у него были таковые. Можно сказать, что женой ему был собственный бизнес. На мой взгляд, мистер Рэфьел был отцом своему 'делу, и оно являлось для него единственным имевшим значение ребенком. Он наслаждался самим процессом вложения капитала... любил делать деньги. Деловые операции...

— Не зови человека счастливым, пока он не умер, — пробормотала мисс Марпл, повторив эти слова словно лозунг, каковыми они и были в те дни или, во всяком случае, казались. — Однако, может быть, перед смертью его что-то беспокои-

ло... что-то непривычное, а?

— Нет. Почему вам пришла в голову такая мысль? — явно удивилась Эстер.

— Чисто случайно, — проговорила мисс Марпл. — Я просто удивилась, потому что люди обнаруживают большую склонность к тревогам и волнениям не только, когда стареют, поскольку в действительности мистер Рэфьел еще не был стар... я хочу сказать, что люди становятся особенно беспокойными, когда организм их выходит из строя, когда человек уже не способен жить как прежде — делать что хочешь и легко относиться к жизни. Тогда заботы сами собой входят в твой разум и заставляют чувствовать себя.

— Да, я понимаю, о чем вы говорите, — ответила Эстер. — Но мне кажется, что мистер Рэфьел не принадлежал к людям подобного сорта. Впрочем, — добавила она, — к тому времени я уже оставила свое место у него — это произошло через два или три месяца после того, как я познакомилась с Эдмундом.

— Ах, да. С вашим мужем... Мистер Рэфьел, наверное, был очень расстроен, теряя такого секретаря.

— Ну, я так не думаю, — непринужденно проговорила Эстер. — Подобными вещами уж его-то

невозможно было пронять. Наверное, он без промедления нашел себе другую сотрудницу. А если она не понравилась ему, быстро избавился от нее, снабдив приличным выходным пособием, и взял другую — и так до тех пор, пока не нашел ту, что устраивала его. Он всегда был весьма разумным человеком.

— Да-да, понимаю. Впрочем, он довольно легко выходил из себя.

— Ну, мистер Рэфьел наслаждался самим процессом, — заметила Эстер. — Думаю, это привносило в его жизнь драматический элемент.

— Драматический элемент, — задумчиво повторила мисс Марпл. — Как вы думаете — я часто гадала, — как вы думаете, не имел ли мистер Рэфьел особенного интереса к криминологии, то есть к расследованию как таковому? Ой, не знаю, как это сказать...

— Вы думаете так из-за того, что случилось на Карибах? — Голос Эстер вдруг сделался жестким.

Мисс Марпл немедленно усомнилась в том, что ей стоит далее развивать тему, однако выхода не было — следовало продолжить и попытаться выудить хотя бы кроху полезной информации.

— Нет, нет, не поэтому; но, быть может, потом он заинтересовался психологией подобных ве-

щей. Или интересовался теми случаями, когда правосудие не восторжествовало или... ну, не знаю...

С каждым словом она ощущала себя все более неловко.

— Но зачем ему интересоваться такими вещами? И давайте не будем вспоминать о жуткой истории, приключившейся на Сент-Оноре.

— О, нет-нет... конечно, вы совершенно правы. Поймите, мне действительно очень жаль. Просто вспомнились некоторые фразы, которые иногда говорил мистер Рэфьел. Странные фразы, знаете ли, иногда очень странные, и я хотела узнать, не было ли у него каких-то теорий, так сказать... теорий о причинах преступлений?

— Его всегда интересовала лишь финансовая сторона дела, — отрывисто проговорила Эстер. — Его могла бы заинтересовать только воистину тонкая криминальная афера, и ничто другое. — Она смотрела на свою собеседницу все тем же холодным взглядом.

— Простите меня, — виноватым голосом произнесла мисс Марпл. — Я... мне не следовало заговаривать о неприятных для вас вещах, к счастью оставшихся в прошлом. Кроме того, мне пора, — добавила она. — Мне еще нужно успеть

на поезд, и времени осталось в обрез... О боже, куда я дела свою сумочку. .. ах да, вот она.

Забирая свою сумку, зонтик и еще несколько мелочей, она суетилась, пока напряженность отчасти не развеялась. Уже выходя из двери, мисс Марпл повернулась к Эстер, все просившей ее остаться и выпить чашку чаю.

— Нет, благодарю вас, моя дорогая. Я уже опаздываю. Мне было очень приятно вновь повидаться с вами, и я приношу вам свои наилучшие поздравления и пожелания самой счастливой жизни. Не думаю, что вы будете теперь искать себе работу, так ведь?

— Ну, некоторым нравится работать. Они говорят, что работа делает их жизнь интереснее. А когда работы нет, им становится скучно. Но я думаю, что предпочту теперь свободную жизнь. Буду радоваться, в том числе и тому наследству, которое оставил мне мистер Рэфьел. С его стороны это было очень любезно, и я думаю, он хотел, чтобы я получила от него удовольствие — даже если потрачу эти деньги, на его взгляд, глупым и женским образом! На дорогие платья, модные прически и все такое... Он считал подобные вещи глупостями. — Она вдруг добавила: — А знаете, я симпатизировала ему. Да, пожалуй, даже любила

его, наверное, потому, что этот человек как бы представлял для меня вызов. С ним было трудно ладить, и потому я радовалась, справляясь с этим делом.

— Справляясь и с ним?

— Ну, не настолько, чтобы управлять им, но все-таки больше, чем он замечал.

Мисс Марпл засеменила по отходившей от дома дорожке. Однажды она обернулась и помахала рукой. Оставшаяся в двери Эстер Андерсон приветливо помахала ей вслед.

— А я уже было подумала, что все это каким-то образом связано с ней или же что ей что-то известно, — сказала себе мисс Марпл. — Похоже, что я ошиблась. Нет, едва ли она каким бы то ни было образом связана с этим делом, в чем бы оно ни заключалось. О боже, похоже, что мистер Рэфьел считал меня много умнее, чем я есть на самом деле... Предположим, что он хотел, чтобы я свела концы с концами, но какие концы? И что надо мне делать теперь, хотела бы я знать?

Она покачала головой.

Нужно было как можно тщательнее все продумать. Все дело, в сущности, было возложено на ее плечи. Оставлено ей — чтобы принять, отказаться, понять, что происходит вокруг? Или чтобы

не понимать ничего, но просто идти вперед и надеяться, что она все-таки получит какое-то наставление? Время от времени мисс Марпл закрывала глаза и пыталась представить себе лицо мистера Рэфьела, сидевшего в саду вест-индского отеля в своем тропическом костюме; его морщинистое сердитое лицо, редкие вспышки юмора... На самом деле она хотела знать, что именно творилось у него в голове, когда он задумывал свою схему, когда приводил ее в действие. Чего он хотел — соблазнить ее принять предложенную им схему, убедить или, даже лучше сказать, заставить? Зная мистера Рэфьела, третий вариант казался ей более вероятным. И все же приходится думать, что он хотел сделать нечто, выбрал для этой цели ее и направил по нужному пути. Зачем? Потому что вдруг вспомнил о ней? Но почему она должна была вспомниться ему?

Мисс Марпл вернулась мыслями к мистеру Рэфьелу и тем событиям, которые произошли на Сент-Оноре. Быть может, проблема, вставшая перед ним в последние дни жизни, заставила его вспомнить о своем посещении Вест-Индии? И каким-то образом связана с человеком, присутствовавшим там, участвовавшим в этих событиях или являвшимся тогда сторонним наблюдателем,

что и заставило его вспомнить о мисс Марпл? Было ли там какое-то связующее звено или какая-то связь? Если нет, почему он вдруг вспомнил о ней? Что, какое ее качество вообще делало ее полезной ему? Пожилая, изрядно чудаковатая, вполне ординарная личность, не слишком сильная физически, не столь бодрая духом, как бывало прежде... Какими именно персональными достоинствами она располагает, если таковые у нее действительно есть? Таковых представить себе мисс Марпл не могла. Что, если все это — просто шутка, затеянная мистером Рэфьелом? При присущем ему особенном чувстве юмора он даже на смертном одре мог выкинуть какой-либо фортель, чтобы несколько развлечься...

Она не могла отрицать того, что мистер Рэфьел и в самом деле был способен шутить, стоя на грани жизни и смерти. Чтобы потешить свое ироническое восприятие юмора.

— Я должна... — решительно сказала себе мисс Марпл, — я должна обладать какими-то нужными в данном случае качествами. В конце концов, поскольку мистера Рэфьела более нет в живых, он никак не может лично потешиться собственной шуткой. Так какими же качествами я обладаю? Какие качества моей особы могут понадобиться

кому-то для какой-то цели?

Сказав себе это, мисс Марпл со смирением обратилась к рассмотрению собственной личности. Она любопытна, она задает вопросы, она находится в нужном возрасте и принадлежит к тому типу женщин, от которых следует ожидать вопросов. Это один пункт, вполне возможный пункт. Задавать вопросы может частный детектив или следователь-психолог, но куда проще послать пожилую леди, привыкшую повсюду совать свой нос, любопытствовать, говорить слишком много, желать выяснить все возможное, при этом оставаясь вполне естественной...

— Старая сплетница, — сказала себе мисс Марпл. — Да, я вполне понимаю, что выступаю именно в этом амплуа. Старых сплетниц много, и все они так похожи. И, конечно же, да, я очень обыкновенная. Обыкновенная, слегка рехнувшаяся старая леди. И это, бесспорно, отличный камуфляж... Боже мой, похоже, что я наткнулась на правильную мысль. Иногда мне удается понять, каковы бывают люди. То есть я знаю, каковы люди, потому что они напоминают мне других людей, уже знакомых. Поэтому мне становятся понятны некоторые их недостатки и некоторые добродетели. Я знаю, к какому роду людей они

принадлежат. Вот так.

Мисс Марпл вновь подумала о Сент-Оноре и отеле «Золотая пальма». Она сделала одну попытку определить возможную связь, нанеся визит Эстер Уолтерс. Встреча оказалась совершенно бесполезной, решила мисс Марпл. Она не дала ей никакой зацепки, никакой надежды на будущую связь. Ничего такого, что можно было бы увязать с требованием, чтобы мисс Марпл занялась «тем, не знаю чем», о чем она по-прежнему не имела ни малейшего представления!

— Боже мой, — проговорила мисс Марпл, — какой же вы утомительный человек, мистер Рэфьел!

Эти слова она произнесла вслух, с определенным укором в голосе.

Потом, однако, забравшись в постель и самым уютным образом пристроив грелку к наиболее болезненной части своей пораженной ревматизмом спины, она произнесла вслух уже нечто другое, что можно было принять за полуизвинение.

— Я сделала все, что могла, — заявила она.

Слова эти мисс Марпл произнесла громко, так, как обращаются к человеку, который может находиться в комнате. Действительно, он

мог находиться повсюду, и даже если может существовать какая-то телепатическая или телефонная связь, она намеревается говорить четко и по делу.

— Я сделала все, что могла. Все, что позволяли мне мои способности. И передаю инициативу вам.

После чего устроилась поуютнее, протянув руку, выключила электрическую лампу и уснула.

Глава 5
ИНСТРУКЦИИ С ТОГО СВЕТА

I

По прошествии трех или четырех дней она получила новое письмо — со второй почтой. Мисс Марпл взяла его в руки и проделала то, что всегда проделывала с письмами: повертела, посмотрела на марку, посмотрела на почерк, решила, что это не счет, и разрезала конверт. Внутри оказался машинописный лист.

Дорогая мисс Марпл,

Когда Вы получите это письмо, я буду мертв и уже похоронен. Приятно думать, что не кремирован. Мне всегда казалось сомнительным, что можно восстать из полной пепла симпатичной бронзовой вазы и при необходимости явиться кому-то! В то же время сама идея того, что можно восставать из могилы и досаждать кому-то своими визитами, кажется мне весьма реальной. Поступлю ли я подобным образом? Кто знает. Возможно, мне даже захочется пообщаться с вами.

К этому времени мои поверенные уже вошли с Вами в контакт и передали некое предложение. Надеюсь, что Вы приняли его. Если же нет, ни в коей мере не укоряйте себя. Право выбора принадлежит Вам.

Это письмо придет к Вам в том случае, если мои поверенные выполнили полученные инструкции, а почта 11 числа сего месяца исполнила свои обязанности так, как ей положено. Через два дня Вы получите послание от некоего лондонского бюро путешествий. Надеюсь, что его предложение не покажется Вам неприятным. Я не хочу говорить больше: нужно, чтобы Ваш ум оставался открытым. Берегите себя. Думаю, это вполне Вам по силам. Вы очень проницательный человек. Удачи, и пусть Ваш ангел-хранитель далеко не отходит от Вас. Он может потребоваться Вам.

Ваш преданный друг, Дж.Б. Рэфьел

— Два дня! — воскликнула мисс Марпл.

Она с трудом коротала время. Но почта вовремя исполнила свои обязанности — как и агентство «Знаменитые дома и сады Британии».

Дорогая мисс Джейн Марпл,

Следуя инструкциям, полученным нами от покойного мистера Рэфьела, посылаем Вам по-

дробное описание Тура № 37 нашего агентства «Знаменитые дома и сады Британии», стартующего в Лондоне 17-го числа настоящего месяца, в следующий четверг.

Если Вы сочтете возможным посетить в Лондоне нашу контору, наша сотрудница, миссис Сэндберн, которая будет сопровождать тур, охотно предоставит Вам дополнительную информацию и ответит на любые вопросы.

Наши туры имеют продолжительность от двух до трех недель. Этот конкретный тур, по мнению мистера Рэфьела, окажется особенно интересным для Вас, поскольку предоставит возможность посетить ту часть Англии, в которой, по его словам, Вы еще не были, и включает в себя посещение некоторых в высшей степени привлекательных парков и садов. Он распорядился, чтобы Вам были предоставлены наилучшие условия и та роскошь, на которую мы способны.

Надеемся, что Вы известите нас о том дне, в который Вам будет удобно посетить нашу контору на Беркли-стрит?

Мисс Марпл сложила письмо, убрала его в сумочку, отметила телефонный номер, вспомнила имена нескольких подруг, позвонила двоим из них; одна из этой пары ездила в туры от «Знаме-

нитых домов и садов» и составила превосходное впечатление о фирме, другая лично никуда не ездила, однако ее подруги пользовались услугами этого агентства и говорили, что все было очень хорошо, хотя и несколько дороговато, и не слишком утомительно для пожилых дам. После этого мисс Марпл позвонила на Беркли-стрит и сообщила, что посетит бюро в следующий вторник.

На следующий день она известила о своем намерении Черри, сказав:

— Возможно, я на пару недель уеду из дома. Я намереваюсь отправиться в тур.

— В тур? — переспросила Черри. — За границу? В одно из этих путешествий с туристической группой?

— Не за границу. По нашей стране, — пояснила мисс Марпл. — В основном по историческим зданиям и садам.

— А вам не кажется, что идея эта не для вашего возраста? Подобные поездки могут оказаться слишком утомительными. Иногда вам придется проходить по нескольку миль в день.

— Мое здоровье сейчас находится в хорошем состоянии, — заявила мисс Марпл, — и я слышала, что устроители этих туров всегда стараются предоставить должный отдых не особенно креп-

ким людям.

— Что ж, будьте внимательны к себе, — проговорила Черри. — Мы не хотим, чтобы вы свалились с сердечным приступом при виде какого-нибудь совершенно роскошного фонтана или чего-то еще. Знаете ли, вы слишком стары для таких развлечений. Простите, что я говорю такие слова, которые могут показаться грубыми, но мне неприятно думать, что вы можете оставить нас из-за перенапряжения или чего-нибудь в этом роде.

— Я еще способна позаботиться о себе, — с некоторым достоинством проговорила мисс Марпл.

— Хорошо, но все же не забывайте про осторожность, — сказала Черри.

Мисс Марпл собрала чемодан, отправилась в Лондон, сняла номер в скромной гостинице («Ах, отель “Бертрам”, — размышляла она, — какой это был превосходный отель! Боже мой, я должна забыть о прошлом: здесь, в “Сент-Джордж”, тоже вполне недурно»), В назначенное время она оказалась на Беркли-стрит, ее провели в кабинет, где навстречу ей поднялась милая с виду женщина лет тридцати пяти от роду, объяснившая, что зовут ее миссис Сэндберн и что она распорядитель данного тура.

— Следует ли мне понимать, — проговорила мисс Марпл, — что этот вояж окажется мне по карману... — Она умолкла.

Ощутив в ее голосе легкое смущение, миссис Сэндберн успокоила свою клиентку.

— О, должно быть, мне следовало точнее выразиться в отправленном вам письме. Мистер Рэфьел оплатил все расходы.

— Вам известно, что он недавно скончался? — спросила мисс Марпл.

— Конечно, но все было устроено перед его смертью. Он говорил, что пребывает в плохом состоянии, однако хотел бы предоставить возможность попутешествовать своей старой приятельнице, не имевшей возможности повидать все, что ей хотелось бы.

II

Через два дня мисс Марпл, с небольшой туалетной сумочкой в руках, предоставив новый с иголочки чемодан попечению водителя, погрузилась в самый удобный и роскошный автобус, отбывавший из Лондона на северо-запад; она как раз изучала список пассажиров, вложенный внутрь симпатичной брошюры, в которой был расписан ежедневный распорядок поездки и со-

держалась различная информация относительно отелей и трапез, местных достопримечательностей и альтернатив времяпровождения в некоторые из дней: хотя факт этот не декларировался, один из вариантов предназначался для молодых и активных людей, а другой был пригоден для людей пожилых, болезненных, хворых ногами, страдавших от артрита или ревматизма, предпочитавших сидеть, а не скакать козой по холмам. Все было устроено очень разумно и тактично.

Прочитав перечень пассажиров, мисс Марпл принялась разглядывать их. Занятие это нельзя было назвать сложным, поскольку все остальные занимались тем же самым делом. Ей уделяли внимание вместе со всеми прочими, однако, насколько мисс Марпл могла судить, никто не обнаруживал к ней особого интереса.

Миссис Ризли-Портер
Мисс Джоанна Кроуфорд
Полковник Уокер с супругой
Мистер и миссис Г. Т. Батлер
Мисс Элизабет Темпл
Профессор Уэнстед
Мистер Ричард Джеймсон
Мисс Ламли

Мисс Бентам
Мистер Каспар
Мисс Кук
Мисс Барроу
Мистер Эмлин Прайс
Мисс Джейн Марпл

Пожилых леди оказалось четверо, и мисс Марпл в первую очередь обратила внимание на них, чтобы, так сказать, исключить из дальнейшего рассмотрения. Две из них путешествовали вместе, и она решила, что обеим около семидесяти лет. Их примерно можно было считать ее собственными ровесницами. Одна, бесспорно, принадлежала к категории вечно недовольных жалобщиц: из тех, кто хотел то занять места в передней части автобуса, то особо желал разместиться сзади. Или хотел устроиться на солнечной стороне или же, наоборот, мог выносить лишь пребывание в тени. Кому могло потребоваться больше свежего воздуха или необходимо было его полное отсутствие. Они взяли с собой дорожные коврики и вязаные шарфы, а также целую груду путеводителей. Обе были чуть покалечены возрастом и часто ощущали боль в ногах, спине и коленях, но тем не менее принадлежали к тем, кому ни возраст, ни хвори не могли помешать наслаждаться той жизнью,

которую они могли еще себе позволить. Старые перечницы, однако определенно не домоседки. Мисс Марпл сделала пометку в своей небольшой записной книжке.

Пятнадцать пассажиров, если не считать ее и миссис Сэнд-берн. А поскольку она была отправлена в это автобусное путешествие, по крайней мере один из этих пятнадцати человек мог каким-то образом представлять интерес для нее. В качестве либо источника информации, либо человека, находящегося в конфликте с законом, либо убийцы — уже совершившего свое преступление или готовящегося убить. Все возможно, подумала мисс Марпл, когда имеешь дело с Рэфьелом! В любом случае ей следовало внимательно отнестись к этим людям.

На правую страницу своего блокнота она решила заносить тех, кто с точки зрения мистера Рэфьела мог стать предметом ее особенного внимания, а на левую — тех, кто мог бы представлять для нее какой-то интерес с точки зрения наличия у них какой-то полезной информации. Причем информации, об обладании которой они даже не подозревали. Или, скорее, обладая ею, не представляли, что та может оказаться полезной для нее самой, или для мистера Рэфьела, или же

для закона, или Правосудия с заглавной буквы. Заднюю страницу своей книжки мисс Марпл оставила для того, чтобы в тот же вечер сделать несколько заметок о тех, кто каким-то образом напомнил ей знакомые персонажи по Сент-Мэри-Мид и другим местам. Любое сходство могло стать полезным указателем. Как это случалось в других ситуациях.

Две другие пожилые леди явно путешествовали по отдельности. Обеим было около шестидесяти. Одна хорошо сохранившаяся и хорошо одетая дама явно пребывала в уверенности в собственном высоком статусе, разделявшейся, очевидно, и другими. Говорила она громко и с диктаторской интонацией. Дама везла с собой племянницу, девушку восемнадцати-девятнадцати лет, называвшую ее тетей Джеральдиной. Племянница, отметила мисс Марпл, была прекрасно знакома с властными интонациями тети Джеральдины. Толковая девушка, и привлекательная, кстати.

По другую сторону прохода от мисс Марпл сидел рослый мужчина с квадратными плечами и нескладным телом, казавшимся сложенным капризным ребенком из грубых кирпичиков. Лицо его, согласно плану природы, должно было бы получиться круглым, однако же в последний

момент возмутилось и постаралось превратиться в квадратное за счет мощной челюсти. Голову его покрывала густая седая шевелюра, а невозможно кустистые брови подпрыгивали при каждом сказанном им слове. Говорил он как будто рявкал и производил впечатление большой разговорчивой овчарки. Свое сиденье он делил с высоким темноволосым иностранцем, беспокойно ерзавшим на своем месте и вовсю жестикулировавшим. Английское произношение его было весьма своеобразным, время от времени он вставлял реплики на французском и немецком. Его грузный сосед непринужденно управлялся с натиском иностранных слов и легко переходил на французский или немецкий язык. Еще раз бросив на них короткий взгляд, мисс Марпл заключила, что кустистые брови принадлежат профессору Уэнстеду, а нервный иностранец является мистером Каспаром.

Ей сразу захотелось узнать, какие проблемы они обсуждают с подобным воодушевлением, однако торопливая речь мистера Каспара не допускала ни малейшего понимания.

Находившееся перед ними сиденье занимала еще одна женщина примерно шестидесяти лет, высокая, скорее всего уже зашедшая на седьмой

десяток, однако заметная в любой толпе. Она попрежнему оставалась привлекательной. Темные, с проседью кудри окружали ее голову, несколько отступив от прекрасно вылепленного лба. Говорила она четким, низким и прямо-таки режущим голосом. Бесспорно, личность, подумала мисс Марпл. Персона! Да, эта женщина, безусловно, была персоной. «Похожа, — решила мисс Марпл про себя, — на Эмилию Уолдрон».

Дама Эмилия Уолдрон руководила одним из оксфордских колледжей и была известным ученым; мисс Марпл однажды познакомилась с ней в обществе своего племянника и навсегда запомнила эту особу.

Она продолжила изучать пассажиров. Среди них были две семейные пары. Сперва американцы средних лет — дружелюбная и разговорчивая жена и кроткий, со всем согласный муж; эти двое были явными путешественниками и любителями зрелищ. Еще была английская семейная пара того же возраста, которую мисс Марпл без всяких колебаний определила как отставного военного с супругой. Судя по списку, это были полковник Уокер и его супруга.

На следующем за ней сиденье располагался высокий и сухощавый мужчина, обладавший в выс-

шей степени техническим словарем — очевидно, архитектор. Далее в автобусе располагались две путешествовавшие совместно леди. Они активно обсуждали брошюрку и пытались определить, какие именно развлечения припас для них тур. Одна из них была худощавой брюнеткой, другая — крепкого сложения блондинкой, причем лицо последней показалось мисс Марпл знакомым. Оставалось только понять, где она видела или встречала эту женщину. Впрочем, обстоятельства не торопились появляться из памяти. Возможно, они просто встречались на каком-нибудь там званом ужине с коктейлями в руках, а может, сидели напротив в поезде. В ней явно не было ничего особенного, достойного запоминания.

Теперь оставался лишь один еще не оцененный ею пассажир — молодой человек лет примерно девятнадцати-двадцати. Одет он был согласно полу и возрасту: черные в обтяжку джинсы, фиолетовый свитер со стоячим воротником, голову его венчала необычайно пышная копна непокорных черных волос. Он не без интереса поглядывал на племянницу властной женщины, и племянница эта, как показалось мисс Марпл, также с интересом посматривала на него. При явном численном превосходстве старых переч-

ниц и просто женщин средних лет в автобусе оказалось всего двое молодых людей.

Отобедать они остановились в приятном отеле возле реки, и дневная экскурсия была посвящена Бленхейму[17]. Мисс Марпл уже дважды бывала здесь и потому, позаботившись о своих ногах, ограничила посещение самого дворца и в основном наслаждалась садами и пейзажами.

К тому времени, когда туристы явились в отель, в котором им предстояло провести ночь, они уже перезнакомились друг с другом. Деловитая миссис Сэндберн, нисколько не утомленная своими обязанностями во время дневной экскурсии, прекрасно справлялась со своей ролью и организовывала небольшие группы, присоединяя то к одной из них, то к другой того, кто мог показаться забытым, примерно со следующими словами: «Позвольте полковнику Уокеру рассказать вам про свой сад. У него такая замечательная коллекция фуксий».

Подобные сентенции помогали ей сблизить людей.

Теперь мисс Марпл могла дать имена всем

---

[17] Примечания: 17

Родовое имение герцогов Мальборо, один из крупнейших дворцово-парковых ансамблей Англии. Расположен на окраине Вудстока в графстве Оксфордшир.

спутникам. Густые, кустистые брови, как она и думала, принадлежали профессору Уэнстеду, а иностранцем был мистер Каспар. Властная женщина оказалась миссис Ризли-Портер, племянница ее носила имя Джоанна Кроуфорд. Лохматый молодой человек был Эмлином Прайсом, и они с Джоанной Кроуфорд как раз как будто бы находились в процессе обнаружения того, что имеют некоторые общие взгляды на экономику, искусство, политику, а также располагают общими антипатиями.

Двух самых старших дам мисс Марпл без труда отнесла к категории старых перечниц. Они блаженно беседовали об артрите, ревматизме, диетах, новых докторах, а также о лекарствах, профессиональных и патентованных, и зельях старых знахарок, помогавших там, где не могли помочь первые. Еще они говорили о многих турах, которые совершили по примечательным местам Европы; об отелях и туристических агентствах, и, наконец, о графстве Сомерсет, где жили мисс Ламли и мисс Бентам и где приличного садовника — вы не поверите — просто невозможно найти.

Две путешествующих совместно леди средних лет оказались мисс Кук и мисс Барроу. Мисс

Марпл никак не могла избавиться от ощущения, что встречала одну из них — светловолосую мисс Кук, — однако по-прежнему не могла припомнить, где именно. Возможно, ей это только мнится. Но мнится или нет, однако она также ощущала, что мисс Барроу и мисс Кук как бы избегают ее. Они всякий раз старались отойти подальше, заметив ее приближение. Впрочем, это, конечно, могло быть плодом ее воображения.

Пятнадцать человек, среди которых по крайней мере один обладает определенной значимостью для нее. Тем же вечером в непринужденном разговоре мисс Марпл помянула имя мистера Рэфьела, чтобы определить возможную реакцию. Таковой не последовало.

Симпатичная женщина была определена ею как мисс Элизабет Темпл, бывшая директриса знаменитой женской школы. Никто не производил на мисс Марпл впечатления возможного убийцы, разве что за исключением мистера Каспара — безусловно, на почве национальных предрассудков. Худощавый молодой человек, Ричард Джеймсон, действительно оказался архитектором.

— Быть может, завтрашний день окажется для меня более удачным, — сказала себе мисс Марпл.

III

Мисс Марпл отправилась в постель определенно усталой. Экскурсии — дело приятное, но утомительное, и одновременное изучение пятнадцати или шестнадцати персон на предмет, кто из них может оказаться убийцей, еще более усложняет ситуацию. Занятие это выглядело настолько нереальным, что никто, по мнению мисс Марпл, не мог бы воспринять его с какой-то долей серьезности. Все эти люди казались обычными и хорошими — из тех, кто ездит в круизы, туры и так далее. Однако она еще раз пробежала взглядом список пассажиров автобуса и сделала несколько коротких пометок в своей записной книжке.

Миссис Ризли-Портер? Свободна от подозрений. Слишком общительна и эгоцентрична.

Племянница, Джоанна Кроуфорд? То же самое? Но очень деловая особа.

Впрочем, миссис Ризли-Портер, однако, могла располагать некоего рода информацией, способной оказаться имеющей отношение к делу. Следует сохранять приличные отношения с миссис Ризли-Портер.

Мисс Элизабет Темпл? Личность. Интересная

личность. Но не похожа ни на одного из известных мисс Марпл убийц.

— По правде говоря, — сказала себе мисс Марпл, — она буквально излучает искренность и прямоту. А если и совершила убийство, то только встреченное всеобщим одобрением. По благородной причине или по причине, почему-то показавшейся ей благородной...

Впрочем, эта мысль также не устроила ее. Мисс Темпл, по ее мнению, всегда знает, что делает и по какой причине, и не позволит себе глупого благородства в отношении к обыкновенному злу.

— Тем не менее, — сказала себе мисс Марпл, — она что-то собой представляет и может — может — оказаться той личностью, с которой хотел свести меня мистер Рэфьел.

Она занесла плоды этих размышлений на правую сторону своего блокнота. А потом переменила точку зрения. Она искала возможного убийцу... как насчет вероятной жертвы? Кто может стать таковой? Похоже, что никто. Разве что миссис Ризли-Портер... богатая... неприятная. Деловая племянница может стать наследницей. И вместе с анархичным с виду Эмлином Прайсом может заняться борьбой с обретенным капиталом. Не слишком блестящая мысль, однако

обнаружить другого возможного убийцу не представлялось возможным.

Профессор Уэнстед? Интересный человек, в этом нельзя было усомниться. Приятный к тому же. Ученый или медик? Пока непонятно, однако, скорее всего ученый. Сама мисс Марпл не имела никакого представления о науке, однако такой вариант казался ей наиболее подходящим.

Мистер и миссис Батлер? Она решила, что нет. Хорошие американцы. Никаких связей с Вест-Индией или с кем-то, знакомым ей. Нет, едва ли Батлеры могут что-либо означать.

Ричард Джеймсон, тощий архитектор? Мисс Марпл сочла, что архитектура не имеет отношения к делу, хотя исключить возможную связь полностью было невозможно. Быть может, нора священника[18]? В одном из зданий, которые им предстояло посетить, могла обнаружиться нора священника со скелетом в ней. И мистер Джеймсон, будучи архитектором, способен понять, где она находится. Он может помочь ей обнаружить это тайное укрытие, или же она сама поможет ему в этом, и там они обнаружат тело.

— Боже мой, — произнесла мисс Марпл, — какая

[18] Примечания: 18

Потайная комната в церкви или замке, где укрывались католические священники во время преследования католиков.

чушь просится мне в голову, а потом — на язык...

Мисс Кук и мисс Барроу? Ничем не примечательная пара. И все же одну из них она когда-то встречала. По меньшей мере, видела эту мисс... Ладно, оставим ее на потом, решила она.

Полковник и миссис Уокер? Милые люди. Он — отставной военный. Служил в основном за границей. С ними приятно поговорить, однако едва ли в них найдется что-то полезное для нее.

Мисс Бентам и мисс Ламли? Пожилые перечницы. Не преступницы, но, в качестве перечниц, бесспорные сплетницы, и потому могут располагать какой-то полезной информацией или способны сделать важное замечание, даже если речь пойдет об артрите, ревматизме или патентованных снадобьях.

Мистер Каспар? Пожалуй, опасен. Легко возбудим. Его нельзя исключать из списков.

Эмлин Прайс? Возможно, студент. Студенты необузданны и склонны к насилию. Но неужели мистер Рэфьел пошлет ее выслеживать студента? Ну, это будет зависеть о того, что студент сделал, хочет сделать и уже делает. Не исключено, что этот тип — убежденный анархист.

— О боже, — промолвила мисс Марпл, внезапно покоряясь усталости. — Пора спать.

Ноги ее болели, спина ныла, а умственные реакции были далеки от лучшего состояния. Уснула она немедленно. И сон ее украсили несколько сновидений.

В одном из них кустистые брови профессора Уэнстеда свалились с его лица, поскольку были не его собственными, а фальшивыми. Проснувшись, мисс Марпл была готова решить, что, как это нередко случается со снами, сновидение разрешило все вопросы.

«Конечно, конечно же! — подумала она. — Фальшивые брови являются ключом ко всей ситуации. Он и есть преступник».

Но, увы, в тот же самый момент ее осенило, что ничего еще не решено. Отпавшие брови профессора Уэнстеда никак не могли иметь какое-то отношение к делу.

К несчастью, сон куда-то улетучился, и мисс Марпл решительным движением села в постели. Немного погодя, вздохнув и надев халат, перебралась из постели в высокое кресло, достала из чемодана блокнот побольше и приступила к работе.

«Затеянное мной предприятие, — писала она, — безусловно, связано с преступлением какого-то рода. Мистер Рэфьел явным образом указал

на это в своем письме. Он написал, что у меня есть чувство справедливости, подразумевающее дар ощущать преступление. Итак, речь идет о преступлении, и это, безусловно, не шпионаж, мошенничество или грабеж, поскольку мне никогда не приводилось сталкиваться с такими делами, я не разбираюсь в них и не имею должной квалификации. Мистер Рэфьел знал обо мне только то, что сумел выяснить за время, проведенное совместно на Сент-Оноре. Там нам пришлось иметь дело с убийством. Попавшие в газеты убийства никогда не привлекали к себе мое внимание. Я никогда не читала книг по криминологии как таковой и не проявляла интереса к подобным вещам. Просто случилось так, что я оказывалась возле убийств много чаще, чем это следует нормальному человеку. Мое внимание всегда привлекали убийства, обстоятельства которых задевали моих друзей и знакомых. Подобные любопытные совпадения и связи с конкретными темами действительно случаются в жизни людей. Одна из моих тетушек, насколько я помню, пять раз пережила кораблекрушение, а одна из моих приятельниц обнаруживала такую склонность к автомобильным авариям, что некоторые из ее подруг отказывались садиться вместе с нею

в такси. Она побывала в четырех авариях с участием такси, в трех — с другими автомобилями, и в двух железнодорожных крушениях. Некоторые люди, похоже, попадают в сходные ситуации без определенной причины. Неприятно писать подобные вещи, однако выходит, что убийства любят происходить в непосредственной близости от меня, хотя, слава богу, я не являюсь пострадавшей в них стороной».

Мисс Марпл сделала паузу, изменила позу, подложила под спину подушку и продолжила:

«Я должна постараться по возможности перевести предпринятое мной расследование на логическую основу. Мои инструкции — "вводные", как говорят мои флотские друзья — до сих пор абсолютно недостаточны. Их практически нет. Посему я должна задать себе один четкий вопрос: к чему все это? Ответа я не знаю. Любопытно и интересно. Странное отношение со стороны такого человека, как мистер Рэфьел, особенно с учетом того, что он был удачливым дельцом и финансистом. Он хочет, чтобы я догадалась, хочет положиться на мой инстинкт, чтобы я наблюдала и исполняла указания, полученные мной прямо или в виде намека.

Итак... Пункт 1. Я еще получу точные указания.

Получу указания от покойника. Пункт 2. В поставленной передо мной задаче главной является справедливость. То есть я должна или исправить несправедливость, или отомстить, предав преступника правосудию. Это вполне согласуется с кодовым словом “Немезида”, назначенным мне мистером Рэфьелом.

После объяснения вовлеченного принципа я получила первое реальное указание. Мистер Рэфьел перед своей смертью распорядился, чтобы я отправилась в Тур № 37 агентства “Знаменитые дома и сады”. Зачем? Я должна задать себе этот вопрос. По какой-то географической или территориальной причине? Ради связи или ключа к разгадке? Нужен какой-то конкретный знаменитый дом? Или нечто связанное с определенным садом или ландшафтом? Маловероятно. Более правдоподобное объяснение следует искать в людях — или в ком-то одном из экскурсионной группы. Ни с кем из них я не знакома лично, однако по меньшей мере один из этих людей имеет отношение к той загадке, которую мне предстоит решить. Кто-то из нашей группы связан с убийством или замешан в нем. Кто-то знает жертву преступления или каким-то образом связан с ней, а может, будь то он или она, лично является

убийцей. Пока не разоблаченным убийцей».

На этом мисс Марпл остановилась и кивнула себе самой. Теперь она была довольна произведенным анализом. Наконец можно и в постель.

Мисс Марпл сделала короткую запись в своем дневнике:

«Сим кончается День Первый».

Глава 6
ЛЮБОВЬ

На следующее утро они посещали небольшой Домик королевы Анны. Поездка туда оказалась не столь долгой и утомительной. Этот очаровательный дом располагал интересной историей, помимо истинно прекрасного, необыкновенным образом спланированного сада.

Ричарда Джеймсона, архитектора, переполняло восхищение красотой здания, но со строительной точки зрения; и будучи человеком молодым, из тех, кому приятно слышать звуки собственного голоса, он замирал едва ли не в каждой комнате, восторгаясь всякой сколь-нибудь особенной лепниной или камином, называя исторические даты и источники. Приемлемый поначалу комментарий уже начинал кое-кому надоедать, поскольку монотонная лекция никак не кончалась. Некоторые уже начинали осторожно отходить в сторону и отставать от общей группы. Не был доволен и местный смотритель, уже даже раздосадованный тем, что один из посетителей отстранил его от собственной работы. Он сделал несколько по-

пыток перехватить инициативу, однако мистер Джеймсон не уступал. Смотритель попробовал предпринять последнюю попытку...

— В этой-то комнате, леди и джентльмены, Белой гостиной, как ее называют, и обнаружили тело. На коврике перед камином лежал заколотый кинжалом молодой человек. Это было давно... в тысяча семьсот каком-то с хвостиком году. Говорили, что тогдашняя хозяйка дома, леди Моффет, встречалась с любовником. Он вошел в дом через маленькую боковую дверь и открывающуюся панель, находившуюся слева от камина. Понимаете ли, ее муж, сэр Ричард Моффет, должен был, по общему убеждению, находиться за морем в Нидерландах. Однако он вернулся домой, вернулся неожиданно и застал их вместе.

Смотритель позволил себе горделивую паузу. Он был доволен реакцией публики, перекормленной архитектурными деталями, которые насильно вталкивали им в уши.

— Какая романтичная история, Генри, — промолвила миссис Батлер своим звучным заатлантическим голосом. — А знаете ли, в этой комнате ощущается какая-то особая атмосфера. Я просто чувствую ее. В самом деле чувствую.

— Мамуля и вправду тонко чувствует атмосфе-

ру, — горделиво объявил ее муж окружающим. — Вот когда мы были в Луизиане, в одном старом доме...

Повествование об особой чувствительности Мамули начинало обретать размах, и мисс Марпл в обществе пары попутчиков, ухватившись за представившуюся возможность, бочком выбралась из комнаты и спустилась по украшенной великолепной лепниной лестнице на первый этаж.

— Всего несколько лет назад, — обратилась мисс Марпл к мисс Кук и мисс Барроу, оказавшимся возле нее, — одна из моих подруг испытала подлинное потрясение. Однажды утром на полу их библиотеки обнаружился самый настоящий труп.

— Одного из членов семьи? — спросила мисс Барроу. — В результате эпилептического припадка?

— О нет, это было убийство. Странная девушка в вечернем платье. Блондинка. Крашеная блондинка. На самом деле она была брюнеткой; и, ох... — Мисс Марпл осеклась, заметив желтую прядь мисс Кук, выбившуюся из-под косынки.

Ее вдруг осенило. Она поняла, почему лицо мисс Кук было знакомо ей, и поняла, где она ви-

дела эту женщину. Однако тогда ее волосы были темными, почти черными. А теперь они стали практически желтыми.

Проходя мимо них вниз по лестнице, миссис Ризли-Портер проговорила решительным тоном:

— Не могу больше ходить то вверх, то вниз по этим бесконечным ступенькам; кроме того, стоять в этих комнатах — дело утомительное. Кажется, здешние сады, пусть они и невелики, достаточно знамениты в садоводческих кругах. Предлагаю не тратить времени понапрасну, а пойти прямо в сад. Похоже, что вскоре набежит тучка, и я думаю, что еще до полудня пойдет дождь.

После чего завершила спуск и свернула в холл.

Авторитет, которым миссис Ризли-Портер подкрепляла свои реплики, произвел обыкновенный результат. Все, кто находился рядом или хотя бы в пределах слышимости, послушно следом за ней вышли в сад через французские окна столовой. Сад и в самом деле соответствовал оценке миссис Ризли-Портер. Надежно завладев полковником Уокером, она быстрым шагом направилась дальше. Кое-кто увязался за ними, другие предпочли противоположное направление.

Мисс Марпл решительно и по прямой, словно

пчелка, направилась к садовой скамейке, привлекшей ее взгляд, помимо художественных достоинств, еще и удобными пропорциями. С истинным облегчением опускаясь на скамейку, она услышала рядом с собой столь же выразительный, как и ее собственный, вздох, сошедший с уст мисс Элизабет Темпл, последовавшей примеру мисс Марпл и севшей с ней рядом.

— Ходить по домам всегда утомительно, — заявила мисс Темпл. — Более тяжкого занятия нет на свете. Особенно если тебе приходится выслушивать в каждой комнате нудную лекцию.

— Ну, все, что нам говорят, конечно же, очень интересно, — проговорила мисс Марпл с ноткой сомнения в голосе.

— О, вы действительно так считаете? — проговорила мисс Темпл. Она чуть повернула голову, и взгляды их соприкоснулись. Между обеими женщинами пробежало нечто, некая искра понимания, смешанного с удовольствием.

— А вы? — спросила мисс Марпл.

— Нет, — ответила мисс Темпл.

На сей раз понимание было установлено и в самом деле. Какое-то время они посидели в дружелюбном молчании. Наконец Элизабет Темпл заговорила о садах и в частности о том, в котором

они находились.

— Его проектировал Холман, — проговорила она, — где-то в районе тысяча восьмисотого года... или семьсот девяносто восьмого... Он умер молодым. Как жаль... Он был гениален.

— Всегда жаль, когда кто-то умирает молодым, — проговорила мисс Марпл.

— Должно быть, — произнесла Элизабет странным, полным задумчивости тоном.

— Однако мимо молодежи проходит так много всего, — продолжила мисс Марпл. — Так много всего...

— Или обходит ее стороной, — прокомментировала мисс Темпл.

— Пребывая в собственном возрасте, — проговорила мисс Марпл, — не могу не думать, что ранний уход из жизни означает неведение об очень многом.

— А я, — заметила Элизабет, — проведя почти всю свою жизнь среди молодежи, воспринимаю жизнь как отрезок времени, обладающий собственной полнотой. Как говорит Томас Элиот, «миг розы и миг тиса — они равны».

— Понимаю, — отозвалась мисс Марпл, — жизнь любой продолжительности представляет собой законченный опыт. А вам не кажется, — она

помедлила, — что жизнь может оказаться неполной, если ее недолжным образом оборвали?

— Да, это так.

Мисс Марпл проговорила, посмотрев на ближайшие к ней цветы:

— Какие прекрасные здесь пионы. В этом длинном бордюре они кажутся такими горделивыми и хрупкими в своей красоте.

Элизабет Темпл повернула к ней голову.

— Вы направились в эту поездку ради садов или ради домов? — спросила она.

— Наверное, для того, чтобы увидеть дома, — ответила мисс Марпл. — Сады принесут мне больше радости, однако дома будут мне в новинку. В своем разнообразии, при их истории... при этой старинной мебели и картинах... Поездку эту мне подарил добрый друг, — добавила она. — И я очень благодарна ему. За всю свою жизнь мне удалось повидать не так уж много великих и знаменитых домов.

— Благородный жест, — сказала мисс Темпл.

— А вы часто ездите в подобные туристические поездки? — спросила мисс Марпл.

— Нет. Но эта поездка для меня не совсем туристическая.

Мисс Марпл посмотрела на собеседницу с ин-

тересом. Она даже открыла уже рот, но все-таки воздержалась от вопроса. Мисс Темпл улыбнулась ей.

— Вы хотите знать, почему я здесь, какая причина или повод привела меня сюда. А не рискнете ли догадаться?

— Ну, мне не хотелось бы этого делать, — ответила мисс Марпл.

— Но попробуйте же, — настаивала мисс Темпл. — Мне интересно. Да, действительно интересно. Попробуйте догадаться.

Мисс Марпл помолчала какое-то время. Она внимательно посмотрела на Элизабет, стараясь глубже продумать свою оценку, и наконец сказала:

— Я говорю так не потому, что знаю или слышала что-то о вас. Мне известно, что вы — выдающаяся в своем роде личность и ваша школа пользуется широкой известностью. Нет, моя догадка основывается на том, как вы выглядите. Я назвала бы вас паломницей. Вы похожи на пилигрима.

После короткого молчания Элизабет ответила:

— Очень удачное определение. Да, я нахожусь в паломничестве.

Мисс Марпл через пару мгновений произнес-

ла:

— Моего друга, который отправил меня в это путешествие и оплатил все мои расходы, более нет в живых. Это мистер Рэфь-ел, очень богатый человек. Вы, случайно, не были знакомы с ним?

— Джейсон Рэфьел? Конечно, я слышала его имя, но никогда не знакомилась и даже никогда не встречалась с ним.

Он сделал крупное пожертвование интересующему меня воспитательному проекту. Я была очень благодарна ему. Как вы сказали, он был очень богатым человеком. Несколько недель назад я видела в газете объявление о его смерти. Значит, он был вашим старым другом?

— Не совсем так, — ответила мисс Марпл. — Я встретила его больше года назад за границей. В Вест-Индии. Наше знакомство никогда не было тесным. Я почти ничего не знала о нем... о его жизни, семье, близких друзьях, если таковые имелись. Он слыл великим финансистом, но в остальном, как говорят люди, был крайне сдержанным в отношении себя самого. Вы не были знакомы с кем-то из его семьи или родственников? — Мисс Марпл помедлила. — Мне хотелось бы это знать, однако я не люблю задавать вопросы и казаться любопытной.

Недолго помедлив, Элизабет проговорила:

— Когда-то я была знакома с девушкой... Она училась в Фаллоуфилде, в моей школе. Она не принадлежала к семье мистера Рэфьела, но была помолвлена с его сыном.

— Однако замуж за него не вышла? — уточнила мисс Марпл.

— Нет.

— Но почему?

— Можно думать — или надеяться — потому, что у нее хватило ума. Он принадлежал к той разновидности молодых людей, которым можно симпатизировать, но за которых не стоит выходить замуж. Она была очаровательна и очень мила. Я не знаю, почему он не женился на ней. Никто мне этого не говорил. — Вздохнув, мисс Темпл добавила: — В любом случае, она умерла...

— И по какой причине? — спросила мисс Марпл.

Элизабет несколько минут изучала взглядом пионы. Наконец она произнесла два слова — звонкие, как пение колокола, и совершенно неожиданные:

— От любви!

— От любви? — переспросила мисс Марпл.

— Слово это принадлежит к числу самых страш-

ных на свете, — проговорила Элизабет Темпл и повторила с горькой и трагичной ноткой: — От любви...

Глава 7
ПРИГЛАШЕНИЕ

Мисс Марпл решила пропустить послеобеденную экскурсию. Сославшись на усталость, она решила отказаться от посещения старинной церкви с витражами XIV века, предложив подождать остальных в указанной ей на главной улице чайной. Миссис Сэндберн согласилась с тем, что подобное предложение выглядит очень разумно.

Отдыхая на уютной скамейке возле чайной, мисс Марпл размышляла о том, что делать дальше, и разумно ли действовать тем или иным образом или нет.

Когда все остальные присоединились к ней за чаем, она непринужденно подсела к мисс Кук и мисс Барроу за столом, рассчитанным на четверых человек. Четвертое место занял мистер Каспар, которого мисс Марпл сочла недостаточно компетентным в английском языке, что позволяло пренебречь его присутствием. Наклонившись вперед над швейцарским рулетом с вареньем, она обратилась к мисс Кук:

— Знаете, я совершенно уверена в том, что мы с вами где-то уже встречались. Я все пытаюсь вспомнить где, но никак не могу этого сделать. Я теперь запоминаю лица не столь хорошо, как прежде, но не сомневаюсь в том, что мы уже встречались с вами.

На лице мисс Кук к любезности примешивалось сомнение. Взгляд ее обратился к подруге, мисс Барроу. Мисс Марпл последовала ее примеру, однако та не обнаружила никаких признаков того, что способна разрешить эту тайну.

— Не знаю даже, приводилось ли вам когда-либо бывать в наших краях, — продолжила мисс Марпл, — Я живу в Сент-Мэри-Мид. Небольшая такая, знаете ли, деревенька. Ну, не столь уж маленькая в наши дни, когда строят буквально повсюду. .. Не слишком далеко от Мач-Бенхэма и всего в двенадцати милях от побережья и Лумута.

— Ох, — промолвила мисс Кук, — позвольте... Я достаточно хорошо знаю Лумут, и быть может...

Мисс Марпл вдруг удовлетворенно воскликнула:

— Всё, вспомнила! Однажды я находилась в своем саду в Сент-Мэри-Мид, и вы, проходя мимо, заговорили со мной. Насколько я помню, вы ска-

зали, что живете там у подруги...

— Ну, конечно, — подхватила мисс Кук. — Как это глупо с моей стороны. Теперь я вас вспомнила. Мы говорили о том, как трудно в наши дни найти садовника, то есть толкового садовника, я хочу сказать.

— Да. Значит, вы там не живете, так? Просто гостили у кого-то?

— Да, я останавливалась... у... у... — Мисс Кук на мгновение запнулась, как если бы не знала или забыла имя хозяйки дома.

— У миссис Сазерленд, не так ли? — предположила мисс Марпл.

— Нет, нет, это была... э... миссис...

— Гастингс, — решительным тоном произнесла мисс Барроу, принимаясь за кусок шоколадного торта.

— Ну да, в одном из новых домов, — проговорила мисс Марпл.

— Гастингс, — неожиданно просиял мистер Каспар. — Я был в Гастингс... Я был также в Истбурн. — Он снова улыбнулся. — Там очень мило... у моря.

— Какое совпадение, — заявила мисс Марпл, — это надо же, так быстро встретиться снова... в таком-то громадном мире, правда?

— Да, мы с вами так любим сады, — несколько неопределенно выразилась мисс Кук.

— Цветы — это очень красиво, — проговорил мистер Каспар. — Я их очень любить.

Он снова улыбнулся.

— Как много редких и красивых кустарников, — сказала мисс Кук.

Мисс Марпл заторопилась с какой-то понятной одному садоводу технической подробностью. Мисс Кук отвечала. Мисс Барроу вставляла реплики. Мистер Каспар погрузился в затаившееся за улыбкой молчание.

Позже, приступив к своему привычному отдыху перед ужином, мисс Марпл принялась обдумывать полученную информацию. Мисс Кук призналась в том, что была в Сент-Мэри-Мид. Она признала, что прошла мимо дома мисс Марпл. Согласилась с тем, что это было случайно. Но случайно ли, думала мисс Марпл, крутя во рту это самое слово, словно дитя — карамельку, чтобы получше понять ее вкус. Было ли это случайностью? Или у нее была какая-то причина прийти к ее дому? Что, если ее послали? А если послали, то по какой причине? Или даже смешно так думать?

— Любое совпадение, — сказала себе мисс Марпл, — всегда достойно внимания. Его вполне

можно забыть после — когда выяснится, что это простая случайность.

Мисс Кук и мисс Барроу казались вполне обыкновенной парой подруг, отправившихся в совместное путешествие, что, по их собственным словам, они проделывали каждый год. В прошлом году побывали в круизе у берегов Греции, в позапрошлом году ездили в луковичный тур по Голландии[19], а еще за год до того посещали Северную Ирландию. Милые и обыкновенные женщины Однако мисс Кук, подумала она, на какое-то мгновение собиралась отрицать свое пребывание в Сент-Мэри-Мид. И посмотрела на свою подругу, мисс Барроу, словно бы ожидая от нее наставлений. Мисс Барроу, очевидно, была старшим партнером...

«Впрочем, возможно, на самом деле я просто придумываю все это, — подумала мисс Марпл. — И мои фантазии лишены какого бы то ни было значения».

Тут из глубин памяти неожиданно всплыло слово «опасность», использованное мистером Рэфьелом в его первом письме, а также упоминание о необходимости покровительства со

---

[19] Примечания: 19

Имеется в виду тур за луковицами знаменитых на весь мир голландских тюльпанов.

стороны ее ангела-хранителя, сделанное во втором письме. Неужели предложенное им дело чревато опасностью для нее? Но почему? И от кого исходит эта опасность?

Только не от мисс Кук и мисс Барроу. Такая обычная пара подруг... И тем не менее мисс Кук покрасила волосы и изменила прическу. То есть, по сути дела, изменила внешность. Странно, по меньшей мере! Мисс Марпл вновь принялась перебирать своих спутников.

Мистер Каспар, гмм... Много легче было увидеть в нем опасность, чем наоборот. Что, если он владеет английским намного лучше, чем изображает это? Хотелось бы понять, что на самом деле представляет собой этот мистер Каспар.

Мисс Марпл так и не сумела окончательно избавиться от викторианского восприятия иностранцев. Никогда не скажешь заранее, что еще они могут выкинуть. Абсурдно, конечно, испытывать подобные чувства — ведь у нее много друзей из разных стран. И все же?.. Мисс Кук, мисс Барроу, мистер Каспар, этот молодой человек с буйной гривой на голове — Эмлин Как-его-там, революционер и практикующий анархист? Мистер и миссис Батлер, такие милые американцы... а что, если они слишком милые, чтобы это было

правдой?

— Вот что, — сказала себе мисс Марпл, — надо как-то собраться.

Она обратила свое внимание к завтрашнему маршруту. Похоже, что завтра ее ждет трудный день. С утра начинающаяся довольно рано поездка по достопримечательностям, а затем, уже днем, — долгая и даже спортивная прогулка по прибрежной тропе. При всех интересных цветущих там растениях это выйдет достаточно утомительно. К перспективе прилагалось тактичное предложение: все, кто хочет отдохнуть, могут остаться в отеле «Золотой вепрь», располагающем превосходным садом, или совершить короткую экскурсию в находящееся неподалеку приятное местечко. Мисс Марпл подумала, что, скорее всего, так и поступит.

Однако, хотя она еще не догадывалась об этом, планам ее предстояло измениться.

Когда на следующий день мисс Марпл спускалась вниз из своего номера в «Золотом вепре», вымыв руки перед ленчем, к ней подошла женщина в твидовой юбке и жакете и с явной тревогой в голосе спросила:

— Прошу меня простить, вы — мисс Марпл, мисс Джейн Марпл?

— Да, так меня зовут, — проговорила та с некоторым удивлением.

— А я — миссис Глинн. Лавиния Глинн. Я живу неподалеку отсюда вместе с двумя сестрами, и мы, ну, узнали о вашем приезде...

— Вы узнали о моем приезде? — переспросила мисс Марпл уже с чуть большим удивлением.

— Да. Нам написал наш старинный друг — довольно давно, недели три назад, и он попросил нас запомнить эту дату. День посещения тура «Знаменитые дома и сады». Он сказал, что с этой группой приедет его большой друг или родственник, не скажу точно.

Мисс Марпл сохраняла удивленное выражение на лице.

— Я имею в виду мистера Рэфьела, — проговорила миссис Глинн.

— Ах! Мистер Рэфьел, — сказал мисс Марпл. — А вам... вам известно, что..

— Что он умер? Увы, да. Как это печально... Умер после того, как пришло это письмо. Чуть ли не сразу после того, как отправил его нам. Однако мы почувствовали особую необходимость выполнить его просьбу. Знаете ли, он предложил нам пригласить вас в гости дня на два. Эта часть тура довольно утомительна. То есть для молодежи в

ней нет ничего сложного, чего не скажешь о тех, кто постарше. Нужно пройти несколько миль, не раз подняться по крутым тропам... Мы с сестрами будем очень рады, если вы согласитесь погостить в нашем доме. Мы живем всего в десяти минутах ходьбы от вашего отеля и можем показать вам много здешних достопримечательностей.

Мисс Марпл задумалась. Миссис Глинн, круглая, дружелюбная и добродушная, хотя и несколько застенчивая, была симпатична ей. К тому же за этим приглашением маячила новая инструкция мистера Рэфьела... следующий шаг, который ей предстояло предпринять? Что ж, пусть будет так.

Только почему она так нервничает? Быть может, потому, что уже перезнакомилась со всеми в группе и чувствует себя как дома, хотя знакома с этими людьми всего три дня?

Мисс Марпл повернулась к миссис Глинн, смотревшей на нее озабоченным взглядом.

— Благодарю вас, это очень любезное предложение с вашей стороны. Мне будет весьма приятно воспользоваться им.

Глава 8
ТРИ СЕСТРЫ

Мисс Марпл стояла возле окна. За спиной, на постели, лежал ее чемодан. Она смотрела на сад невидящими глазами. Не часто ей доводилось видеть чей-либо сад, не испытывая при этом никаких эмоций — ни положительных, ни отрицательных. Впрочем, сейчас ею все же стал овладевать дух критицизма. Перед мисс Марпл находился сад заброшенный, на который несколько лет не расходовали денег, и уж точно, в котором почти ничего не делали. Дом также имел запущенный вид. Он обладал элегантными пропорциями, мебель в нем когда-то была хорошей, хотя в последние годы явно не знала внимания и даже полировки. С ее точки зрения, этот дом в последние несколько лет мало кто хотя бы как-то любил. Он словно соответствовал собственному имени: «Старый особняк». Красивый, построенный со вкусом дом, некогда любимый, жилой. Дочери и сыновья этого дома выросли, переженились, и теперь в нем обитала миссис Глинн, которая, судя по словам, произнесенным

ею в спальне, которую она отвела мисс Марпл, вместе с сестрами унаследовала его от дяди, и после смерти мужа все трое перебрались жить сюда. Все они постарели, доход их уменьшился, прислугу стало найти все труднее.

Остальные сестры, две мисс Брэдбери-Скотт, предположительно так и остались незамужними; одна из них была старше миссис Глинн, вторая — моложе.

В доме не было заметно никаких признаков пребывания в нем детей: ни забытого мяча, ни старой детской коляски, ни маленького стульчика или столика. Это был дом трех сестер.

— Как-то по-русски выходит, — пробормотала мисс Марпл.

Это потому, что «Три сестры», так ведь? Только вот кто написал эту пьесу, а? Чехов? Или, может быть, Достоевский? Она совершенно честно не могла вспомнить. Три сестры... Но эти трое, безусловно, не из тех, кто стремится в Москву. Нетрудно предположить — да что там, мисс Марпл была просто уверена в этом, — что эти сестры довольны своей жизнью. Она познакомилась с остальными двумя: одна из сестер вышла из кухни, другая спустилась по лестнице, чтобы приветствовать ее. Их изящные манеры свиде-

тельствовали о хорошем воспитании. Они были из тех, кого мисс Марпл в молодые годы называла ныне вышедшим из употребления термином «леди»... она помнила, как однажды назвала подобных «захудалыми леди», и отец поправил ее: «Нет, дорогая Джейн, не захудалые. А бедствующие благородные женщины».

В нынешние времена благородные женщины бедствовали не так уж часто. Им помогало правительство, общественные организации или богатые родственники. Или, быть может, такие люди, как мистер Рэфьел. Потому что, в конце концов, в нем-то и крылась вся причина, все основание ее пребывания здесь, не так ли? Именно мистер Рэфьел устроил все это. По мнению мисс Марпл, ему пришлось изрядно побеспокоиться обо всем этом. Примерно за четыре-пять недель до смерти он понял, что отмеренный ему срок уже близок, пусть и с некоторым запасом в ту или иную сторону, поскольку доктора всегда проявляют умеренный оптимизм, по опыту зная, что пациенты, которым предстоит умереть в ближайшее время, очень часто неожиданно задерживаются на этом свете... обреченные, они упорно не желают делать последний шаг. С другой стороны, обслуживавшие пациентов

больничные сестры, знала по своему собственному опыту мисс Марпл, всегда ожидали, что к завтрашнему утру больной умрет, и бывали весьма удивлены, когда этого не случалось. Однако, изложив свои мрачные пророчества явившемуся доктору, они неизменно получали от него — уже в дверях, на выходе из прихожей — неизменный ответ: «Еще несколько недель протянет, можно не сомневаться».

Со стороны доктора очень мило проявлять подобный оптимизм, думала в таком случае медсестра, однако он, конечно же, ошибается. Но доктор очень часто не ошибался. Он знал, что человек, страдающий от боли, беспомощный, искалеченный болезнью, даже несчастный, все равно любит жизнь и хочет продолжать ее. Он охотно примет предложенную доктором пилюлю, дабы та помогла ему скоротать ночь, однако не станет принимать лекарства в количестве, большем необходимого, для того чтобы переправиться в мир иной, о котором им пока ничего не известно!

Мистер Рэфьел. Вот о ком думала мисс Марпл, окидывая сад не желающими что-либо видеть глазами. Мистер Рэфьел? Она уже чувствовала, что подбирается чуточку ближе к пониманию

возложенного на нее задания, предложенного ей проекта. Мистер Рэфьел умел составлять планы. Он продумывал их точно так, как продумывал финансовые сделки и поглощения. Пользуясь словами ее служанки Черри, у него была проблема. А когда у Черри возникала проблема, она часто являлась за советом к мисс Марпл.

Итак, эту проблему мистер Рэфьел не мог разрешить самостоятельно, что должно было чрезвычайно раздражать его, думала мисс Марпл, поскольку обыкновенно он умел справиться с любой задачей и неоднократно доказывал это. Однако тогда он был прикован к постели... он умирал. Мистер Рэфьел мог устроить свои финансовые дела, связаться со своими адвокатами, с наемными работниками, с теми друзьями и родственниками, которые у него были, однако оставалось что-то или кто-то, с кем он не уладил дел. Оставалась нерешенная проблема. .. проблема, которую он хотел бы разрешить; оставался незаконченный план. По всей видимости, не из тех, которые можно разрешить финансовой помощью, через деловые контакты или посредством услуг адвоката.

— И поэтому он обратился ко мне, — проговорила мисс Марпл.

Факт этот до сих пор очень смущал ее. Очень смущал. Однако в свете нынешнего течения ее размышлений все было ясно как день. Мистер Рэфьел считал, что она обладает определенной квалификацией для исполнения некоторого поручения. И оно, снова подумала мисс Марпл, каким-то образом связано с преступлением или с чем-то, имеющим преступный характер. Кроме того, ему было известно о ней лишь то, что она обожает сады. Что ж, он едва ли нуждался в ее услугах для того, чтобы разрешить некую садоводческую проблему. Однако он мог вспомнить о ней в связи с преступлением. Преступлением в Вест-Индии и преступлениями, совершавшимися возле ее дома.

Но где именно?

Мистер Рэфьел делал приготовления. Для начала он договорился со своими адвокатами. Они выполнили свою задачу и в назначенное время отправили ей составленное им письмо. Точно продуманное и взвешенное, подумала мисс Марпл. Безусловно, было бы много проще, если бы он сам, лично сказал ей, чего именно и почему хочет от нее. В известной мере ее удивляло, что перед смертью мистер Рэфьел не послал за ней, и с той или иной мерой лжи — возможно,

в подготовительной манере — убедил ее в том, что находится на смертном одре, и тем самым заставил бы ее согласиться на то, чего хотел от нее. Впрочем, нет, это было бы совершенно не в стиле мистера Рэфьела, подумала мисс Марпл. Он, конечно, умел запугивать людей, однако это дело не допускало такого подхода, и она не сомневалась в том, что он не хотел обращаться к ней, просить оказать ему услугу, просить разоблачить зло. Нет. Подобное опять-таки не было в стиле мистера Рэфьела. Он хотел, подумала она — как, наверное, хотел всю свою жизнь, — оплатить сделанную для него работу. Он хотел заплатить ей, а еще заинтересовать — так, чтобы ей было интересно исполнять его поручение. Предложенная им плата должна была не столько соблазнить ее, сколько заинтриговать. Она должна была пробудить в ней интерес. Едва ли он мог сказать себе примерно так: «Предложу ей достаточно денег, и она ухватится за возможность», потому что, как прекрасно понимала сама мисс Марпл, хотя сумма казалась достаточно внушительной, особой нужды в деньгах она не испытывала. У нее был дорогой и любящий племянник, милый Реймонд, всегда готовый предоставить ей нужную сумму, если она нуждалась в таковой, когда

нужен был срочный ремонт в доме, возникала необходимость посетить врача или пройти курс процедур.

Нет. Предложенная им сумма должна была стать просто волнующей. Волнующей в том самом смысле, в котором волнует билет на выставку ирландских фиалок. Эта крупная сумма была недостижима для нее иначе как посредством везения.

И тем не менее мисс Марпл решила, что, помимо удачи, ей потребуется и внушительная доля усердной работы, долгие размышления и раздумья — и, возможно, ее деятельность будет сопряжена с известного рода опасностью. Однако не потому ли ей приходится самостоятельно выяснять суть дела, что мистер Рэфьел не хотел оказывать давления на нее? Трудно что-то рассказать человеку, не добавив к рассказу доли своего мнения. Вполне могло оказаться так, что мистер Рэфьел допускал, что его личное мнение может оказаться ошибочным. Такая мысль ему не свойственна, однако вполне вероятна. Он мог подозревать, что собственное суждение под действием болезни сделалось не таким надежным, как прежде. А потому она, мисс Марпл, его агент, его наемный работник, должна делать

собственные догадки, приходить к собственным заключениям.

Итак, пришло время делать некоторые выводы. Иными словами, вернуться к прежнему вопросу: а к чему все это?

Ею руководят. Для начала примем это за данность. Ею руководит ныне покойный человек. Ей пришлось выехать из Сент-Мэри-Мид. Таким образом, получается, что поставленная ей задача, какой бы она ни была, не может найти своего разрешения в этой деревне. Значит, она не связана с окрестностями, ее нельзя разрешить, просмотрев газетные вырезки или произведя расспросы — во всяком случае, до того, как удалось выяснить, о чем и кого нужно расспрашивать. Ее сперва направили в адвокатскую контору, затем заставили читать письма — два письма — в собственном доме, а затем выставили из этого самого дома в превосходно организованную туристическую поездку агентства «Знаменитые дома и сады Великобритании».

Теперь она оказалась перед новым, отмечающим этап камнем. Каковым является тот самый дом, под крышей которого она в данный момент пребывает? Старый особняк, Джосе-лин-Сент-Мэри, в котором проживают мисс Клотильда

Брэдбери-Скотт, миссис Глинн и мисс Антея Брэдбери-Скотт. Мистер Рэфьел устроил все это, устроил заблаговременно. За несколько недель до смерти. Возможно, уже после того, как дал инструкции адвокатам и заказал на ее имя место в экскурсионной поездке. Посему она оказалась в этом доме не случайно, не без цели. Возможно, всего на пару ночей, возможно, подольше. Здесь могут обнаружиться некие указания, которые могут заставить ее остаться... быть может, ее даже попросят об этом. Итак, мисс Марпл вернулась мыслями к собственному положению.

Миссис Глинн и две ее сестры. Их приходилось учитывать как замешанных в том, что здесь происходит. И ей придется понять, что именно. Только времени мало. Лишь это беспокоило мисс Марпл; она ни на мгновение не сомневалась в том, что в состоянии разрешить проблему. Она же из этих болтливых, все забывающих старых леди, которые, по мнению людей, говорят без умолку и задают вопросы, относящиеся — если судить поверхностно — чисто к области сплетен.

Она начнет говорить о своем детстве, в результате чего хотя бы одна из сестер заговорит о своем. Она будет говорить о том, что ела, о слугах ее семьи, дочерях, кузинах и родственниках,

поездках, браках, рождениях и, конечно, смертях. И сообщение о чьей-то смерти не должно вызывать в ее глазах заметного интереса. Никак не должно.

Почти автоматически мисс Марпл решила, что вполне может ограничиться такими репликами, как «боже мой, как это печально!». Ей придется выявить отношения, случаи, жизненные повести, проследить, не проявится ли, так сказать, само собой многозначительное событие. Возможно, нечто происходило в здешней округе, вне прямой связи с этими тремя женщинами. Нечто такое, о чем они могут знать, могут говорить, могут быть совершенно уверены. В любом случае здесь для нее должен обнаружиться некоторый ключ, какая-нибудь подсказка. Через день ей придется вновь присоединиться к группе — если только к этому времени она не обнаружит какое-либо указание на то, что этого не следует делать. Ум ее сновал от этого дома к автобусу и находящимся в нем людям. Могло случиться и так, что то, что она ищет, находится в этой группе людей. Один человек, несколько людей, невиновных (или не вполне невиновных), некая давно забытая история... Мисс Марпл нахмурилась, стараясь кое-что вспомнить. В голове ее что-то промелькнуло, и

она подумала: «На самом деле я уверена...» В чем же она уверена?

Мысли ее вернулись к трем сестрам. Ей не стоит надолго задерживаться наверху. Нужно распаковать чемодан, достать из него несколько нужных вещей, необходимых для ночлега, вещи, чтобы переодеться вечером, ночные вещи, туалетные принадлежности, а потом спуститься вниз, присоединиться к хозяйкам дома и занять их приятной беседой. Следует прежде всего решить основной вопрос: кем станут для нее эти три сестры — союзницами или врагами? Они могут попасть в обе категории. Она должна тщательно обдумать все это.

Послышался стук в дверь, и вошла миссис Глинн.

— Надеюсь, вам будет здесь уютно. Могу ли я помочь вам распаковать вещи? Нам помогает очень хорошая женщина, однако она приходит только по утрам. Но поможет вам совершенно во всем.

— О нет, спасибо, — поблагодарила мисс Марпл. — Я просто достала самое необходимое.

— Потом я подумала, что вас нужно проводить вниз. Наш дом, увы, обветшал. В нем есть две лестницы, и это, случается, вызывает известные

трудности. Иногда люди теряются.

— О, это весьма любезно с вашей стороны, — отозвалась мисс Марпл.

— Тогда надеюсь, что мы с вами спустимся сейчас вниз и выпьем перед ужином по бокальчику шерри.

Мисс Марпл с благодарностью приняла приглашение и последовала за хозяйкой дома вниз по лестнице. Миссис Глинн, насколько она могла судить, была намного моложе ее самой. Ей было лет пятьдесят, не более того. Мисс Марпл внимательно разглядывала ступени: теперь она не слишком доверяла своему левому колену. Впрочем, с одной стороны лестницы шли перила. Красивая лестница, и она похвалила ее.

— У вас очаровательный дом. Построен, надо думать, в тысяча семисотых годах. Я не ошиблась?

— В тысяча семьсот восьмидесятом, — ответила миссис Глинн.

Хозяйка явным образом была довольна похвалой мисс Марпл. Она провела свою гостью в гостиную, большую и симпатичную. В ней находилось несколько действительно великолепных образчиков мебели. Стол времени королевы Анны и инкрустированное перламутром бюро в стиле эпохи Вильгельма и Марии; с ними со-

седствовали несколько довольно громоздких диванов и шкафов викторианской поры. Окна были занавешены поблекшим и слега вытершимся ситцем; ковер, подумала мисс Марпл, происходил из Ирландии. Типа «обюссон» и, наверное, произведен в Лимерике. Бархат на тяжеловесной софе также повытерся. Две остальные сестры уже находились в гостиной. Как только мисс Марпл вошла, они поднялись с места и направились к ней, одна с бокалом шерри в руке, а другая проводила ее к креслу.

— Не знаю, нравится ли вам сидеть высоко? Не все это любят.

— Я люблю, — сказала мисс Марпл. — Мне так легче. Спина, понимаете ли.

Похоже, сестры уже были знакомы с теми сложностями, которые создает в жизни человека спина. Старшая из сестер была высока, красива и смугла, на голове ее кудрявились черные волосы. Вторая была много младше: худощавая, какая-то призрачная, пряди поседевших прежде светлых волос неопрятно ниспадали на ее плечи. Вполне подойдет на роль повзрослевшей Офелии, подумала мисс Марпл.

Клотильда, по ее мнению, в Офелии никак не годилась, однако из нее получилась бы вели-

колепная Клитемнестра, с восторгом режущая своего мужа в ванне. Однако, поскольку замужем Клотильда так и не побывала, аналогия эта ни о чем не говорила. Мисс Марпл не могла представить, чтобы эта женщина убила кого-то, кроме мужа, а Агамемнонов в сем доме не водилось.

Клотильда Брэдбери-Скотт, Антея Брэдбери-Скотт, Лавиния Глинн… Клотильда хороша, Лавиния простовата, но симпатична, одно веко Антеи время от времени дергается. Последняя имела странную манеру поводить большими серыми глазами спервa направо, потом налево и вдруг оглядываться через плечо. Она словно бы все время ощущала на себе чей-то взгляд. Странно, подумала мисс Марпл. Придется обратить на нее внимание.

Они уселись, завязался разговор. Миссис Глинн вышла из комнаты, очевидно направившись на кухню. По всей видимости, из всех троих лишь она одна была наделена хозяйской жилкой. Разговор последовал обычным курсом. Клотильда Брэдбери-Скотт пояснила, что особняк этот является семейным. Он принадлежал ее внучатому дяде, потом — ее дяде, а после его смерти перешел к ней и ее сестрам, перебравшимся сюда.

— Видите ли, у него был только один сын,

который погиб на войне, — пояснила мисс Брэдбери-Скотт. — Мы остались последними представительницами нашего рода, если не считать нескольких очень далеких кузенов.

— Какие прекрасные пропорции у вашего дома, — проговорила мисс Марпл. — Ваша сестра сказала мне, что он был построен около тысяча семисот восьмидесятого года.

— Да, кажется так. Но, знаете ли, остается только пожелать, чтобы он не был настолько большим и ветхим.

— Да, — заметила мисс Марпл, — ремонт обходится нынче весьма дорого.

— В самом деле, — вздохнула Клотильда. — И нам часто остается только следить за тем, как он разрушается. Печально, но тем не менее это так. Подсобные строения, например, или оранжерея... У нас была здесь прекрасная большая оранжерея.

— В ней рос чудесный мускат, — подхватила тему Антея. — А все стены изнутри затягивал гелиотроп... Да, я очень жалею о ней. Конечно, во время войны мы не могли найти ни одного садовника. Пришлось взять совсем молодого, да и того в конце концов призвали. Конечно, против этого возражать не приходится, однако мы не сумели

вовремя произвести ремонт, и вся оранжерея разрушилась.

— Как и маленький зимний садик возле дома.

Обе сестры вздохнули, так, как вздыхают люди, ощутившие на себе течение времени и принесенные им печальные перемены.

В этом доме царит меланхолия, подумала мисс Марпл. Каким-то образом она переплетена с печалью... печалью, которую невозможно прогнать или рассеять — слишком уж глубоко проникла она. В самую глубину... Мисс Марпл вдруг поежилась.

Глава 9
POLYGONUM BALDHUANICUM[20]

Трапеза была самой обыкновенной. Небольшой кусок баранины, жареный картофель, затем сливовый пирог с мисочкой крема и довольно невыразительным печеньем. На стенах столовой висели несколько картин — семейных викторианских портретов, отметила мисс Марпл, не обладавших никакими заметными достоинствами. С ними соседствовал крупный и тяжелый, но симпатичный буфет из красного дерева со сливовым оттенком. Шторы были из темно-алого дамаста, а за большим красного дерева столом вполне могло бы поместиться с десяток человек.

Мисс Марпл просветила хозяек в отношении происшествий в группе, в той степени, в какой участвовала в них. Впрочем, вояж длился всего три дня, и потому рассказать многое было невозможно.

— Мистер Рэфьел, надо думать, был вашим старинным другом? — спросила старшая мисс Брэдбери-Скотт.

---

[20] Примечания: 20
Горец бальджуанский *(лат.).*

— Не сказала бы, — возразила мисс Марпл. — Я познакомилась с ним во время круиза по Вест-Индии. Полагаю, он принимал в нем участие для поправки здоровья.

— Да, последние годы он был практически инвалидом, — согласилась Антея.

— Очень жаль, — проговорила мисс Марпл. — На самом деле очень жаль. Я все время восхищалась силой его духа. Он проделывал такой большой объем работы... Каждый день надиктовывал своему секретарю письма и телеграммы. Он не мог просто так покориться своей болезни.

— Ну, нет, только не он, — сказала Антея.

— В последние годы мы нечасто видели его, — произнесла миссис Глинн. — Естественно, мистер Рэфьел был очень занятым человеком. На Рождество он всегда с большой щедростью вспоминал о нас.

— Вы живете в Лондоне, мисс Марпл? — спросила Антея.

— О нет, — ответила та. — Я живу в деревне. Небольшое такое селение на полпути между Лумутом и Маркет-Бейзинг. Примерно в двадцати пяти милях от Лондона. Прежде такая милая и старомодная деревня, но теперь в ней успели настроить всякого, как и повсюду... А мистер Рэфьел,

наверное, жил в Лондоне? Во всяком случае, я заметила его адрес в регистрационной книге отеля на Сент-Оноре... где-нибудь на Итон-сквер или Белгрейв-сквер?[21]

— У него был загородный дом в Кенте, — сказала Клотильда. — Иногда он принимал там гостей. Деловых партнеров в основном и зарубежных знакомых. Нас во время наших редких встреч он принимал в Лондоне.

— С его стороны было очень любезно, — проговорила мисс Марпл, — предложить вам пригласить меня к себе во время этого тура. Очень внимательный был человек. От столь занятого делами бизнесмена сложно ожидать такого внимания.

— Нам случалось приглашать его друзей во время подобных вашему путешествий. Агентство устраивает их с большой заботой... Конечно, на каждый вкус не угодишь. Молодежь, естественно, любит побродить по холмам, сходить куда-нибудь подальше, подняться на высокий холм и так далее. А людям пожилым, не готовым к такой активности, приходится оставаться в отеле, однако окрестные гостиницы особо роскошными не назовешь. Не сомневаюсь в том,

---

[21] Примечания: 21
Итон-сквер, Белгрейв-сквер — престижные районы Лондона.

что сегодняшняя поездка, как и завтрашняя экскурсия на Сент-Бонавентур, показалась бы вам очень утомительной. Завтра, насколько я знаю, вас ожидает прогулка на остров на катере, а волнение на море иногда бывает очень сильным.

— Сами эти экскурсии могут быть очень утомительными, — проговорила миссис Глинн.

— О да, — согласилась мисс Марпл. — Приходится много ходить и стоять. Нетрудно переутомить ноги. Наверное, мне не следовало бы пускаться в это странствие, если бы не соблазнительная перспектива увидеть все эти великолепные дворцы, залы и мебель... И все такое. Ну и, конечно же, превосходную живопись.

— И сады, — добавила Антея. — Вы ведь любите сады, не так ли?

— О да, — согласилась мисс Марпл, — особенно сады. Судя по проспекту, впереди нас ждет посещение некоторых действительно прекрасно сохранившихся садов при исторических сооружениях, и я с нетерпением ожидаю встречи с ними.

Она с улыбкой обвела взглядом хозяек дома.

Разговор шел очень приятным и совершенно естественным образом, однако мисс Марпл никак не могла понять, почему ощущает какое-то напряжение... какую-то неестественность ситуа-

ции. Однако как понимать эту неестественность? Достаточно ординарный разговор затрагивал в основном общие места. Она сама произносила банальные фразы, такими же тривиальностями отвечали и сестры.

«Три сестры», — подумала мисс Марпл, вновь возвращаясь мыслью к этим двум словам. Но почему цифра три вызывает у нее какие-то зловещие ассоциации?

«Три сестры», три ведьмы в «Макбете». Откровенно говоря, трех русских сестер трудно соотнести с ведьмами. Впрочем, мисс Марпл всегда считала, что театральные режиссеры ошибаются в трактовке этих персонажей. Одна из постановок, на которых она побывала, показалась ей в этом отношении верхом абсурда. Облик ведьм был словно заимствован из пантомимы... крылья летучей мыши, нелепые и броские островерхие колпаки на головах... Они то приплясывали, то по-змеиному ползали. Мисс Марпл помнила, как сказала своему племяннику, вывозившему ее на это пиршество шекспировской фантазии: «Реймонд, дорогой мой, знаешь, если бы я ставила эту великолепную пьесу, то придала бы трем ведьмам совершенно другой облик. Пусть будут обыкновенными нормальными

старухами... шотландскими старухами. Которые ни за что не станут плясать и кривляться. А будут лукаво переглядываться между собой, да так, что ты убоишься самой повседневности облика этих женщин».

Доев последний кусок сливового пирога, мисс Марпл посмотрела через стол на Антею. Обыкновенная женщина... неопрятная, очень рассеянная, малость с приветом. Но почему Антея кажется ей зловещей?

«Я начинаю фантазировать, — объявила себе мисс Марпл. — А этого делать нельзя».

После обеда ее повели прогуляться по саду. Сопровождать гостью отправили Антею. С точки зрения мисс Марпл, предприятие это нельзя было назвать радостным.

Перед ней оказался прежде ухоженный, однако ни с какой стороны не примечательный или выдающийся сад, наделенный всеми чертами, подобающими обыкновенному викторианскому саду. Кустарники, аллейка пятнистого лавра... Вне сомнения, раньше здесь были ухоженные лужайки и тропки, огород площадью в полтора акра, явно слишком большой для троих проживавших здесь насельниц. Часть его осталась необработанной и заросла сорняками. Большую

часть цветочных клумб укрыла собой сныть, и руки мисс Марпл буквально чесались вырвать ползучий вьюнок, старавшийся повсюду утвердить свое верховенство.

Длинные волосы мисс Антеи теребил ветер, время от времени извлекавший из ее прически заколки и бросавший их на траву или на тропинку. Разговор складывался как-то неровно.

— Должно быть, у вас превосходный сад, — проговорила Антея.

— О да, только очень маленький, — сказала мисс Марпл.

Они вышли на поросшую травой тропку, шедшую мимо какого-то подобия холма, поднимавшегося перед оградой.

— Наша оранжерея, — с печалью промолвила мисс Антея.

— О да, и там у вас рос восхитительный виноград.

— Три лозы, — сказала Антея. — «Черный Гамбург», еще какой-то мелкий белый и очень сладкий виноград. А третий и был наш прекрасный мускат.

— И еще гелиотроп, как вы сказали.

— По-народному — черрипай, «вишневый пирог», — проговорила Антея.

— Ну да, черрипай. А у вас здесь не было бомбежек? Отчего рухнула оранжерея?

— О нет, подобных неприятностей у нас здесь не было. Нашей округе удалось не попасть под бомбежки. Увы, боюсь, что она попросту сгнила и рассыпалась. А мы очень долго не жили здесь, потом у нас не нашлось денег, чтобы починить ее или построить заново. Впрочем, этого все равно не стоило делать, так как мы не сумели бы поддерживать в должном порядке даже новую оранжерею. По правде сказать, мы попросту позволили ей развалиться. Потому что больше ничего не могли сделать. А теперь, видите, руины полностью заросли...

— И теперь их полностью покрыл... кстати, как называется это ползучее растение, которое сейчас зацветает?

— Ах, это... Что-то обыкновенное, — проговорила Антея. — Начинается на П. Как же он зовется...

— Кажется, начинается на «поли-».

— Ну, да. Вспомнила. Полигонум бальджуаникум. Очень быстро растет, правда? Очень полезное растение, когда надо спрятать от глаз обветшавшее здание или что-то уродливое.

Холмик перед ними плотно обволакивал зеленый с белыми цветками полог. Насколько было

известно мисс Марпл, растение это уверенно разделывалось со всякой попытавшейся вырасти рядом зеленью. Полигонум покрывал все. Причем за удивительно недолгое время.

— Оранжерея, наверное, была довольно большой, — заметила мисс Марпл.

— О да, в ней еще росли груши и нектарины... — Воспоминание явно расстроило Антею.

— Но руины смотрятся сейчас очень мило, — с сочувствием в голосе произнесла мисс Марпл. — Эти мелкие соцветия очень симпатичны.

— Слева от этой тропки у нас растет весьма приличная магнолия, — сообщила Антея. — Некогда, насколько я помню, здесь был превосходный травяной бордюр. Однако мы не смогли его поддержать. Это слишком трудно. Все вообще слишком трудно. Ничто не осталось прежним... все обветшало. Все и повсюду.

Она заспешила прочь по тропе, упиравшейся под прямым углом в боковую ограду сада. И даже еще более ускорила шаг. Мисс Марпл едва поспевала за ней. Дело выглядит так, подумала она, что хозяйка дома преднамеренно уводит ее подальше от заросших полигонумом руин. Уводит, как от уродливого или неприглядного уголка. Неужели она настолько стыдится утраты

былого великолепия? Полигонум, судя по всему, был предоставлен собственной воле. Его не подрезали и не старались удержать в разумных пропорциях. Так сказать, образчик дикого леса в данной разновидности сада.

Выглядит так, словно Антея бежит отсюда, думала мисс Марпл, следуя за хозяйкой.

Наконец внимание последней привлек заброшенный свинарник, по стенам которого вились несколько плетей роз.

— Мой внучатый дядя держал нескольких свиней, — пояснила Антея, — но, согласитесь, кто может помыслить о чем-то подобном в наши дни? Слишком много визга и шума, на мой взгляд. Мы посадили здесь несколько роз-флорибунд. И дали таким образом хороший ответ нашим трудностям.

— О, понимаю вас, — отозвалась мисс Марпл. После чего помянула несколько названий новейших сортов, считавшихся достижениями в области разведения роз. Все они, решила она, оказались полностью незнакомыми мисс Антее.

— А вы часто ездите с этими экскурсионными турами? — вдруг спросила та.

— Вы имеете в виду экскурсии по домам и садам?

— Да. Некоторые люди ездят по этому маршруту каждый год.

— Ну, я и мечтать не могла бы об этом. Такие поездки слишком дорого обходятся. Это был щедрый подарок моего друга к очередному дню рождения. Очень красивый жест с его стороны.

— Ах, так... А я гадала... гадала, почему вы поехали. Подобные путешествия весьма утомительны, так ведь? Но все-таки, если вы обычно ездите в Вест-Индию и подобные ей места...

— Ну, Вест-Индия также была следствием чужой доброты. В тот раз со стороны племянника. Такой милый мальчик. Он очень внимательно относится к своей старой тетушке.

— О да. Понятно, теперь понятно.

— Уж и не знаю, что бы мы делали без младшего поколения, — проговорила мисс Марпл. — Молодые люди так внимательны, так заботливы, правда?

— Я... наверное, так. Впрочем, не знаю. У меня... у нас... нет никаких младших родственников.

— И у вашей сестры, миссис Глинн, тоже нет детей? Она не говорила про них. А расспрашивать в таких случаях просто не хочется.

— Нет. У них с мужем никогда не было детей. Что, может быть, и неплохо.

— Что вы хотите этим сказать? — удивилась мисс Марпл перед порогом дома.

Глава 10
БЫЛЫЕ ДНИ! АХ, КАК МИЛЫ ОНИ

На следующий день в половине девятого утра в комнату мисс Марпл аккуратно постучали; в ответ на произнесенное «войдите» дверь отворилась, и в комнату вошла немолодая женщина с подносом, на котором находились чайник, чашка, молочник и небольшая тарелка с хлебом и маслом.

— Ранний утренний чай, мэм, — бодрым тоном проговорила вошедшая. — День сегодня отличный. Вижу, вы уже отодвинули шторы. Значит, выспались?

— Выспалась, и выспалась очень хорошо, — ответила мисс Марпл, откладывая в сторону небольшую благочестивого содержания книжицу, к чтению которой уже приступала.

— Ну, сегодня действительно превосходный день. Самая подходящая погода для экскурсии на скалы Бонавентура. Впрочем, совсем неплохо, что вы не собираетесь туда. Очень тяжело для ног, так-то вот.

— Мне действительно хорошо здесь, — прого-

ворила мисс Марпл. — Я так благодарна обеим мисс Брэдбери-Скотт и миссис Глинн за это приглашение...

— Вот и хорошо, им тоже приятно. Общество в доме подбадривает их. Ах, теперь в этом доме тоскливо, так-то вот.

Женщина еще шире раздвинула шторы, отодвинула назад кресло и поставила кувшин с горячей водой в фарфоровую раковину.

— Ванная комната у нас выше этажом, — пояснила она, — однако мы всегда считаем, что людям пожилым лучше подавать горячую воду в спальню, чтобы им не пришлось подниматься по лестнице.

— Какая забота... не сомневаюсь, что вы отлично знаете этот дом?

— Я пришла сюда девчонкой — меня взяли уборщицей. Хозяева держали троих слуг — повара, уборщицу и горничную... одно время еще и судомойку. Это было еще при старом полковнике. Еще у него были лошади и конюх. Ах, это были хорошие дни... Печально, когда жизнь складывается подобным образом. Он, полковник то есть, потерял жену еще молодой. Сын его погиб на войне, а единственная дочь отправилась жить на ту сторону света. За новозеландца вышла,

стало быть. Умерла в родах, ребенок тоже умер. Полковник жил здесь в большой печали и запустил дом... не заботился о нем так, как следует. Умирая, он завещал этот дом своей племяннице, мисс Клотильде и двум ее сестрам, так что она и мисс Антея сразу поселились тут... потом и мисс Лавиния утратила мужа и перебралась к ним. — Она вздохнула и покачала головой. — Они не могли привести дом в порядок — не могли себе позволить это, а кроме того, забросили и сад...

— Какая жалость, — покачала головой мисс Марпл.

— И все три такие хорошие леди, да. Мисс Антея чудаковата, а вот мисс Клотильда посещала университет и стала очень умной, она говорит на трех языках, и миссис Глинн в самом деле настоящая леди. Когда она перебралась к нам, я подумала, что дела пойдут лучше. Но что будет и как будет, заранее никогда не скажешь. Иногда мне кажется, что на дом наложили проклятие.

Мисс Марпл вопросительно посмотрела на нее.

— Просто складывается все одно к другому. Сперва эта жуткая авиакатастрофа в Испании... все погибли. Отвратительная выдумка, эти аэропланы... Я бы никогда не полетела на самолете.

Погибли друзья мисс Клотильды, они были мужем и женой... дочь, по счастью, была в школе, ей повезло, она уцелела, но мисс Клотильда привезла ее в этот дом и окружила заботой. Возила ее за границу, в Италию и Францию, обращалась с ней, как с родной дочерью. Такая была счастливая девочка, такая милая. Даже представить было невозможно, что может произойти такая жуткая вещь.

— Жуткая вещь? Какая же? И это случилось здесь?

— Нет, слава богу, не здесь. Хотя в известной мере можно сказать, что здесь. Тут они и познакомились. Он жил по соседству — леди знали его отца, который был очень богатым человеком, и потому приехал сюда погостить... с этого и началось...

— Они полюбили друг друга?

— Да, она по уши влюбилась в него. Он был симпатичным парнишкой, умел мило говорить и мило проводить время. Никогда не подумала бы... даже на мгновение не подумала бы... — Она умолкла.

— Значит, была любовная история? И что-то не сложилось? И девушка совершила самоубийство?

— Самоубийство? — Служанка посмотрела на мисс Марпл полными удивления глазами. — Кто вам это сказал? Это было убийство, ничем не прикрытое убийство. Ее задушили, а потом размозжили голову. Мисс Клотильде пришлось сходить на опознание — и она с того дня стала совсем другой. Тело ее нашли в добрых тридцати милях отсюда — в кустах, в заброшенной каменоломне. Кроме того, считают, что это было не первое его убийство. Были и другие девушки. Ее искали шесть месяцев... полиция обшарила окрестности вдоль и поперек. Ах, каким же злым дьяволом он оказался! Покрытым скверной от самого дня рождения, должно быть. Теперь говорят, что есть такие люди, которые не могут контролировать собственные поступки, — у них не в порядке голова, и они не могут нести ответственность. Я этому не верю вовсе: убийцы — они и есть убийцы! А теперь их даже не вешают. Я знаю, что сумасшествие часто поражает старые дома... были у нас такие Дервенты из Брассингтона... в каждом втором поколении тот или другой из них умирал в сумасшедшем доме, да вот и старая миссис Паулитт, расхаживала по аллеям в алмазной тиаре и утверждала, что она — Мария-Антуанетта, до тех пор пока ее не посадили под

замок. Однако на самом деле ничего плохого она не делала — одни глупости. Но этот парень... да, он был настоящим чертом.

— А что с ним стало?

— К этому времени повешение уже отменили... или же он оказался слишком молод для казни... Не помню уже. Суд установил его вину. И его отослали в Бостол или Броудсэнд — в какое-то из этих заведений, начинающихся на «Б».

— А как звали молодого человека?

— Майкл... а фамилию не помню. Уже десять лет прошло, нетрудно забыть. Что-то итальянское, связанное с картинами. С теми, кто их пишет... Раффл, кажется...

— Майкл Рэфьел?

— Именно так! Ходил слушок, что отец его был настолько богат, что сумел выкупить сына из тюрьмы. Словно какого-то грабителя банков. Но я думаю, что это всего лишь пустые разговоры...

Итак, самоубийства не было. Было убийство. «Любовь» — такую причину смерти девушки назвала Элизабет Темпл. В известной мере она была права. Юная девушка полюбила убийцу и из-за любви к нему неожиданно для себя встретила жуткую смерть.

Мисс Марпл чуть поежилась. Вчера, проходя по

деревенской улице, она миновала объявление:

УБИЙСТВО В ИПСОМ-ДАУНС,
НАЙДЕН ТРУП ВТОРОЙ ДЕВУШКИ,
ПОЛИЦИЯ ПРОСИТ МОЛОДЕЖЬ ПОМОЧЬ ЕЙ

Итак, история повторяется. Следуя старому и уродливому образцу. На память невольно пришли несколько строк полузабытого стихотворения:

Бело-розовая юность, страстна и бледна,
Певучим ручьем в долине была,
Сказочным принцем в прозе сих лет,
Но ничего столь хрупкого нет,
Как юности роза[22]

Кто должен был охранять Молодость от Боли и Смерти? Молодость ли, которая никогда не способна охранить себя? Потому ли, что знала слишком мало? Или, наоборот, слишком много? И потому полагала, что знает все...

---

[22] Примечания: 22

Эти строки принадлежат английскому поэту Томасу Чаттертону (1752-1770).

II

На следующее утро мисс Марпл спустилась с лестницы несколько раньше, чем рассчитывала это сделать, и, не обнаружив там и следа своих хозяек, открыла парадную дверь и снова вышла в сад. Не потому, что он особенно понравился ей; она смутно ощущала, что должна еще кое-что заметить... заметить нечто такое, что натолкнет ее на идею. Или же уже наделило ее идеей... хотя ей, откровенно говоря, не хватило ума осознать глубинную премудрость этой самой идеи. Нечто важное, такое, на что стоило обратить внимание.

В данный момент мисс Марпл не нуждалась в обществе любой из трех сестер. Ей нужно было кое-что обдумать, прокрутить в уме новые факты, которые сообщила ей Джанет за утренним чаем.

Боковая калитка оставалась открытой; мисс Марпл вышла через нее на деревенскую улицу и отправилась мимо ряда небольших лавчонок в сторону высокого шпиля, свидетельствовавшего о месте нахождения церкви, а значит, и церковного кладбища. Отворив калитку возле покойницкой, она направилась между могил. Некоторые из них несли на себе давние даты,

некоторые у дальней стены были посовременнее, как и пара-другая за стеной в новой ограде. Среди старых могил ничего примечательного мисс Марпл не заметила. Некоторые из фамилий постоянно повторялись, как это часто бывает в деревнях. На кладбище была погребена целая компания принцев деревенского происхождения: «Джаспер Принс, любим, скорбим»; «Марджери Принс, Эдгар и Уолтер Принсы, Мелани Принс, четырех лет от роду». Семейная хроника. «Хайрем Бро-уд, Эллен Джейн Броуд, Элиза Броуд, 91 год»...

Отвернувшись от последней могилы, мисс Марпл заметила пожилого мужчину, неторопливо шедшего между надгробий, что-то поправляя по пути. Он помахал ей рукой и поздоровался.

— Доброе утро, — отозвалась на приветствие мисс Марпл. — Очень хороший день.

— Позже непременно будет дождь, — с предельной уверенностью в собственной правоте сказал старик.

— Вижу, у вас здесь похоронено множество Принсов и Броудов, — заметила мисс Марпл.

— О да, Принсы у нас живут исстари. Некогда им принадлежала изрядная часть земли. Да и Броуды много лет населяют наши края.

— Я вижу могилу ребенка. Всегда печально

видеть детские могилы.

— Ах да, это могилка крошки Мелани. Мы звали ее Мелли. Такая прискорбная смерть... Выбежала она из дома, вот так, и бегом через дорогу в кондитерскую лавку за конфетами. А тут и машина... Таких случаев теперь уйма, носятся как угорелые.

— Как горестно видеть, — проговорила мисс Марпл, — такое постоянство смертей... И ведь не замечаешь этого, пока не посмотришь на могильные надписи. Болезни, старость, попавшие под машину дети, а иногда и более ужасные вещи... Убитые юные девушки... Преступниками, я имею в виду.

— А, и таких здесь хватает. Глупые девчонки, так можно назвать большую их часть. Потому что у ихних мамаш не было времени приглядывать за ними так, как надо... работают они, видите ли.

Мисс Марпл немедленно согласилась с этим критическим замечанием, однако не имела намерения и дальше обсуждать современные тенденции.

— Остановились в «Старом особняке», так? — спросил старик. — Приехали с тем экскурсионным автобусом... Я видел. Должно быть, решили, что хватит с вас... Не всем, кто выезжает с экскур-

сией, хватает сил продержаться до конца тура.

— Действительно, для меня поездка оказалась слишком утомительной, — признала мисс Марпл. — Но мой добрый друг, мистер Рэфьел, написал своим здешним друзьям, чтобы они приютили меня на пару ночей.

Фамилия эта, очевидно, ничего не говорила пожилому садовнику.

— Миссис Глинн и обе ее сестры были очень добры ко мне, — продолжила мисс Марпл. — Должно быть, они давно живут здесь?

— Не то чтобы давно. Лет двадцать, не больше. «Старый особняк»-то прежде принадлежал старому полковнику Брэдбери-Скотту. Этот умер, когда ему стукнуло под семьдесят.

— У него были дети?

— Сын его погиб на войне. Вот почему он оставил дом своим племянницам. Больше-то некому было.

И он вернулся к осмотру надгробий.

Мисс Марпл вошла в церковь. Внутри ощущалась рука викторианского реставратора, в окнах светились яркие, того же времени, витражи. Лишь кое-какая медная утварь и несколько архитектурных деталей остались здесь от прошлого.

Опустившись на неудобную скамью, мисс

Марпл погрузилась в размышления. На правильном ли она пути? Все вроде складывалось в определенную картину, однако связи внутри этой картины оставались несколько расплывчатыми.

Убита девушка (на самом деле несколько девушек), подозреваемые молодые люди (молодежь, как их называют теперь) были вызваны в полицию, дабы «помочь расследованию». Обычная картина. Но все это уже ушло в область истории... осталось в прошлом десяти- или двенадцатилетней давности. Узнавать здесь нечего... нет никаких проблем. Конец — имя этой трагедии.

И что она может сделать? Чего мог хотеть от нее мистер Рэфьел?

Элизабет Темпл... надо заставить ее рассказать побольше. Элизабет упомянула о девушке, помолвленной с Майклом Рэфьелом. Но так ли оно было на самом деле? Обитательницы «Старого особняка» как будто бы не знали об этом.

Тут мисс Марпл обратилась мыслью к более популярной версии, достаточно часто встречавшейся в ее собственной деревне. Начинающейся всегда с простого факта: юноша встретил девушку. И развивающуюся обыкновенным путем...

— В итоге девушка обнаруживает, что беременна, — сказала себе мисс Марпл, — и говорит

юноше, что хочет, чтобы тот женился на ней.

А он, скорее всего, не хочет на ней жениться — у него и в мыслях не было ничего подобного. Но тут обстоятельства делаются затруднительными для него. Отец наверняка не хочет и слышать ни о какой свадьбе. А вот родственники девушки настаивают на том, чтобы он поступил так, «как подобает».

Но та ему, наверное, уже надоела — наверное, он уже гуляет с другой девицей. И юноша находит жестокий и быстрый выход из ситуации — душит ее и разбивает лицо так, чтобы не было возможности установить ее личность. Жестокое и отвратительное преступление соответствует его репутации... но теперь все это уже забыто.

Мисс Марпл осмотрелась по сторонам. В церкви царил мир и покой. Здесь невозможно было поверить в само существование Зла. Того самого Зла, чутье на которое приписывал ей мистер Рэфьел. Мисс Марпл поднялась со скамьи, вышла наружу и остановилась, внимательно глядя на надгробья. Здесь, среди могильных плит с потертыми временем надписями, она не ощущала никакого Зла.

Так в самом ли деле Зло ощутила она вчера в «Старом особняке»? Глубинную, полную отчаяния депрессию, темное, лишенное всякой

надежды горе Антеи Брэдбери-Скотт, со страхом оглядывающейся через плечо, словно опасаясь того, что некая страшная сущность неотступно стоит за ее спиной?

Они что-то знали, эти Три Сестры, но что именно было им еще известно?

Элизабет Темпл, подумала опять мисс Марпл. Она представила себе ее в обществе прочих экскурсантов, идущую в данный момент по равнине, потом поднимающуюся по крутой тропе и взирающую с утесов на море.

Завтра, вернувшись к группе, она заставит Элизабет Темпл рассказать ей побольше.

III

Мисс Марпл прежним путем направилась к «Старому особняку», уже не слишком торопясь, потому что ощутила усталость. Она не могла сказать себе, что проведенное ею утро хоть как-то удовлетворило ее. Пока «Старый особняк» не наделил ее четкими идеями в отношении былой трагедии, о которой рассказала ей пожилая служанка, однако в памяти домашней прислуги всегда запечатлевались былые трагедии, ценившиеся наравне с такими радостными событиями, как пышные свадьбы и веселые развлечения, или

же операции или несчастные случаи, объекты которых чудесным образом поправлялись.

Подойдя поближе, мисс Марпл увидела возле ворот две женские фигуры. Одна из них направилась ей навстречу. Это была миссис Глинн.

— Ну, вот и вы, — проговорила она. — А мы уже не знали, что и думать. Я полагала, что вы, наверное, решили погулять по окрестностям, и поэтому надеялась на то, что вы не переутомитесь. Если бы я знала, что вы спуститесь вниз и выйдете из дома, то проводила бы вас и показала все, на что можно здесь посмотреть. Такого здесь не слишком много, откровенно говоря.

— Ну, я далеко и не уходила, — сказала мисс Марпл. — Побывала, знаете ли, на кладбище и в церкви. Они меня всегда особенно интересуют. На кладбищах часто попадаются очень любопытные эпитафии, ну и тому подобное. У меня уже собралась целая коллекция их. Насколько я могу судить, церковь отреставрировали при королеве Виктории?

— Да, и при этом поставили в ней довольно уродливые, на мой взгляд, скамьи. Понимаете ли, из хорошего дерева, прочные и все такое, но не слишком симпатичные.

— Надеюсь, что при этом они не удалили ниче-

го особо интересного.

— Едва ли. Не думаю. Наша церковь на самом деле не слишком стара.

— Похоже, что в ней никогда не было много лепнины и медной утвари, — согласилась мисс Марпл.

— Вы действительно интересуетесь церковной архитектурой?

— Ну. конечно, я не занимаюсь ее исследованиями или чем-то вроде того, однако в моей собственной деревне Сент-

Мэри-Мид вся жизнь вращается вокруг церкви. То есть так, как должно быть. Во всяком случае, так было в мои юные дни. Но теперь завелись другие обычаи... А вы выросли в здешней округе?

— О, не совсем. Мы жили не столь уж далеко. Примерно в тридцати милях отсюда. В Литтл-Хердсли. Мой отец был отставным военным, майором-артиллеристом. А сюда мы приезжали иногда навестить моего дядю, а перед тем — внучатого дядю. Нет. Взрослой я нечасто бывала здесь. Две моих сестры въехали сюда сразу после смерти дяди, но сама я тогда жила за границей вместе с мужем. Он умер лет пять назад.

— Понимаю.

— Они очень хотели, чтобы я переехала к ним,

и это показалось нам наилучшим вариантом. Мы с мужем долго жили в Индии. Муж мой и умер там. В наше время бывает трудно понять, где, так сказать, можно пускать корни.

— Да, в самом деле. Понимаю вас. И вы, конечно же, ощущали, что у вас есть эти корни, поскольку ваша семья долго жила в этом доме...

— Да-да. Это всегда чувствуется. Конечно, я всегда поддерживала связь с сестрами, гостила у них. Однако, как ни представляй, а все всегда выходит по-другому. Я купила небольшой домик возле Лондона, близ Хэмптон-корт, где провожу добрую часть своего времени, а кроме того, занимаюсь благотворительностью в одной-двух лондонских организациях.

— Значит, ваше личное время полностью загружено. Это разумно.

— Но в последнее время я почувствовала, что должна проводить здесь больше времени. Сестры начинают беспокоить меня.

— Своим здоровьем? — предположила мисс Марпл. — В наше время им нетрудно обеспокоиться, в особенности если рядом нет компетентного человека, способного приглядывать за людьми, когда они стареют и начинают болеть. Если послушать, так вокруг один ревматизм и артриты.

Приходится бояться поскользнуться в ванной или споткнуться, спускаясь с лестницы. Или что-нибудь еще в том же роде.

— Клотильда всегда была очень сильной, — проговорила миссис Глинн. — Я бы даже сказала, крепкой. Но вот Антея меня подчас беспокоит. Знаете ли, она рассеянна — более того, очень рассеянна. Иногда уходит из дома и не понимает, куда идет.

— Да, печально, когда людям приходится беспокоиться. В нашей жизни столько тревог...

— Но Антею едва ли что-то тревожит по-настоящему.

— Однако, может быть, ее беспокоят налоги, денежные дела? — предположила мисс Марпл.

— Нет-нет, не настолько, но... ох, она так волнуется из-за сада. Она помнит, каким сад был раньше, и очень хотела бы, знаете ли, потратить деньги на приведение его в прежнее состояние. Клотильде приходится объяснять ей, что в наши дни такие расходы позволить себе нельзя. Однако Антея все говорит об оранжерее, о грушах, которые там росли, винограде... и так далее.

— И о черрипае на стенах? — предположила мисс Марпл, вспомнив реплику Антеи.

— Забавно, что вы запомнили это... Да. Да, такие

вещи запоминаются. Какой очаровательный аромат у гелиотропа! И какое симпатичное название дал ему народ — черрипай, вишневый пирог... Об этом трудно забыть. А еще виноград. Маленькие ранние сладкие ягоды... Что ж, не стоит слишком подробно вспоминать прошлое.

— И цветочные бордюры, наверное, — предположила мисс Марпл.

— Да-да. Антее хотелось бы снова получить большой и ухоженный травяной бордюр. Что теперь просто нереально. Все, что мы теперь можем сделать, — это раз в две недели приглашать кого-нибудь из местных выкосить все лужайки. Каждый год приходится иметь дело с различными фирмами. И Антее хотелось бы снова посадить пампасную траву. Еще ей хочется посадить гвоздику, турецкую, белую. Вдоль каменного бордюра. И возобновить смоковницу, которая росла рядом с оранжереей. Она помнит все это и постоянно разговаривает на эту тему.

— Должно быть, это вам досаждает.

— Ну, да. Аргументы, сами понимаете, бесполезны. Клотильда, конечно, действует в таких случаях прямо. Она просто отказывается слушать ее и говорит, что не желает больше слышать ни единого слова об оранжерее.

— Бывает трудно понять, — проговорила мисс Марпл, — как надо правильно реагировать на то или это. Стоит ли проявить твердость... власть... быть может, даже некоторую жесткость, знаете ли... или надо отнестись с сочувствием. Выслушать, а иногда даже поддержать необоснованные надежды... Да, это трудно.

— Но для меня легче, потому что, видите ли, я уезжаю, а потом возвращаюсь, а потом остаюсь. Поэтому мне проще сказать, что наши дела еще исправятся и мы сумеем что-то сделать. Но когда я недавно вернулась домой и обнаружила, что Антея попыталась дать заказ одной из самых дорогих ландшафтных фирм на обновление сада и восстановление оранжереи... Это совершенно абсурдно — потому что, если даже посадить лозы, они еще два-три года не будут плодоносить. Клотильда ничего не знала об этом и чрезвычайно рассердилась, когда обнаружила смету работ на столе Антеи. Ей было уже не до доброты.

— Не все дается так просто, — заметила мисс Марпл.

Эта полезная фраза была у нее в ходу.

— Кажется, завтра утром мне придется уйти достаточно рано, — проговорила она. — Я спрашивала в «Золотом вепре», и мне сказали, что

автобусная группа собирается завтра утром. Они собираются выехать пораньше. В девять часов, как я поняла.

— О боже. Надеюсь, что это не покажется вам слишком трудным делом.

— Ну, не думаю. Если не ошибаюсь, мы едем в местечко под названием... минуточку, как же оно зовется? Стирлинг-Сент-Мэри. Что-то в этом роде. Похоже, что местечко это не столь уж далеко отсюда. По дороге нас ждут интересная церковь и замок. А уже днем нас повезут в красивый сад, не слишком большой, но знаменитый своими цветами. Думаю, что после того отдыха, который вы устроили мне в своем доме, я без труда справлюсь со всеми завтрашними мероприятиями. Конечно же, пролазив два дня по скалам и так далее, я бы очень устала.

— Так и отдыхайте весь сегодняшний день, чтобы набраться сил к завтрашнему дню, — входя в дом, посоветовала своей гостье миссис Глинн, после чего пояснила ждавшей у двери Клотильде: — Мисс Марпл побывала в церкви.

— Насколько я понимаю, смотреть там особо не на что, — заметила Клотильда. — Викторианские витражи самого жуткого пошиба, на мой взгляд. Денег не пожалели. Боюсь, что отчасти вина

лежит на моем дяде. Ему очень нравились эти слишком яркие красные и синие тона.

— Я всегда говорю: очень грубые, очень вульгарные, — добавила Лавиния Глинн.

После ленча мисс Марпл устроилась вздремнуть и присоединилась к хозяйкам дома уже почти перед обедом, после которого завязался непринужденный разговор, затянувшийся до самого сна. Мисс Марпл задавала тон воспоминаниям... воспоминаниям о ее собственной юности, молодости, местах, где она побывала, своих путешествиях и экскурсионных поездках.

В постель она отправилась усталой, ощущая собственную неудачу, потому что не узнала ничего нового. Быть может, потому, что узнавать уже было нечего. Рыболовная вылазка туда, где рыба не клюет, просто потому, что в этом месте ее нет. Или же потому, что у нее нет нужной наживки?

Глава 11
НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

На следующее утро мисс Марпл подали чай в половине восьмого, чтобы дать ей время собраться и упаковать немногие пожитки. Она как раз закрывала свой небольшой чемодан, когда в дверь ее комнаты торопливо постучали и внутрь вошла явно расстроенная Клотильда.

— Простите, мисс Марпл, внизу вас дожидается молодой человек из вашей экскурсии. Эмлин Прайс. Его прислали за вами.

— Конечно, я помню его. Да. Такой совсем молодой?

— Ну да. Юноша самого современного вида при целой копне волос, но он явился сюда затем, чтобы познакомить вас с неприятным известием. К моему глубокому сожалению, в вашей группе произошел несчастный случай.

— Несчастный случай? — удивилась мисс Марпл. — Вы хотите сказать, что-то случилось с автобусом? Произошла какая-то авария на дороге? Кто-то ранен?

— Нет, нет, с автобусом ничего не случилось.

Никаких неприятностей. Несчастье произошло во время вчерашнего пешего похода. Тогда, если помните, дул сильный ветер, хотя я не думаю, чтобы дело было в нем. Наверное, кто-то немного сбился с пути. Там проложена пешеходная тропа, однако можно взобраться с низин и спуститься к ним. Обе тропы ведут к мемориальной башне на вершине Бонавентура, куда они направлялись. Группа растянулась, и я думаю, что с ними не было никакого проводника, как то положено... словом, никто не смотрел за ними. Люди не всегда твердо стоят на ногах, а склон в ущелье очень крутой. Так что произошел сильный камнепад, и один камень обрушился на одну из шедших внизу женщин.

— О боже, — проговорила мисс Марпл, — какая жалость... Какой ужас. И кто же был ранен?

— Мисс Темпл или Тендердон, насколько я знаю.

— Элизабет Темпл, — сказала мисс Марпл. — О боже, как жаль. Мы с нею много разговаривали и сидели в автобусе рядом. Насколько я понимаю, раньше она преподавала в школе, а теперь ушла на покой.

— Ну да, — согласилась Клотильда, — Я хорошо знаю ее. Она была директрисой Фаллоуфилда,

очень известной школы. Я и представления не имела о том, что она находится в вашей группе. Со своего поста мисс Темпл ушла, как мне кажется, год или два назад, и теперь там всеми делами ведает более молодая директриса, полная передовых и прогрессивных идей. Но мисс Темпл еще не слишком стара, ей должно быть около шестидесяти лет... она очень активная, любит бродить по равнинам, лазать по горам и тому подобное. И теперь такое несчастье... Надеюсь, что она не получила серьезных ранений. Я еще не слышала все подробности.

— Ну, вот все и готово, — проговорила мисс Марпл, защелкивая замки своего чемодана. — Я немедленно спущусь вниз и поговорю с мистером Прайсом.

Клотильда взяла чемодан.

— Позвольте. Мне не тяжело. Пойдемте, и будьте внимательны на лестнице.

Мисс Марпл спустилась вниз. Эмлин Прайс ожидал ее. Волосы его, казалось, пребывали в еще более бурном, чем обыкновенно, беспорядке, а сам он блистал великолепием наряда: причудливые ботинки дополнялись кожаной курткой и изумрудно-зелеными брюками.

— Такая несчастная вышла история, — прого-

ворил он, взяв за руку мисс Марпл. — Я решил, что надо сходить сюда и рассказать вам о нашем несчастье. Думаю, мисс Брэдбери-Скотт уже рассказала вам. Мисс Темпл... Вы знаете ее, школьная учительница... Я не знаю, что она делала или думала, однако на нее сверху покатились камни, а точнее, валуны. Склон там крутой, и она потеряла сознание... словом, вчера вечером ее пришлось отвезти в больницу с ушибом в довольно плохом состоянии. В любом случае на сегодня экскурсии отменены, и мы остаемся здесь до завтра.

— О боже, — проговорила мисс Марпл, — какая жалость. Какая жалость.

— Похоже, что в агентстве решили никуда не ездить сегодня, для того чтобы дождаться результатов медицинского обследования, поэтому мы предлагаем вам провести еще одну ночь в «Золотом вепре» и чуть изменить программу тура, так чтобы отказаться от завтрашней экскурсии в Грэнджмеринг, где, как они говорят, нет ничего особенно интересного. Миссис Сэндберн рано утром отправилась в госпиталь, чтобы посмотреть, как обстоят дела. Она намеревалась присоединиться к нам в «Золотом вепре» в одиннадцать утра. Я подумал, что вам, быть может, захочется лично услышать последние новости.

— Конечно, я пойду с вами, — заявила мисс Марпл. — Конечно. Безотлагательно.

Она повернулась, чтобы распрощаться с Клотильдой и присоединившейся к ней миссис Глинн, и произнесла:

— Я должна от всей души поблагодарить вас. Вы были так добры ко мне, и эти два дня мне было так хорошо в вашем доме. Я превосходно отдохнула у вас. Если бы не это несчастье...

— Если вы хотите провести у нас еще одну ночь, — проговорила миссис Глинн, — не сомневаюсь, что...

Она посмотрела на Клотильду.

Мисс Марпл, обладавшая таким великолепным боковым зрением, какого можно только пожелать, заметила на лице Клотильды несколько неодобрительное выражение. Та даже чуть качнула головой, хотя движение это было едва заметным. Однако она, подумала мисс Марпл, явно возражает против сделанного миссис Глинн предложения.

— ...хотя, конечно, я могу предположить, что вам будет приятнее с вашими спутниками...

— О да, так будет лучше, — проговорила мисс Марпл. — Я должна знать, какие будут планы, что надо делать, и, быть может, сумею оказать какую-

то помощь. Как знать... Так что еще раз благодарю вас. Надеюсь, получить номер в «Золотом вепре» не составит труда.

Она посмотрела на Эмлина, который обнадеживающим тоном сказал:

— Все будет в порядке. Сегодня освободилось несколько номеров. Гостиница не будет полна. Миссис Сэндберн, я думаю, уже оплатила всей группе сегодняшнее пребывание, а завтра посмотрим... завтра увидим, что ждет нас.

Вновь прозвучали слова прощания и благодарности. Затем Эмлин Прайс взял пожитки мисс Марпл и взял с места крупным шагом.

— Нам надо только обогнуть угол и свернуть на первую улицу слева, — проговорил он.

— Да, кажется, вчера я проходила там. Бедная мисс Темпл... Надеюсь, что она не слишком плоха.

— На мой взгляд, ее состояние достаточно тяжело, — возразил Эмлин Прайс. — Вы же знаете, как ведут себя доктора и весь больничный народ. Они твердят: «Никогда нельзя терять надежду». Здесь нет своего госпиталя, и ее пришлось отвезти в Карристон, находящийся в восьми милях отсюда. В любом случае миссис Сэндберн вернется с новостями в отель к назначенному времени.

Добравшись до отеля, они обнаружили, что вся группа уже собралась в кафе, куда подали утренний кофе со сдобными булочками и печеньем. Мистер и миссис Батлер как раз рассуждали вслух.

— О, вчерашнее происшествие слишком, слишком трагично, — заявила миссис Батлер. — И чрезвычайно огорчительно, правда? Надо же, чтобы такое случилось именно тогда, когда все мы были счастливы и радовались жизни... Бедная мисс Темпл. А я всегда думала, что она прочно стоит на ногах...

Однако, знаете ли, уверенной ни в чем быть нельзя, так ведь, Генри?

— Именно, именно так, — ответил Генри. — И я сейчас думаю — да, время не терпит, — не лучше ли было бы нам... ну... отказаться от продолжения экскурсии в этом самом месте? Не лучше ли вернуться домой? Мне кажется, что будет трудно вернуться к прежнему настрою, пока мы не будем все точно знать. Если это было... ну, если окажется, что происшествие настолько серьезно, что может оказаться летальным, тогда, хочу я сказать, придется провести расследование обстоятельств... или чего-то в этом роде.

— Ох, Генри, не надо говорить такие ужасные

вещи!

— На мой взгляд, — проговорила мисс Кук, — вы проявляете излишнюю толику пессимизма, мистер Батлер. Не сомневаюсь, что до этого не дойдет.

Мистер Каспар своим заграничным голосом произнес:

— Но да, они серьезны. Слышу вчера. Когда миссис Сэндберн говорит по телефону с доктором. Это очень, очень серьезно. Они говорят, что у нее ушиб плохой — очень плохой. Приезжает специальный доктор, чтобы посмотреть, можно делать операция или нет. Да... это все очень плохо.

— О боже, — вздохнула мисс Ламли. — Если есть такие сомнения, нам, наверное, следует отправиться по домам, Милдред. Думаю, мне придется посмотреть расписание поездов... — Она повернулась к миссис Батлер. — Понимаете ли, я договорилась с соседями, чтобы те приглядели за моими кошками, и если я задержусь на день или два, у нас с ними возникнут большие трудности.

— Вот что, не стоит слишком заводить себя, — низким и властным голосом проговорила миссис Ризли-Портер. — Джоанна, отправь эту булку в мусорную корзину, хорошо? Ее невозможно есть. Отвратительный джем. И я не хочу оставлять ее

на тарелке. Будет неприятно смотреть.

Избавившись от булочки, Джоанна проговорила:

— А ничего будет, если мы с Эмлином сходим погулять? То есть походим по городку. Чего хорошего сидеть здесь, обмениваясь мрачными репликами? Все равно мы ничего не сможем сделать.

— На мой взгляд, это очень разумная мысль, — проговорила мисс Кук.

— Да, конечно, ступайте, — проговорила мисс Барроу, прежде чем миссис Ризли-Портер успела открыть рот.

Мисс Кук и мисс Барроу переглянулись, вздохнули и покачали головами.

— Трава была очень скользкой, — проговорила последняя. — Знаешь ли, я сама пару раз поскользнулась на этой низкой траве.

— Ну, и камни падали тоже, — проговорила мисс Кук. — Когда я огибала угол тропы, сверху посыпался целый град небольших камней. И один из них довольно больно стукнул меня в плечо.

После того как с чаем, кофе, булочками и пирожками было покончено, в обществе воцарились уныние и скованность. Когда случается катастрофа, очень трудно понять, как надлежит

реагировать на нее. Каждый успел изложить свою точку зрения, выразить свое недоумение и расстройство. Теперь все ожидали новостей и в то же время испытывали некоторый интерес к местным достопримечательностям — интерес, способный занять их хотя бы на утро. Ленч был назначен на час, и все ощущали, что сидеть в этой комнате и повторять одни и те же слова будет, пожалуй, слишком уныло.

Мисс Кук и мисс Барроу поднялись единым духом и объявили, что им необходимо кое-что купить — пару-тройку каких-то мелочей; а кроме того, им надо было заглянуть на почту и купить марки.

— Мне нужно отослать несколько открыток. И еще нужно узнать о почтовом сборе на письмо в Китай, — проговорила мисс Барроу.

— А я хочу подобрать шерстяные нитки, — предложила мисс Кук. — И, кроме того, мне показалось, что я заметила интересный дом на той стороне Рыночной площади.

— На мой взгляд, пройтись никому из нас не вредно, — сказала мисс Барроу.

Полковник Уокер со своей супругой также поднялись и предложили мистеру и миссис Батлер пройтись и посмотреть, нет ли здесь чего-нибудь

достойного внимания. Миссис Батлер выразила желание побывать в антикварном магазине.

— Только на самом деле мне нужен не антиквариат. Скорее подойдет лавка старьевщика. Иногда в них можно обнаружить воистину интересные вещи.

И вся группа дружно отправилась наружу. Эмлин Прайс уже подобрался бочком к двери и исчез за ней, чтобы присоединиться к Джоанне, даже не попытавшись объяснить свой поступок.

Миссис Ризли-Портер, предприняв несколько запоздалую попытку вернуть племянницу, сказала, что гораздо приятнее будет посидеть в лоджии. Мисс Ламли с нею согласилась, и мистер Каспар торжественно проводил обеих леди с миной иностранного сановника.

В кафе остались только профессор Уэнстед и мисс Марпл.

— Я со своей стороны считаю, — обратился к ней профессор, — что нам будет приятнее посидеть возле отеля. Здесь есть небольшая, выходящая на улицу терраска. Не возражаете?

Мисс Марпл поблагодарила его и поднялась на ноги. До сих пор она перебросилась с профессором Уэнстедом едва ли не парой слов. Он прихватил с собой в дорогу несколько высокоученых с виду

книг и почти всегда был занят чтением одной из них, даже в автобусе.

— Но, может быть, и вы хотите отправиться по магазинам? — предположил он. — Лично я предпочел бы в тишине и покое дожидаться возвращения миссис Сэндберн. На мой взгляд, важно в точности знать, что нас ожидает.

— В этом отношении я полностью согласна с вами, — сказала мисс Марпл. — Вчера я уже успела погулять по городку и не чувствую нужды снова повторять этот поход. Я предпочту остаться здесь, на тот случай, если вдруг сумею помочь. Не то чтобы я рассчитывала на это, однако как знать...

Выйдя наружу из двери отеля, они свернули за угол, где располагался небольшой квадратный садик со сложенной из камня приподнятой дорожкой возле стены гостиницы, вдоль которой были расставлены несколько различного вида плетеных кресел. В садике никого не оказалось, и потому они сели. Мисс Марпл задумчиво посмотрела на своего визави, на его изрытое морщинами лицо, кустистые брови, роскошную седую шевелюру. Профессор ходил чуть сутулясь. Интересное лицо, решила мисс Марпл. Сухой и едкий голос; явный профессионал в своей области, подумала она.

— Если не ошибаюсь, — проговорил профессор Уэнстед, — я имею дело с мисс Джейн Марпл?

— Да, я Джейн Марпл.

Она несколько удивилась, хотя и без особой на то причины. Группа еще недостаточно времени провела вместе, чтобы перезнакомиться. Тем более что она две последних ночи провела отдельно от группы. Это было вполне естественно.

— Я решил так, — продолжил профессор Уэнстед, — по тому описанию вашей внешности, которое мне дали.

— Описанию моей внешности? — снова слегка удивилась мисс Марпл.

— Да, я получил таковое описание. — Он на мгновение смолк и продолжил, не то чтобы понизив голос, но убрав из него громкость, так что она без труда разобрала эти слова. — От мистера Рэфьела.

— Вот как, — на сей раз мисс Марпл действительно удивилась. — От мистера Рэфьела?

— Вы этого не ожидали?

— Пожалуй, нет.

— Не думал, что вас это так удивит.

— Получилось так неожиданно... — начала было мисс Марпл и умолкла.

Профессор Уэнстед молчал. Он просто сидел,

внимательно разглядывая свою собеседницу. «Через какую-то минуту, — подумала про себя мисс Марпл, — он скажет мне: “Итак, на что жалуетесь, дорогая леди? Трудно глотать? Плохо спите? А пищеварение в порядке?”».

Теперь она почти не сомневалась в том, что имеет дело с врачом.

— И когда же он описывал вам мою внешность? Это должно было...

— Вы хотите сказать, что это было довольно давно — несколько недель назад. Перед самой его смертью, если быть точным. Он сказал мне, что вы примете участие в этой поездке.

— И он уже знал, что и вы собираетесь предпринять подобный вояж?

— Можно сказать и так, — ответил профессор Уэнстед. — Он сказал, что вы окажетесь в этой группе. Что он устроил вам эту поездку.

— Это было очень любезно с его стороны, — проговорила мисс Марпл. — Я очень благодарна ему. И очень удивилась, обнаружив, что он заказал для меня место. Такая трата... Сама я не могла бы позволить ее себе.

— Да, — проговорил профессор Уэнстед. — Вы точно сформулировали эту мысль.

Он склонил голову, словно бы в знак одобрения

удачной реплики ученика.

— Печально, что наша поездка прервалась подобным образом, — продолжила мисс Марпл. — Очень, очень печально. Когда все мы были так довольны ею...

— Да, — проговорил профессор Уэнстед. — Да, это очень и очень печально. И неожиданно, как по-вашему? Или такого развития событий все же следовало ожидать?

— Что вы хотите сказать этим, профессор?

В ответ на ее вызывающий взгляд губы его сложились в легкую улыбку.

— Мистер Рэфьел довольно много рассказал мне о вас, мисс Марпл. Он предложил, чтобы я составил вам компанию в этом туре. Мне следовало должным образом познакомиться с вами, поскольку участники экскурсионных групп неизбежно знакомятся друг с другом, хотя за день-другой вся компания обыкновенно разделяется на подгруппы согласно общим вкусам или интересам. И еще он предложил, чтобы я, так сказать, присматривал за вами.

— Присматривали за мной? — В голосе мисс Марпл проступило явное неудовольствие. — По какой же это причине?

— На мой взгляд, ради вашей безопасности. Он

хотел удостовериться в том, что с вами ничего не случится.

— Случится? Со мной? И что же может случиться со мной, хотелось бы знать?

— Возможно то, что приключилось с мисс Элизабет Темпл, — ответил профессор Уэнстед.

Из-за угла, от отеля, появилась Джоанна Кроуфорд. В руках ее была корзина для покупок. Миновав их, она чуть кивнула, с некоторым любопытством посмотрела на обоих и пошла по улице дальше. Пока девушка не скрылась из вида, профессор Уэнстед молчал.

— Приятная особа, — проговорил он, — во всяком случае, так мне кажется. В настоящее время довольна должностью вьючного животного при собственной властной тетке, однако я ничуть не сомневаюсь в том, что достаточно скоро она войдет в возраст, активно требующий самостоятельности.

— Но что вы хотели сказать своими предшествующими словами? — спросила мисс Марпл, в данный момент не заинтересованная возможным внутрисемейным бунтом Джоанны.

— А этот вопрос нам с вами — быть может, благодаря случившемуся происшествию — придется обсудить.

— Вы хотите сказать — вследствие несчастного случая?

— Да. Если это действительно был несчастный случай.

— Вы и в самом деле сомневаетесь в этом?

— Ну... я допускаю такую возможность. Не более того.

— Но я ничего не знаю об этом происшествии, — нерешительно сказала мисс Марпл.

— Конечно. Вас там не было. Вас — если можно так выразиться — возможно, отправили дежурить в другое место?

Мисс Марпл помолчала какое-то время, а потом пару раз посмотрела на профессора Уэнстеда и сказала:

— Не могу сказать, что в точности поняла вашу мысль.

— Вы осторожны. И это правильно.

— Такова моя привычка, — отметила мисс Марпл.

— Быть осторожной?

— Я не стала бы формулировать именно так, однако всегда старалась быть готовой поверить или не поверить тому, что мне говорят.

— Да, и в этом вы совершенно правы. Вам обо мне ничего не известно. Вы знаете мое имя по

списку туристов, отправившихся в весьма приятную поездку по замкам, знаменитым домам и великолепным садам. Возможно, что в первую очередь вас интересуют как раз сады.

— Возможно.

— В нашей группе присутствуют и другие люди, интересующиеся садами.

— Или изображающие интерес к ним.

— Ага, — промолвил профессор Уэнстед. — Значит, вы это заметили... Итак, — продолжил он, — моя роль, во всяком случае с начала, заключалась в наблюдении за вами, слежении за вашими поступками; я должен был оказаться рядом с вами в случае. .. скажем так: любых грязных дел. Но теперь все несколько переменилось. Теперь судите сами, кто я для вас: враг или друг.

— Наверное, вы правы, — проговорила мисс Марпл. — Вы все сформулировали очень четко, однако не предоставили мне никакой информации о себе, на основании которой я могла бы принять такое решение. Итак, должно быть, вы были другом покойного мистера Рэфьела?

— Нет, — возразил профессор Уэнстед. — Я не был другом мистера Рэфьела. Я и встречал-то его раз или два — однажды на заседании комитета в госпитале, другой раз на каком-то другом обще-

ственном событии. Я знал о нем. Он, насколько понимаю, также знал обо мне. Если я скажу вам, мисс Марпл, что занимаю видное положение в собственном деле, вы можете счесть меня человеком тщеславным.

— Я бы так не сказала, — отозвалась мисс Марпл. — На мой взгляд, если вы скажете что-либо о себе, то скажете чистую правду. Наверное, вы медик.

— Вы проницательны, мисс Марпл. Да, вы действительно проницательны. Я являюсь доктором медицины, однако в этих рамках у меня есть собственная специальность. Я — патолог и психолог. Документов я с собой не ношу. Вам придется в определенных пределах поверить мне, хотя я могу показать вам адресованные мне письма и даже некоторые официальные документы, способные убедить вас. Я занимаюсь специальными работами в области медицинской юриспруденции. Говоря понятным современным языком, меня интересуют различные типы мозга и мозговой деятельности преступников. Я занимался этим много лет. У меня есть труды на эту тему, и если некоторые из них вызвали бурные споры, то другие снискали многих сторонников. Теперь я работаю не столь усердно. Я провожу время за писанием статей на любимую тему, подчерки-

вая некие привлекшие мое внимание аспекты. Время от времени я натыкаюсь на интересные для меня факты. Такие вещи я исследую более внимательно. Но все это, боюсь, не слишком интересно для вас.

— Вовсе нет, — возразила мисс Марпл. — Однако ваши слова как будто бы позволяют мне надеяться на то, что вы сумеете рассказать мне кое-что такое, что не счел нужным объяснить мне мистер Рэфьел. Он попросил меня заняться неким делом, но не предоставил никакой нужной для работы информации. Он вынудил меня согласиться и приступить к делу, находясь в полной тьме и неведении. Я считаю, что с его стороны было крайне неразумно ставить вопрос таким образом.

— Но вы согласились?

— Согласилась. Буду откровенна с вами: под влиянием финансовых аргументов.

— Они были важны для вас?

Недолго помолчав, мисс Марпл неторопливо произнесла:

— Вы можете не верить мне, однако отвечу так: не очень.

— Я не удивлен. Но в вас пробудился интерес. Именно это вы и хотите сказать мне.

— Да. Я заинтересовалась. Я не слишком хорошо знала мистера Рэфьела — мы были знакомы недолгое время, всего несколько недель, проведенных в Вест-Индии. Но я вижу, что история нашего знакомства в какой-то мере известна вам.

— Я знаю, что мистер Рэфьел познакомился с вами именно там и что вы с ним сотрудничали.

Мисс Марпл с сомнением посмотрела на собеседника.

— Ох, — проговорила она, покачав головой, — так он и сказал?

— Именно так, — подтвердил профессор Уэнстед. — Он сказал, что вы наделены уникальным чутьем в криминальных вопросах.

Мисс Марпл, подняв брови, посмотрела на профессора.

— Полагаю, что это кажется вам маловероятным и удивительным, — сказала она.

— Я редко позволяю себе удивляться происходящему, — проговорил профессор Уэнстед. — А мистер Рэфьел был весьма проницательным и мудрым человеком, он отлично разбирался в людях. И считал, что и вы тоже разбираетесь в них.

— Я бы не стала говорить, что так уж хорошо понимаю людей, — ответила мисс Марпл. —

Скажу только, что некоторые люди, случается, напоминают мне моих знакомых, и это позволяет мне предположить известное сходство в их поступках. И если вы думаете, что мне известно все, что я предположительно должна делать здесь, то глубоко ошибаетесь.

— Скорее по случаю, чем по умыслу, — сказал профессор Уэнстед, — мы оказались в чрезвычайно удобном положении для обсуждения ряда вопросов. За нами никто не следит, нас трудно подслушать, возле нас нет ни двери, ни окна, а над головой нет ни окна, ни балкона. Итак, мы можем откровенно поговорить.

— Мне очень хотелось бы этого, — проговорила мисс Марпл. — Я подчеркиваю тот факт, что нахожусь в полном неведении относительно того, что делаю здесь и должна делать. И я не знаю, почему мистер Рэфьел захотел устроить все таким образом.

— Пожалуй, рискну предположить. Он хотел, чтобы вы подошли к некоему комплексу фактов и событий без предубеждения, рожденного словами первого поговорившего с вами.

— Иначе говоря, и вы тоже не хотите что-либо рассказывать мне? — В голосе мисс Марпл слышалось раздражение. — Ну, знаете ли... Всему

есть пределы!

— Да, — проговорил профессор Уэнстед с неожиданной улыбкой. — Согласен с вами. Мы должны отбросить часть этих пределов. Я намереваюсь сообщить вам некие факты, которые прольют свет на определенные вещи. Вы, в свой черед, также можете сообщить мне кое-какие факты.

— Сомневаюсь в этом, — возразила мисс Марпл. — Пара намеков — вот и все, чем я располагаю; однако намеки — еще не факты.

— И потому... — проговорил профессор Уэнстед и умолк.

— Ради бога, говорите же, — сказала мисс Марпл.

Глава 12
КОНСУЛЬТАЦИЯ

— Я не намереваюсь утомлять вас долгим рассказом. Объясню сперва, как я познакомился с этим делом. Время от времени я исполняю обязанности конфиденциального советника Министерства внутренних дел. Кроме того, я связан с определенными инстанциями. Существуют определенные заведения, которые в случае совершения преступлений предлагают стол и кров ряду разновидностей преступников, которых суд нашел виновными тем или иным образом. Они остаются там по воле Ее Величества, иногда определенное время, связанное при этом с их возрастом. Если они моложе некоторого возраста, то их принимают в специально определенных местах содержания под замком. Вы, конечно, меня понимаете.

— Да, я вполне понимаю, что именно вы хотите сказать.

— Обыкновенно ко мне обращаются вскоре после того, как было совершено... скажем так, преступление, чтобы обсудить такие вопросы,

как возможное лечение, составление прогноза, благоприятного или же нет... так, одни слова. Большого значения они не имеют, и я не вдаюсь в них. Однако ко мне иногда обращается ответственный начальник подобного учреждения по конкретной причине. В данном случае я получил сообщение из некоего департамента, переданное мне через Министерство внутренних дел. Я отправился к главе этого заведения, по сути дела, коменданту, ответственному за содержание заключенных или пациентов, в зависимости от того, как вам хочется называть их. По случаю он оказался моим другом. Другом весьма давним, однако не из самых ближних, с которыми я могу быть откровенным. Словом, я прибыл в это заведение, и комендант описал мне свои проблемы. Они были связаны с одним из его подопечных. Комендант не был доволен им. Он сомневался. Речь шла о молодом человеке, который попал в это заведение, по сути дела, мальчишкой. Это было несколько лет назад. Время шло, и когда в заведении водворился нынешний комендант (его там не было в момент прибытия этого заключенного), он начал беспокоиться. Не потому, что он сам был врачом, но потому, что имел большой опыт общения с заключенными, преступниками

и больными. Попросту говоря, парень, о котором идет речь, с самых младых дней вел себя совершенно неудовлетворительным образом. Называйте его поведение любыми словами. Малолетний преступник, юный головорез, непутевый мошенник, безответственная личность... Терминов много. Некоторые точны, некоторые нет, некоторые просто забавны. Личность криминального типа. В этом сомнения не было. Он вступал в банды, избивал людей, воровал и грабил, проматывал деньги, соучаствовал в аферах, мошенничал. По сути дела, такой сын был способен повергнуть в отчаяние любого отца.

— Да, понятно, — проговорила мисс Марпл.

— И что же вам понятно, мисс Марпл?

— Ну, я думаю, что вы говорите о сыне мистера Рэфьела.

— Вы совершенно правы. Я имею в виду сына мистера Рэфьела. Что вам известно о нем?

— Собственно, ничего, — ответила мисс Марпл. — Просто я услышала, и притом только вчера, что у мистера Рэфьела был неудовлетворительный сын, если говорить мягко, а по сути дела преступник. Сын с криминальным прошлым. Я знаю о нем очень немногое. Он был единственным сыном мистера Рэфьела?

— Да, других сыновей у него не было. Однако у мистера Рэфьела были еще две дочери. Одна из них умерла четырнадцати лет от роду, старшая благополучно вышла замуж, однако детей у нее не было.

— Как печально для него...

— Возможно, — сказал профессор Уэнстед. — Но как знать... Жена его умерла молодой, и, возможно, ее смерть стала для него источником постоянной печали, хотя он и старался не проявлять ее. Насколько мистер Рэфьел заботился о своем сыне и дочерях, просто не представляю. Он обеспечивал их Он предоставлял им все самое лучшее, однако о чувствах его судить трудно. Он был закрытым для мира человеком. Я думаю, что все интересы его жизни заключались в его профессии... он делал деньги. И его, как и всех великих финансистов, интересовал только этот процесс, а не сами деньги, которые он получал таким образом. Можно сказать, как евангельский верный раб, который зарабатывал деньги интересными и разнообразными способами. Он наслаждался финансами. Он любил финансы. И не думал ни о чем другом. Думаю, что для своего сына мистер Рэфьел делал буквально все возможное. Он вызволял его из неприятностей в

школе, он нанимал хороших адвокатов, чтобы там, где было возможно, избавить его от суда, однако пришел и последний удар, которому, возможно, предшествовали некоторые события. Парня отдали под суд за покушение на молодую девушку. Приговор был вынесен за покушение на изнасилование, и он получил срок, несколько смягченный благодаря молодости. Однако потом против него было выдвинуто второе и куда более серьезное обвинение.

— Он убил девушку, — проговорила мисс Марпл. — Правильно? Так мне говорили.

— Он выманил девушку из дома. Тело нашли отнюдь не сразу. Ее задушили, после чего лицо и голову размозжили тяжелыми камнями — должно быть, чтобы воспрепятствовать опознанию.

— Некрасивое дело, — объявила мисс Марпл самым подобающим старой леди тоном.

Профессор Уэнстед пристально посмотрел на нее.

— Таково ваше определение?

— Так я сейчас воспринимаю данное преступление, — проговорила мисс Марпл. — Мне не нравятся поступки такого рода. И никогда не нравились. Если вы думаете, что я должна ощущать симпатию, сожаление, винить несчастливое дет-

ство и дурное окружение... если вы ожидаете, что я буду проливать слезы над этим юным убийцей, — я такого желания не испытываю. Мне не нравятся злые люди, совершающие злые поступки.

— Восхищен вашими словами, — произнес профессор Уэнстед. — Если бы вы только знали, что только приходится претерпевать мне как профессионалу, внимая слезам и зубовному скрежету таких людей, возлагающих вину за свою судьбу на некое событие в прошлом, то едва ли поверили бы мне. Если бы люди представляли себе те скверные условия, в которых приходится обитать их собратьям, все отсутствие доброты, все трудности их жизни и то, что они, тем не менее, переживают их без ущерба, не думаю, чтобы они так часто занимали противоположную точку зрения. Неудачников можно жалеть — их даже нужно жалеть, если можно так выразиться. Ибо виноваты гены. С которыми они родились и над которыми не имеют власти. Аналогичным образом я жалею и эпилептиков. Если вам известно, что такое гены...

— В той или иной степени, — проговорила мисс Марпл. — В наши дни о генетике слышали все, хотя, конечно, я не вникаю в технические или химические подробности.

— Комендант, человек опытный, сообщил мне, по какой причине его так волнуют мои выводы. Общение с этим заключенным во все большей и большей степени вселяло в него уверенность в том, что молодой человек этот, попросту говоря, не является убийцей. Он не обнаруживал сходства с убийцами, он не был похож на всех знакомых ему убийц; комендант придерживался мнения, что молодой человек этот принадлежит к криминальному типу, который никогда не исправится, в какие условия его ни ставь; что он просто не способен изменить себя; словом, помочь ему чем-либо было невозможно, однако комендант, тем не менее, испытывал полную уверенность в том, что ему был вынесен неправильный приговор. Он не верил, что этот парень убил девушку, сперва задушив, а потом изуродовав, после чего сбросил тело в канаву. Он просто не мог заставить себя поверить в это. Он просмотрел дело; фактическая сторона, казалось бы, была полностью доказанной. Юноша знал девушку, их видели вместе в ряде случаев перед преступлением. Должно быть, они спали вместе... были и другие факты. Его автомобиль видели в округе. Узнали его самого и так далее. Совершенно ясный случай. Но мой друг, по его словам, не

был удовлетворен. Им владело острое ощущение несправедливости. Ему нужно было чужое мнение. Он хотел услышать не точку зрения полиции, которая была ему известна, его интересовало мнение профессионального медика. То есть войти в область моих интересов. Так сказать, в мою епархию. Он хотел, чтобы я посетил этого молодого человека. Посмотрел его. Поговорил с ним, дал свое профессиональное заключение. После чего сообщил бы ему свое мнение.

— Очень интересно, — проговорила мисс Марпл. — Да, в самом деле интересно. Во всяком случае, ваш друг — этот комендант — был человеком опытным и приверженцем правосудия. Человеком, к мнению которого вы прислушивались. Нетрудно предположить, что вы исполнили его желание.

— Да, — согласился профессор Уэнстед, — я был воистину заинтересован. Я встретился с этим субъектом, как буду называть его далее, и подошел к нему с нескольких различных позиций. Поговорил с ним, обсудил возможные изменения в отношении к нему со стороны закона. Я сказал ему, что можно привлечь адвоката, советника королевы, который определит, какие факты можно истолковать в его пользу. Я говорил с ним как

с другом и как с врагом, так чтобы можно было видеть его реакцию на различные подходы, а кроме того, сделал много физических анализов, которые мы часто применяем в нашей практике. Но не стану входить в технические подробности, они для вас не имеют значения.

— И что же вы в конце концов решили?

— Я пришел к выводу, — сказал профессор Уэнстед, — что друг мой, скорее всего, прав. Я не думаю, чтобы Майкл Рэ-фьел был убийцей.

— А как насчет упомянутой вами прежде судимости?

— Она, безусловно, сыграла против него. Конечно, не в мнении присяжных, потому что они услышали о ней только в судебном заключении, но прежде всего в мнении судьи. Она свидетельствовала против него, но я сам впоследствии сделал кое-какие справки. Он напал на девушку и, вероятно, изнасиловал ее, но не пытался задушить; кроме того, с моей точки зрения — а я видел множество дел, представляемых на выездных сессиях перед судом присяжных, — строго говоря, о насилии как таковом едва ли можно было говорить. Дело в том, что нынешние девицы куда более охотно, чем прежде, готовы подчиниться насилию. Их мамаши, напротив, очень часто

настаивают на том, чтобы подобный эпизод квалифицировался как насилие. Девица, о которой идет речь, поддерживала отношения, заходившие несколько дальше дружбы, одновременно с несколькими парнями. Не думаю, чтобы этот факт рассматривался как существенное свидетельство против младшего Рэ-фьела. Обвинение в убийстве действительно было основано на факте убийства, однако все анализы и проверки — физические, ментальные, психологические — явным образом не соответствовали приговору суда по данному делу.

— И как же вы поступили?

— Я связался с мистером Рэфьелом и сказал ему, что хочу встретиться с ним по некоему вопросу, касавшемуся его сына. Посетив его, я изложил точку зрения свою и коменданта, добавив, что у нас в данный момент нет никаких доказательств, никаких оснований для апелляции, однако мы оба считаем, что судом был вынесен несправедливый приговор. Я сказал, что можно провести повторное расследование и что оно, возможно, выявит факты, которые можно будет предъявить Министерству внутренних дел... Оно могло оказаться успешным.

А могло и ничем не помочь. Если хорошо

поискать, могло обнаружиться некое важное, полезное свидетельство. Я сказал также, что расследование окажется дорогостоящим, однако для человека в его положении такие деньги ничего не значат. К этому времени я уже понял, что имею дело с больным, очень больным человеком. Мистер Рэфьел сам сказал мне об этом. Он сказал, что ожидает скорую смерть, что уже два года назад врачи говорили ему, что больше года он не протянет, однако потом они изменили свое мнение, приняв во внимание его недюжинную физическую силу. Я спросил его и о том, как он относится к своему сыну.

— И что же он сказал вам? — спросила мисс Марпл.

— Ага, и вы хотите это знать? Как и я сам... Он был, скажу честно, крайне откровенен со мной, даже...

— ...даже беспощаден к себе? — подсказала мисс Марпл.

— Да, именно. Вы нашли нужное слово. Мистер Рэфьел был человеком безжалостным и беспощадным, однако же справедливым и честным. Он сказал: «Каков мой сын, я знаю уже много лет. Я не пытался исправить его, потому что, по-моему, он неисправим. Он пошел своим путем... кривым,

скверным. Он всегда во что-то замешан. Он не имеет чести. Никто и ничто не могло исправить его. Я не испытываю в этом сомнения. В известном смысле я умыл свои руки в его отношении. Не в плане закона или внешних обстоятельств: он всегда имел нужные ему деньги. Я помогал законными и незаконными средствами, если он вляпывался в какую-нибудь неприятность. Я всегда делал все, что зависело от меня. Скажем так: если бы мой сын был тупым, болезненным, наконец эпилептиком, я все равно делал бы для него всевозможное. И раз мой сын болен морально, раз для него нет никакого исцеления, я поступал точно так же и делал все возможное. Не более и не менее. И что я могу сделать для него теперь?» Я ответил, что это зависит от того, что он *захочет* предпринять. «В этом нет никакой сложности, — проговорил он. — Будучи инвалидом,

я тем не менее вполне отчетливо представляю, чего именно хочу. Я хочу, чтобы его оправдали. Я хочу, чтобы его выпустили из заключения. Я хочу, чтобы он мог на свободе продолжать собственную жизнь так, как это ему угодно. Если он не может избежать дальнейшего бесчестья, пусть живет так, как может. Я оставлю ему соответствующее обеспечение, сделаю все, что следует сделать.

Я не хочу, чтобы он страдал в тюрьме, будучи отрезанным от жизни благодаря совершенно естественной и несчастной ошибке. Если эту девушку убил кто-то другой, я хочу, чтобы этот факт был извлечен на свет и стал общеизвестным. Я хочу справедливости для Майкла. Но я — человек физически неполноценный. Очень больной человек. Срок моей жизни теперь измеряется не месяцами или годами, а всего лишь неделями».

Я предложил ему обратиться к адвокатам и сказал, что знаю одну такую фирму. Мистер Рэфьел осадил меня. «Ваши адвокаты окажутся бесполезными. Вы можете нанять их, однако от них не будет никакого толка. Я должен устроить все так, как могу устроить за столь короткое время». Он предложил мне большие деньги за поиски истины и предложил не считаться с расходами. «Сам я ничего не могу сделать. Смерть может прийти ко мне в любой момент. Я назначаю вас своим главным помощником и в помощь вам постараюсь найти некую особу». Он написал мне ваше имя — мисс Джейн Марпл — и сказал: «Я не хочу давать вам ее адрес. Я хочу, чтобы вы встретились с ней при избранных мною обстоятельствах». После чего рассказал мне об этом туре, об этой очаровательной, безвредной и невинной поездке

по историческим домам, замкам и садам. Он сказал, что закажет мне место на этот тур на некую дату. «Мисс Джейн Марпл, — сказал он, — также будет в одной с вами группе. Вы встретитесь там, познакомитесь в непринужденной обстановке, и знакомство ваше должно выглядеть случайным».

Я должен был самостоятельно выбрать нужный момент для знакомства с вами — в том случае, если решу, что так будет лучше. Вы уже спрашивали меня о том, были ли у меня или моего друга коменданта какие-то основания подозревать в убийстве другого человека. Мой друг комендант, безусловно, не выдвигал на сей счет никаких предположений и обратился к услугам проводившего расследование полицейского офицера... достойного абсолютного доверия детектива, суперинтенданта, имеющего большой опыт в подобных делах.

— Так, значит, другого подозреваемого не оказалось? Другого приятеля девушки? Прежнего ухажера, ощутившего себя обойденным?

— Подобной информации не оказалось. Я попросил его немного рассказать о вас. Он не обнаружил особого стремления говорить. Сказал, что вы — человек немолодой. Сказал, что вы

разбираетесь в людях. И еще одну вещь.

— Какую же? — спросила мисс Марпл. — Знаете ли, мне, конечно же, хотелось бы это услышать. Из естественного любопытства. Я просто не вижу за собой никаких других достоинств в этой области. Я малость глуховата, да и глаза видят не так хорошо, как прежде. Помимо того, я глуповата и простовата. И потому не вижу в себе никаких качеств, которые могли бы помочь вашему делу... по сути дела, я всего лишь старая перечница, как таких называли раньше. Старая перечница, и только... Так что же он сказал?

— Вы ошибаетесь, — проговорил профессор Уэнстед. — Он сказал, что вы обладаете очень тонким ощущением зла.

— Вот как? — произнесла явно ошарашенная мисс Марпл.

Профессор Уэнстед не отводил от нее глаз.

— Или вы считаете, что мистер Рэфьел ошибся?

Мисс Марпл ненадолго погрузилась в раздумья. Наконец она произнесла:

— Возможно, он прав. Да. Вполне возможно. Несколько раз в жизни мне случалось ощущать присутствие зла неподалеку, ощущать, что рядом со мной находится кто-то злой, ощущать связь

его с происходящим.

Посмотрев на профессора, она вдруг улыбнулась.

— Знаете ли, это чувство похоже на то, как если ты родилась с обостренным обонянием. Ты можешь ощутить утечку газа, когда, кроме тебя, этого не замечает никто. Ты без труда отличаешь запах одних духов от других. У меня была тетя, — задумчивым тоном продолжила мисс Марпл, — которая говорила, что чувствует запах *лжи*, то есть когда ей говорят неправду. Она говорила, что в таком случае ощущает вполне определенный запах. По ее словам, сперва носы *лжецов* дергались, а потом она чувствовала этот запах. Не знаю, так это или нет, но в нескольких случаях тетя проявила удивительную точность. Однажды она сказала моему дяде: «Джек, не связывайся с тем молодым человеком, с которым ты разговаривал сегодня утром. Все это время, что вы с ним говорили, он рассказывал тебе всякие сказки». И оказалось, что она не ошиблась.

— Чувство зла... — проговорил профессор Уэнстед. — Что ж, если вы ощущаете сейчас зло, скажите мне. Буду рад. Не думаю, чтобы я сам в какой-то мере обладал подобным чувством. Болезнь ощущаю, это понятно, но не... не сокрытое

здесь зло. — Он постучал по лбу.

— Лучше я вам расскажу, каким образом попала сюда, — предложила мисс Марпл. — Мистер Рэфьел, как вам известно, умер. Его адвокаты пригласили меня в свою контору и сообщили о его предложении. Они передали мне его письмо, которое ничего не объясняло. И после этого какое-то время не было никаких новостей. А потом я получила письмо от компании, организующей эти экскурсии, в котором было сказано, что мистер Рэфьел перед смертью заказал мне место, зная, что я получу большое удовольствие от этой поездки, и желая сделать мне приятный сюрприз. Я была очень удивлена, однако восприняла предложение как указание на первый шаг, который мне предстояло сделать. Я решила принять участие в поездке, надеясь, что в ходе ее получу какой-нибудь намек, ключ к разгадке или указание на нее. Так и случилось. Вчера... нет, позавчера, по прибытии сюда я получила от трех дам любезное приглашение погостить в их особняке. Согласно их словам, мистер Рэфьел незадолго до смерти написал им, что с этим туром будет путешествовать его старая приятельница, и попросил приютить ее на день или два, поскольку, по его мнению, ей будет сложно преодолеть

довольно крутой подъем на мыс, на котором располагается мемориальная башня, являвшаяся главным предметом вчерашней экскурсии.

— И вы восприняли это как указание на то, что вам надлежит делать?

— Ну, конечно, — ответила мисс Марпл. — Другой причины просто быть не могло. Мистер Рэфьел был не из тех людей, которые оказывают благодеяния ни за что... из сочувствия к старой леди, уже не годящейся к походам по крутым тропам. Нет. Он хотел, чтобы я посетила этот дом.

— Значит, вы гостили у них? И что же?

— Ничего, — ответила мисс Марпл. — Кроме трех сестер.

— Трех жутких сестер?

— Они могли бы оказаться такими, — возразила она, — но это не так. Словом, я не усмотрела в них ничего страшного. Пока, во всяком случае. Но могли быть жуткими — когда-то, хочу сказать. А сейчас вполне нормальные. Они не из этого дома. Дом принадлежал их дяде, и они поселились в нем несколько лет назад. Они пребывают в стесненных обстоятельствах, они дружелюбны и не слишком интересны. Все три отличаются друг от друга. Непохоже, чтобы они были хорошо знакомы с мистером Рэфьелом. Из всех разговоров с

ними я не смогла ничего извлечь.

— То есть во время пребывания в гостях вы ничего не узнали?

— Я узнала фактическую сторону дела, о котором вы только что мне рассказали. Не от них. От пожилой служанки, начавшей свои воспоминания со времен дядюшки. Мистера Рэфьела она знала только по имени. Однако была достаточно красноречива на тему убийства... Все началось с приезда сюда пропащего сына мистера Рэфьела, потом девушка влюбилась в него, а он ее задушил. Как все это печально, трагично и ужасно...

В самом наилучшем виде, — воспользовалась мисс Марпл словечком времен своей молодости. — Не без преувеличений, но история вышла скверная, и она как будто бы верит в то, что, по словам полиции, убийство это не было единственным...

— А оно не было связано с тремя странными сестрами?

— Нет, за исключением того, что они опекали погибшую девочку и нежно любили ее. Не более.

— А не могли они знать нечто о другом возможном убийце?

— Да... именно это нам и нужно, так? Другой человек — грубый, жестокий, способный после

убийства хладнокровно разбить голову своей жертвы. Из тех мужчин, которые способны обезуметь от ревности. Есть такие.

— А больше в «Старом особняке» ничего интересного не произошло?

— В общем, нет. Одна из сестер, самая младшая, на мой взгляд, все время разговаривала о саде, представляя себя опытной садовницей, хотя не знает даже названий половины растений. Я заготовила для нее пару ловушек: назвав особо редкие кустарники, спросила, знает ли она их, она ответила, какие это чудесные растения. Я сказала, что они не слишком выносливы, и она согласилась. Однако она ничего не знает о растениях. Это напоминает мне...

— О чем же?

— Ну, вы, конечно, скажете, что и я не разбираюсь в садах и растениях. Однако я все-таки кое-что о них знаю, разбираюсь в птицах и в садах.

— Ну, мне кажется, что в данный момент вас интересуют не птицы, а сады.

— Да. А вы обратили внимание на двух женщин средних лет из нашей группы? На мисс Барроу и мисс Кук.

— Да. Я заметил их. Пара старых дев средних лет, путешествующих вместе.

— Правильно. Но я заметила кое-что странное в мисс Кук. Так ее зовут, правда? Я хочу сказать, в этой поездке.

— Разве у нее есть другое имя?

— Думаю, что так. Она побывала у меня — то есть не совсем побывала, но точно находилась возле изгороди моего сада в Сент-Мэри-Мид, деревне, где я живу. Она похвалила мой сад и поговорила со мной о садоводстве. Сказала мне, что живет в нашей деревне и работает в саду у каких-то недавних поселенцев, только что въехавших в новый дом. И я считаю, что она соврала мне, — сказала мисс Марпл. — Да, считаю, что она соврала мне целиком и полностью. И опять-таки она ничего не знает о садоводстве. Она пыталась представить себя опытной садовницей, но это не так.

— Почему же она явилась сюда?

— В то время у меня не было даже мысли. Она назвалась фамилией Бартлетт и назвала фамилию своей хозяйки, у которой якобы жила, сейчас не припомню какую, но начинавшуюся на «Г». Тогда волосы ее были уложены совершенно иначе, даже цвет их был другой, и одета она была в совершенно другом стиле. Сперва я даже не узнала ее, только все удивлялась тому, что лицо

ее кажется мне смутно знакомым. И тут до меня дошло: я не узнаю ее из-за крашеных волос. Я сказала, где именно видела ее. Она признала, что действительно была в нашей деревне, но прикинулась, что тоже не узнала меня. Чистейшая ложь.

— И каково ваше мнение об этом?

— Ну, уверенной можно быть только в том, что мисс Кук — будем называть ее нынешним именем — приехала в Сент-Мэри-Мид только для того, чтобы посмотреть на меня и быть уверенной в том, что она обязательно узнает меня во время следующей встречи...

— И зачем ей это понадобилось?

— Не знаю. Возможностей всего две. И я не уверена в том, что одна из них радует меня.

— Мне также не кажется, что она мне по вкусу, — заявил профессор Уэнстед. После недолгого — одна-две минуты — молчания он проговорил: — Мне не нравится то, что случилось с Элизабет Темпл. Вы говорили с нею во время этой поездки?

— Да, говорила. Когда ей станет лучше, я хотела бы поговорить с ней еще раз... она могла бы рассказать мне... нам об убитой девушке. Она говорила мне, что эта девочка, которая училась

в ее школе, собиралась выйти замуж за сына мистера Рэфьела, однако судьба распорядилась иначе. Она умерла. Я спросила о том, как и по какой причине это произошло, и она ответила одним словом — от «любви». Я решила, что это намек на самоубийство, но оказалось, что речь шла об убийстве. Убийство от ревности вполне подходит. Другой мужчина. Другой мужчина, которого мы должны найти. Возможно, мисс Темпл сумеет указать нам на него.

— И никаких других зловещих возможностей?

— На мой взгляд, нам нужна какая-то случайная информация. Я не вижу никаких оснований подозревать в мрачных умыслах всех членов нашей группы или жительниц «Старого особняка». Однако одна из трех сестер может знать или помнить то, что некогда говорили эта девушка и Майкл. Клотильда вывозила ее за границу. Поэтому она может помнить то, что происходило во время одной из этих поездок. Что-нибудь такое, что девушка говорила или делала за границей. Некоего мужчину, с которым она там познакомилась. Нечто вовсе не имеющее отношения к «Старому особняку». Это сложно, потому что лишь в разговоре можно выудить случайную информацию, найти ключ к разгадке. Вторая

сестра, миссис Глинн, вышла замуж довольно рано и провела свою жизнь, насколько я понимаю, в Индии и Африке. Она также могла что-то слышать — через мужа, через его родственников, через множество предметов, вовсе не связанных со «Старым особняком», хотя и посещала последний время от времени. Должно быть, она была знакома с убитой девушкой, однако знала ее не так хорошо, как остальные сестры. Впрочем, это совершенно не подразумевает, что ей не могут быть известны какие-то значительные факты в ее отношении. Третья сестра несколько рассеянна, углублена в себя и, наверное, не слишком хорошо знала девушку. Однако она, тем не менее, вполне может знать ее возможных любовников или приятелей... могла видеть эту девушку с незнакомым мужчиной. Кстати, а вот и она проходит мимо отеля.

Мисс Марпл, занятая своим tete-ci-tete[23], не оставляла выработанных в течение всей жизни привычек. Оживленная улица всегда была для нее наблюдательным пунктом. Все прохожие, едва передвигавшие ноги или спешившие, отмечались автоматически.

---

[23] Примечания: 23
Разговор с глазу на глаз *(фр.)*.

— Вот Антея Брэдбери-Скотт — с большим пакетом в руках. Должно быть, идет на почту. Она ведь тут, прямо за углом, не так ли?

— На мой взгляд, малость не в себе, — заметил профессор Уэнстед. — И эти распущенные волосы — с проседью, кстати... Прямо Офелия пятидесяти лет от роду.

— Увидев ее впервые, я тоже вспомнила про Офелию. О боже, если б я только знала, что надо делать дальше... Остаться в «Золотом вепре» на денек-другой или ехать дальше с экскурсией? Это все равно что искать иголку в стоге сена. Но если покопаться подольше в этом стогу, можно что-то и выудить, если не будешь бояться уколоть пальцы.

Глава 13
ЧЕРНАЯ И КРАСНАЯ КЛЕТКА

I

Миссис Сэндберн вернулась как раз тогда, когда группа усаживалась за ленч. Вернулась она с безрадостными новостями. Мисс Темпл так и не пришла в себя. Ее безусловно нельзя было никуда увозить в течение нескольких дней.

Отчитавшись о ее состоянии, миссис Сэндберн перевела разговор на практические рельсы. Она принесла расписание удобных поездов для тех, кто хотел возвратиться в Лондон, и предложила планы для возобновления поездки на завтрашний или послезавтрашний день. На сегодняшний день у нее была заготовлена программа коротких экскурсий по ближайшим окрестностям — небольшими группами в арендованных автомобилях.

Когда они выходили из столовой, профессор Уэнстед отозвал мисс Марпл в сторону.

— Возможно, вы захотите отдохнуть сегодня днем. Если же нет, через час я буду ждать вас на

этом месте. Неподалеку есть интересная церковь, которую вы, вне сомнения, захотите увидеть...

— Это будет очень здорово, — проговорила мисс Марпл.

II

Мисс Марпл спустилась к приехавшей за ней машине. Профессор Уэнстед зашел за ней точно в назначенное время.

— Я подумал, что вам будет интересно увидеть эту самую церковь. А также очень милую деревеньку, — объяснил он. — Не вижу никаких причин воздерживаться от знакомства с местными достопримечательностями, имея такую возможность.

— Очень любезно с вашей стороны, уверяю вас, — проговорила мисс Марпл, посмотрев на профессора с некоторым волнением во взоре. — Очень любезно, — повторила она. — Просто не покажется ли это... я хочу сказать, бессердечным? Вы, конечно же, понимаете меня.

— Моя дорогая леди, мисс Темпл не является вашей старой подругой и даже знакомой. При всем сочувствии к пострадавшей.

— Ну что ж... — И она снова повторила: — Это очень любезно с вашей стороны.

Профессор Уэнстед открыл перед ней дверь машины, и мисс Марпл опустилась на сиденье.

Машина, естественно, арендована, подумала она. Милая идея: отвезти пожилую леди к одной из местных достопримечательностей.

Он мог бы взять с собой кого-нибудь помоложе, поинтересней и уж точно посимпатичней. Мисс Марпл разок-другой задумчиво глянула на профессора, пока машина катила по деревенской улице. Уэнстед не смотрел на нее: он внимательно глядел в окошко.

Когда деревня осталась позади и они оказались на огибавшей холм второсортной сельской дороге, профессор повернул к ней голову и сказал:

— Боюсь, что мы едем не к церкви.

— Да, — отозвалась мисс Марпл, — так я и думала.

— Да, вы вполне могли догадаться.

— В таком случае куда же мы направляемся, разрешите спросить?

— Мы едем в Карристон, в госпиталь.

— Ах да, тот самый, куда отвезли мисс Темпл?

У нее получился вопрос, хотя его можно было не задавать.

— Да, — ответил профессор. — Миссис Сэндберн побывала у нее и привезла мне письмо от гос-

питального начальства. Я только что говорил с ними по телефону.

— Как она себя чувствует — хорошо?

— Увы, нет. Не сказать чтобы.

— Понятно. Во всяком случае, надо надеяться, — проговорила мисс Марпл.

— Надежды на ее выздоровление не так уж много, однако ничего сделать нельзя. Возможно, она так и не придет в сознание. С другой стороны, возможны и прояснения — на небольшой срок.

— Но почему вы везете меня туда? Зачем? Она мне не подруга, и вы знаете это. Я впервые познакомилась с ней в этом путешествии.

— Да, я понимаю это. А везу вас к ней, потому что, ненадолго очнувшись, она попросила привезти вас.

— Ясно, — сказала мисс Марпл. — Но меня удивляет то, зачем я понадобилась ей, почему она решила, что я... я могу быть ей полезной в каком-то отношении. Она женщина проницательная. Более того, в своем смысле великая женщина. В качестве директрисы Фаллоуфилда мисс Темпл занимала видное место в мире образования.

— Как директор лучшей женской школы, вы хотите сказать?

— Да. Она была крупной личностью. И облада-

ла незаурядной ученостью. Как преподаватель она специализировалась в математике, однако при этом была всесторонним, так сказать, просветителем. Ее интересовало образование, потребности девушек в нем, она умела поощрить их. Среди многого прочего. Будет так грустно и жестоко, если она умрет... — проговорила мисс Марпл. — Не такую она прожила жизнь, чтобы окончить ее столь нелепым образом. И пусть она ушла в отставку со своего директорского поста, тем не менее сохранила известную долю прежнего влияния. Этот несчастный случай... — Она умолкла. — Быть может, вы не хотите, чтобы мы говорили о нем?

— Думаю, будет лучше, если мы не станем уклоняться от этой темы. Сверху свалился большой камень. Было известно, что подобное здесь случается, но очень и очень редко. И тем не менее ко мне подошли люди, заговорившие о несчастье, — заявил профессор Уэнстед.

— Подошли к вам, чтобы поговорить о случившемся? И кто же это был?

— Двое молодых людей. Джоанна Кроуфорд и Эмлин Прайс.

— И что же они сказали?

— Джоанна сказала мне, что у нее сложилось

впечатление, будто наверху кто-то был. Достаточно высоко. Они с Эмлином поднимались вверх с нижней главной дорожки, следуя тропе, огибавшей изгиб холма. И когда они огибали угол, девушка вполне определенно заметила на фоне неба очертания мужской или женской фигуры, пытавшейся сдвинуть большой камень с места. Камень раскачивался, а потом покатился — сперва неторопливо, но все быстрей и быстрей, вниз по склону. Мисс Темпл шла по главной тропе внизу и как раз очутилась в той точке, куда должен был угодить камень. Если его столкнули сверху преднамеренно, он мог бы и не попасть в цель, однако этого не случилось. Если происшедшее можно трактовать как преднамеренное покушение на жизнь шедшей внизу женщины, цель его была достигнута.

— И кого же они видели — мужчину или женщину? — спросила мисс Марпл.

— К сожалению, Джоанна Кроуфорд не смогла уверенно определить это. Тот, кто это сделал, был в джинсах или брюках и в ярком свитере в черно-красную клетку со стоячим воротником. Сделав свое дело, фигура почти немедленно повернулась и исчезла. Джоанне кажется, что это был мужчина, однако полной уверенности она

не испытывает.

— И она считает — или вы думаете, — что это было преднамеренное покушение на жизнь мисс Темпл?

— Нем больше она прокручивает ситуацию в голове, тем более склоняется к мысли, что так оно и было. Юноша согласен с ней.

— И у вас нет ни малейшего представления о том, кто это был?

— Ни малейшего. Не больше, чем у них самих. Это мог быть кто-то из наших спутников, отправившихся днем погулять. Это могла сделать совершенно неизвестная нам личность, знавшая, что тур делает здесь остановку, и выбравшая это место для атаки на одного из пассажиров. А также какой-нибудь юный любитель насилия, самого насилия ради. Или же это мог сделать враг.

— Прямо мелодрама, особенно если произнести слова «тайный враг», — заметила мисс Марпл.

— Вы правы. Но кому нужно убивать почтенную отставную директрису? Ответ на этот вопрос мы и хотим получить. Есть возможность... небольшая возможность того, что это сможет сказать нам сама мисс Темпл. Она могла распознать силуэт наверху горы, или скорее представлять, кто именно мог испытывать к ней злые чувства и по

какой причине.

— Едва ли это вероятно.

— Соглашусь с вами, — проговорил профессор Уэнстед. — Она кажется совершенно неподходящим объектом для нападения, но, если подумать, директриса знает великое множество людей. Скажем так: великое множество людей прошло через ее руки.

— Вы хотите сказать: множество девиц.

— Да. Да, именно это я и имел в виду. Девушек вместе с их семьями. Директриса должна знать многое. Например, романы девушек, неведомые их родителям. Как вам известно, такое случается, и притом очень часто. Особенно в последние два десятилетия. Говорят, что девушки созревают раньше. Физиологически это так, но в более глубоком смысле слова они взрослеют позже. Они дольше задерживаются в детстве. Остаются детьми в своих модных платьях, детьми с распущенными волосами. Даже эти мини-юбки знаменуют собой любовь к детству. И все эти кукольные ночные рубашки, сарафанчики и шортики — все это детская мода. Они не хотят взрослеть, не хотят принимать на себя положенный груз ответственности. Но, подобно всем детям, они хотят, чтобы их считали взрослыми,

делать то, что, на их взгляд, могут делать взрослые люди. Иногда это приводит к трагедии, а иногда — к последствиям трагедии.

— Вы подразумеваете какое-то конкретное дело?

— Нет, не совсем. Я просто размышляю вслух, скажем так, пропускаю возможности через свою голову. Я не могу поверить в то, что у Элизабет Темпл мог быть личный враг. Враг настолько безжалостный и жестокий, чтобы воспользоваться представившейся возможностью для убийства. Это то, что думаю я. — Он посмотрел на мисс Марпл. — Не хотите ли высказать свое мнение?

— Относительно возможности? Ну, мне кажется, что я поняла или догадалась, к чему вы клоните. Вы предполагаете, что мисс Темпл кое-что знала... какой-то факт или информацию, неудобную или опасную для кого-то, случись ей вырваться наружу.

— Да, я думаю именно так.

— И в данном случае, — продолжила мисс Марпл, — это указывает на то, что в нашей группе присутствует некто, узнавший мисс Темпл или имевший представление о том, кем она была, однако забытый или не узнанный ею по прошествии многих лет. Итак, подозрение снова

переходит на участников нашей поездки, не так ли? — Она помолчала. — А этот свитер, который вы помянули... в черную и красную клетку, так?

— Ну да. Пуловер... — Профессор с любопытством посмотрел на собеседницу. — Что именно вас в нем удивило?

— То, что он очень заметный, — ответила мисс Марпл. — К такому выводу меня привели ваши слова. И, соответственно, очень упоминаемый признак. До такой степени, что юная Джоанна специально отметила его.

— Да. И о чем же это говорит вам?

— Этот свитер — как вывешенный флаг, — задумчивым тоном проговорила мисс Марпл. — Который увидят, запомнят, узнают.

— Да. — Уэнстед с воодушевлением посмотрел на нее.

— Описывая человека, которого вы увидели не вблизи, но издали, вы в первую очередь обратитесь к его одежде. Не к лицу, не к походке, не к рукам или ногам. Алый тэм-о-шентер[24], сиреневый анорак, причудливая кожаная куртка, пуловер броских черно-красных тонов... Нечто легко узнаваемое и очень заметное. Смысл за-

---

[24] Примечания: 24
Шотландский берет.

ключается в том, что когда человек снимает такую одежду, избавляется от нее, посылает по почте на неведомый ему самому адрес в сотне миль отсюда, бросает в городе в мусорный ящик, сжигает, мажет смолой, любым способом уничтожает, то оказывается просто и скучно одетым, незаметным для взгляда и не подпадающим под подозрение. Для этого он и был выбран, этот свитер в черно-красную клетку. Для того, чтобы его вспомнили потом, но не для того, чтобы снова надеть.

— Очень здравая мысль, — признал профессор Уэнстед и продолжил: — Как я уже говорил вам, Фаллоуфилд расположен не слишком далеко отсюда. Кажется, всего в шестнадцати милях. Это часть мира Элизабет Темпл, обитателей которого она знает и которые, в свой черед, знают ее.

— Да. И это расширяет спектр возможностей, — заметила мисс Марпл. — Я согласна с вами в том, что нападавшим скорее являлся мужчина, чем женщина. Этот камень, если он был сброшен с умыслом, очень точно лег на назначенный курс. Точность — скорее мужское качество, чем женское. С другой стороны, в нашей группе или где-то в деревне могла оказаться ее прежняя ученица, она могла увидеть ее на улице и узнать. Женщи-

на, которую мисс Темпл сама не вспомнила. Но эта девица или женщина прекрасно помнила ее, поскольку директор или директриса школы в свои пятьдесят лет не слишком отличаются от директора или директрисы в свои шестьдесят. Мисс Темпл было несложно узнать. Словом, какая-то женщина признала свою бывшую учительницу и вспомнила, что учительница эта знает про нее нечто опасное. Или знает про кого-то, кто может быть опасным для нее... — Она вздохнула. — Я совсем не знаю эти края. А вы не знаете о них что-нибудь такое?

— Нет, — сказал профессор Уэнстед. — Не могу претендовать на глубокое знание здешних мест. И если мне известно о том, что когда-то происходило здесь, то лишь с ваших слов. Если бы не мое знакомство с вами, если бы не ваши слова, я находился бы в еще большем недоумении, чем теперь. Но что вы на самом деле делаете здесь? Вы не знаете. Вас послали сюда. Рэфьел преднамеренно устроил так, чтобы вы оказались здесь, чтобы вы попали в эту экскурсионную группу, чтобы мы с вами встретились. Мы останавливались или проезжали через другие места, однако были приняты особые меры, чтобы вы провели здесь пару ночей. Вас свели с его прежними дру-

зьями, которые не смеют дать отказ на любую его просьбу. Какова причина для этого?

— Чтобы я могла узнать те факты, которые мне следует узнать, — сказала мисс Марпл.

— О серии убийств, состоявшихся здесь уже много лет назад? — усомнился профессор Уэнстед. — Но в этом нет ничего необычного. То же самое можно сказать о многих местах Англии и Уэльса. Такие вещи всегда происходят серийно. Сперва убивают одну девушку. Потом другую — неподалеку. Потом что-то в том же самом роде происходит милях в двадцати... Схема совершенно одинакова.

— В самой Джоселин-Сент-Мэри пропали две девушки... та, о которой мы говорим, чье тело было обнаружено через шесть месяцев в бог весть какой дали. И которую в последний раз видели в компании Майкла Рэфьела...

— А другая?

— Девушка по имени Нора Броуд. Отнюдь не «тихая девочка, незнакомая с мальчишками». Скорее всего, приятелей у нее было по крайней мере на одного больше, чем нужно. Тело ее так и не нашли. Но однажды найдут. Случалось, что находили по прошествии двадцати лет, — проговорил Уэнстед. Он притормозил. — Приехали. Вот

Карристон, а вот и госпиталь.

Сопровождаемая профессором Уэнстедом, мисс Марпл вошла в госпиталь. Профессора явно ждали. Приехавших провели в маленькую комнату, навстречу им от стола поднялась женщина.

— Ах да, — проговорила она, — профессор Уэнстед. И э... и э...

— Мисс Джейн Марпл, — сказал профессор Уэнстед. — Я договаривался с сестрой Баркер по телефону.

— О да. Сестра Баркер сказала, что она будет сопровождать вас.

— В каком состоянии находится мисс Темпл?

— В том же самом, на мой взгляд. Увы, особого улучшения не наблюдается. — Она сделала шаг. — Я провожу вас к сестре Баркер.

Сестра Баркер, высокая и худощавая женщина, говорила низким и решительным голосом, а темно-серые глаза ее то глядели прямо на собеседника, то немедленно отвращались в сторону, создавая у него впечатление того, что за этот краткий промежуток ему был вынесен приговор.

— Не знаю, что именно вы запланировали для нас, — проговорил профессор Уэнстед.

— Для начала я лучше расскажу мисс Марпл о положении дел. Сперва я должна донести до вас,

что наша пациентка, мисс Темпл, по-прежнему находится в забытье, прерывающемся очень ненадолго. Иногда она приходит в себя, узнает свое окружение и может произнести несколько слов. Однако искусственно привести ее в сознание нам не удается. Все следует предоставить терпению. Полагаю, что профессор Уэнстед уже рассказал вам о том, что, придя в себя в одно из мгновений, мисс Темпл отчетливо произнесла слова «мисс Джейн Марпл». А потом: «Я хочу поговорить с ней, с мисс Джейн Марпл». После этого она снова впала в забытье. Доктор решил, что для нее может оказаться полезным общение с другими туристами. Нас посетил профессор Уэнстед, многое разъяснил нам и обещал привезти вас. Боюсь, что нам придется просить вас просто посидеть в той одноместной палате, в которой находится мисс Темпл, и быть готовой вслушаться в те слова, которые она может произнести, если придет в сознание. Увы, прогноз не слишком благоприятен. И говоря откровенно — что на мой взгляд много лучше, поскольку вы не являетесь ее близкой родственницей и не будете расстроены информацией, — доктор считает, что она уже отходит и, возможно, умрет, не приходя в сознание. Последствия удара мы устранить не

можем. Важно, чтобы кто-то слышал, что она скажет, и доктор рекомендует, чтобы возле нее не находилось слишком много людей, если она вдруг придет в себя. Если перспектива посидеть возле больной не смущает мисс Марпл, хочу сказать, что, кроме нее, в палате будет находиться сиделка, хотя и не в очень явном виде. То есть ее не видно с кровати, и она не шевельнется, пока ее не попросят. Она будет сидеть в углу палаты за ширмой. Здесь также присутствует офицер из полиции, готовый зарегистрировать все происходящее. Доктор также считает, что мисс Темпл лучше не знать о его присутствии. С нею будет только один человек, тот, которого она хотела бы увидеть... это не встревожит ее и не заставит забыть то, что она хотела сообщить вам. Надеюсь, все это не покажется вам трудным?

— О нет, — проговорила мисс Марпл, — я вполне готова к этому. Я прихватила с собою небольшую записную книжку и ручку, которые не будут заметны больной. На какое-то небольшое время я способна запоминать услышанное, поэтому мне не обязательно слишком явно записывать ее слова. Вы можете положиться на мою память, и потом, я еще не совсем глуха — в прямом смысле этого слова. Конечно, слух мой не настолько

хорош, как прежде, но, сидя возле ее постели, я услышу все, что она скажет, даже если будет говорить шепотом. Я умею обходиться с больными. В свое время мне пришлось немало общаться с ними.

Молниеносный взгляд сестры Баркер вновь впился в мисс Марпл. На сей раз легкий наклон головы свидетельствовал об удовлетворении.

— Приятно слышать, — проговорила она, — и я не сомневаюсь в том, что если вы в какой-то мере сможете помочь нам, то мы вправе положиться на вас. Если профессор Уэнстед согласен посидеть внизу в приемной, мы сможем вызвать его наверх при первой же необходимости. Теперь, мисс Марпл, прошу вас следовать за мной.

Следом за сестрой она вышла в коридор, а потом — в небольшую, хорошо оборудованную одноместную палату. Там на постели, посреди неяркого света, пробивавшегося сквозь полузадернутые шторы, лежала Элизабет Темпл. Лежала как изваяние, не создавая, впрочем, впечатления сна. Неровное дыхание слетало с ее губ короткими вздохами. Сестра Баркер наклонилась к пациентке, проверяя ее состояние, и движением руки предложила мисс Марпл занять кресло, стоявшее возле постели. После чего она сразу

направилась к двери. Из-за ширмы выглянул молодой человек с блокнотом в руках.

— По приказу доктора, мистер Рескитт, — пояснила сестра Баркер.

Появилась и сиделка. Она находилась в противоположном углу комнаты.

— При необходимости вызовите меня, Эдмондс, — проговорила сестра Баркер, — и по возможности помогите мисс Марпл всем, что ей может потребоваться.

Посетительница расстегнула пальто: в комнате было тепло. Подошедшая сиделка забрала у нее одежду и удалилась с ней в свой угол комнаты. Мисс Марпл опустилась в кресло. Посмотрев на Элизабет Темпл, она снова подумала, как и прежде, когда смотрела на свою соседку в автобусе: насколько же прекрасно вылеплена голова этой женщины. Рассыпавшиеся по подушке седые волосы производили впечатление окружавшего лицо откинутого капюшона. Симпатичная женщина, а кроме того, личность. Да, тысяча сожалений, подумала мисс Марпл, тысяча сожалений, если миру предстоит утратить Элизабет Темпл.

Мисс Марпл поправила подушку за спиной, на какую-то долю дюйма передвинула кресло и при-

нялась ждать. Тщетно или со смыслом, трудно было сказать. Время шло. Десять минут, двадцать, полчаса, тридцать пять минут. И тут вдруг совсем неожиданно раздался голос. Негромкий, но четкий, чуть хрипловатый, совершенно лишенный прежней звучности.

— Мисс Марпл...

Глаза Элизабет Темпл теперь были открыты, они были обращены к мисс Марпл. Взгляд больной казался совершенно разумным и осмысленным. Она изучала лицо женщины, находившейся возле ее постели, не обнаруживая никаких эмоций, никакого удивления. Ничего, кроме внимательного исследования. Полностью сознательного. Женщина заговорила снова:

— Мисс Марпл. Вы — Джейн Марпл?

— Правильно, — сказала та. — Да, я — Джейн Марпл.

— Генри часто говорил мне о вас. Много разного.

Голос смолк, и мисс Марпл спросила с легким недоумением в голосе:

— Генри?

— Генри Клитеринг, мой старый, очень старый друг.

— Также и мой старый друг, — промолвила

мисс Марпл. — Генри Клитеринг.

Память ее обратилась к долгим годам знакомства с сэром Генри Клитерингом, к тому, что он рассказывал ей, к той помощи, за которой он иногда обращался к ней, и той поддержке, которую, случалось, она просила у него. Очень старый друг.

— Я вспомнила ваше имя, прочитав его в списке туристов. Я сразу поняла, что это вы. Вы можете помочь. Так сказал бы он... Генри... окажись он здесь. Возможно, вы сумеете помочь. Выяснить. Это важно. Очень важно, хотя и произошло много лет назад... очень давно.

Голос ее чуть дрогнул, веки слегка опустились. Сиделка поднялась со своего места, подошла к постели, взяла небольшую мензурку и поднесла ее к губам Элизабет Темпл. Та глотнула и отрицательно качнула головой. Поставив сосудик на место, сиделка вернулась в свое кресло.

— Если я могу помочь, то сделаю это, — сказала мисс Марпл, не задавая дальнейших вопросов.

— Хорошо, — проговорила мисс Темпл и через минуту-дру-гую повторила еще раз: — Хорошо.

Глаза ее закрылись на пару-тройку минут. Она или уснула, или потеряла сознание. А потом снова открыла глаза.

— Которая, — произнесла она, — которая из них? Это вам предстоит выяснить. Вы представляете, о чем я говорю?

— Думаю, что да. Об умершей девушке... Норе Броуд?

Элизабет Темпл вдруг нахмурилась.

— Нет, нет, нет. О другой девушке. Верити Хант.

После недолгой паузы она продолжила:

— Джейн Марпл... Вы стары — старше, чем та, какой он описывал вас. Вы стали старше, однако до сих пор способны разобраться в былых событиях, так?

Голос ее зазвучал громче, сделался более настойчивым.

— Так вы способны или нет? Скажите, что способны. Мне осталось недолго. Я знаю это. Прекрасно знаю. Одна из них двоих, но которая? Узнайте. Генри сказал бы, что вы можете это сделать. Это может оказаться опасно для вас, однако найдите правду, найдите!..

— С Божьей помощью я это сделаю, — проговорила мисс Марпл. Слова ее прозвучали как обет.

Глаза мисс Темпл закрылись, затем открылись снова. Некое подобие улыбки попыталось появиться на губах.

— Сверху свалился камень. Камень Смерти.

— Кто сбросил его?

— Не знаю. Это неважно; главное — Верити. Выясните. Что произошло с Верити[25]. Найдите истину. Второе название правды, Верити.

Мисс Марпл заметила, что тело больной чуть расслабилось. Послышался слабый шепот:

— Прощайте. Сделайте все возможное...

Тело расслабилось, глаза закрылись. Сиделка подошла к постели. На сей раз она нащупала пульс, после чего дала знак мисс Марпл. Та послушно поднялась и вышла следом за ней из комнаты.

— Она потратила много сил, — сказала сиделка. — И теперь не скоро придет в себя. А может быть, и вообще не очнется. Надеюсь, вы что-то выяснили?

— Едва ли, — усомнилась мисс Марпл, — но как знать, как знать...

— Вы что-то узнали? — спросил профессор Уэнстед, когда они оказались возле автомобиля.

— Имя, — проговорила мисс Марпл. — Верити. Есть такое женское имя?

— Да. Верити Хант.

---

[25] Примечания: 25
Истина, правда *(англ.)* и женское имя.

Элизабет Темпл скончалась через полтора часа. Скончалась, не приходя в сознание.

Глава 14
МИСТЕР БРОДРИББ УДИВЛЯЕТСЯ

— Ну, видели сегодняшнюю утреннюю «Таймс»? — спросил мистер Бродрибб своего партнера, мистера Шустера.

Тот ответил, что не в состоянии позволить себе «Таймс», а потому приобретает «Телеграф».

— Там тоже могло быть это сообщение, — заявил мистер Бродрибб. — В отделе некрологов. Мисс Элизабет Темпл, доктор наук.

Мистер Шустер несколько удивился.

— Это директриса Фаллоуфилда. Вы хотя бы слышали о Фаллоуфилде?

— Конечно, — ответил Шустер. — Женская школа. Существующая уже примерно пять десятков лет. Первоклассная и фантастически дорогая. Так, значит, миссис Темпл была тамошней директрисой? Мне казалось, что она ушла в отставку некоторое время назад. По меньшей мере, шесть месяцев... Не сомневаюсь, что я читал об этом в газете. То есть там больше говорилось о новой даме. Замужняя женщина. Молодая. От тридцати пяти до сорока лет. Современные идеи — давать

девушкам уроки косметики, разрешать им носить брючные костюмы... Что-то в этом роде.

— Гм, — промолвил мистер Бродрибб, производя звук, который юристы его возраста издают, услышав нечто на основании долгого опыта не заслуживающее осуждения. — Едва ли она приобретет такую же известность, как Элизабет Темпл. Она определенно была личностью. И проработала в школе долгое время.

— Да, — без особого интереса проговорил мистер Шустер, гадая, отчего Бродрибб проявляет такой интерес к отставной школьной учительше.

Школы не представляли особого интереса для обоих джентльменов. Их собственные отпрыски в той или иной степени оставили ее позади. Два сына мистера Бродрибба работали соответственно в государственной службе и нефтяной компании, а оба более молодых чада мистера Шустера учились в различных университетах, создавая при этом столько хлопот для тамошнего руководства, сколько им было по силам. И он спросил:

— И что про нее пишут?

— Она участвовала в автобусной экскурсии, — ответил мистер Бродрибб.

— Ох уж эти автобусы, — скривился мистер

Шустер. — Я бы не позволил никому из моих родных пользоваться ими. Один автобус на прошлой неделе свалился с горы в Швейцарии, а два месяца назад другой автобус попал в аварию... погибло два десятка человек. Даже не знаю, кто сейчас водит эти машины.

— Это был один из автобусов фирмы «Загородные дома, сады и интересные сооружения Британии»... не помню, как ее там называют, — отметил мистер Бродрибб. — Не совсем точное название, но вы понимаете, что я имею в виду.

— Ну да, помню. О... да это та самая экскурсия, на которую мы отправили мисс... как ее там... поездку которой оплатил старик Рэфьел.

— Вы имеете в виду мисс Джейн Марпл.

— Но ведь она не погибла, так? — спросил мистер Шустер.

— Насколько мне известно, нет, — ответил мистер Бродрибб. — Однако меня эта смерть заинтриговала.

— Случилась дорожная авария?

— Нет. Трагедия произошла в одном из самых красивых мест. Группа поднималась по тропе на гору. Был тяжелый подъем... довольно крутой между разных камней возле тропы. Какой-то валун сорвался с горы и покатился вниз. Мисс

Темпл получила тяжелейшие ушибы, и ее забрали в госпиталь, где она и умерла...

— Не повезло, — проговорил мистер Шустер, ожидая продолжения.

— Меня это заинтересовало, — проговорил мистер Бродрибб, — потому что я случайно припомнил, что... ну, что эта самая девушка училась в Фаллоуфилде.

— Какая девушка? Не понимаю, о чем вы говорите, Бродрибб.

— О девушке, которую прикончил молодой Майкл Рэфьел. Мне как раз пришли в голову несколько фактов, как будто бы имеющих отношение к тому любопытному делу, которое затеял старый Рэфьел с участием Джейн Марпл. Жаль, что он не рассказал нам побольше.

— И какую же связь вы усмотрели? — спросил мистер Шустер.

Теперь на его лице появился интерес. Юридические познания его начали процесс самозатачивания, готовясь высказать здравое мнение по поводу того, что намеревался поведать ему мистер Бродрибб.

— Эта девушка... никак не могу припомнить ее имя... Христианское... Фейт или Хоуп*, или что-то в том же роде... Нет, Верити, вот как ее

звали. Верити Хантер. Она стала первой жертвой в ряду убитых девушек. Тело ее нашли в канаве, милях в тридцати от того места, где она пропала. Через шесть месяцев после смерти. Очевидно, задушенная; а потом ей раздробили голову и лицо — наверное, для того, чтобы затруднить опознание, но ее, тем не менее, опознали. По одежде, сумочке, бижутерии... какой-то родинке или шраму... О да, опознали без особого труда.

— И обвинение выдвигалось только по поводу ее убийства, так?

— Да. Майкла подозревали в убийстве еще троих девиц в том году. Однако доказательства в его участии в их смертях были пожиже, так что полиция удовлетворилась этим, да еще его скверным послужным списком. Покушениями на насилие и изнасилование. Ну да, все мы прекрасно знаем, что такое изнасилование по-современному. Мамаша велит дочери обвинить молодого человека в насилии, даже в том случае, если у того не было особого шанса... так что она все заманивает его к себе, когда мамаша ушла на работу или папаша отправился отдохнуть, и все пристает, пристает к нему, пока он наконец не переспит с ней. Тут, говорю я, мамаша приказывает девице обвинить его в изнасиловании. Впрочем, я не

о том, — проговорил мистер Бродрибб. — Меня заинтересовало, знаете ли, не увязывается ли все это воедино. Я подумал, что интерес со стороны Рэфьела к этой Джейн Марпл может быть связан с Майклом.

— Его сочли виновным, так? И дали пожизненное?

— Не помню, давно это было. Или же он получил приговор о неполной ответственности...

1 Вера и Надежда (англ Faith и Hope)/

— И Верити Хантер или Хант обучалась в этой школе, в школе мисс Темпл? Впрочем, когда ее убили, она уже не была школьницей? Забыл, понимаете ли...

— О нет. Ей было восемнадцать или девятнадцать, она жила у родственников или друзей своих родителей, что-то вроде того. Отличный дом, милые люди, хорошая девушка во всех отношениях. Из тех, о которых родственники всегда говорят: тихая девочка, довольно застенчивая, не слонявшаяся с незнакомцами и не имевшая приятелей. Родные никогда не знают ухажеров своих девиц. Те умеют весьма толково заметать следы. Ну а молодой Рэфьел, как говорят, был весьма привлекателен с девичьей точки зрения.

— А сомнений в его вине не возникало? — спросил мистер Шустер.

— Ни на йоту. Тем не менее наговорил на суде уйму лжи. Лучше бы его адвокат запретил ему говорить. Несколько друзей предоставили ему алиби, однако оно было опровергнуто — вы понимаете как. Все его друзья оказались отпетыми лжецами.

— И что вы чувствуете по этому поводу, Бродрибб?

— Да, собственно, ничего, — проговорил тот. — Просто стало интересно, не имеет ли смерть этой женщины какого-то отношения к делу.

— Каким образом?

— Ну, знаете ли, камни, которые сваливаются с вершин и попадают кому-то в голову, не всегда следуют законам природы. Согласно моему личному опыту, повинующиеся ей глыбы обыкновенно остаются на своем месте.

Глава 15
ВЕРИТИ

— Верити, — проговорила мисс Марпл.

Элизабет Маргарет Темпл скончалась предыдущим вечером. Кончина ее была мирной. Мисс Марпл, вновь сидевшая в обитой выгоревшим ситцем гостиной «Старого особняка», отложила в сторону наконец законченную розовую детскую кофточку и приступила к вязанию сиреневого шарфа. Сей полу-траур как нельзя лучше соответствовал ранневикторианским представлениям мисс Марпл о тактичном восприятии чужой трагедии.

Дознание было назначено на завтрашний день. Обратились к викарию, и он согласился провести в церкви краткую поминальную службу, как только будут завершены соответствующие приготовления. Должным образом облаченные владельцы похоронного бюро с подобающими ситуации скорбными физиономиями, в согласии с полицией, приступили к делу. Дознание должно было начаться в одиннадцать утра. Членов экскурсионной группы пригласили присутство-

вать на нем. Несколько человек согласились остаться и после него, чтобы посетить похоронную службу.

Миссис Глинн посетила мисс Марпл в «Золотом вепре» и предложила ей возвратиться в «Старый особняк» до возобновления тура. «Это поможет вам избежать внимания репортеров», — сказала она. Мисс Марпл горячо поблагодарила всех трех сестер и приглашение приняла.

Путешествие предстояло возобновить после погребальной службы переездом на тридцать пять миль в Саут-Бидстоун, где находился хороший отель, первоначально выбранный в качестве места остановки. После этого поездка должна была продлиться своим путем.

Как и полагала мисс Марпл, нашлись люди, решившие вернуться домой или же отправиться в другом направлении, оставив группу. Известные основания существовали для обоих решений: оставить недоброй памяти путешествие или продолжить уже оплаченный маршрут, прерванный несчастным случаем, который может произойти в любой туристической поездке. Мисс Марпл подумала, что решения многих будут зависеть от исхода дознания.

Обменявшись подобающими ситуации репли-

ками со всеми тремя хозяйками, мисс Марпл погрузилась в вязание, попутно обдумывая дальнейший план своего расследования. И потом, не отрывая пальцы от дела, произнесла одно только слово: «Верити». Бросив его, словно камень в тихий ручей, единственно для того, чтобы увидеть результат падения. Скажет ли это имя что-то хозяйкам дома? Могло сложиться и так и этак. Вечером, присоединившись к своей группе за трапезой, как было оговорено, она испытает и там воздействие этого имени. Оно, подумала мисс Марпл, стало последним, или одним из последних, слов, произнесенных Элизабет Темпл. Посему, подумала она (пальцы ее сами знали свое дело, ей не нужно было смотреть на вязание: занимаясь им, она могла читать книгу или вести разговор, а ее пальцы, чуть изуродованные ревматизмом, сами собой исполняли заученные движения); посему — Верити.

Словно брошенный в воду камень... сейчас побегут волны, послышится всплеск или что-то еще? Или вообще ничего? Нет, реакция какого-то рода должна последовать. Да, она не ошиблась. И хотя на лице мисс Марпл не отразилось ничего, спрятавшиеся за стеклами очков острые глаза разом наблюдали за всеми тремя сестрами, по-

винуясь привычке, которую она выработала в себе много лет назад, желая понаблюдать за соседями в церкви, на родительском собрании или общественном мероприятии в Сент-Мэри-Мид, встав на свежий след какой-нибудь интересной новости или сплетни.

Миссис Глинн выронила из рук книгу, чтением которой была занята, и с легким удивлением посмотрела на мисс Марпл. Удивление, похоже, было вызвано тем, что слово это исходит от мисс Марпл, а не самими словами.

Клотильда отреагировала иначе. Голова ее дернулась, она чуть наклонилась вперед, а затем посмотрела не на гостью, но через всю комнату в сторону окна. Кулаки ее стиснулись, она совершенно застыла. Мисс Марпл, чуть опустившая голову, как бы давая понять, что она никуда не смотрит, тем не менее заметила, что глаза Клотильды наполнились слезами, покатившимися по ее щекам. Она даже не попыталась найти платок, не произнесла и единого слова. Исходящая от Клотильды аура горя произвела неподдельное впечатление на мисс Марпл.

Иной оказалась и реакция Антеи — быстрая, взволнованная, почти радостная.

— Верити? Вы сказали — Верити? Вы ее знали?

Вот уж не думала... Вы имеете в виду Верити Хант?

Лавиния Глинн рассудительным тоном произнесла:

— Это всего лишь христианское имя.

— Я никогда не знала его носительниц, — проговорила мисс Марпл, — но имела в виду именно христианское имя. Да. На мой взгляд, оно довольно необычное. Верити... — задумчиво повторила она еще раз.

Позволив клубку сиреневой шерсти упасть, мисс Марпл посмотрела вслед ему несколько смущенным и извиняющимся взглядом человека, только что совершившего досадный промах, однако не подозревающего о его причине.

— Я... простите меня. Я что-то не так сказала? Только потому, что...

— Нет, конечно, нет, — возразила миссис Глинн. — Просто получилось так, что мы хорошо знаем это имя, и у нас связаны с ним определенные ассоциации.

— Оно вспомнилось мне, — все еще извиняющимся тоном проговорила мисс Марпл, — потому, что его произнесла бедная мисс Темпл. Я ездила к ней вчера днем. Меня отвез в госпиталь профессор Уэнстед. Он как будто бы надеялся, что я — не

знаю уж, как это сказать, — могу чем-то помочь ей прийти в себя и выйти из комы... так показалось врачам, хотя я никогда не была с ней знакома, и нам только дважды случалось разговаривать во время поездки и сидеть рядом. Вот он и решил, что от меня может быть какая-то польза. Увы, все оказалось иначе. Никакого толка от меня не вышло. Я просто сидела там и ждала... Наконец она произнесла несколько непонятных слов. Однако в итоге, когда мне было уже пора идти, мисс Темпл открыла глаза и посмотрела прямо на меня. Не знаю, может, она приняла меня за кого-то другого, однако произнесла именно это слово. Верити! И оно прямо застряло у меня в голове, тем более что она отошла вчера вечером. Должно быть, мисс Темпл кого-то или что-то имела в виду. Но, конечно, она могла просто .подразумевать... просто подразумевать значение этого слова — Истина. Не это ли означает имя Верити?

Она посмотрела на Клотильду, потом на Лавинию, потом на Антею.

— Так звали знакомую всем нам девушку, — сказала Лави-ния Глинн. — Вот почему мы так взволновались.

— Особенно из-за ее жуткой смерти, — проговорила Антея.

— Антея! Входить в подробности нет нужды, — заметила Клотильда низким голосом.

— Но в конце концов это всем известно, — возразила та, посмотрев на мисс Марпл. — Я подумала, что вы можете знать о ней, потому что были знакомы с мистером Рэфьелом? Ну, раз он писал нам о вас, то вы могли знать его... И решила, что он, возможно, рассказывал вам всю эту историю.

— Мне очень жаль, — проговорила мисс Марпл, — однако, боюсь, я не совсем понимаю, о чем вы говорите.

— Ее тело нашли в канаве, — объявила Антея.

Если уж она начала, остановить ее уже невозможно, подумала мисс Марпл. И отметила, что многословие Антеи перенапрягает Клотильду, которая уже спокойным и непринужденным движением вытащила платок. Смахнув слезы с глаз, она выпрямилась — пожалуй, даже чересчур, — обратив к мисс Марпл глубокий и трагический взгляд, и проговорила:

— Верити — так звали девушку, которая была очень дорога нам. Какое-то время она жила у нас. Я очень любила ее,..

— Как и она тебя, — сказала Лавиния.

— Ее родители были моими друзьями, — продолжила Клотильда. — Они погибли в авиака-

тастрофе.

— Верити училась в Фаллоуфилде, — пояснила Лавиния. — Наверное, поэтому мисс Темпл и вспомнила ее.

— О, понимаю, — проговорила мисс Марпл. — В той школе, директрисой которой была мисс Темпл? Конечно, я часто слышала о Фаллоуфилде. Эта школа считается очень хорошей, не так ли?

— Да, — сказала Клотильда. — Верити там училась. А после гибели родителей она некоторое время жила у нас, решая, что делать со своей будущей судьбой. Ей было всего восемнадцать или девятнадцать лет. Очень милая девочка, очень привязчивая и любящая. Он думала пойти в сиделки, но у нее была хорошая голова, и мисс Темпл просто настаивала на том, чтобы девушка продолжила образование в университете. Вот она и занималась подготовкой к поступлению, когда произошло это жуткое событие.

Она отвернулась.

— Я... не стоит ли нам наконец переменить тему?

— О, конечно, конечно же, — согласилась мисс Марпл. — Простите, что я коснулась вашей трагедии. Я не знала. Я... я не слышала... Я думала то есть...

Тут она окончательно запуталась в словах.

В тот вечер мисс Марпл услышала еще кое-что. Миссис Глинн зашла в ее спальню как раз, когда та переодевалась для того, чтобы выйти из дома и присоединиться к своим спутникам в отеле.

— Я подумала, что мне стоит зайти к вам и кое-что пояснить, — сказала миссис Глинн, — в отношении этой девушки,

Верити Хант. Конечно, вы не могли знать о том, что наша сестра Клотильда особенно любила ее, и ужасная смерть этой девочки действительно явилась для нее жутким потрясением. Мы никогда не заговариваем о ней без необходимости, но я думаю, что лучше рассказать вам все факты, тогда вы поймете. Дело в том, что Верити без нашего ведома подружилась с весьма неподходящим — более чем неподходящим, скорее даже опасным — молодым человеком, уже имевшим криминальное прошлое. Он однажды посетил нас проездом. Мы очень хорошо знали его отца... — Она помедлила. — Впрочем, лучше я расскажу вам всю правду, которой вы, по всей видимости, не знаете. Это был Майкл, сын мистера Рэ-фьела...

— О боже, — вздохнула мисс Марпл. — Нет-нет... я не могу вспомнить его имя, но мне говорили,

что у него был сын... непутевый сын.

— Если бы только непутевый, — проговорила миссис Глинн. — С ним всегда были одни хлопоты. Раз или два он попадал под суд. За покушение на несовершеннолетнюю... и еще за что-то в этом роде. Конечно, надо считаться с тем, что судьи слишком терпимы к подобного рода преступлениям — они не хотят портить университетскую карьеру молодого человека. И поэтому отпускают этих молодцов... забыла, как оно называется... с отложенным наказанием или чем-то в этом роде. Если бы таких юнцов сразу отправляли в тюрьму, это, может быть, отпугнуло бы других от подобного образа жизни. Кроме того, он воровал. Подделывал чеки, брал чужое. Он был полностью пропащим. Мы дружили с его матерью; так вот, на мой взгляд, ей повезло в том, что она умерла молодой и не увидела, во что превращается ее сын. Мистер Рэфьел, думаю, делал все, что только мог: пытался найти парню подходящую работу, платил за него штрафы и все такое. Однако совершенное сыном убийство стало для него тяжелым ударом, хотя он пытался в какой-то мере изобразить внешнее безразличие и писал о нем как о деле, увы, житейском. Мы, как, должно быть, расскажут вам другие жители

деревни, пережили здесь целую серию убийств и насилия. Не только в здешней округе. Они происходили в разных местах, иногда в двадцати, иногда в пятидесяти милях отсюда. Одно или два, по сведениям полиции, произошли почти в сотне миль отсюда. Однако центром более или менее являлись наши окрестности. Но как бы то ни было, Верити однажды отправилась в гости к подруге и не вернулась домой. Мы обратились в полицию, полиция начала искать... Они обшарили всё вокруг, но не нашли даже следа нашей девочки. Мы давали объявления, полисмены давали объявления... они уже было решили, что она убежала с приятелем. Наконец стало известно, что ее видели с Майклом Рэфьелом. Тут и полиция начала повнимательнее присматриваться к Майклу как к подозреваемому в некоторых преступлениях, хотя прямых свидетельств они обнаружить не смогли. Утверждали, что Верити, если судить по одежде и прочим вещам, видели с молодым человеком, похожим на Майкла, в автомобиле, соответствовавшем описанию его машины. Однако других свидетельств не было до тех пор, пока тело ее не обнаружили через шесть месяцев в тридцати милях отсюда, в довольно дикой части леса, в канаве, забросанное камня-

ми и землей. Клотильде пришлось сходить на опознание. Верити удушили, а потом разбили ей лицо. Клотильда так никогда и не оправилась от потрясения. Были определенные приметы, родинка, старый шрам и, конечно же, одежда и содержимое сумочки. Мисс Темпл очень симпатизировала Верити. И перед смертью, должно быть, подумала о ней.

— Простите меня, — сказала мисс Марпл. — Мне действительно очень и очень жаль. Пожалуйста, скажите своей сестре, что я не имела представления об этом. Я ничего не знала.

Глава 16
ДОЗНАНИЕ

I

Мисс Марпл неторопливо продвигалась по деревенской улице к Рыночной площади, где в старомодном георгианском[26] здании, уже целую сотню лет именовавшемся Гербовой комендатурой, должно было состояться дознание. Она посмотрела на часы. Оставалось еще около двадцати минут до того, как ей надлежало появиться там. Мисс Марпл решила походить по магазинчикам. Она остановилась перед одним из них, торговавшим шерстью и детскими кофточками, и на пару мгновений заглянула внутрь. За прилавком стояла девушка. Молодая мать примеряла шерстяные пальтишки двум детям. За другим прилавком находилась пожилая женщина.

Мисс Марпл переступила порог магазинчика, прошла вдоль прилавка к сиденью напротив немолодой женщины, достала небольшой моточек розовой шерсти и объяснила, что такие

---

[26] Примечания: 26

Георгианский стиль — название стиля архитектуры и мебели, сложившегося к середине XVIII в. и просуществовавшего до 30-х гг. XIX в.

вот нитки у нее кончились, а надо заканчивать маленький свитерок.

Необходимую шерстяную нитку скоро сыскали, принесли и образчики другой шерсти, восхитившие мисс Марпл. И вскоре завязался разговор. Начав с сожалений по поводу случившегося несчастья, миссис Меррипит, если ее имя соответствовало тому, которое было написано на вывеске, перешла к значимости недавней трагедии, а также всеобщей невозможности заставить местные власти позаботиться об обеспечении безопасности троп и дорог и соблюдении права членов общества на передвижение.

— Понимаете ли, после дождей вся почва смывается, камни освобождаются и съезжают вниз. Помню, был такой год, когда на нас свалились три камня — и вот вам, три несчастья. Одного мальчишку едва не убило на месте, вот так; в том же году — через шесть месяцев, кажется — камнем мужчине перебило руку; а в третий раз перепало бедной старой миссис Уокер. Слепая она была, да и глуховатая. Никогда ничего не слышала, а иначе, говорят, сумела бы уклониться от глыбы. Кто-то видел, как камень покатился вниз, и крикнул ей, только до нее им было уже не добежать и не дотянуться. Так и погибла.

— О, как это печально, — согласилась мисс Марпл, — как трагично... Подобные события легко не забываются, хочу я сказать.

— Действительно. Надеюсь, что коронер упомянет сегодня об этом случае.

— Рассчитываю на это, — сказала мисс Марпл. — Ужасно, когда подобные события происходят вполне естественным образом, не правда ли; однако иногда бывают и такие случаи, когда камни подталкивают вниз, знаете ли... сталкивают с места, чтобы посмотреть, как те покатятся вниз. Примерно так.

— Ну да, есть такие мальчишки, которые способны на все. Но не думаю, чтобы кто-то из них дурачился там, наверху. Я их не видела.

Мисс Марпл перешла к пуловерам. Ярким цветным пуловерам.

— Ищу не для себя, — пояснила она, — для одного из моих внучатых племянников. Ему, знаете ли, нужен свитер со стоячим воротником и очень яркий к тому же.

— Согласитесь, все они теперь стремятся вырядиться поярче, не правда ли? — согласилась миссис Меррипит. — Простые джинсы им не подходят, подавай им черные. Черные или темно-синие... Но вот над брюками должно быть

яркое пятно.

Мисс Марпл описала пуловер с шахматным рисунком в ярких цветах. Пуловеров и джерси в магазине оказалось навалом, однако в красных и черных цветах не было выставлено ничего; не обнаружилось такого даже среди недавних поступлений. Просмотрев несколько образцов, мисс Марпл приготовилась откланяться, сперва упомянув об убийствах, которые, как она слышала, прежде происходили в этой части света.

— Так убийцу-то в конце концов нашли, — проговорила миссис Меррипит. — Приятный с виду парнишка, не подумала бы о нем такого. И хорошего воспитания, знаете ли. Ходил в университет и все такое. Говорят, отец у него был очень богат. А сын тронулся умишком, должно быть. Не то чтобы его послали в Броудвей, или куда там положено. Нет, этого делать не стали, однако я считаю его психом... говорили, что девушек было пять или шесть. Полиция обращалась за помощью то к одному, то к другому из местных парней. Взялись они сперва за Джеффри Гранта. Потому что поначалу были уверены, что это он. Парень этот всегда был несколько странноватым, с самого детства. Приставал к маленьким девочкам по дороге в школу, знаете ли. Предлагал им конфеты

и приглашал прогуляться с ним по аллейкам и полюбоваться на какие-нибудь там примулы... Да, полиция имела веские основания подозревать его. Но виноват был не он. Кроме того, они интересовались еще и Бертом Уильямсом, однако этот в двух из шести случаев находился далеко от наших мест, у него было это самое алиби, а потому вышло, что он ни при чем. Ну и наконец дошло до этого самого... как там его звали, не вспомню теперь. Кажется, Люк... или какой-нибудь там Майк. Симпатичный был парень, как я сказала, однако с плохим прошлым. Да, крал, подделывал чеки, чего только не творил... И еще два дела с установлением отцовства... нет, я не про происхождение, но вы понимаете, что я имею в виду. Ну, когда у девушки появляется ребенок. Они тогда подают в суд, и парень должен платить. Перед этим делом он сделал по ребенку двум девушкам.

— И эта девушка тоже была в положении?

— Ну да, конечно, была. Когда нашли тело, мы сперва подумали, что это Нора Броуд. То есть племянница миссис Бро-уд, которая живет у мельницы. Та была большая любительница водиться с парнями. Она также ушла из дома и не вернулась. Никто не знал, где она. Поэтому, когда тело через шесть месяцев обнаружили, мы сразу

решили, что это она.

— Но это было не так?

— Нет. Это была другая девушка.

— А тело Норы нашли?

— Нет. Возможно, оно когда-нибудь и обнаружится, но все думают, что ее бросили в реку. Ну, в любом случае, как знать... Никогда нельзя сказать наперед, что можно выкопать на пахотном поле или где-то еще. Однажды меня возили посмотреть на такое сокровище. В Лутон-Лу... а может, куда-то еще? Куда-то в Восточные графства... На пашне нашли. Такая красота! Золотые кораблики, ладьи викингов, громадные блюда... Так что заранее не скажешь. В любой день можно вырыть покойника, а можно — золотое блюдо. Старинное золотое блюдо — или трех-четырехлетний труп, как было с Мэри Лукас, которую искали четыре года. А нашли где-то возле Рейгейта... Ладно, довольно об этом! Грустная штука — жизнь. Очень грустная. Никогда не знаешь, чего от нее ждать.

— Была еще одна девушка, которая жила здесь, так ведь? — спросила мисс Марпл. — Которую тоже убили.

— Вы про ту, тело которой приняли за тело Норы Броуд, но это оказалось не так? Да. Я забыла ее имя... Хоуп, наверное. То ли Хоуп, то ли

Черити[27]. Одно из этих говорящих имен... ну, вы понимаете, о чем я. В викторианское время его часто употребляли, но теперь его почти не услышишь... Жила неподалеку, в «Старом особняке», вот так-то. Какое-то время жила после того, как родители ее погибли.

— Ее родители погибли в аварии, так?

— Правильно. В самолете, летевшем в Италию или в Испанию.

— Так, значит, она перебралась сюда из родного дома? К своим родственникам, наверное?

— Не знаю, родственники они или нет, но миссис Глинн, как она теперь зовется, была близкой подругой ее матери... кажется, так. Миссис Глинн, конечно, была замужем и жила за морем, но мисс Клотильда, то есть старшая, темноволосая, очень любила девочку. Она возила ее за границу, в Италию и во Францию, в разные там места, и брала для нее уроки машинописи, стенографии, и художествам разным учила. В них, в художествах, она, мисс Клотильда, очень образованная. Ну, и боготворила девочку. Ее исчезновение разбило сердце Клотильды. А вот мисс Антея...

— Мисс Антея — это самая молодая, так?

---

[27] Примечания: 27
Милосердие (*англ.* Charity).

— Да. У нее не все дома, так некоторые говорят. Можно сказать, знаете ли, не в своем уме. Вот иногда смотришь, как она идет по улице, сама с собой разговаривает, да еще головой мотает самым странным образом... Бывает, дети пугаются. Словом, женщина со странностями. Не знаю. В деревне-то всего наслушаешься, не так ли? Их внучатый дядюшка, который раньше здесь жил, тоже был не без странностей. Стрелял из револьвера в своем саду. Притом без всякой надобности, насколько можно судить. Гордился своей меткостью, сам говорил, как он ее там понимал.

— Ну а за мисс Клотильдой странностей не водится?

— Ну нет, эта у нас умная, вот так. Знает латынь и греческий, я слыхала. Хотела пойти учиться в университет, однако пришлось ухаживать за матерью, которая долго была инвалидом. Однако она очень любила мисс... ну как же ее звали? Как будто бы Фейт. Очень любила, ну прямо как свою родную дочь. И тут является этот самый... как его там... все-таки Майкл, как будто бы, и однажды девица, никому ни слова не говоря, исчезает. Не знаю, было ли известно мисс Клотильде о том, что она была в положении...

— Но вы знали, — заметила мисс Марпл.

— Ну да, я женщина опытная. Я всегда вижу, когда девчонка оказывается в положении. Это же сразу видно. Дело не просто в фигуре, как вы, наверное, скажете; это видно по выражению глаз, по тому, как они ходят и садятся, ну и по разным там головокружениям и дурнотам. Я сразу подумала: ну вот, еще одна залетела... Мисс Клотильде пришлось опознавать тело. Это почти сломало ее. Потом она не одну неделю приходила в себя. Любила она ее, очень любила, это уж точно.

— А как другая сестра — мисс Антея?

— Забавно говорить такое, однако, на мой взгляд, она выглядела так, будто была... ну да, просто довольна. Некрасиво с ее стороны, правда? Такое выражение на лице я замечала у дочери фермера Пламмера. Та всегда ходила смотреть, как режут свиней. Наслаждалась зрелищем. Странные вещи подчас происходят в семьях...

Мисс Марпл попрощалась, заметила, что у нее осталось еще десять минут, и направилась к почте. Почтовое отделение и универсальный магазин в Джоселин-Сент-Мэри находились рядом с Рыночной площадью.

Оказавшись на почте, мисс Марпл приобрела несколько марок, полюбовалась открытками, после чего обратила свое внимание на книги

в бумажной обложке. За прилавком властвовала женщина средних лет с уксусно-кислым выражением на лице. Она помогла мисс Марпл высвободить книгу из проволочной подставки.

— Застревают иногда, знаете ли. Люди просто не ставят их так, как надо.

В помещении не было других посетителей. Мисс Марпл с отвращением глянула на обложку книги, изображавшую обнаженную девицу с кровавыми пятнами на лице, и зловещего вида убийцу, склонявшегося над ней с окровавленным ножом в руке.

— Вот что, — сказала она, — терпеть не могу эти современные ужасы.

— Да, с некоторыми обложками они перебирают через край, вы правы, — сказала кислая миссис. — Не всем они нравятся. Но теперь многие везде и во всем слишком любят насилие.

Мисс Марпл извлекла вторую книгу.

— «Что случилось с крошкой Джейн», — прочла она название. — О боже, в каком печальном мире мы живем...

— Ну да, конечно. Вот во вчерашней газете писали, что одна женщина оставила ребенка возле супермаркета, а тут кто-то пришел и укатил коляску. Так просто, безо всякой причины. По-

лиция-то нашла девочку. А они все говорят одно и тоже, когда крадут в супермаркете или увозят дитёнка. Не знаю, мол, что на меня накатило, вот что они говорят.

— Но, может, они и в самом деле не знают? — предположила мисс Марпл.

Лицо кислой миссис приобрело еще более кислое выражение лица.

— Вот уж во что не поверю, что там ни говори.

Мисс Марпл оглядела помещение почты, все еще остававшееся пустым, и подошла к окну.

— Если вы не слишком заняты, нельзя ли попросить вас ответить на один вопрос, — проговорила она. — Я совершила чрезвычайно глупый поступок. За последние годы я успела наделать много глупостей. Теперь вот послала посылку благотворительной организации... Я собрала для них одежду: пуловеры, детские шерстяные вещи, — все упаковала, написала адрес и отправила, а сегодня утром меня осенило — я поняла, что ошиблась в адресе. Не думаю, что на почте составляют список адресов, по которым отправлены посылки, но, быть может, этот случайно запомнили... Адрес, по которому я собиралась отправить посылку, был таким: «Ассоциация помощи докерам и портовым рабочим Темзы».

Тронутая прискорбной бестолковостью мисс Марпл, а также ее старческой дряхлостью, кислолицая миссис посмотрела на нее крайне любезно.

— Вы сами приносили ее?

— Нет... я гощу в «Старом особняке», и одна из хозяек, миссис Глинн, говорила, что снесет посылку сама или попросит сделать это сестру. Очень любезно с ее стороны...

— Посмотрим. Это было, кажется, во вторник, не так ли? Но посылку принесла не миссис Глинн, а самая младшая из сестер, мисс Антея.

— Да-да, по-моему, именно в этот день...

— Я хорошо помню посылку. Большая и довольно тяжелая коробка с одеждой... если я не путаю. Однако его отправили не в «Ассоциацию помощи докерам», такой адрес через мои руки не проходил. Посылка была предназначена преподобному Мэтьюзу, Истхэмский фонд детской и женской шерстяной одежды.

— О да. — Мисс Марпл с восторгом хлопнула в ладоши. — Как это здорово! Теперь я поняла, как это у меня получилось. На Рождество я отправляла вещи в Истхэмское общество по специальному запросу на вязаные вещи и потому списала не тот адрес... Не повторите ли еще раз?

Она записала адрес в небольшую записную книжицу.

— Боюсь, что посылку уже увезли...

— О да, но я могу написать им, объяснить ошибку и попросить переправить посылку в «Ассоциацию помощи докерам». Большое вам спасибо.

Мисс Марпл заторопилась наружу.

Выдавая марки следующему клиенту, кислая миссис обратилась в сторону к коллеге:

— Крыша съехала и у этой... словно кто-то делает их по заказу. Надо думать, у ней во всем так.

Выйдя из почтовой конторы, мисс Марпл натолкнулась на Эмлина Прайса и Джоанну Кроуфорд. Последняя, как она заметила, показалась ей очень бледной и расстроенной.

— Мне придется давать показания, — сказала она. — А я не знаю, о чем меня спросят... Я так боюсь. Я... мне это не нравится. Я же все сказала полицейскому сержанту, сказала все, что мы, как нам кажется, видели.

— Не беспокойся, Джоанна, — проговорил Эмлин Прайс. — Это всего лишь доследование коронера, как тебе прекрасно известно. Он хороший человек... говорят — доктор. Он задаст тебе несколько вопросов, и ты расскажешь, что

видела.

— Ты тоже это видел, — сказала Джоанна.

— Да, видел, — согласился Эмлин. — Во всяком случае, я заметил наверху какую-то фигуру. Там, возле камней... А теперь пойдем, Джоанна.

— Они пришли к нам в отель и обыскали наши номера, — проговорила девушка. — Они спросили у нас разрешение, однако у них был ордер на обыск. Они осмотрели наши комнаты и весь багаж.

— Я думаю, что они хотели найти тот клетчатый пуловер, о котором вы говорили. В любом случае вам не о чем беспокоиться. Если бы у вас самих был черный с красным свитер, вы не стали бы упоминать об этом, правда? А он действительно был черным и красным?

— Не знаю, — отозвался Эмлин Прайс. — На самом деле я не слишком хорошо различаю цвета. Кажется, был какой-то яркий цвет. Это все, что я знаю.

— Они ничего не нашли, — сказала Джоанна. — В конце концов, у всех нас вещей немного. Зачем брать их в автобусную экскурсию? Да и подобной вещи ни у кого не нашлось. Я никогда не видела такой ни на ком... из наших. Пока не видела. А ты?

— Нет, не видел, однако не могу сказать, что узнал бы ее в таком случае, — заметил Эмлин Прайс. — Я не всегда отличаю зеленое от красного.

— Да ты у нас малость слеп на цвета, — проговорила Джоанна. — Я это замечала.

— Как это «замечала»? Что ты хочешь этим сказать?

— Я про мой красный шарф. Я спросила тебя, видел ли ты его. Ты ответил, что видел зеленый, а принес мне красный. Я оставила его в столовой. Но ты и в самом деле не знал, что он красный...

— Ладно, только не рассказывай всем, что я дальтоник. Мне это не нравится. Неким образом отталкивает людей.

— У мужчин цветовая слепота встречается чаще, чем у женщин, — сказала Джоанна. — Один из связанных с полом дефектов, — добавила она с видом эрудита. — Знаешь, передается по женской линии, а наблюдается у мужчин.

— Ты говоришь обо мне, как о какой-то там свинке, — проговорил Эмлин Прайс. — Ну, вот и пришли.

— Тебе, похоже, безразлично, — проговорила Джоанна, поднимаясь по ступеням.

— Ну, не совсем так. Мне еще не приходилось

бывать на доследовании. А интересно все, что делаешь в первый раз.

II

Доктор Стоукс оказался уже седеющим и очкастым мужчиной средних лет. Сперва было заслушано заключение полиции, затем — медицинское свидетельство со всеми техническими подробностями касательно повреждений, причиненных вызвавшим смерть ударом. Миссис Сэндберн рассказала о конкретном содержании тура, об экскурсии, намеченной на тот самый день, и описала детали происшествия. По ее словам, мисс Темпл, женщина немолодая, тем не менее была отличным ходоком. Группа поднималась по хорошо известной тропе, идущей вокруг холма наверх, к старинной Мурлендской церкви, построенной первоначально в правление Елизаветы, но с тех пор подвергшейся неоднократным перестройкам и добавлениям. На соседнем гребне находится так называемый мемориал Бонавентуры. Туда ведет крутой подъем, и экскурсанты обыкновенно поднимаются по нему с разной скоростью. Молодежь очень часто уходит или забегает вперед и приходит к месту назначения много раньше остальных. Пожилые

поднимаются медленнее. Сама она обыкновенно при возможности держится в конце группы, чтобы можно было при необходимости предложить сильно уставшим людям при наличии такового желания повернуть назад. Мисс Темпл, по ее словам, поговорила с мистером и миссис Батлер, и хотя ей было уже за шестьдесят, выразила легкое недовольство их скоростью, пошла вперед, завернула за угол и там прибавила шагу, как часто делала до того. Ей не хватало терпения слишком долго ждать, пока остальные догонят ее, и потому она предпочитала передвигаться в удобном для себя темпе. Тут все услышали крик, побежали вперед, обогнули угол и обнаружили мисс Темпл лежащей на земле. Ее сбил с ног скатившийся сверху большой валун. Такой вот вышел несчастный и трагический случай, заключила она.

— Вы считаете, что здесь имела место трагическая случайность и не более того?

— Да, считаю. Я просто не могу представить себе ничего, кроме несчастной случайности.

— Вы никого не видели на склоне?

— Нет Главная тропа огибает холм, однако люди, конечно, ходят и через вершину. Но в тот день я никого не видела.

Затем вызвали Джоанну Кроуфорд. Назвав ее

имя и возраст, доктор Стоукс спросил:

— Итак, вы не шли вместе со всей группой?

— Нет, мы сошли с тропы. И обогнули холм выше по склону.

— Вы шли вместе со спутником?

— Да. С мистером Эмлином Прайсом.

— Никто, кроме вас, не шел этим путем?

— Нет. Мы разговаривали и рассматривали редкие цветы. Они показались нам довольно интересными. Эмлина интересует ботаника.

— Остальная группа могла все время вас видеть?

— Нет, не всегда. Они шли по основной тропе, несколько ниже нас то есть.

— Вы видели мисс Темпл?

— Думаю, да. Она шла впереди остальных, и, кажется, я видела, как она огибает край холма, после чего скрылась за ним и исчезла из виду.

— Вы видели кого-нибудь над собой на склоне?

— Да. Вверху среди скопления валунов. На этой стороне холма находится целая россыпь этих камней.

— Да, — проговорил доктор Стоукс. — Я прекрасно знаю это место. Крупные гранитные глыбы. Люди иногда называют их Баранами... или Серыми баранами.

— Возможно, издалека они и похожи на овец, однако мы все-таки находились поближе.

— И вы видели там кого-то?

— Да. Какой-то человек находился среди камней и наклонялся к одному из них.

— Он его толкал, так?

— Да. Мне так и подумалось, и я удивилась. Человек этот, как мне показалось, толкал один из камней... настолько большой и тяжелый, что, на мой взгляд, сдвинуть его было невозможно. Однако тот, на который наваливался не знаю кто, она или он, как будто бы находился в неустойчивом равновесии.

— Мисс Кроуфорд, сперва вы сказали об этом человеке в мужском роде, теперь говорите: он или она. Так кто же это был, мужчина или женщина?

— Ну, я думала об этом, и предполагаю — предполагаю, — что это был мужчина, однако в тот момент мне так не показалось. Это был некто, не знаю, он или она, в брюках и мужском свитере с высоким воротником.

— Какого цвета был свитер?

— Довольно яркий, в красную и черную клетку. Из-под берета торчали длинные волосы, похожие на женские, однако такую прическу носят и мужчины.

— Безусловно, — довольно сухим тоном отозвался доктор Стоукс. — В наши дни отличить мужчину от женщины по волосам не так-то просто... И что же случилось дальше?

— Ну, камень покатился... как бы перевалился через край и начал набирать скорость. Я сказала Эмлину: ого, он свалится прямо вниз. Затем мы услышали какой-то грохот, и мне показалось, что снизу донесся крик, однако мне могло просто померещиться.

— А потом?

— Мы взбежали чуть вверх и за край холма, чтобы посмотреть, что случилось.

— И что же вы увидели?

— Мы увидели валун на тропе, тело под ним и людей, бежавших из-за угла.

— Кто, по-вашему, кричал... мисс Темпл?

— Должно быть. Вскрикнуть мог и один из тех, кто выбежал из-за угла... О боже, это было ужасно!

— Да, не сомневаюсь в этом... А что случилось с находившейся над вами фигурой? С этим мужчиной или женщиной в черно-красном свитере? Фигура еще оставалась среди камней?

— Не знаю. Я больше не смотрела туда. Я... я во все глаза глядела вниз и уже бежала по склону,

чтобы посмотреть, можно ли еще что-нибудь сделать. Кажется, один раз я все-таки посмотрела наверх, но никого не увидела, только камни. Там их много, очертания сливаются, и потерять человека из вида очень легко.

— Мог ли это сделать кто-то из вашей группы?

— О нет. Я не сомневаюсь в том, что это сделал некто чужой, не кто-то из нас. Я заметила бы это, то есть это нетрудно было бы понять по одежде. Никто из наших не был одет в красно-черный свитер.

— Благодарю вас, мисс Кроуфорд.

Следующим вызвали Эмлина Прайса. Его рассказ почти в точности совпадал со словами Джоанны.

Были и еще кое-какие свидетельства — впрочем, не особо существенные.

Коронер завершил заседание утверждением, что свидетельства не позволяют заключить, каким именно образом Элизабет Темпл встретила свою смерть, и назначил новое заседание через две недели.

Глава 17
МИСС МИРНА НАШИТ ВИЗИТ

I

На обратном пути к «Золотому вепрю» никто не проронил ни слова. Профессор Уэнстед шел возле мисс Марпл, и поскольку она не принадлежала к числу быстрых ходоков, оба чуть отстали от всех остальных.

— И что будет дальше? — спросила наконец мисс Марпл.

— В плане закона или с нами?

— И в том, и в другом плане, потому что одно неразрывно связано с другим.

— Предположительно, полиции придется продолжить расследование, опираясь на свидетельства, полученные от обоих молодых людей.

— Да.

— Продолжать расследование просто необходимо. Дознание не могло не оказаться отложенным. При таких показаниях трудно ждать, что коронер вынесет вердикт о случайной смерти.

— Что ж, я понимаю это, — проговорила она. — А что вы думаете об этих двух свидетельствах?

Профессор Уэнстед бросил на свою спутницу резкий взгляд из-под кустистых бровей.

— У вас уже возникли какие-то идеи, мисс Марпл? — В голосе его прозвучала настойчивая нотка. — Конечно, мы заранее знали, что они хотят сказать.

— Вы хотите знать, что я думаю о них самих и об их отношении к трагедии?

— Это было интересно, — проговорила мисс Марпл. — Очень интересно. Особенно пуловер в красно-черную клетку. И довольно важно, как по-вашему? Удивительная подробность.

— Да, именно так. — Профессор снова метнул в ее сторону очередной пронзительный взгляд из-под бровей. — И что же именно она говорит вам?

— На мой взгляд... — ответила мисс Марпл. — На мой взгляд, этот предмет становится важной уликой.

Они вошли в «Золотой вепрь». Было всего лишь половина первого, и миссис Сэндберн предложила туристам подкрепиться перед ленчем. После того как были выпиты шерри, томатный сок и прочие напитки, миссис Сэндберн приступила к объявлениям.

— Я посоветовалась с коронером и инспектором Дугласом, — сказала она, — и так как медицин-

ское обследование было проведено в полном объеме, завтра, в одиннадцать утра, в церкви состоится погребальная служба. Я намереваюсь договориться об этом с местным викарием, мистером Кортни. И на следующий день будет уместно продолжить наш вояж. Программа его слегка сократилась, так как мы потеряли три дня, однако, на мой взгляд, их будет достаточно просто компенсировать. Несколько членов нашей группы сказали мне, что предпочли бы вернуться в Лондон, лучше всего поездом. Я вполне понимаю чувства, определившие такое решение, и мне не хотелось бы даже пытаться отговорить вас. Смерть эта стала для всех нас очень печальным событием. И я никак не могу избавиться от мысли, что кончина мисс Темпл все-таки стала результатом несчастного случая. Подобные события уже случались прежде на этой тропе, хотя данный случай не был вызван какими-либо геологическими или атмосферными условиями. Думаю, что расследование должно быть продолжено. Бесспорно, какой-нибудь проходивший по маршруту пеший турист, будь то он или она, мог, не имея злого умысла, столкнуть вниз этот камень, не подозревая, какой опасности этот поступок подвергает проходящих внизу. В таком

случае, если этот человек сам признается в своем поступке, вопрос будет разрешен достаточно быстро; однако я, конечно, соглашусь с теми, кто скажет, что подобного в данной ситуации, скорее всего, ждать не стоит. Кажется маловероятным, чтобы у покойной мисс Темпл могли быть враги, способные пожелать ей зла и причинить его. Мне хотелось бы предложить всем на этом прекратить обсуждение инцидента. Расследование продолжат местные власти, чьей обязанностью это и является. Я думаю, что завтра все мы захотим посетить погребальную службу в церкви. И после этого, продолжая наш тур, надеюсь, что поездка позволит изгнать из вашей памяти пережитое потрясение. Нас по-прежнему ожидают крайне интересные и знаменитые дома, а также великолепные пейзажи.

Сразу после этого подали ленч, и тема, так сказать, была закрыта — во всяком случае, публично. После ленча, отдыхая за кофе в гостиной, группа разделилась на несколько более мелких, обсуждавших дальнейшие перспективы.

— Вы продолжаете поездку? — спросил профессор Уэнстед у мисс Марпл.

— Нет, — ответила она задумчивым тоном. — Нет. Я думаю… думаю, что случившееся требует

того, чтобы я задержалась здесь подольше.

— В «Золотом вепре» или в «Старом особняке»?

— Это зависит от того, получу ли я новое приглашение вернуться в «Старый особняк». Сама я не хотела бы напрашиваться на него, поскольку первоначальное приглашение подразумевало только те две ночи, которые проводила здесь группа. Скорее всего, будет лучше, если я останусь в «Золотом вепре».

— А вы не хотите вернуться в Сент-Мэри-Мид?

— Пока еще нет, — ответила мисс Марпл. — Здесь, на мой взгляд, я еще могу кое-что сделать. И кое-что уже сделала.

Встретив его вопросительный взгляд, она пояснила:

— Если вы собираетесь продолжать поездку вместе с остальными членами группы, я скажу вам, что задумала, и попрошу разрешить некий возникший у меня вопрос, ответ на который может оказаться важным для нас. Другую причину, заставляющую меня остаться здесь, я сообщу вам потом. Мне необходимо провести некоторые расследования местного порядка. Они могут оказаться безрезультатными, и поэтому не стоит обсуждать их сейчас. А что думаете вы?

— Мне хотелось бы вернуться в Лондон. Там

меня ждет работа. В том случае, конечно, если я не могу более быть полезным вам здесь...

— Нет, — сказала мисс Марпл, — пока это излишне. Конечно же, вас ждут самые разнообразные собственные дела.

— Я отправился в эту поездку, чтобы встретиться с вами, мисс Марпл.

— Теперь же, встретив меня, вы знаете все или практически все, что я знаю. И хотите заняться другими делами. Я вполне понимаю вас. Но прежде чем вы уедете отсюда, думаю, что у нас осталась парочка дел, которые, ну... могут оказаться полезными, могут дать результат.

— Понятно. У вас есть идеи.

— Я помню ваши слова.

— То есть вы хотите сказать, что уловили запах зла?

Мисс Марпл задумчивым тоном проговорила:

— Бывает трудно в точности понять, что именно означает та или иная неправда, повисшая в атмосфере.

— Значит, вы ощущаете, что в здешней атмосфере что-то не так?

— О да. И это весьма заметно.

— Особенно после смерти мисс Темпл, которая, конечно, не была случайной, вопреки всем на-

деждам миссис Сэнд-берн?

— Да, — согласилась мисс Марпл, — случайной она не была. Я, кажется, не говорила вам, что мисс Темпл сказала мне однажды, что считает себя находящейся в паломничестве.

— Интересно, — проговорил профессор. — Очень интересно. И она не сказала вам, в чем заключается это паломничество, куда она направляется или к кому?

— Нет, — сказала мисс Марпл, — но если бы она прожила подольше или если бы не была настолько слаба, могла бы сказать мне. К несчастью, смерть слишком поторопилась.

— Так, значит, у вас нет никаких идей на эту тему?

— Нет. Я всего лишь ощущаю уверенность в том, что ее паломничество было прервано чьим-то злым умыслом. Кто-то решил не допустить ее туда, куда она направлялась, или помешать ей встретиться с тем, с кем она хотела встретиться. Остается только надеяться на то, что случай или Провидение прольют свет на пока неизвестные нам обстоятельства.

— И поэтому вы остаетесь здесь?

— Не только поэтому, — ответила мисс Марпл. — Я хочу узнать кое-что о девушке по имени

Нора Броуд.

— Нора Броуд? — несколько удивился профессор.

— Так звали другую девушку, пропавшую одновременно с Верити Хант. Помните, вы сами упоминали о ней. У ней-то было много приятелей, и, насколько я понимаю, она активно стремилась к обществу этих самых приятелей. Девица глупая, но тем не менее привлекательная для мужского пола. Мне кажется, — проговорила мисс Марпл, — что знакомство с некоторыми подробностями ее жизни поможет мне в ходе нашего расследования.

— Действуйте как знаете, инспектор уголовной полиции Марпл, — ответил профессор Уэнстед.

II

Служба состоялась следующим утром. На ней собрались все члены туристической группы. Мисс Марпл обежала взглядом церковь. Пришли также несколько местных жителей, в частности миссис Глинн и ее сестра Клотильда. Младшей, Антеи, не было. Пришла еще пара людей — из деревни, надо полагать, подумала мисс Марпл. Скорее всего, незнакомые с мисс Темпл, однако привлеченные отвратительным любопытством к

тому, что называют «грязной игрой». Присутствовал также пожилой священник, широкоплечий старик, голову которого венчала благородная седая грива... в гетрах[28], весьма за семьдесят, подметила мисс Марпл. Двигаться ему было тяжеловато, он с трудом преклонял колена и вставал. Благородное лицо, заметила про себя мисс Марпл, пытаясь понять, кто это. Должно быть, старинный друг Элизабет Темпл, решила она наконец, прибывший на службу издалека.

Выходя из церкви, мисс Марпл обменялась несколькими словами со своими спутниками. И в результате в точности узнала, кто что намеревается предпринять. Батлеры возвращались в Лондон.

— Я сказала Генри, что просто не в состоянии ехать дальше, — проговорила миссис Батлер. — Знаете ли, мне все время кажется, что стоит нам обогнуть какой-нибудь там угол, и в нас кто-то выстрелит или бросит камень. Кто-то затаивший злобу на эту туристическую фирму.

— Будет тебе, Мамочка, — проговорил мистер Батлер, — нельзя позволять своему воображению настолько расходиться!

---

[28] Примечания: 28
Часть протестантского епископского облачения.

— Ну, в наши-то дни кто и что может сказать наверняка? То самолеты угоняют, то детей похищают...

Старые мисс Ламли и мисс Бентам решили продолжить маршрут, забыв про тревоги.

— Эта поездка обошлась нам в крупную сумму, и будет жаль отказываться от нее, пусть и из-за очень печального несчастного случая. Вчера вечером мы обзвонили почти всех наших соседей, они обещали присмотреть за нашими кошками, поэтому нам не о чем беспокоиться.

Итак, случившаяся трагедия для мисс Ламли и мисс Бентам так и осталась несчастным случаем. Они решили, что им будет легче воспринимать ее именно как случайность.

Миссис Ризли-Портер также решила продолжить поездку. Полковник Уокер со своей супругой твердо придерживались мнения, что ничто на свете не способно помешать им увидеть особенно редкостное собрание фуксий в саду, который им предстояло посетить послезавтра. Архитектора Джеймсона также подгоняло вперед желание увидеть разные особо интересные для него здания. Мистер Каспар, однако, решил отбыть восвояси по железной дороге. Мисс Кук и мисс Барроу пребывали в нерешительности.

— Здесь можно хорошо погулять, — проговорила мисс Кук. — Наверное, мы немного погостим в «Золотом вепре». Вы тоже намереваетесь остаться здесь, не правда ли, мисс Марпл?

— Я и впрямь подумываю об этом, — сказала та. — Пока я не чувствую в себе силы продолжать путешествие. Наверное, день-другой отдыха после трагедии помогут мне прийти в себя.

Крохотная компания рассеялась, и мисс Марпл последовала собственным неприметным путем. Она достала из своей сумочки вырванный из блокнота листок, на котором были записаны два адреса. Проживавшая по первому из них миссис Блэкетт обитала в опрятном маленьком домике с садом, расположенном в самом конце спускавшейся в долину дороги. Дверь перед мисс Марпл открыла невысокая опрятная женщина.

— Миссис Блэкетт?

— Да, да, мэм, так меня зовут.

— Не разрешите ли войти в дом и поговорить с вами несколько минут? Я только что со службы, и у меня чуть кружится голова. Не позволите ли присесть на пару минут?

— Боже мой, боже мой... О, простите. Входите, мэм, входите, прошу вас... Вот и хорошо. Садитесь сюда. Не хотите ли воды или, может, лучше со-

греть чайничек чаю?

— Нет, спасибо, — поблагодарила мисс Марпл, — стакана воды будет вполне достаточно.

Миссис Блэкетт возвратилась со стаканом воды, предвкушая перспективу приятного разговора о лекарствах, головокружении и тому подобных вещах.

— Знаете ли, у меня такой племянник. Он еще молодой, едва перевалил за пятьдесят, но время от времени на него вдруг набрасываются головокружения, и если ему не удается сесть сразу, то он неминуемо оказывается на полу. Ужасно все это, так ужасно... И доктора ничего не могут с этим поделать... Вот вам стакан воды.

— Ах, — проговорила мисс Марпл, пригубив, — теперь я чувствую себя много лучше.

— Были на заупокойной по бедной леди, которую кто-то пришил, как говорят некоторые, или с которой приключился несчастный случай, как говорят другие? Я бы сказала, что кому-то всегда не везет. Но эти доследования и коронеры... они всегда хотят обрядить случившееся под преступление, так вот.

— О да, — согласилась мисс Марпл. — Мне было очень неприятно услышать о том, что случалось здесь в прошлые времена. Мне много рассказы-

вали о девушке по имени Нора. Нора Броуд как будто.

— А, о Норе, да. Ну, она была дочерью моей кузины. Да. Ну, это было давно, давным-давно. Ушло навсегда и назад не вернется. Эти девицы, кто их теперь помнит... А я часто говорила, говорила вот так Нэнси Броуд, то есть моей кузине, говорила же ей: «Ты вот пашешь весь день, — говорила, — а Нора что у тебя делает? Знаешь ведь, что она из тех, кто липнет к мальчишкам. Ну, — говорила, — жди беды...» И разве не так вышло? Конечно же, я оказалась права.

— То есть?

— Ах, все произошло как обычно. Да... обрюхатела. И знаете ли, кузина моя, Нэнси-то, тогда так ничего и не заподозрила. Но я-то, мне-то шестьдесят пять, и я знаю, что почем, и знаю, на что тогда похожа девчонка. И, наверное, знаю, кто ей сделал ребенка, хотя не уверена до конца. Могу ошибаться, потому что он остался жить у нас и валял дурака, когда Нора уже пропала.

— Она уехала отсюда, так?

— Ну да, отправилась на прогулку с кем-то там... с каким-то незнакомцем. Больше ее и не видали. Вот забыла, как его машину называли. Забавное

такое имя. «Аудит»[29] или что-то вроде того. Так что ее раз или два видели в этой машине. В ней же она и уехала. Рассказывали, что в такой же машине катали ту бедную девушку, которая доездилась до того, что ее убили. Но я не думаю, что такое могло произойти с Норой. Если б ее убили, то тело уже нашли бы. Как вам кажется?

— Похоже на то, — согласилась мисс Марпл. — А что у нее было со школой, училась-то хорошо?

— Ах, что вы, нет. Она была лентяйкой и не слишком увлекалась книгами. Нет. С двенадцати лет интересовалась исключительно мальчиками. И, думаю, в конце концов сбежала из дома с кем-то из них. Однако вестей от нее с тех пор не было. Ни разу даже открытки домой не прислала. Уехала, наверное, с парнем, который наобещал ей тряпок... Сами знаете, как это бывает. Вот я знала еще одну девицу — но когда была молодой, — которая уехала с одним из этих африканцев. Он говорил ей, что папаша его — шейк. Странное слово, но он в точности был этим шейком. Это, значит, где-то в Африке или в Алжире. Да, точно, в Алжире. Словом, где-то там. И она надеялась получить уйму всяких замечательных вещей.

---

[29] Примечания: 29
Имеется в виду немецкий бренд «Ауди».

У отца этого парня, она говорила, было шесть верблюдов и целое стадо лошадей, а еще она собиралась жить в удивительном доме с коврами на всех стенах... хотя зачем вешать на стены ковры? И она уехала. Вернулась назад через три года. Да. Ужасные были годы, по ее словам. Жуткие. Они жили в вылепленном из земли мерзком домишке... Да, таком вот. А есть было совсем нечего, кроме какого-то там кускуса, который я всегда считала латуком, хотя на самом деле это не так. Что-то вроде пудинга из манки. Ох, как это было ужасно... В конце концов он сказал, что она ему больше не нравится и он намеревается развестись с ней. Для этого ему нужно было только три раза произнести «я развожусь с тобой», и он произнес эти слова и ушел... Хорошо еще, что каким-то там образом в этой стране нашлось Общество, которое позаботилось о ней и оплатило ей проезд домой в Англию. Вот как оно вышло... Ах да, было все это то ли тридцать, то ли сорок лет назад. А вот с Норой все приключилось семь или восемь лет тому. Но я жду, что она вот-вот объявится, получив свой урок и обнаружив, что все эти приятные обещания не значат совсем ничего.

— А не могла ли она уехать к кому-то другому,

кроме... матери, вашей кузины то есть? К кому-то кто...

— Ну, доброту к ней проявляли многие. Хозяйки из «Старого особняка», к примеру. Миссис Глинн тогда здесь не было, но мисс Клотильда, эта привечала девочку со школы. Да, она много чего хорошего дарила Норе. Однажды подарила ей красивую шаль и милое такое платьице. Очень миленькое, скажу я вам. Летнее платьице, из фулярового шелка. Ах, она всегда была добра к ней, мисс Клотильда то есть. Пыталась привить Норе больше интереса к школе. Много чего делала. Советовала ей вести себя по-другому, понимаете ли; не хотелось бы говорить этого, тем более что она — ребенок моей кузины, но понимаете, моя кузина замужем за другим моим кузеном, то есть было просто ужасно, как она липла к парням. Ее мог подцепить всякий. Печально это, вот что я говорю. Я бы сказала, что дело кончится панелью. Не верю, что у нее было другое будущее, кроме этого. Неприятно говорить такое, но ничего не попишешь. В любом случае, наверное, так все-таки лучше, чем чтобы тебя убили, как мисс Хант, которая жила в «Старом особняке». Жестокое было дело. Они подумали, что она с кем-то уехала, и полиция занялась де-

лом. Задавали всякие вопросы и таскали к себе молодых парней, которые водились с девушкой, чтобы помогли им с расследованием, и все такое. Джеффри Грант у них побывал, Билли Томпсон и еще Гарри Лэнгфорде. Все безработные — хотя работы кругом косой коси, было бы желание. Когда я была молодая, все было не так. Девушки вели себя так, как надо. И парни знали, что надо работать, чтобы что-то иметь.

Мисс Марпл поговорила с миссис Блэкетт еще чуть-чуть, после чего сказала, что отдохнула, поблагодарила хозяйку и вышла из дома.

Следующий разговор ее состоялся с девушкой, рассаживавшей салат.

— Нора Броуд? О, ее в деревне уже давно никто не видел. Уехала с кем-то, наверное. Очень уж любила парней. Я всегда гадала, чем все это закончится. А вы хотели повидать ее по особой причине?

— Я получила письмо от приятельницы из-за границы, — не стала придерживаться правды мисс Марпл. — Хорошее такое семейство, и они думают нанять мисс Нору Броуд. Кажется, она попала там в беду. Вышла за какого-то негодяя, который бросил ее и ушел к другой женщине, и она искала себе такую работу. Чтобы приглядывать за

детьми. Моей подруге ничего не известно о ней, однако я узнала, что она родом из этой деревни. Поэтому я хотела найти человека, который мог бы... ну, что-то рассказать мне о ней. Значит, вы вместе ходили в школу, как я понимаю?

— Ну да, мы учились в одном классе, так. Только знайте, я всех Нориных выкрутасов не одобряла. Она просто свихнулась на парнях, вот как. Ну, у меня-то самой был надежный приятель, с которым я все время ходила, и я ей сказала, что не выйдет ничего хорошего, если она будет гулять со всеми Томами, Гарри и Диками, которые предложат ей прокатиться на автомобиле или взять ее в паб, где она, скорее всего, врала о своем возрасте. Она была зрелой такой девушкой и казалась намного старше, чем на самом деле.

— Светлая или темная?

— Ну, у нее были темные волосы. Красивые такие. И всегда распущенные по плечам, как это заведено у девушек.

— А полиция беспокоилась, когда она пропала?

— Да. Видите ли, она даже слова за собой не оставила. Просто однажды вечером ушла из дома и не вернулась. Люди видели, как она садилась в машину, и больше ни этой машины, ни ее самой

никто не видел. А в то время вокруг было много убийств, знаете ли. Ну, не то чтобы вокруг нашей деревни, но просто в наших краях. Полиция-то, она прочесывала молодых людей и парней. В то время мы уже и не сомневались в том, что ее больше нет в живых. Но это не так? Значит, с ней все в порядке... Я бы сказала, что, скорее всего, она зарабатывает себе на жизнь где-нибудь в Лондоне или другом большом городе стриптизом, если не хуже. Такая уж она была.

— Ну, если это та самая Нора, — проговорила мисс Марпл, — не думаю, что она подойдет моей подруге.

— Чтобы подойти приличным людям, ей следовало малость перемениться, — сказала девушка.

Глава 18
АРХИДИАКОН БРЕЙБАЗОН

Когда мисс Марля, чуть запыхавшаяся и изрядно уставшая, вернулась в «Золотой вепрь», сидевшая в своей загородке администраторша поднялась со своего места и направилась к ней.

— О, мисс Марпл, тут с вами кое-кто хочет поговорить... архидиакон Брейбазон.

— Архидиакон Брейбазон? — удивилась мисс Марпл.

— Да. Он разыскивал вас. Он узнал, что вы находитесь в этой группе, и захотел поговорить с вами, пока вы не уехали отсюда. Я сказала ему, что кое-кто из вас собирается вернуться в Лондон поздним дневным поездом, и он очень, очень волновался из-за того, что может не успеть поговорить с вами. Я оставила его в телевизионной гостиной. Там спокойнее. В другой гостиной сейчас слишком шумно.

Пребывая в некотором удивлении, мисс Марпл отправилась в указанную ей комнату. Архидиакон Брейбазон оказался тем самым пожилым клириком, которого она заметила на службе.

Он поднялся и шагнул навстречу ей:

— Мисс Марпл... Мисс Джейн Марпл?

— Да, так меня зовут. Вы хотели...

— А я — архидиакон Брейбазон. Я приехал сюда сегодня утром, чтобы присутствовать на погребальной службе по моей старинной приятельнице мисс Элизабет Темпл.

— О да? — проговорила мисс Марпл. — Садитесь же.

— Спасибо, не откажусь. Теперь я не столь крепок, как прежде. — Он осторожно опустился в кресло. — А вы...

Мисс Марпл присела возле него.

— Итак, — проговорила она, — вы хотели видеть меня?

— Что ж, я должен объяснить, как все получилось. Я вполне понимаю, что совершенно незнаком вам. Дело в том, что, прежде чем отправиться в церковь, я успел побывать в Каррингтоне, в госпитале, и переговорить со старшей сестрой. Она и сказала мне, что перед смертью Элизабет хотела поговорить с одной из своих спутниц, мисс Джейн Марпл. И что мисс Джейн Марпл была у нее и сидела рядом с постелью Элизабет незадолго до ее кончины.

Архидиакон с волнением посмотрел на нее.

— Да, — сказала мисс Марпл, — это так. Ее просьба удивила меня.

— Вы с ней прежде дружили?

— Нет, — ответила мисс Марпл. — Мы познакомились только в этой поездке. Вот почему я и удивилась. Мы обменивались мнениями, время от времени сидели рядом в автобусе и успели достаточно хорошо познакомиться. Но меня удивило то, что она захотела видеть меня, находясь в таком тяжелом состоянии.

— Да. Да, вполне понимаю вас. Как я уже сказал, мы с ней были давними друзьями. По сути дела, она ехала, чтобы навестить меня, увидеться со мной. Я живу в Филлминстере, где ваш тур делает остановку послезавтра. А посетив меня, она намеревалась поговорить о различных делах, в которых я мог бы помочь ей.

— Понимаю, — сказала мисс Марпл. — Могу ли я задать вам вопрос? Надеюсь, что он не покажется вам слишком интимным.

— Конечно, мисс Марпл. Спрашивайте меня обо всем, что вам заблагорассудится.

— Среди прочего мисс Темпл сказала мне о том, что присутствие ее в группе объясняется не только желанием посетить знаменитые дома и сады. Она описала его достаточно необычным словом

— «паломничество».

— В самом деле? — оживился архидиакон Брейбазон. — Она и вправду так сказала? Да, это интересно. Интересно и, быть может, многозначительно.

— Поэтому я хочу спросить вас о том, могло ли это самое паломничество объясняться предстоящей встречей с вами?

— Вполне возможно, — сказал архидиакон. — Да, вполне.

— Мы разговаривали с ней, — продолжила мисс Марпл, — о молодой девушке. Девушке по имени Верити.

— Ах, да. Верити Хант.

— Я не знаю ее фамилии. Мисс Темпл, насколько я помню, называла ее просто Верити.

— Верити Хант мертва, — промолвил архидиакон. — И мертва достаточно много лет. Вам это известно?

— Да, — согласилась мисс Марпл. — Известно. Мы с мисс Темпл говорили о ней. Она сообщила мне нечто, дотоле остававшееся мне неизвестным. Она сказала, что девушка эта была помолвлена с сыном мистера Рэфьела, моего друга, то есть моего бывшего друга. Мистер Рэфьел, по щедрости своей, оплатил мне эту поездку. И я

думаю, что при этом он хотел, даже намеревался устроить нашу встречу с мисс Темпл. Думаю, он рассчитывал на то, что она предоставит мне некую информацию.

— Информацию относительно Верити?

— Да.

— За этим она и ехала ко мне. Она хотела знать факты.

— Она хотела знать, — сказала мисс Марпл, — причину, заставившую Верити расторгнуть помолвку с сыном мистера Рэфьела.

— Верити, — промолвил архидиакон Брейбазон, — не расторгала помолвку. Я в этом уверен. Уверен так, как вообще можно быть уверенным в чем-то.

— И мисс Темпл этого не знала, так?

— Нет. Я думаю, она все недоумевала и огорчалась по поводу случившегося, и ехала ко мне затем, чтобы узнать, почему брак все-таки не состоялся.

— И почему же он не состоялся? — спросила мисс Марпл. — Только прошу вас, не думайте, что я проявляю неуместное любопытство. Мною руководит далеко не праздный интерес. Я тоже нахожусь... правда, не в паломничестве, но как бы при исполнении задания. Мне также необходимо

знать, почему не поженились Майкл Рэфьел и Верити Хант.

Архидиакон пристально посмотрел на нее.

— Вижу, у вас есть какой-то свой интерес, — проговорил он. — Это нетрудно заметить.

— Я вовлечена в это дело, — проговорила мисс Марпл, — согласно предсмертному желанию отца Майкла Рэфьела. Он просил меня выяснить истину.

— У меня нет причин скрывать от вас все, что я знаю, — неторопливо проговорил архидиакон. — Вы просите у меня того, о чем попросила бы Элизабет Темпл; вы хотите узнать от меня то, чего я и сам не знаю. Мисс Марпл, эти двое молодых людей собирались пожениться. Они уже договорились о заключении брака. Я должен был обвенчать их. Брак этот, насколько я понимаю, должен был сохраняться в тайне. Я знал их обоих. Милую девочку Верити знал с самого детства. Я готовил ее к конфирмации, я служил в Великий пост, на Пасху и по другим оказиям в школе Элизабет Темпл. Превосходная была школа, кстати. И сама она — прекрасная женщина. Удивительная учительница, наделенная тонким пониманием способностей своих учениц... она всегда знала, к чему более всего пригодна та или другая. Она

готовила к карьере тех девиц, которые, по ее мнению, были способны на это, и не давила на девочек, по ее оценке, к этому непригодных. Великая была женщина и верный друг. А Верити была из самых очаровательных детей, девочек, с которыми мне приходилось встречаться. Наделенная прекрасным умом, чистым сердцем, ну и внешностью. Она пережила огромную трагедию, потеряв родителей, еще не выйдя из детства. Оба они погибли в авиакатастрофе — в направлявшемся на праздники в Италию чартерном рейсе. Закончив школу, Верити отправилась жить к мисс Клотильде Брэдбери-Скотт, которая, как вам, наверное, известно, проживает в этой деревне. Мисс Клотильда была близкой подругой матери Верити. Их три сестры, и поскольку средняя была замужем и жила за границей, они жили только вдвоем. Старшая из сестер, Клотильда, очень привязалась к Верити. Она делала все возможное, чтобы девочка была счастлива. Раз или два она возила ее за границу, брала для нее уроки живописи в Италии, любила и заботилась о ней, насколько это было возможно. Верити тоже полюбила ее, наверное, почти как собственную мать. Она во всем полагалась на Клотильду, женщину умную и образованную. Клотильда не стала заставлять

Верити поступать в университет, — наверное, потому, что сама девушка не стремилась к этому. Она предпочитала заниматься живописью, музыкой и тому подобными предметами. Думается, она вела в «Старом особняке» жизнь веселую и радостную. Она всегда казалась счастливой. Естественно, после того, как она перебралась сюда, я не видел ее, так как Филлминстер, в соборе которого я служил, находится в добрых шестидесяти милях отсюда. Я всегда писал ей на Рождество и прочие праздники, а она всегда поздравляла меня открыткой на Рождество. Так что я не встречался с ней до того самого мгновения, когда она вдруг явилась ко мне прекрасной и совершенно взрослой молодой женщиной вместе с привлекательным молодым человеком, с которым я также был отчасти знаком, — Майклом, сыном мистера Рэфьела. Они объявили мне, что любят друг друга и хотят пожениться.

— И вы согласились повенчать их?

— Да, согласился. Быть может, мисс Марпл, вы скажете, что мне не следовало этого делать. Они явились ко мне тайком, это было очевидно. Клотильда Брэдбери-Скотт, надо думать, постаралась уже сломать эту любовь. И она имела на это полное право. Майкл Рэфьел, скажу вам

откровенно, был не из тех, кого можно захотеть в мужья для дочери или родственницы. Верити, конечно, была еще слишком молода, чтобы принимать такое решение самостоятельно, а Майкл с детских лет успел уже изрядно набедокурить. Он уже не раз побывал в суде по делам несовершеннолетних, обзавелся неподходящими дружками, соучаствовал в деятельности различных гангстерских шаек, пробирался в дома и взламывал телефонные автоматы. Он вступал в интимные отношения с разного рода девицами, был вынужден платить им алименты. Да, он скверно вел себя в отношении своих подруг, как и вообще, однако был чрезвычайно привлекателен, и они вешались ему на шею и вели себя чрезвычайно глупо. Он дважды — недолго, правда — отсидел в тюрьме. Откровенно говоря, чистый криминальный тип. Я был знаком с его отцом, хотя и не слишком близко, и думаю, что человек этот делал для своего сына все возможное, все, что мог сделать человек с его характером. Он приходил сыну на помощь, предоставлял ему выгодную работу... платил его долги, возмещал убытки. Он делал все это. Ну, не знаю...

— Как по-вашему, он мог делать больше?

— Нет, — возразил архидиакон. — Я уже дожил

до того возраста, когда понимаешь, что следует воспринимать своих собратьев в роде людском как некие типажи, имеющие, если говорить современными словами, тот генетический набор, который наделяет их собственным характером. Не думаю, чтобы мистер Рэфьел был по-настоящему привязан к своему сыну, в любом случае между ними не было особо крепкой любви. Можно сказать, что отец умеренно симпатизировал сыну. Однако же не любил. Было бы лучше для Майкла, если бы отец любил его? Не знаю. Быть может, не составило бы никакой разницы. Однако итог оказался печальным. Мальчишка был далеко не глуп. Он обладал существенной долей ума и таланта. Он мог бы преуспеть, если бы захотел этого, однако же предпочел бедокурить. Скажем откровенно, потому лишь, что просто по самой своей природе был правонарушителем. Он обладал рядом достойных качеств. В частности, имел чувство юмора, умел проявить щедрость и милосердие. Он мог стать рядом с другом, помочь ему выбраться из беды... Вот с подружками своими он обращался плохо, как говорят местные, делал им неприятности, после чего быстро бросал и увлекался уже другой девицей. Словом, оказавшись перед этой парой, я... да, я решил по-

венчать их. Я объяснил Верити, объяснил вполне откровенно, за какого сорта парня она собралась замуж. И обнаружил, что Майкл ни в чем не стал обманывать ее. Он сказал, что его постоянно преследуют неприятности — как с полицией, так и всякого другого рода. И обещал ей после свадьбы начать жизнь с чистой строки. Обещал все изменить в себе. Я предупредил ее о том, что этого не произойдет, что он не изменится. Люди не меняются. Однако он вполне искренне мог хотеть измениться. Верити, как мне кажется, понимала это не хуже меня. Она сама мне об этом сказала. Сказала: «Я знаю, что представляет собой Майк. И понимаю, что он, скорее всего, останется таким навсегда, но я люблю его. Возможно, я сумею помочь ему, возможно, этого не случится; но я готова рискнуть». И скажу вам, мисс Марпл... я прекрасно все знаю, я имел много дела с молодежью, я переженил уйму молодых пар и видел, как распадаются эти семьи, я видел, как ни с того ни с сего браки вдруг оказываются удачными, — но я всегда знаю это. Я вижу, когда оба они действительно любят друг друга. И дело тут вовсе не в сексуальном влечении. О сексе слишком много говорят, слишком часто уделяют ему внимание. Я вовсе не хочу сказать, что секс — это плохо. По-

добная мысль вздорна. Однако секс не способен заменить любовь, он сопутствует любви, однако сам по себе не способен дать ничего. Любить — значит выслушать слова венчальной службы. В радости или в горе, в богатстве или в бедности, в здравии или в болезни... Все это ты принимаешь на себя, если любишь и хочешь вступить в брак. Эти двое любили друг друга. Любить и лелеять, пока не разлучит смерть... И на этом заканчивается моя история, — проговорил архидиакон. — У нее нет продолжения, потому что я не знаю, что произошло. Знаю только, что согласился выполнить их просьбу, что выполнил необходимые приготовления; мы назначили день, час, время и место. Быть может, моя вина заключается в том, что я согласился на секретность.

— Они не хотели, чтобы об их браке узнали? — спросила мисс Марпл.

— Нет. Верити не хотела, чтобы о нем знали, и я скажу с абсолютной уверенностью, что и Майк тоже. Они боялись, что их остановят. Верити, на мой взгляд, помимо любви видела в этом браке некое избавление. Естественное, как мне кажется, если учесть обстоятельства ее жизни. Она потеряла своих подлинных хранителей, своих родителей, а после их смерти ей пришлось начать

новую жизнь в том самом возрасте, когда школьница может так легко «втюриться» в кого-нибудь. В привлекательную учительницу. В преподавательницу физкультуры или в математичку, в старшую школьницу или дежурную. Подобное состояние не может продлиться очень долго, однако оно является вполне естественной частью жизни. А потом начинается другая стадия, когда ты осознаешь, что в своей жизни ищешь полноты. Отношений между мужчиной и женщиной. И тогда ты начинаешь оглядываться по сторонам, разыскивая себе пару. Спутника или спутницу жизни. И если у тебя хватает ума, ты не спешишь, заводишь друзей, но ждешь, как говорили детям старые няньки, правильного принца или принцессу. Клотильда Брэдбери-Скотт чрезвычайно хорошо относилась к Верити, и та, по всей видимости, почитала ее как героиню. Эта женщина была впечатляющей личностью. Симпатичная, образованная, интересная. Думаю, что Верити обожала ее самым романтическим образом и что Клотильда полюбила ее как собственную дочь. Словом, Верити созревала в атмосфере обожания, вела интересную жизнь, и интересные темы стимулировали развитие ее ума. Это была счастливая стезя, однако я думаю, что понемногу

она осознала... осознала, не понимая того, скажем так, желание совершить побег. Побег от любви. Побег, не знаю во что и куда. Однако, встретив Майкла, она поняла это. Ей хотелось бежать в ту жизнь, где мужчина и женщина вместе создают следующую ступень бытия в этом мире. Однако Верити поняла, что нет никакой возможности заставить Клотильду понять ее чувства. Она понимала, что Клотильда будет самым суровым образом противостоять ее любви к Майклу. Не сможет принять ее всерьез. И Клотильда, увы, была бы права в своих чувствах... Теперь я это знаю. Он не был таким мужем, которого могла... нет, должна была получить Верити. Избранная ею дорога вела не к жизни, не к полноте бытия и счастью. Она пролегала к потрясению, боли, смерти... Видите ли, мисс Марпл, я испытываю глубокое ощущение собственной вины. Я действовал из благих побуждений, однако не знал того, что мне следовало бы знать. Я знал Верити, но не знал Майкла. Стремление девушки к секретности я выводил из того, какой сильной личностью была Клотильда Брэдбери-Скотт. Она обладала столь сильным влиянием на Верити, что могла и отговорить ее от брака.

— Так, значит, вы считаете, что именно это она

и сделала? Считаете, что Клотильда достаточно наговорила ей о Майкле и девочка отказалась от намерения выйти за него?

— Нет, я в это не верю. Не верю до сих пор. В таком случае Верити сказала бы мне. Обязательно сказала бы.

— Так что же на самом деле случилось в тот день?

— Я еще не сказал вам об этом. День был назначен... время, час и место, — и я ждал. Ждал жениха и невесту, которые так и не пришли, не прислав мне ни слова, ни извинения... ничего. Но почему, не знаю даже теперь! И никогда не знал. До сих пор не могу поверить. То есть не в то, что они не пришли — это было бы несложно объяснить, — но в то, что они не прислали мне ни слова. Даже какой-нибудь небрежно набросанной строчки. Вот почему мне хотелось знать... я надеялся, что Элизабет Темпл могла что-то сказать вам перед смертью. Передать вам предназначенное мне послание. Если она знала или понимала, что умирает, то могла и захотеть передать мне такое известие.

— Она хотела получить от вас информацию, — проговорила мисс Марпл. — И в этом, не сомневаюсь, заключалась причина, послужившая

ее к вам.

— Да. Да, наверное, вы правы. Мне показалось, видите ли, что Верити ничего не сказала бы людям, способным остановить ее, Клотильде и Антее Брэдбери-Скотт, однако, поскольку она всегда была очень предана Элизабет Темпл — и та имела огромное влияние на нее, — мне кажется, что она писала ей и сообщала кое-какую информацию.

— Думаю, да, — проговорила мисс Марпл.

— И какую же информацию?

— Элизабет Темпл она сообщала следующее, — сказала мисс Марпл. — Что она намеревается выйти за Майкла Рэфь-ела. Мисс Темпл знала это. И сама сказала мне об этом. Сказала так: «Я знала девушку по имени Верити, собиравшуюся выйти за Майкла Рэфьела», — и узнать это она могла только от самой Верити, которая наверняка писала ей или посылала весточку. А когда я спросила: «Почему же она не вышла за него замуж?» — мисс Темпл ответила: «Она умерла».

— И тут мы можем поставить точку, — промолвил архидиакон Брейбазон и вздохнул. — Мы с Элизабет знали только два факта. Она знала, что Верити намеревается выйти замуж за Майкла. А я знал, что они собирались вступить в брак, что договорились об этом, назначили день и время.

И я ждал их, но свадьба не состоялась. Не было ни жениха, ни невесты, ни даже простой записки от них.

— А у вас есть какие-нибудь предположения о том, что могло случиться? — спросила мисс Марпл.

— Я даже на мгновение не допускаю, что Верити и Майкл могли поссориться и разойтись.

— Однако в их отношениях могло что-то произойти? Быть может, нечто такое, что открыло Верити глаза на некоторые стороны характера и личности Майкла, чего она прежде не понимала или не знала?

— Этот ответ не удовлетворяет меня, потому что она непременно дала бы мне знать. Она не могла позволить мне ждать их появления для совершения священного таинства. Как это ни забавно, Верити обладала прекрасными манерами и отличным воспитанием. Она прислала бы мне записку. Нет. Боюсь, что могло произойти только одно.

— Смерть? — спросила мисс Марпл, вспомнив единственное слово, произнесенное Элизабет Темпл так, что в нем загудел колокол.

— Да, — вздохнул архидиакон Брейбазон. — Смерть.

— Любовь, — в задумчивости произнесла мисс Марпл.

— Вы хотите этим сказать... — Он помедлил.

— Это сказала мне мисс Темпл. Я спросила: «Что же убило ее?», и она ответила: «Любовь» — так, что слово это показалось мне самым страшным в мире. Самым страшным.

— Понимаю, — проговорил архидиакон. — Понимаю... как мне кажется.

— И какое же решение вы можете предложить?

— Раздвоение личности, — он снова вздохнул. — Нечто совершенно не очевидное для окружающих, если только они не обладают достаточной квалификацией, чтобы заметить это нечто. Видите ли, Джекилл и Хайд вполне реальны. Стивенсон вовсе не придумал их. Майкл Рэфьел был — не мог не быть — шизофреником. Личность его раздвоилась. Я не обладаю медицинскими знаниями и психоаналитическим опытом. Однако в Майкле обязательно присутствовали две части... две личности. Одна — доброжелательный, даже милый юноша, возможно, главным образом привлекавший своим стремлением к счастью. Но была и вторая, которую некая умственная деформация, пока что неведомая нам, заставляла убить

не врага, но любимую, и потому он убил Верити. Не зная, быть может, почему он делает это или что это значит. В нашем с вами мире происходят подчас весьма жуткие вещи, умственные причуды, нравственные извращения или нарушения мозговой деятельности. В этом отношении очень печальный случай представляла собой одна из моих прихожанок. Жили вместе две пожилые женщины, пенсионерки. Они были подругами по какой-то прежней работе. Казались вполне счастливой парой. И однажды одна из них убила другую. После чего послала за своим старым другом викарием своего прихода и объявила: «Я убила Луизу. Это очень печально, однако я увидела, как дьявол выглядывает из ее глаз, и поняла, что обязана убить ее». Подобные вещи подчас приводят в отчаяние. Можно только спрашивать: зачем? Почему? Но однажды придет ясность. Врачи обнаружат или вычислят какой-нибудь дефект в гене или в хромосоме. Или найдут железу, перенапрягающуюся или перестающую функционировать...

— Итак, по-вашему, произошло именно это? — спросила мисс Марпл.

— Но это же произошло. Насколько мне известно, тело нашли далеко не сразу. Верити просто

исчезла. Ушла из дома, и более ее никто не видел...

— Но это должно было случиться тогда же, в тот самый день...

— Однако, конечно, на суде...

— Вы хотите сказать, после того, как было обнаружено тело, когда полиция наконец арестовала Майкла?

— Видите ли, его одним из первых попросили оказать содействие полиции. Его видели с Верити, ее замечали в его машине. В полиции были уверены, что именно он и является их клиентом. Он считался первым подозреваемым, и подозревать его никто и никогда не переставал. Опросили прочих молодых людей, знакомых с Верити, и у всех и каждого обнаружилось либо алиби, либо полное отсутствие свидетельств. Так что подозрение лежало на Майкле, и тут наконец обнаружили тело. Ее задушили, после чего голову и лицо изуродовали сильными ударами. Дело рук безумца. Майкл был невменяем, когда наносил эти удары. Так сказать, мистер Хайд взял верх.

Мисс Марпл поежилась.

Архидиакон продолжил голосом негромким и полным печали:

— Но даже сейчас я не перестаю надеяться и

думаю, что убил ее все-таки кто-то другой. Какой-то душевнобольной... безумец, хотя никто не представляет, кто именно. Должно быть, какой-то чужак, которого она встретила по соседству. Совершенно случайный человек, предположим, предложивший подвезти ее на машине... — Он покачал головой.

— Вполне возможно, что так оно и было, — проговорила мисс Марпл.

— Майк произвел плохое впечатление на суде, — продолжил архидиакон. — Говорил всякие глупости, ложь и бессмыслицу. Солгал о том, где находился его автомобиль. Заставил своих друзей давать ему невозможные алиби. Он был испуган. Он ничего не сказал о своем намерении жениться. Должно быть, его адвокат придерживался того мнения, что это могло свидетельствовать против него... что она могла заставлять его против желания жениться на ней. Но это было настолько давно, что я уже не помню подробностей. Однако свидетельства против него казались неопровержимыми. Он был виновным и таковым выглядел. Поэтому, мисс Марпл, вы отлично можете понять мою печать и горе. Я допустил неправильное суждение, я подтолкнул к смерти милую и очаровательную девочку, поскольку не

до конца понимал человеческую природу. Я не представлял степень грозившей ей опасности. Я считал, что если бы она вдруг ощутила страх перед ним, внезапно почувствовала в нем зло, то разорвала бы свое обещание выйти замуж, прибежала бы ко мне, рассказала о своем страхе, о новом понимании характера Майкла. Но этого не произошло. Почему он убил ее? Не потому ли, что узнал, что она ждет ребенка? Или же успел связаться с другой девушкой и не хотел, чтобы Верити заставляла его жениться на ней? Я в это поверить не могу. Или же по какой-то еще, совершенно другой причине. Возможно, она вдруг испугалась его, почувствовала исходящую от него опасность и разорвала отношения? И это пробудило в нем гнев, ярость, вызвало вспышку насилия, доведшую до убийства? Как знать...

— Вы не испытываете уверенности? — спросила мисс Марпл. — Однако все еще знаете и верите во что-то одно, так?

— Что вы подразумеваете под словом «верить»? Вы говорите о религиозном аспекте?

— О нет, — возразила мисс Марпл, — Я имею в виду не это. Я хочу сказать, что вы ощущаете, — во всяком случае я так поняла вас, — достаточно твердую уверенность в том, что эти двое

любили друг друга, что они намеревались сочетаться браком, однако нечто помешало им, нечто закончившееся ее смертью; но вы по-прежнему уверены в том, что они намеревались в тот день приехать к вам для совершения брака?

— Вы совершенно правы, моя дорогая. Да, я не могу избавиться от мысли, что имел дело с двумя влюбленными, желавшими пожениться, готовыми принять друг друга... в радости и в горе, в богатстве и в нищете, в болезни и в здравии. Верити любила его и была готова взять его в мужья в добре и во зле. Но получилось именно так: желание ее закончилось злом. Оно навлекло ее смерть.

— Что ж, не отказывайтесь от своей веры, — заметила мисс Марпл. — И знаете, я тоже разделяю ее.

— И что теперь?

— Пока не знаю, — ответила мисс Марпл. — Я пока не знаю наверняка, однако думаю, что Элизабет Темпл знала или хотя бы начинала догадываться о том, что произошло. Это страшное слово, сказала она. Любовь. Тогда, когда она произнесла его, я подумала, что она хотела сказать, что Верити от несчастной любви совершила самоубийство. Потому что узнала о Майкле нечто

скверное или же потому, что нечто в нем вдруг вызвало в ней отторжение и отвращение. Однако самоубийства здесь быть не могло.

— Да, — согласился архидиакон, — не могло. Полученные ею увечья были подробно описаны на суде. Никто не совершает самоубийство, размозжив себе голову.

— Ужасно! — воскликнула мисс Марпл. — Как это ужасно! Тем более что так невозможно обойтись с той, кого ты любишь, даже если убиваешь, обманувшись в любви, так ведь? Если это он убил ее, то убил не так... иначе. Задушить еще можно, но разбить лицо и голову любимой .. Любовь, любовь... какое жуткое слово, — пробормотала она.

Глава 19
СЛОВА ПРОЩАНЬЯ СКАЗАНЫ

На следующее утро к дверям «Золотого вепря» подали автобус. Сойдя вниз, мисс Марпл принялась прощаться с попутчиками. Миссис Ризли-Портер пребывала в состоянии высокого негодования

— И что за девицы пошли теперь, — проговорила она. — Никакой энергии. Никакой выносливости.

Мисс Марпл с вопросом посмотрела на нее.

— Я про Джоанну... про свою племянницу.

— О боже. Она прихворнула?

— Пока еще нет, по ее словам. И незаметно, чтобы с ней что-то случилось. Она говорит, что у нее болит горло, что поднимается температура. На мой взгляд, полная чушь.

— Как жаль, очень жаль, — проговорила мисс Марпл. — Смогу ли я что-нибудь сделать для нее?

— На вашем месте я не стала бы ею интересоваться, — ответила миссис Ризли-Портер. — Если вы спросите мое мнение, скажу: все это притворство.

Мисс Марпл еще раз посмотрела на нее с вопросом.

— Девчонки такие глупые. Вечно они в кого-то влюбляются.

— В Эмлина Прайса? — предположила мисс Марпл.

— О, так и вы это заметили... Да, уже дошли до стадии ухаживанья. Мне он не слишком нравится. Еще один длинноволосый студент, знаете ли. Из тех, что вечно шляются на всякие «демо» или что-нибудь в том же духе. Ну почему нельзя четко и ясно сказать: демонстрация? А я ненавижу аббревиатуры и сокращения. И как мне теперь быть? Кто будет заботиться обо мне, собирать чемоданы, вносить и выносить их? В самом деле, я же заплатила за полное путешествие и за всё.

— Мне казалось, что она очень внимательно относится к вам, — проговорила мисс Марпл.

— Только не в последние пару дней. Эти девицы не имеют ни малейшего представления о том, что пожилым людям нужна какая-то помощь. Они, моя племянница и мальчишка Прайс, вбили себе в голову, что им нужно попасть на какую-то там гору или другую достопримечательность. В семи или восьми милях ходьбы отсюда туда и обратно.

— Но если у нее болит горло и поднялась температура...

— Видите ли, как только автобус отойдет от гостиницы, и боль в горле пройдет, и температура станет нормальной, — отрезала миссис Ризли-Портер. — О боже, пора садиться... До свидания, до свидания, мисс Марпл, мне было приятно познакомиться с вами. Жаль, что вы остаетесь.

— Мне и самой жаль, — ответила мисс Марпл, — но увы, я не столь молода и энергична, как вы, миссис Ризли-Портер, и после... после потрясения и всего, что последовало за ним в последние несколько дней, я чувствую, что должна позволить себе отдых на целые сутки.

— Ну, тогда надеюсь на новую встречу с вами.

Они обменялись рукопожатием, и миссис Ризли-Портер поднялась в автобус.

Где-то за плечом мисс Марпл знакомый голос произнес:

— Bon voyage[30] и скатертью дорога.

Она повернулась к Эмлину Прайсу, ухмылявшемуся во весь рот.

— Вы имеете в виду миссис Ризли-Портер?

— Да. А кого же еще?

---

[30] Примечания: 30
Доброго пути *(фр.).*

— Как жаль, что Джоанна простыла.

Эмлин Прайс снова улыбнулся мисс Марпл.

— Она скоро выздоровеет — как только отъедет автобус.

— В самом деле! — удивилась мисс Марпл. — Что вы хотите этим сказать?

— То, что Джоанне надоело опекать свою тетку, вечно исполнять ее распоряжения, — ответил Эмлин Прайс.

— Так, значит, и вы остаетесь в гостинице?

— Да. Я хочу задержаться здесь на пару дней. Хочется немного побродить по окрестностям, совершить несколько экскурсий... Не смотрите на меня с таким неодобрением, мисс Марпл. Вы же относитесь к моему намерению совершенно иначе, правда?

— Вот что, — ответила она, — подобные поступки происходили и во дни моей молодости. Предлоги бывали разными, однако мне кажется, что у нас было меньше шансов добиться своего, чем у вас.

Полковник Уокер и его супруга тепло пожали руку мисс Марпл.

— Приятно было познакомиться с вами и поговорить на наши восхитительные садоводческие темы, — сказал полковник. — Послезавтра нас

ожидает подлинный восторг, если больше не случится ничего плохого. Конечно, это ужасный, ужасный несчастный случай. А я, должен сказать, придерживаюсь именно этого мнения. И сомнения коронера по этому поводу мне кажутся очень странными.

— Очень странно, — проговорила мисс Марпл, — что никто так и не признался в том, что был на вершине и бросал камни. Если там действительно кто-то был.

— Боятся обвинения, конечно, — сказал полковник Уокер. — И намереваются сидеть и не высовываться... не высовываться, вот так. Что ж, до свидания. Я пришлю вам черенки той _Magnolia highdownensis_ и японской магонии. Хотя сомневаюсь, что им будет хорошо в ваших краях.

Они по очереди поднялись в автобус. Мисс Марпл отвернулась... отвернулась и увидела профессора Уэнстеда, машущего рукой отъезжающим. Миссис Сэндберн спустилась на землю, попрощалась с мисс Марпл и вернулась на свое место. Мисс Марпл взяла профессора Уэнстеда под руку.

— Вы мне нужны, — проговорила она. — Нет ли поблизости места, где можно спокойно по-

говорить?

— Есть. Что вы скажете о том месте, где мы сидели вчера?

— Как мне кажется, за углом есть уютная веранда.

Они обошли угол отеля. Приветливо просигналив, автобус тронулся в путь.

— Знаете ли, мне в известной степени жаль, — промолвил профессор Уэнстед, — что вы остаетесь. Мне было бы спокойнее видеть вас отъезжающей в автобусе. — Он строго посмотрел на нее. — Почему вы решили остаться? Из-за нервного переутомления или из-за чего-то еще?

— Из-за чего-то еще, — сказала мисс Марпл. — Не скажу, что я особо устала, хотя в моем возрасте такое извинение вполне естественно.

— На самом деле мне кажется, что я должен остаться и приглядывать за вами.

— Нет, — возразила мисс Марпл, — в этом нет необходимости. Вам придется заняться другими делами.

— Какими же? — Профессор посмотрел на нее. — У вас уже есть предположения или факты?

— Мне кажется, факты, однако необходимо подтвердить их. Есть такие вещи, которые я сама не в состоянии сделать. И мне кажется, что вам

они легче дадутся, так как вы знакомы с теми, кого я называю властями.

— То есть со Скотленд-Ярдом, начальниками местной полиции и комендантами тюрем Ее Величества?

— Да. С одним, другим или со всеми. Должно быть, вы вхожи и к министру внутренних дел...

— Ну, значит, вы что-то установили! И что же вы хотите, чтобы я сделал?

— Во-первых, я хочу дать вам этот адрес.

Мисс Марпл достала блокнот, вырвала из него листок и передала профессору.

— Что это? Ах да, хорошо известное благотворительное общество, так?

— Как мне кажется, одно из лучших. Они делают много добра. Им посылают одежду, — сказала мисс Марпл, — детскую и женскую. Пальто, пуловеры и все такое.

— И вы хотите, чтобы я тоже что-то послал им?

— Нет, я не требую от вас благотворительности, просто вам надлежит исполнить часть того, чем мы с вами заняты. Часть нашего общего дела.

— Каким образом?

— Я хочу, чтобы вы осведомились о содержании посылки, отосланной два дня назад из этого почтового отделения.

— И кто отослал ее — вы?

— Нет, — ответила мисс Марпл. — Нет. Но я взяла на себя ответственность за нее.

— Как это понимать?

— Понимать это надо так, — мисс Марпл чуть улыбнулась, — что я сходила в это отделение и объяснила в манере рассеянной и бессвязной, подобающей такой старой развалине, как я, что, самым глупым образом отправив другого человека посылать посылку за себя, написала на ней неправильный адрес. И была очень расстроена этим. Почтмейстерша любезнейшим образом сказала, что помнит эту посылку, однако адрес на ней был не тот, который я называла, а тот, который я сейчас дала вам. Я объяснила, что сделала большую глупость и написала ошибочный адрес, перепутав с другим, по которому иногда посылаю вещи. Она ответила мне, что сделать ничего не может, поскольку посылка, естественно, уже отправлена. Я сказала, что это не страшно и что я пошлю письмо в ту благотворительную организацию, куда была отправлена посылка, и объясню, что это сделано по ошибке. И попрошу любезно отослать туда, куда я это и хотела сделать.

— Изрядный обходной путь.

— Что ж, — согласилась мисс Марпл, — но надо

же было что-то сказать. Я не собираюсь ничего больше делать. Этим займетесь вы. Нам нужно узнать содержимое этой посылки! Не сомневаюсь, что у вас есть все средства для этого.

— А не может ли внутри этой посылки оказаться нечто, свидетельствующее о личности подлинного отправителя?

— Едва ли. Там может оказаться записка в два слова: от друзей или вымышленная фамилия и адрес... какая-нибудь миссис Пиппин, дом 14 по Вестбурн-гроув, но, если анонимно проверить, таковой миссис не окажется во всей окрестности.

— Так. А какие еще варианты?

— Возможно — почти невероятно, но все-таки возможно, — что в записке окажется «От мисс Антеи Брэдбери-Скотт».

— Так это она?

— Она отнесла посылку на почту, — пояснила мисс Марпл.

— И это вы просили ее об этом?

— О нет, — возразила мисс Марпл. — Я не просила ее что-либо посылать. Впервые я увидела эту посылку в руках Антеи, когда она прошла мимо садика при «Золотом вепре», где мы с вами сидели.

— Но вы пошли в почтовое отделение и заяви-

ли права на нее.

— Именно так, — согласилась мисс Марпл, — что совершенно не соответствовало действительности. Но на почте порядки строгие. А мне, понимаете ли, нужно было узнать, куда отправлена эта посылка.

— Вы хотели узнать, была ли вообще отправлена эта посылка и была ли она отправлена одной из Брэдбери-Скотт, особенно мисс Антеей?

— Я знала, что это будет Антея, — проговорила мисс Марпл, — потому что мы видели ее.

— Итак? — Профессор взял записку из ее руки. — Да, я могу привести в действие этот процесс. Вы считаете, что в посылке обнаружится нечто интересное?

— Думаю, что ее содержимое окажется весьма многозначительным.

— Вы любите сохранять в тайне свои секреты, так? — спросил профессор Уэнстед.

— Собственно говоря, не совсем секреты, — заявила мисс Марпл, — я исследую всего лишь вероятности. Так что не стоит делать утвердительные заявления, не имея на то определенных свидетельств.

— Что-нибудь еще?

— Думаю... думаю, что того, кто займется этим

преступлением, следует предупредить о том, что ему придется иметь дело со вторым трупом.

— Вы имеете в виду второй труп, связанный с тем преступлением, которое мы рассматриваем? Преступлением, происшедшим десять лет назад?

— Да, — ответила мисс Марпл. — Более того, я уверена в этом.

— Второй труп... Чей же?

— Ну, — проговорила мисс Марпл, — пока это всего лишь предположение...

— Есть какие-нибудь идеи относительно того, где он может находиться?

— О да, — воскликнула мисс Марпл, — я достаточно уверена в том, где оно находится, однако мне потребуется еще немного времени, прежде чем я смогу вам это сказать.

— И какого же рода труп? Мужчины? Женщины? Ребенка? Девушки?

— Тогда пропала еще одна девушка, — пояснила мисс Марпл. — Девушка по имени Нора Броуд. И с тех пор, как она исчезла, никто более ее здесь не видел. Я примерно представляю, где может находиться ее тело.

Профессор Уэнстед посмотрел на нее.

— Знаете ли, чем больше я вас слушаю, тем меньше мне хочется оставлять вас здесь, — про-

говорил он. — При всех этих идеях... не дай бог, сделаете какую-нибудь глупость, или же...

Он умолк.

— Или же все это вымысел? — спросила мисс Марпл.

— Нет-нет, я имею в виду не это. Но если окажется, что вы знаете слишком много, это может быть опасно для вас... Пожалуй, мне следует остаться здесь и не сводить с вас глаз.

— Нет, не стоит, — заявила мисс Марпл. — Вам надо отправляться в Лондон и приводить в движение новый процесс.

— Мисс Марпл, вы говорите так, словно уже много знаете.

— Полагаю, что мне действительно известно многое. Однако я должна быть уверенной.

— О да, но если вы обретете уверенность, она может оказаться последней в вашей жизни... эта уверенность! Третий труп нам не нужен. Ваш.

— О, ничего подобного я не ожидаю, — сказала мисс Марпл.

— Но если ваши предположения — хотя бы одно — справедливы, это может быть опасно. Вы уже подозреваете конкретную личность?

— Полагаю, что она мне известна. Остается лишь подтвердить мои подозрения... Я вынужде-

на оставаться здесь. Однажды вы спросили меня о том, чувствую ли я атмосферу зла. Что ж, она здесь присутствует — атмосфера зла, опасности, если угодно, великого несчастья, страха... Я должна что-то здесь сделать. Все, что могу. Однако такая старая женщина, как я, многого сделать не может.

Профессор Уэнстед принялся негромко считать:

— Один, двое, трое, четверо...

— Кого вы считаете? — спросила мисс Марпл.

— Тех, кто остался в автобусе. Надо думать, что они вас не интересуют, поскольку вы позволили им уехать, а сами остались здесь.

— Почему я должна интересоваться ими?

— Потому что, как вы сами сказали, мистер Рэфьел отправил вас в эту экскурсию с конкретной целью, именно в эту группу с конкретной целью, и именно в «Старый особняк» — также с конкретной целью... Ну, хорошо. Смерть Элизабет Темпл связана с кем-то из этой группы. Но ваша задержка здесь связана со «Старым особняком».

— Вы не вполне правы, — проговорила мисс Марпл. — Они связаны между собой. И я хочу, чтобы некто рассказал мне, каким именно образом.

— И вы считаете, что сумеете разговорить ко-

го-то?

— Думаю, да, сумею. А вы опоздаете на поезд, если еще задержитесь.

— Берегите себя, — посоветовал профессор Уэнстед.

— Именно это я и собираюсь делать.

Дверь в лоджию отворилась, и из нее вышли две женщины: мисс Кук и мисс Барроу.

— Привет, — поздоровался с ними профессор Уэнстед, — а я думал, что вы уехали в автобусе.

— Ну, мы передумали в самый последний момент, — бодрым тоном проговорила мисс Кук. — Знаете ли, мы только что обнаружили здесь очень интересные места для прогулок; кроме того, мне очень хотелось бы посетить пару местных достопримечательностей. Церковь с совершенно необычайным фронтоном саксонской поры. Находится всего в четырех-пяти милях отсюда, и до нее легко доехать местным автобусом. Видите ли, на свете существуют не только сады и дворцы. Меня в высшей степени интересует церковная архитектура.

— И меня, — проговорила мисс Барроу. — Неподалеку отсюда находится также Финли-парк, великолепный образец садовой архитектуры. И мы решили, что, пожалуй, задержимся здесь на

день-другой.

— Вы остаетесь в «Золотом вепре»?

— Да. Нам повезло. Нам предоставили очень хороший номер из двух комнат... куда лучший, чем тот, в котором мы провели два последних дня.

— Вы опоздаете на поезд, — вновь проговорила мисс Марпл.

— Мне хотелось бы, — проговорил профессор Уэнстед, — чтобы вы...

— Со мной все будет в порядке, — настоятельным тоном произнесла мисс Марпл. — Какой любезный человек, — проговорила она, когда профессор исчез за углом, — его и в самом деле волнует мое благополучие. Словно я его внучатая тетка или кто-то в этом роде.

— Да, все мы пережили великое потрясение, — проговорила мисс Кук. — Не хотите ли вы составить нам компанию и посетить церковь Святого Мартина в Роще?

— Спасибо за любезное приглашение, — поблагодарила мисс Марпл, — однако сегодня я не ощущаю в себе сил для экскурсий. Разве что завтра, если найдется что-нибудь интересное для меня.

— Что ж, тогда мы должны вас оставить.

Улыбнувшись обеим, мисс Марпл направилась

в отель.

Глава 20
МИСС МАРИИ ПОСЕЩАЮТ ИДЕИ

Отобедав в столовой, мисс Марпл пить кофе отправилась на террасу. Она уже приканчивала вторую чашку, когда по ступенькам поднялась высокая и худощавая женщина и, подойдя к ней, заговорила, стараясь при этом отдышаться. Это была Антея Брэдбери-Скотт.

— Ах, мисс Марпл, мы только что узнали, что вы в конце концов не уехали вместе с автобусом. Мы думали, что вы продолжите путешествие. И не имели даже малейшего представления о том, что вы останетесь здесь. Клотильда и Лавиния послали меня сюда, чтобы сказать вам, как мы надеемся на то, что вы вернетесь в «Старый особняк» и погостите у нас. Не сомневаюсь, что в нашем доме вам будет лучше, чем здесь. Тут всегда суета, люди приезжают и уезжают, в особенности на уик-энд. Поэтому мы будем очень, очень рады, в самом деле рады, если вы вернетесь к нам.

— О, очень приятно слышать подобное приглашение, — проговорила мисс Марпл. — Действительно очень приятно, однако не сомневаюсь в

том, что вы знаете, что мое пребывание здесь было рассчитано на два дня. Я намеревалась тогда продолжить путешествие с группой. То есть после двухдневного перерыва. Если бы не этот ужасно, ужасно трагический случай... я почувствовала, что не в состоянии сдвинуться с места. И мне необходима хотя бы одна ночь покоя и отдыха.

— Но я хочу сказать, что было бы лучше, если бы вы перебрались к нам. Мы постараемся сделать так, чтобы вам было уютно.

— О, я в этом не сомневаюсь, — проговорила мисс Марпл. — Мне было очень приятно у вас. Да, мне было очень приятно гостить в вашем доме. Он такой прекрасный. И полон таких изумительных вещей... ваш фарфор, ваше стекло и мебель... Жить в доме гораздо приятнее, чем в отеле.

— Тогда вы должны немедленно пойти со мной. Да, в самом деле должны. Я могу помочь вам собрать вещи.

— О, благодарю, вы очень добры. Я могу сделать это самостоятельно.

— Так что же, пойдемте, и я помогу вам?

— Весьма благодарна, — ответила мисс Марпл.

Они отправились в ее номер, где Антея, в несколько небрежной манере, собрала пожитки мисс Марпл, которой пришлось прикусить при

этом губу, сохраняя благодушное выражение на лице, поскольку она имела собственное представление о том, как надо укладывать вещи. Ну вот, думала она, ничего не может сложить так, как надо.

Антея вызвала носильщика из отеля, и он отнес чемодан по всей улице до «Старого особняка». Мисс Марпл наградила его соответствующими чаевыми и, произнеся приличествующие случаю слова благодарности и удовольствия, присоединилась к сестрам.

«Три сестры, — подумала она, — вот я к вам и вернулась».

Усевшись в гостиной, она на минуту закрыла глаза и попыталась отдышаться. Недолгий переход от отеля заставил мисс Марпл запыхаться. Для ее возраста это естественно, особенно если учесть, что Антея и гостиничный швейцар задали быстрый темп. Однако на самом деле, закрыв глаза, она пыталась понять, с каким чувством входит опять в этот дом. Ощущает ли в нем нечто зловещее? Нет, не столь зловещее, как безрадостное. Глубокое несчастье. Несчастье такое, что оно даже пугало...

Открыв снова глаза, мисс Марпл посмотрела на двух других находившихся в комнате женщин.

Миссис Глинн как раз только что вошла из кухни с подносом, приготовленным для вечернего чая. Выглядела она так, как выглядела всегда: спокойной, не проявлявшей никаких заметных эмоций или чувств. Пожалуй, даже слишком спокойной, подумала мисс Марпл. Неужели прожитая жизнь — быть может, полная трудностей и переживаний, настолько приучила ее скрывать свои ощущения, ничего не показывать миру, держаться сдержанно и не позволять никому догадаться о владеющих ею чувствах?

Она перевела взгляд на Клотильду. Эта казалась вылитой Клитемнестрой, каковой выглядела и прежде. Бесспорно, мужа своего она не убивала — поскольку никогда не располагала мужем для этой цели... сомнительно было и то, что она убила девушку, к которой была чрезвычайно привязана. В последнем мисс Марпл совершенно не сомневалась. Ей уже приходилось видеть, как слезы закипали в глазах Клотильды при упоминании о Верити и ее смерти.

А как же Антея? Антея... которая отнесла картонную коробку на почту. Антея... которая пришла, чтобы пригласить ее в свой дом. Антея... в отношении Антеи мисс Марпл испытывала уйму сомнений. Чудаковата? Пожалуй, слишком

для своего возраста. Глаза, беспокойно блуждавшие по сторонам и не способные остановиться на собеседнице. Глаза, возможно, видящие кое-что сокрытое от твоего собственного взгляда и замечающие нечто, стоящее за твоим плечом. Она испугана, решила мисс Марпл. Она боится чего-то. И чего же именно? Или она страдает какой-то душевной болезнью? И боится того, что ее отправят в некое заведение или учреждение, где ей придется провести часть своей жизни? Боится того, что сестры ее могут решить, что далее оставлять ее на свободе неразумно? Или же обе они считали, что не могут положиться на нее как в словах, так и в поступках?.. Да, вполне определенная атмосфера здесь присутствовала.

Допивая чай, мисс Марпл подумала: что-то поделывают теперь мисс Кук и мисс Барроу? Отправились ли они посещать свою церковь... или же все это были только слова, пустые и бессмысленные слова? Странно... Странно, зачем одна из них явилась в Сент-Мэри-Мид, чтобы внимательнее рассмотреть ее и вновь оказаться в одном автобусе с ней, не признавая прежнего знакомства, то есть короткой встречи.

Словом, вокруг влачилась череда непонятных событий. Наконец миссис Глинн унесла поднос

с чайной утварью, Антея вышла в сад, и мисс Марпл осталась наедине с Клотильдой.

— Как мне кажется, — начала мисс Марпл, — вы знакомы с архидиаконом Брейбазоном, не так ли?

— Ну, да, — живо согласилась Клотильда. — Вчера он присутствовал в церкви на службе. Вы с ним знакомы?

— О нет, — возразила мисс Марпл, — однако он пришел в гостиницу, чтобы поговорить со мной. Насколько я поняла, он успел побывать в госпитале и осведомиться о состоянии бедной мисс Темпл. Его интересовало, не оставила ли та ему какую-нибудь записку. Похоже, что она намеревалась нанести ему визит. Но я, конечно, сказала ему, что хотя побывала там на тот случай, если можно было бы оказаться чем-то полезной, однако делать было совершенно нечего, кроме как сидеть возле постели бедной мисс Темпл. Понимаете, она была без сознания. И я ничем не могла помочь ей.

— А сама она... никак не объясняла случившееся? — спросила Клотильда без особого интереса.

Мисс Марпл невольно спросила себя, не испытывает ли ее собеседница больше интереса, чем проявляет, однако в итоге решила, что это

не так. Пожалуй, Клотильду занимали мысли о чем-то другом.

— Вы тоже считаете, что это был несчастный случай? — проговорила мисс Марпл. — Или допускаете, что есть какой-то смысл в той истории, которую рассказала племянница миссис Ризли-Портер? О том, что они видели, как кто-то столкнул вниз валун.

— Ну, если так говорили они вдвоем, значит, действительно видели это.

— Да примерно так они оба и сказали, — проговорила мисс Марпл, — хотя и не вполне одинаковыми словами. Впрочем, возможно, что это вполне естественно.

Клотильда посмотрела на нее с любопытством.

— Похоже, что вы заинтригованы.

— Ну, рассказ их кажется маловероятным, — сказала мисс Марпл, — если только не...

— Что если только не?

— Ну, так, подумалось...

В комнату вернулась миссис Глинн.

— Так что же вам подумалось? — спросила она.

— Мы говорим о том, было ли это несчастным случаем или нет, — пояснила Клотильда.

— Но кто...

— История, которую они рассказали, кажется

мне очень странной, — снова проговорила мисс Марпл.

— В этом доме какая-то особая атмосфера, — вдруг посетовала Клотильда. — Нечто непонятное. Нам так и не удалось рассеять ее. Не удалось. После смерти Верити прошли годы, однако она никуда не делась. На нас лежит тень. — Она посмотрела на мисс Марпл. — Разве вам так не кажется? Разве вы не ощущаете ее?

— Ну, я здесь — человек чужой, — проговорила мисс Марпл. — И воспринимаю все иначе, чем вы и ваши сестры, которые жили здесь и знали убитую девушку. Судя по тому, что я слышала от архидиакона Брейбазона, она была красива и очаровательна.

— Она была чудесной девочкой. Бедное дитя, — проговорила Клотильда.

— Жаль, что я не знала ее получше, — сказал миссис Глинн. — Правда, все это время я прожила за границей. Мы с мужем приезжали в страну только однажды и почти не выезжали из Лондона. Мы нечасто навещали этот дом.

Из сада вошла Антея с большим букетом лилий в руках.

— Цветы на могилку, — проговорила она. — Сегодня мы должны выставить их, правда? Надо

выбрать вазу побольше. Цветы на могилку... — Она вдруг рассмеялась — странным, истеричным коротким смешком.

— Антея, — проговорила Клотильда, — нельзя... нельзя так поступать. Это... неправильно.

— Пойду и поставлю их в воду, — бодрым тоном проговорила та и быстро вышла из комнаты.

— В самом деле, — проговорила миссис Глинн, — Антея! Едва ли она...

— Ей становится хуже, — отозвалась Клотильда.

Мисс Марпл изобразила, что не слышит и не прислушивается. Взяв небольшую эмалевую шкатулку, она посмотрела на нее полными восхищения глазами.

— Наверное, вазу сейчас разобьет, — проговорила Лави-ния и вышла из комнаты.

— Вас беспокоит ваша сестра... Антея? — спросила мисс Марпл.

— Ну да, она всегда была у нас довольно неуравновешенной. Она — наша младшая и с детских лет была очень хрупкой девочкой. Но в последнее время, мне кажется, ее состояние определенно стало хуже. Как мне кажется, она потеряла представление о весе предметов. С нею случаются глупые истерические припадки. Начинается ис-

терический смех над вещами, к которым нужно относиться серьезно. Знаете ли... ну... мы не хотим посылать ее куда-либо или... вы понимаете меня. На мой взгляд, ей нужно лечение, однако я сомневаюсь в том, что она захочет расставаться с домом. В конце концов, он принадлежит ей. Хотя иногда нам оказывается очень... очень трудно.

— Вся жизнь бывает трудна подчас, — проговорила мисс Марпл.

— Лавиния говорит, что хочет уехать, — продолжила Клотильда. — Она хочет снова пожить за границей. В Таормине[31], по-моему. Она бывала там со своим мужем, и они были очень, очень счастливы. Много лет она прожила с нами, однако теперь ею овладело желание уехать в дальние края. Иногда... иногда я думаю, что ей не нравится жить в одном доме с Антеей.

— Боже мой, — посочувствовала мисс Марпл. — Да, я слыхала о сложностях, возникающих во многих подобных случаях.

— Она боится Антеи, — сказала Клотильда. — Боится вполне определенным образом. А я, наоборот, все время твержу ей, что бояться нечего. Просто Антея временами становится глуповатой.

---

[31] Примечания: 31

Таормина — исторический город на восточном побережье Сицилии (Италия).

Знаете ли, начинает говорить всякие несуразности и придумывать их. Однако я не думаю, чтобы она могла представлять какую-то опасность, ну то есть... сама не знаю, что я хочу этим сказать. Что сделает нечто опасное, странное, сомнительное...

— А ей никогда не случалось совершать поступки такого рода? — осведомилась мисс Марпл.

— О нет. Ничего подобного. Иногда с нею случаются нервические припадки, а кроме того, она вдруг ощущает неприязнь к некоторым людям. И еще, она очень ревностно относится к вещам. И очень ревностно воспринимает шумиху, поднятую вокруг некоторых личностей... Ну, не знаю. Иногда мне кажется, что нам было бы лучше вообще продать этот дом.

— Но это будет печально для вас, — проговорила мисс Марпл. — Я вполне могу понять, насколько печальным может стать такое решение для вас, живущих воспоминаниями о прошлом.

— Так вы понимаете это, в самом деле понимаете? Да, я вижу, что это так... Тут ничего не поделаешь. Наша память всегда возвращается к этому милому, любимому ребенку. Она была мне как родная дочь. И, кстати, была дочерью одной из моих самых лучших подруг. Разумная была девочка. Очень умная. И хорошая художница.

Она преуспевала в учебе живописи и дизайну. Я очень гордилась ею. И вот — несчастная страсть к этому жуткому умственно искалеченному мальчишке...

— Вы имеете в виду Майкла Рэфьела, сына мистера Рэфьела?

— Да. О, если бы только он никогда не появлялся здесь! Однако случилось так, что его занесло в наши края, и отец предложил ему навестить нас... словом, он явился и отобедал с нами. Он умел произвести впечатление, казаться очаровательным. Однако всегда был скверным, испорченным мальчишкой. Успел дважды побывать в тюрьме, очень скверно обращался с девушками. Но я никогда не допускала мысли, что Верити может... Она по уши влюбилась в него. Должно быть, это часто случается с девушками ее возраста. Он словно околдовал ее Верити не думала больше ни о чем другом, не желала слышать даже направленного против него слова И настаивала на том, что во всем случившемся с Майклом нет его вины. Знаете, как говорят эти девчонки. «Все настроены против него» — вот что они говорят. Все против него. Никто ему не помог. Ох, как устаешь от подобных речей!.. Неужели никто не способен вложить долю разума в этих девиц?

— Обыкновенно разума в них немного, — согласилась мисс Марпл.

— Она ничего не желала слышать. Я., я попыталась отвадить его от дома Я запретила ему впредь появляться здесь. Конечно, я совершила глупость. Это я поняла потом. Мой запрет привел лишь к тому, что они стали встречаться где-то вне дома. Не знаю где. Они назначали свидания в разных местах. Он забирал ее в каком-нибудь назначенном месте в свою машину и привозил домой поздно вечером. А один или два раза привозил только на следующий день. Я пыталась сказать им, что историю эту следует прекратить, прекратить совсем, однако они меня не слушали Верити ничего не хотела слышать. А от него я, конечно, и не ждала понимания.

— Значит, она намеревалась выйти за него замуж? — спросила мисс Марпл.

— Ну, я не думаю, чтобы дело зашло настолько далеко. Сомневаюсь, чтобы он хотел жениться на ней или даже просто думал об этом.

— Сочувствую, от всей души сочувствую вам, — проговорила мисс Марпл. — Вам пришлось много страдать.

— Да. Но самым худшим было опознание тела. Это случилось потом, уже после того, как она

исчезла из нашего дома. Конечно, мы думали, что она убежала с ним, и надеялись на то, что однажды получим от нее весть. Я знала, что полиция относится к делу весьма серьезно. Они вызвали Майкла в полицейский участок, чтобы он помог им в расследовании, и его рассказ о себе не согласовывался с тем, что говорили местные люди... А потом ее нашли. Довольно далеко отсюда. Примерно в тридцати милях. Посреди кустов в какой-то канаве вдоль уединенной аллеи, куда нечасто заходят люди. Да, мне пришлось идти и осматривать ее тело в морге. Жуткое зрелище. Эта жестокость... эта сила... Чего он хотел этим добиться от нее9 Разве не достаточно было просто задушить? Он удавил ее собственным ее же шарфом... Не могу... не могу больше вспоминать об этом. Это невыносимо... невыносимо.

По щекам ее потекли слезы.

— Сочувствую вам, — проговорила мисс Марпл. — От всей души сочувствую.

— Надеюсь на это. — Клотильда вдруг посмотрела на нее. — Хотя вы еще не знаете самого худшего об Антее.

— Чего именно?

— Даже я не знаю, что творилось с Антеей.

— Что вы хотите этим сказать?

— В то время она сделалась очень странной. Она... она начала ревновать. Она вдруг стала проявлять враждебность к Верити... смотреть на нее с нескрываемой ненавистью. Иногда я думала... думала, что, быть может... о нет, это ужасно, нельзя думать подобные вещи о собственной сестре, — что она на кого-нибудь набросится. Знаете, ею овладевали иногда настоящие приступы ярости. Я хотела понять, не тем ли они вызваны... о нет, нельзя говорить подобные вещи. Ни о чем таком и речи не может быть. Прошу вас, забудьте все, что я вам здесь наговорила. Все это ерунда и бессмыслица, бессмыслица и ерунда. Впрочем... ладно, она не вполне нормальна. И я привыкла смиряться с этим. Когда мы были маленькими, она пару раз творила неприглядные вещи с животными. У нас был попугай. Говорящий... говорил всякие глупости, которые можно ожидать от попугая; а она свернула ему шею, и с тех пор я не могла относиться к ней как прежде. Я почувствовала, что не могу доверять ей. И с тех самых пор ни разу не чувствовала... о боже, я сама впадаю в истерику!

— Не надо, не надо, — посоветовала мисс Марпл, — не надо думать об этих вещах.

— Не надо... Скверно уже то, что приходится

помнить о том, что Верити умерла. Погибла самым жутким образом. Но, во всяком случае, остальные девушки могут не опасаться этого парня. Он получил пожизненное заключение и по-прежнему находится в тюрьме. Его не выпустят оттуда, и он никому более не причинит зла. Хотя разве не могут там придумать — посреди всего прочего, что происходит в наши дни, — что умственные заболевания сокращают срок? Его следовало отправить в Броудмур. Не сомневаюсь в том, что он не осознавал, что творил.

Поднявшись на ноги, она вышла из комнаты, едва не столкнувшись в дверях с миссис Глинн.

— Не обращайте особого внимания на Клотильду, — посоветовала та. — Моя сестра так и не оправилась после той жуткой истории. Она очень любила Верити.

— А теперь, похоже, озабочена вашей младшей сестрой.

— Антеей?.. О, с Антеей все в порядке. Она... э, ну, она не без странностей, сами знаете. Несколько истерична. Быстро заводится по пустякам, подчас имеет странные фантазии и причуды. Но я не думаю, что у Клотильды есть серьезные основания для беспокойства... Боже мой, кто это ходит там возле окна?

За французским окном появились две фигуры.

— Ой, простите нас, — проговорила мисс Барроу, — мы ходим вокруг дома, чтобы найти мисс Марпл. Мы слышали, что она ушла сюда вместе с вами, и мне хотелось бы... о, да вот и вы, моя дорогая мисс Марпл! Я хотела сказать, что сегодня днем мы так и не попали в эту церковь. Очевидно, ее закрыли на уборку, поэтому я решила, что на сегодня мы можем отказаться от всех прочих поездок и отправимся туда завтра утром. Надеюсь, что мы не слишком рассердили вас подобным явлением. Я позвонила в дверной звонок, но он, видимо, не работает.

— Увы. Иногда с ним это случается, — отметила миссис Глинн. — Знаете ли, он у нас с норовом. Иногда звонит, иногда нет. Однако посидите с нами, поговорим. А я и не знала, что вы не уехали с автобусом...

— Нет, мы решили ограничиться лицезрением ваших окрестностей, раз уж попали сюда, а продолжать экскурсию после того, что произошло всего пару дней назад, было бы слишком мучительно.

— Вы должны выпить по бокалу шерри, — предложила миссис Глинн.

Она вышла из комнаты и немедленно вер-

нулась. С нею была Антея, теперь уже вполне успокоившаяся, с бокалами и графином шерри. Они сели.

— Не могу сдержать своего любопытства, — проговорила миссис Глинн, — в отношении того, как будет дальше идти это дело. Я имею в виду несчастную мисс Темпл. На мой взгляд, совершенно невозможно понять, о чем думает полиция. Они до сих пор занимаются делом, то есть расследование продолжено, а значит, они самым очевидным образом не удовлетворены. Не знаю, может быть, что-то обнаружилось в характере раны...

— Едва ли, — усомнилась мисс Барроу.

— Я имею в виду рану, оставленную ударом на голове — ну, то есть ту, которую нанес камень. Пока вопрос, мисс Марпл, стоит так: или кто-то столкнул камень, или же он скатился самостоятельно.

— Ну знаете ли, — проговорила мисс Кук, — неужели вы способны подумать, что кому-то в здравом уме может понадобиться скатить этот валун вниз? Совершить подобный поступок?.. Скорее всего, в здешних окрестностях завелась банда хулиганов. Сами знаете кого: молодых иностранцев или студентов. Но вот хотелось бы

знать, понимаете, не мог ли...

— Вы хотите сказать, — уточнила мисс Марпл, — не мог ли это сделать кто-то из наших спутников?

— Ну, я этого не сказала, — возразила мисс Кук.

— Впрочем, — проговорила мисс Марпл, — по чести говоря, мы не можем до конца избавиться от этой мысли. Я хочу сказать, что какое-то объяснение должно существовать. Если полиция проявляет уверенность в том, что трагедия не стала результатом несчастного случая, тогда это должен был кто-то сделать... ну, то есть я хочу сказать, что мисс Темпл не была никак связана с этим местом. А это значит, что никто здесь не мог этого сделать — я имею в виду местных жителей. И таким образом мы возвращаемся назад, то есть ко всем нам, кто ехал в автобусе...

Она чуть усмехнулась — по-старушечьи, с привизгом.

— Ну, конечно!

— Нет, наверное, мне не следовало бы говорить ничего подобного. Однако, знаете ли, на самом деле преступления представляют собой очень интересную вещь. Иногда складываются совершенно невероятные ситуации.

— А не сложилось ли у вас, мисс Марпл, какое-

то определенное мнение? Было бы интересно послушать, — проговорила Клотильда.

— Ну, пока говорить можно только о возможностях.

— Мистер Каспар, — проговорила мисс Кук. — Знаете ли, внешность этого человека с самого начала не понравилась мне. Он показался мне... ну, я подумала, что он может заниматься чем-то вроде шпионажа. Быть может, он хочет выкрасть в нашей стране какие-нибудь атомные секреты или что-нибудь в этом роде...

— Едва ли в наших краях могут найтись таковые, — усомнилась миссис Глинн.

— Откуда их взять, — добавила Антея.

— Быть может, кто-то следил за нею. Следил, потому что она была преступницей.

— Ерунда, — возразила Клотильда. — Она была отставной директрисой очень известной школы, была известным ученым. Зачем кому-то может понадобиться следить за ней?

— Ну, не знаю. Может, она свихнулась... может, произошло что-то еще...

— Я уверена, — проговорила миссис Глинн, — что у мисс Марпл уже выработалось какое-то представление.

— Ну что ж, кое-какое представление у меня

действительно есть, — проговорила мисс Марпл. — Мне кажется, что... ну, сделать это могли только двое... О боже, как трудно произнести подобную вещь. То есть я хочу сказать, что чисто из логических соображений сделать это могли двое людей. То есть я не хочу сказать, что это так и было, потому что оба они прекрасные молодые люди, однако логика не позволяет подозревать кого-то еще. Вот что я должна сказать.

— Кого вы имеете в виду? Это очень интересно.

— Ну, я не думаю, что позволительно говорить подобные вещи. Это всего лишь... нечто вроде невероятного совпадения.

— Так кто, по вашему мнению, столкнул вниз этот камень? Кого на самом деле видели Джоанна и Эмлин Прайс?

— Ну, я думаю, что они, быть может, на самом деле никого и не видели.

— Я что-то не поняла, — переспросила Антея, — как это они никого не видели?

— Вполне возможно, что они придумали свою историю.

— О том, что кого-то видели?

— Но это вполне вероятно, не так ли?

— Вы подразумеваете нелепую шутку или желание проучить? Вы это хотите сказать?

— Ну что ж, в наши дни нередко можно слышать о том, как молодые люди учиняют нелепые выходки, — проговорила мисс Марпл. — Знаете ли, бросают пыль в глаза лошадей, разбивают окна в посольствах и просто нападают на людей, забрасывают их камнями... так обыкновенно развлекается молодежь, согласитесь? А они оба — всего лишь молодые люди, так ведь?

— Вы хотите сказать, что камень столкнули вниз именно Эмлин Прайс и Джоанна?

— Оба они являются всего лишь самыми очевидными кандидатами на эту роль, — проговорила мисс Марпл.

— Пустая фантазия! — заявила Клотильда. — О, мне подобная мысль никогда не пришла бы в голову. Однако я вижу... да, вижу, что определенный смысл в ваших словах есть. Конечно, я не знакома с ними обоими, поскольку не путешествовала с вами.

— О, это такие приятные ребята, — проговорила мисс Марпл. — Знаете ли, Джоанна в особенности показалась мне способной девочкой.

— Способной на что? — спросила Антея.

— Антея, — остановила сестру Клотильда, — помолчи.

— Да, достаточно способной, — проговорила

мисс Марпл. — В конце концов, если ты намереваешься совершить поступок, который может закончиться убийством, надо иметь определенные способности, чтобы остаться незамеченным и так далее.

— Тогда они оба замешаны в этом деле, — предположила мисс Барроу.

— Ну да, — согласилась мисс Марпл. — Замешаны оба и потому рассказали примерно одинаковую историю. Они — самые очевидные, самые удобные претенденты на роль подозреваемых... это все, что я могу сказать. Их самих никто не видел. Все прочие находились на нижней тропе. Они могли подняться на вершину холма, они могли раскачать камень... Возможно, они не намеревались убивать мисс Темпл. Однако могли и преднамеренно сделать это — из анархических побуждений или желания раздавить кого-то или что-то... да что угодно, в конце концов. Словом, они столкнули камень. А потом, конечно же, придумали, что увидели кого-то наверху. Одетого в какой-то странный и броский костюм, что также кажется маловероятным... Впрочем, мне не следовало бы все это говорить, однако я все думаю о происшедшем.

— На мой взгляд, очень интересная мысль,

— проговорила миссис Глинн. — Как по-твоему, Клотильда?

— По-моему, вполне возможно. Я и сама могла бы так подумать.

— Ну что ж, — проговорила мисс Кук, поднимаясь на ноги, — нам пора возвращаться в «Золотой вепрь». Вы идете с нами, мисс Марпл?

— О нет, — возразила та. — Да вы не знаете, вижу... Я забыла сказать вам. Мисс Брэдбери-Скотт очень любезно предложила мне провести в их доме одну-две ночи.

— О да, понимаю... Что ж, не сомневаюсь в том, что так вам будет удобнее. Тише и уютнее. Сегодня вечером в «Вепре» появилась очень шумная публика.

— А не зайдете ли вы к нам выпить кофе после обеда? — предложила Клотильда. — Сегодня такой теплый вечер Мы не можем пригласить вас отобедать, поскольку не готовились к этому, но если вы придете отведать вместе с нами кофе...

— Это будет очень мило, — согласилась мисс Кук — Да, мы, безусловно, воспользуемся вашим любезным приглашением.

Глава 21
ЧАСЫ БЬЮТ ТРИ

I

Мисс Кук и мисс Барроу явились точно в 8:45. На одной были бежевые кружева, на другой — кружева оливкового оттенка. Еще во время обеда Антея спросила у мисс Марпл об этих двух леди.

— Какая забавная мысль пришла в голову им обеим, — проговорила она, — остаться в нашей деревне.

— О, едва ли это забавно, — возразила мисс Марпл. — На мой взгляд, они поступают вполне естественно. И согласно заранее продуманному точному плану, как мне кажется.

— Что вы подразумеваете здесь под планом? — спросила миссис Глинн.

— Ну, я бы сказала, что они всегда готовы к различным поворотам событий и располагают планом для разрешения их.

— Вы хотите сказать, — с некоторым интересом проговорила Антея, — вы хотите сказать, что у них был план действий на случай убийства?

— Мне не хотелось бы, — проговорила миссис

Глинн, — чтобы ты называла смерть бедной мисс Темпл убийством.

— Но, конечно, ничем другим она не является, — возразила Антея.

— Тогда мне хотелось бы знать, кому понадобилось убивать ее? Разве что каким-то бывшим ученицам, всегда ненавидевшим ее и затаившим свою злобу.

— Неужели вы считаете, что ненависть способна существовать так долго? — спросила мисс Марпл.

— О да, я в этом не сомневаюсь. Я бы сказала, что ненавидеть кого-то можно годы и годы.

— Нет, — не согласилась мисс Марпл, — на мой взгляд, ненависть не способна к долгой жизни. При желании ее можно разжигать в себе искусственно, однако такая попытка, скорее всего, закончится неудачей. Ненависть не имеет в себе силы любви, — добавила она

— А вам не кажется, что убийцами могут оказаться как раз мисс Кук или мисс Барроу или обе они?

— С какой стати? — вопросила миссис Глинн. — В самом деле, Антея! Они показались мне таким милыми женщинами.

— Тем не менее мне кажется, что в них есть

нечто таинственное, — проговорила Антея. — Как ты считаешь, Клотильда?

— По-моему, ты права, — ответила та. — Если угодно, обе они кажутся мне какими-то искусственными.

— На мой взгляд, в них есть нечто весьма зловещее, — предположила Антея.

— Ну, у тебя, как всегда, разгулялось воображение, — проговорила миссис Глинн. — Кстати, они как раз шли по нижней тропе, так ведь? Вы же видели их там, не правда ли? — обратилась она к мисс Марпл.

— Не могу сказать, что видела их своими глазами, — отозвалась мисс Марпл. — Поскольку на деле не имела такой возможности.

— То есть?..

— Ее же там не было, — напомнила сестре Клотильда. — Она находилась в нашем саду.

— О боже... А я и забыла.

— Стоял такой ясный, такой тихий день, — вздохнула мисс Марпл. — Я так радовалась солнечной погоде... Завтра утром мне хотелось бы выйти в сад и снова посмотреть на эту кипу белых цветов, распускающихся в конце сада возле той насыпной горки. Недавно они только начинали раскрываться. Должно быть, сейчас

все в цвету... Знаете ли, она навсегда запомнится мне как памятка о пребывании здесь.

— А я ненавижу ее, — сказала Антея. — Я хочу, чтобы ее убрали. Я хочу, чтобы там снова построили оранжерею. Клотильда, если мы сэкономим достаточно денег, то, наверное, сумеем снова построить ее?

— Оставим все как есть, — ответила Клотильда. — Я не хочу затевать это дело. Зачем нам теперь оранжерея? Пройдут годы, прежде чем виноград снова даст плоды.

— Хватит, — вмешалась в разговор миссис Глинн, — не стоит все время спорить об этом. Давайте перейдем в гостиную. Скоро пожалуют наши гостьи на кофе.

Тут как раз они и появились. Клотильда принесла поднос с кофе. Она разлила напиток по чашкам, расставила их перед гостями и протянула одну мисс Марпл. Мисс Кук подалась вперед.

— Ой, пожалуйста, простите меня, мисс Марпл, но знаете ли, на вашем месте я не стала бы пить кофе... такой напиток... кофе, в такое время... Вы не уснете.

— О, вы так считаете? — удивилась мисс Марпл. — Я привыкла пить кофе по вечерам.

— Да, но это очень хороший, очень крепкий

кофе. Я не советовала бы вам пить его.

Мисс Марпл посмотрела на мисс Кук. Выражение на лице собеседницы показалось ей очень искренним... неестественно светлые волосы ее прикрыли один глаз. Она чуть заметно моргнула другим глазом.

— Понимаю, что вы хотите сказать, — проговорила мисс Марпл. — Возможно, вы и правы. Как я вижу, вы разбираетесь в требованиях к диете.

— О да, я занималась этим. Я, знаете ли, готовилась в медсестры, училась разным там вещам...

— В самом деле? — Мисс Марпл чуть отодвинула от себя чашку. — А у вас не сохранилось фотографии этой девушки? Верити Хант, так ее, кажется, звали? Архидиакон рассказывал мне о ней. Он явно дорожил ею.

— Неудивительно. Он симпатизировал всем молодым людям, — проговорила Клотильда.

Поднявшись со своего места, она пересекла комнату, подняла крышку стола, достала изнутри его фотографию и принесла мисс Марпл.

— Такой была Верити, — проговорила она.

— Какая красавица! — восхитилась мисс Марпл. — Да, какое прекрасное и необыкновенное лицо! Бедная девочка...

— Как ужасно все стало теперь, — сказала Ан-

тея. — Подобные вещи творятся повседневно. Девушки просто вешаются на шею парням. Никто за ними не смотрит.

— В наши дни им приходится самостоятельно заботиться о себе, — заметила Клотильда, — и они не умеют этого делать, помоги им Бог!

Протянув руку, она забрала фотографию у мисс Марпл, при этом задела рукавом кофейную чашку и столкнула ее на пол.

— О боже! — воскликнула мисс Марпл. — Наверное, это я виновата? Неужели я подтолкнула вас?

— Нет, — возразила Клотильда, — причина в моем рукаве. Он такой свободный... Быть может, принести вам горячего молока, если вы опасаетесь пить кофе?

— Это было бы очень хорошо, — отозвалась мисс Марпл. — Стакан горячего молока на сон грядущий будет отличным успокаивающим средством. После молока я всегда хорошо сплю.

После недолгого и пустого разговора мисс Кук и мисс Барроу отправились восвояси. Отправились достаточно суетливо: то одна, то другая то и дело возвращались за забытой вещью — шарфиком, сумочкой и носовым платком.

— Суета сует и всяческая суета, — прокомментировала Антея их отбытие.

— Однако, — проговорила миссис Глинн, — готова согласиться с Клотильдой в том, что они какие-то ненастоящие, — обратилась она к мисс Марпл.

— Да, — ответила та, — пожалуй, вы правы. Они не кажутся мне реальными. Я пыталась понять их. Пыталась понять, почему они отправились в эту поездку, и приносит ли она им удовольствие. И еще — интересно, какая причина заставила их стронуться с места?

— И вы нашли ответ на поставленные вами вопросы? — спросила Клотильда.

— Думаю, что да, — вздохнула мисс Марпл. — Я нашла ответ на очень многие вопросы.

— Ну, до сих пор, наверное, вы были довольны собой, — заметила Клотильда.

— Я рада тому, что рассталась с группой, — проговорила мисс Марпл. — Не думаю, что продолжение путешествия могло бы доставить мне удовольствие.

— Да. Я вполне могу понять вас. — Клотильда принесла из кухни стакан горячего молока и проводила мисс Марпл до ее комнаты — Чем еще я могу услужить вам? — спросила она. — Что-нибудь еще нужно?

— Нет, спасибо, — проговорила мисс Марпл. — У

меня есть все необходимое. Я прихватила сюда свою ночную сумочку, понимаете ли, поэтому ничего распаковывать мне не нужно. Еще раз спасибо за то, что вы с сестрами снова пригласили меня к себе.

— Знаете ли, мы просто не могли поступить иначе, после такого письма мистера Рэфьела. Он был очень вдумчивым человеком.

— Да, — согласилась мисс Марпл, — он был из тех людей, которые... способны предусмотреть все. Должно быть, он был наделен великолепным мозгом.

— Я знаю, что он был очень известным финансистом.

— Как в финансовом, так и в других отношениях он был способен продумать очень многое, — отозвалась мисс Марпл. — Ах, как приятно будет лечь в постель. . Спокойной ночи, мисс Брэдбери-Скотт.

— Не хотите ли вы, чтобы завтра вам подали завтрак в постель, если вы захотите встать попозже?

— Нет-нет, зачем же так беспокоиться ради меня. Лучше я сама сойду вниз. Разве что чашку чая, это было бы неплохо, но я хочу выйти в сад. В особенности для того, чтобы полюбоваться

этой горкой, заросшей белыми цветами, такой прекрасной, такой победоносной.

— Спокойной ночи, — пожелала Клотильда, — крепкого сна.

II

Дедовские часы, стоявшие в холле «Старого особняка» у подножия лестницы, пробили два часа. Все часы в доме вызванивали время не одновременно, а некоторые из них, по правде сказать, не били вообще. Поддерживать в рабочем состоянии все антикварные часы — дело нелегкое

В три часа ночи часы возле лестницы негромко прозвонили три раза. Под дверью обрисовалась тонкая полоска света. Мисс Марпл села в постели и опустила палец на выключатель стоявшей в изголовье электрической лампы. Неслышно отворилась дверь. Свет снаружи погас, но в комнате прозвучали осторожные шаги. Мисс Марпл включила свет.

— Ох, — воскликнула она, — это вы, мисс Брэдбери-Скотт. Что-то случилось?

— Просто зашла посмотреть, не нужно ли вам чего-нибудь, — проговорила мисс Брэдбери-Скотт.

Мисс Марпл посмотрела на нее. Клотильда

была в длинной багровой рубашке. Какой же симпатичной женщиной она была, подумала мисс Марпл. Эти волосы, обрамляющие лоб... эта трагическая, вышедшая из драмы фигура... Прямо из греческой трагедии, решила мисс Марпл. Клитемнестра, и только.

— Вы в точности уверены, что вам ничего не нужно? Я могу принести...

— Нет, благодарю вас, — сказала мисс Марпл. — Боюсь, — добавила она виноватым голосом, — что я так и не выпила молоко.

— О боже, почему нет?

— Думаю, оно едва ли пошло бы мне впрок, — ответила мисс Марпл.

Клотильда остановилась в ногах кровати, глядя на нее.

— Не слишком здоровое питье, понимаете ли, — заметила мисс Марпл.

— Что вы хотите этим сказать? — Голос Клотильды сделался резким.

— Думаю, вам прекрасно известно, что именно, — ответила мисс Марпл. — И вы знали это весь вечер, а быть может, и раньше.

— Не знаю, что вы имеете в виду.

— В самом деле? — К вопросительной интонации примешивалась легкая издевка.

— Ну, теперь-то молоко точно остыло. Я заберу стакан и принесу вам горячее.

Протянув руку, Клотильда забрала стакан со столика.

— Не утруждайте себя понапрасну, — проговорила мисс Марпл. — Даже если вы принесете новый стакан, я не стану пить его.

— Я и в самом деле не могу понять, на что вы тут намекаете. В самом деле, — проговорила Клотильда, не отрывая глаз от нее. — Что за необычайный вы человек? Что вы вообще за женщина? Почему вы разговариваете со мной подобным образом? Да кто вы такая вообще?

Мисс Марпл опустила на плечи окутывавшую ее голову кипу розовой шерсти — шарф, похожий на тот, который она носила в Вест-Индии.

— Одно из моих имен, — сообщила она, — Немезида.

— Немезида? И что же значит это слово?

— Да вы отлично знаете его, — заметила мисс Марпл. — Вы ведь прекрасно образованная женщина. Немезида — это отложенное, но в конце концов явившееся воздаяние.

— О чем вы говорите?

— О прекрасной девушке, которую вы убили, — проговорила мисс Марпл.

— Кого я убила? Что вы хотите сказать?

— Я говорю о Верити.

— Но зачем мне было убивать ее?

— Потому что вы любили ее, — ответила мисс Марпл.

— Ну, конечно, любила. Я была предана ей. И она любила меня.

— Один человек недавно сказал мне, что любовь — очень страшное слово. Оно ужасно. Вы слишком любили Верити. Она заменяла вам весь остальной мир. И она была предана вам до тех пор, пока в ее жизни не появился другой человек. В ее жизни появилась другая любовь. Она полюбила юношу, молодого человека. Не подходящего ей, нехорошего, скверного, с плохой историей, однако Верити полюбила его, а он — ее, и она решила бежать. Бежать от бремени любви, которое вы возложили на нее. Она хотела жить так, как положено женщине. Жить с избранным ею мужчиной, иметь от него детей... Она хотела брака и обыкновенного счастья.

Клотильда шевельнулась, подошла к креслу и уселась в него, глядя на мисс Марпл.

— Итак, — проговорила она, — вы во всем разобрались.

— Да, разобралась.

— То, что вы сказали, соответствует истине. Я не стану отрицать этого. Отрицай я или нет, это ничего не изменит.

— Совершенно верно, — согласилась мисс Марпл, — в этом вы правы. Это ничего не значит.

— Но знаете ли вы... способны ли вы вообразить, сколько я перестрадала?

— Вполне способна, — ответила мисс Марпл, — я вполне способна представить себе ваши страдания. Я всегда обладала развитым воображением.

— А представляете ли вы себе эту муку... эту агонию, когда ты понимаешь, что теряешь предмет своей любви, более дорогой тебе, чем все на свете? И она уходила от меня к ничтожному развращенному преступнику... Жалкому человечишке, недостойному моей прекрасной и великолепной девушки. Я должна была остановить ее. Должна была. Должна.

— Да, — ответила мисс Марпл. — И вместо того, чтобы отпустить девушку, вы убили ее. Убили, потому что любили.

— И вы считаете, что я могла совершить подобный поступок? Вы думаете, что я могла задушить мою любимую дочку? Думаете, что я могла всмятку разбить ее лицо, раздробить голову? Подобную

вещь мог сделать только этот злобный испорченный человек.

— Нет, — возразила мисс Марпл, — вы этого не делали. Вы любили ее и так поступить не могли.

— Тогда, значит, выходит, что вы говорите вздор.

— Вы не делали этого. Девушка, с которой обошлись подобным образом, не была предметом вашей любви. Вери-ти ведь лежит здесь, в саду, не так ли? И вы не душили ее. Скорее всего, напоили ее кофе или молоком, дав ей безболезненную смертельную дозу снотворного. А когда она умерла, отнесли ее в сад, разобрали кирпичи повалившейся оранжереи и похоронили, заложив кирпичами, а потом засыпав землей. А потом посадили там полигонум, который все сильней разрастался, с каждым годом становясь все краше и краше. Верити осталась с вами. Вы так и не отпустили ее.

— Дура! Безумная старая дура! И вы считаете, что я позволю вам уйти со всей этой историей из моего дома?

— Едва ли, — согласилась мисс Марпл. — Я не испытываю никакой уверенности в этом. Вы — женщина сильная, намного сильнее меня.

— Рада, что вы понимаете это.

— И никакие сомнения не будут препятствовать вам, — сказала мисс Марпл. — Известно, что человек не останавливается на первом убийстве. Я заметила это по мере течения моей жизни и знакомства с преступлениями. Вы ведь убили двух девушек, так ведь? Вы убили девушку, которую любили, и еще одну, чужую вам.

— Я убила глупую бродяжку, подрастающую проститутку Нору Броуд. Как вы узнали о ней?

— Пришлось подумать, — произнесла мисс Марпл. — Познакомившись с вами, я поняла, что вы не стали бы душить и уродовать любимого вами человека. Однако в то же самое время пропала другая девушка, тело которой так и не нашли. Но я подумала, что его все же нашли, только не поняли, что это Нора Броуд. Она была одета как Верити, и в качестве Верити ее опознала особа наиболее близкая к ней, знавшая Верити лучше всех. Вам нужно было лишь сходить и сказать, что тело это принадлежало Верити. Вы опознали ее. И сказали, что мертвое тело принадлежит Верити.

— Но зачем это было мне нужно?

— Потому что вы хотели, чтобы мальчишка, отнявший у вас Верити... мальчишка, которого любила она и который любил ее, был судим за

убийство. Поэтому вы спрятали второе тело в таком месте, где его было трудно найти. Потом его обнаружили и приписали другой девушке. Но вы сделали все, чтобы его опознали именно так, как вам было надо. Вы переодели ее в одежду Верити, дали ей в руки ее сумочку, положили в нее пару писем, браслет, крестик с цепочкой... И обезобразили ее лицо.

А неделю назад вы совершили третье убийство — Элизабет Темпл. Вы убили ее, поскольку она направлялась в ваши края, и вы боялись того, что она могла знать, что могла ей написать или рассказать Верити. Вы подумали: если Элизабет Темпл встретится с архидиаконом Брейбазоном, то соединенными усилиями они каким-то образом сумеют докопаться до истины. Элизабет Темпл, по вашему мнению, не должна была встретиться с архидиаконом. Вы — очень сильная женщина. Вы смогли спустить этот валун вниз по склону. Для этого вам пришлось напрячься, однако силы у вас хватило.

— Как хватит и на то, чтобы справиться с вами, — заявила Клотильда.

— Не думаю, — проговорила мисс Марпл, — что вам позволят это сделать.

— Что ты хочешь этим сказать, жалкая морщи-

нистая старуха?

— Не спорю, — согласилась мисс Марпл, — я, конечно же, старая кляча, и в моих ногах и руках осталось не много сил. Как и во всем остальном теле. Однако я на собственный манер представляю здесь правосудие.

Клотильда расхохоталась.

— И кто же помешает мне расправиться с тобой?

— Полагаю, мой ангел-хранитель, — кротко проговорила мисс Марпл.

— Интересно, каким образом это произойдет? — усмехнулась Клотильда, делая шаг в сторону постели.

— А может, и два ангела сразу, — проговорила мисс Марпл. — Мистер Рэфьел никогда не скупился в важных делах.

Ее рука нырнула под подушку и вновь вынырнула оттуда уже со свистком в руке. Мисс Марпл приложила его к губам. Раздавшийся свист был полон чувства и пронзительной ярости, способной привлечь полисмена с угла улицы. Почти одновременно произошли два события. Дверь комнаты распахнулась, и Клотильда, повернувшись, увидела в ней мисс Барроу. В тот же самый момент открылась дверца большого гардероба,

открывая дорогу мисс Кук. Обе были окутаны аурой сурового профессионализма, столь непохожего на любезное поведение вчерашним вечером.

— Целых два ангела-хранителя, — с облегчением подвела итог мисс Марпл. — Мистер Рэфьел оказал мне честь, если так можно сказать.

Глава 22
МИСС МАРИЯ РАССКАЗЫВАЕТ СВОЮ ИСТОРИЮ

— Так когда же вы обнаружили, — спросил профессор Уэнстед, — что эти две женщины являются агентами, приставленными к вам в качестве охраны?

Подавшись вперед в своем кресле, он внимательно посмотрел на седовласую старую леди, с прямой спиной занимавшую находившееся напротив него кресло. Оба они находились в Лондоне, в одном из официальных правительственных зданий, и при разговоре присутствовали еще четверо персон: представитель государственного обвинителя; заместитель комиссара Скотленд-Ярда сэр Джеймс Ллойд; начальник тюрьмы Манстоун сэр Эндрю Макнил. Четвертым был сам министр внутренних дел.

— Только в самый последний вечер, — призналась мисс Марпл. — До этого дня у меня не было твердой уверенности. Мисс Кук была у меня в Сент-Мэри-Мид, и я достаточно быстро поняла, что она — не та, за кого себя выдает, то есть за

опытную садовницу, поселившуюся у подруги, чтобы помочь ей с садом. Посему мне пришлось подумать над тем, какую на самом деле цель она преследует и зачем ей нужно знакомиться с моей внешностью, ради чего она, очевидно, и приезжала. И обнаружив ее в автобусе, я должна была понять, кого мне надлежит видеть в ней: союзницу, сопровождающую меня в качестве охраны, или же обе эти женщины представляют собой врагов, нанятых, скажем так, противоположной стороной. Я окончательно убедилась в первом только после того, как мисс Кук открытым текстом предостерегла меня, посоветовав не пить чашку кофе, поставленную передо мной Клотильдой Брэдбери-Скотт. Она очень тонко высказала свое предупреждение, однако, тем не менее, оно было произнесено вслух. Потом, когда я прощалась с ними обеими, одна из них взяла меня за руку, долго и дружелюбно трясла ее, при этом незаметно вложив в мои пальцы нечто, при дальнейшем обследовании оказавшееся весьма громким свистком. Я взяла его с собой в постель, приняла стакан молока, навязанный мне хозяйкой, и пожелала ей доброй ночи, постаравшись сохранить доброе и доверительное отношение.

— Значит, вы не стали пить молоко?

— Естественно, нет, — проговорила мисс Марпл. — За кого вы меня принимаете?

— Прошу прощения, — извинился профессор Уэнстед. — Меня удивило то, что вы не заперли дверь в свою комнату.

— Это было бы ошибкой, — ответила мисс Марпл. — Я хотела, чтобы Клотильда Брэдбери-Скотт вошла в комнату. Мне нужно было видеть, что она скажет или сделает. Я была практически уверена в том, что она войдет ко мне по прошествии достаточного времени, чтобы удостовериться в том, что я действительно выпила молоко и впала в забвение, из которого выходить мне, по ее замыслу, не полагалось.

— Вы сами помогли мисс Кук спрятаться в гардеробе?

— Нет. И ее внезапное появление стало для меня полной неожиданностью. Должно быть, — задумчиво проговорила мисс Марпл, заново продумывая недавнее событие, — должно

быть, она проскользнула внутрь, когда я выходила в коридор, направляясь... э... в ванную.

— Вам было известно, что обе эти женщины находятся в доме?

— Получив от них свисток, я сразу подумала, что они окажутся где-то рядом. Не думаю, чтобы в

этот дом было сложно проникнуть. Поскольку ни ставен на окнах, ни сигнализации здесь не предусмотрено. Одна из них вернулась, якобы позабыв сумочку и шарф. Должно быть, они уже успели отпереть одно из окон и, скорее всего, пробрались в дом сразу же после того, как оставили его, пока обитательницы особняка отходили ко сну.

— Вы очень рисковали, мисс Марпл.

— Я надеялась на лучшее, — ответила та. — Едва ли можно прожить жизнь, избегая всякого риска даже там, где он кажется неизбежным.

— Кстати говоря, ваша мысль относительно посылки, направленной этой благотворительной организации, полностью оправдалась. В ней оказался новый, с иголочки, яркий свитер с высоким горлом в черную и красную клетку. Крайне заметное одеяние. Что навело вас на эту мысль?

— Ну, — проговорила мисс Марпл, — на самом деле это было довольно просто. Из описания, которое Эмлин и Джоанна дали замеченной им фигуре, с очевидностью следовало, что это яркое и заметное одеяние как раз и предназначалось для того, чтобы быть замеченным, а потому было очень важно, чтобы оно не осталось здесь спрятанным где-нибудь или просто заложенным среди вещей. Его следовало убрать по возмож-

ности быстро. И на самом деле существует всего лишь один способ надежно избавиться от вещи: отослать ее по почте. Всякую одежду самым удобным образом можно оправить любой благотворительной организации. Только подумайте, как обрадуются люди, собирающие верхнюю одежду для «Безработных матерей» или любой другой благотворительной организации, почти новому шерстяному свитеру. Словом, мне нужно было только узнать, куда был отправлен свитер.

— И вы выяснили это в почтовом отделении? — Министр внутренних дел был несколько шокирован.

— Конечно, не прямым образом. Мне пришлось изобразить рассеянность и пояснить, что я написала неправильный адрес на посылке с одеждой, которую отправляла в благотворительную организацию, и попросить сообщить мне, отослана ли посылка, которую одна из моих любезных хозяек отнесла на почту. И милая женщина с почты постаралась и вспомнила, что она была отправлена не по тому адресу, который мне был нужен, и она дала мне тот, по которому ушла посылка. Как мне кажется, ей даже в голову не пришло, что мне, пустоголовой старушонке, озабоченной тем, куда ушла ее посылка с поношенной одеждой, нужна

именно информация.

— Ах так, — проговорил профессор Уэнстед. — Вижу, мисс Марпл, вы не только мстительница, но еще и актриса. Кстати, а когда вы начали раскрывать обстоятельства этой давней трагедии?

— Начнем с того, — ответила мисс Марпл, — что я оказалась в очень трудной, почти невозможной ситуации. Я уже корила про себя мистера Рэфьела за то, что он не оставил мне никаких пояснений. Однако теперь вижу, что он поступил очень мудро, не сделав этого. Человек этот, как вам известно, был чрезвычайно умен. Я понимаю, почему он был таким большим финансистом и так легко делал деньги. Он умел четко спланировать свои действия. И выдавал мне информацию всякий раз небольшими дозами. По сути дела, он руководил мною. Сперва дал понять моим ангелам-хранителям, какова я из себя. А затем отправил в эту туристическую поездку — присматриваться к окружающим меня людям.

— А не возникали ли у вас поначалу, если можно так выразиться, подозрения в отношении кого-то из ваших попутчиков?

— Только в качестве возможностей.

— И вы не ощущали зла?

— Ах, вы вспомнили про это... Нет, ощутимой

атмосферы зла я не наблюдала. Меня еще не известили о том, с кем мне нужно связаться, однако эта женщина сама вышла на меня.

— Элизабет Темпл?

— Да. Она стала для меня лучом света, пронзившим темную ночь, — продолжила мисс Марпл. — До разговора с ней я пребывала во мраке. Существовали такие предметы, которые должны были существовать, то есть их бытия требовала логика, требовало задание мистера Рэфьела: где-то должна была обнаружиться жертва, а где-то — убийца. Да, убийца непременно должен был существовать, поскольку в нем заключалась единственная связь, существовавшая между мною и мистером Рэфьелом. Там, в Вест-Индии, произошло убийство. Мы с ним имели некоторое отношение к его обстоятельствам, и все, что ему было известно обо мне, связывалось с этим фактом. Поэтому другой разновидности преступления просто не могло быть. Кроме того, данное преступление не могло оказаться случайным. Оно просто обязано было стать преднамеренным. Оно должно было являться результатом действий некоего человека, ставшего на сторону зла. Зла, а не добра. Предположительно, следовало иметь в виду две жертвы. То есть кого-то убитого и кого-то, пав-

шего жертвой несправедливости. Обвиненного в преступлении, которого не совершал или не совершала. И потому, размышляя обо всех этих предметах, я не имела никаких оснований для предположений, пока не переговорила с мисс Темпл. Она говорила очень настойчиво, очень убедительно. Таким образом я получила первое указание от мистера Рэфьела. Она рассказала мне о некогда знакомой ей девушке... девушке, помолвленной с сыном мистера Рэфьела. Факт этот стал для меня лучом света. Далее, она сообщила мне, что брак так и не состоялся. Я спросила, почему же, и она ответила: «Потому что она умерла». Я спросила потом, от чего умерла эта девушка, и мисс Темпл проговорила очень настоятельным, очень убедительным тоном, голос ее до сих пор колокольным звоном гудит у меня в ушах: «От любви». А потом добавила еще: «Нет на свете более страшного слова, чем любовь». Тогда я еще не понимала, что именно она хотела сказать этими словами. В первую очередь мне пришло в голову, что девушка совершила самоубийство от несчастной любви. Такое происходит достаточно часто, и когда случается, оказывается самой страшной трагедией. Вот и все, что я могла знать тогда. Да еще тот факт, что она не считала себя

находящейся в развлекательном путешествии. По ее собственным словам, она совершала паломничество, направляясь куда-то или к кому-то. Тогда я еще не знала, к какому именно человеку она направляется, это открылось мне позже.

— К архидиакону Брейбазону?

— Да. Тогда я не имела представления о том, что на свете существует такой человек. Однако с того самого момента я поняла, что основные персонажи, действующие лица и исполнители этой трагедии — называйте их как хотите — не являются членами туристической группы, не путешествуют с ней. Некоторые непродолжительные колебания возникали у меня в отношении некоторых конкретных персон. Сомнения у меня возникали в отношении Джоанны Кроуфорд и Эмлина Прайса.

— Почему же?

— Из-за их молодости, — ответила мисс Марпл. — Потому что юность часто связывается в сознании людей с самоубийствами, насилием, жуткой ревностью и трагической любовью. Парень убивает свою девушку... такое случается. Я стала думать о них, однако не обнаружила никаких связей. Никакой тени зла, отчаяния, никаких сожалений. Впоследствии я воспользовалась в их

отношении идеей ложного указателя — за шерри в «Старом особняке» в последний вечер. Я указала, каким образом они могут рассматриваться в качестве наиболее очевидных подозреваемых в убийстве Элизабет Темпл. При следующей встрече с ними, — педантичным тоном проговорила мисс Марпл, — обязательно извинюсь за то, что воспользовалась их именами для отвода глаз. Чтобы не выдать моих истинных соображений.

— Ну а следующим событием стала смерть Элизабет Темпл?

— Нет, — возразила мисс Марпл. — На самом деле следующим важным событием для меня стал мой переезд в «Старый особняк». Любезный прием и пребывание под этим гостеприимным кровом, что также было устроено мистером Рэфьелом. Поэтому я также поняла, что обязана погостить в этом доме, хотя и по непонятной мне пока причине. Он мог просто оказаться местом, где мне могли предоставить новую порцию информации, способную провести меня дальше в моем расследовании. Простите меня, — голос мисс Марпл вдруг принял привычную для нее виноватую и чуть суетливую интонацию, — должно быть, я слишком многословна. Не стоит, наверное, вываливать на вас все свои мысли и...

— Пожалуйста, продолжайте, — предложил профессор Уэнстед. — Возможно, вы этого не знаете, однако ваш рассказ представляет для меня чрезвычайный интерес. Он согласуется с тем, что мне было известно, с тем, над чем я работал. Ваши ощущения важны для меня.

— Да, продолжайте, — присоединился к нему сэр Эндрю Макнил.

— Это было ощущение, — продолжила мисс Марпл. — Знаете ли, такое, какое никак нельзя было назвать логическим выводом. Оно основывалось на некоторой эмоциональной реакции или восприимчивости к... ну, я могу лишь назвать это атмосферой.

— Да, — согласился Уэнстед, — есть такая вещь, как атмосфера. В доме, на открытой местности, в саду, в лесу, в публичном учреждении, в коттедже...

— Три сестры. Вот что сразу пришло мне в голову; я почувствовала это и сказала себе эти слова, оказавшись в «Старом особняке». Лавиния Глинн так любезно приняла меня в своем доме. В этих двух словах — «три сестры» — как бы угадывается нечто зловещее. Три сестры из русской литературы, три ведьмы, встретившие Макбета на пустоши... Мне сразу показалось, что

этим домом владеет атмосфера печали, глубокого внутреннего несчастья, атмосфера страха и борьбы с атмосферой иной, которую я могу только назвать нормальной.

— Ваше последнее слово заинтриговало меня, — проговорил Уэнстед.

— На мой взгляд, ее проводником в доме являлась миссис Глинн. Именно она пришла в гостиницу, чтобы пригласить меня по прибытии автобуса, и объяснила свое намерение. Совершенно нормальная и приятная немолодая женщина, к тому же вдова. Особенно счастливой она мне не показалась, но это отсутствие счастья не было связано с той печалью и глубокой безрадостностью, просто для ее характера такая атмосфера не подходила. Она увела меня с собой, и я познакомилась с двумя другими сестрами. На следующее утро я услышала от пожилой служанки, принесшей мне утренний чай, рассказ о пережитой в доме трагедии, об убитой приятелем молодой девушке. И о нескольких других девицах, павших в этой окрестности жертвой насилия и сексуального домогательства. Так я пришла к следующему выводу и исключила пассажиров автобуса из списка подозреваемых. Однако убийца должен был еще обнаружиться. И я спросила себя, не

может ли один из убийц находиться здесь, в этом доме, куда меня отправили. Клотильда, Лавиния, Антея... три непонятных сестры — три счастливых, несчастных, страдающих, испуганных... но кто они? Прежде всего мое внимание к себе привлекла Клотильда. Высокая, красивая женщина. И личность. Такого же уровня, как Элизабет Темпл. И я ощутила, что здесь, когда поле моих поисков сузилось, я должна, во всяком случае, подытожить то, что мне известно об этих женщинах. Три богини Судьбы. Кто из них может оказаться убийцей? И какого рода убийцей?

И как она убивала? Я ощущала неторопливо — ох, как неторопливо! — скапливающиеся миазмы, как атмосфера становится более плотной. Не думаю, что могла бы найти более точное выражение, чем атмосфера зла. Нельзя было определенно сказать, что злы все трое, однако жили сестры, безусловно, в атмосфере, где зло произошло, оставило свою тень или же до сих пор угрожало им. Первым делом я взялась за старшую... за Клотильду. Красива, сильна, подвластна сильным эмоциям, подвела я итог. Я увидела в ней, скажу откровенно, потенциальную Клитемнестру. Недавно, — мисс Марпл вернулась к повседневной интонации, — меня сводили на греческую пьесу в

исполнении любительского театра находящейся неподалеку от моего дома мужской школы. Игра актера в роли Агамемнона произвела на меня глубокое, очень глубокое впечатление, но особенно — игра молодого человека, изображавшего Клитемнестру. Замечательный был спектакль. И мне показалось, что в Клотильде я узнаю тот тип женщины, которая способна запланировать убийство своего мужа и убить его в ванне.

На какое-то мгновение профессору Уэнстеду пришлось собрать все свои силы, чтобы не расхохотаться, несмотря на серьезность тона мисс Марпл. Она строго посмотрела на него.

— Да, если послушать со стороны, это кажется глупым, не так ли? Однако я видела ее подобным образом, так сказать, видела исполняющей эту роль. К несчастью, мужа у нее никогда не было. Она никогда не была замужем, а потому мужа убить не могла. Затем я обратилась к рассмотрению Лави-нии Глинн, приведшей меня в этот дом. Она показалась мне чрезвычайно хорошей, порядочной и приятной женщиной. Но, увы, среди убийц присутствуют люди, производящие подобное впечатление на окружающих. Они обаятельны. Многие убийцы любезны и приятны в общении, и этот факт приводит в изумление

окружающих их людей. Существуют и, я бы сказала, респектабельные убийцы… Убийцы, способные на преступление по чисто утилитарным мотивам. Действующие без эмоций, но для того, чтобы достичь какой-либо цели. Я решила, что это маловероятно и что ошибка в высшей степени удивит меня, — и сочла возможным исключить миссис Глинн. Она побывала замужем, овдовела и пребывала во вдовстве уже не один год. Она не могла быть убийцей. После чего я перешла к третьей сестре, Антее. Беспокойная личность. Как мне показалось, рассеянная, плохо координированная и находящаяся во власти некоторой эмоции, которую я определила как страх. Она чего-то боялась. Боялась заметно. Это тоже было подозрительно. Если она в прошлом совершила какого-то рода преступление, которое сочла законченным и забытым, мог произойти какой-то рецидив, какое-то обновление старых проблем, быть может, связанных с появлением Элизабет Темпл; она могла опасаться того, что обнаружится или вскроется прежнее преступление. Антея странным образом смотрит на тебя, а потом вдруг оборачивается, пытаясь что-то разглядеть за собственным плечом, словно бы ощущает, что за спиной стоит кто-то… кто-то пугающий ее.

Посему она также могла быть ответом на вопрос. Вероятно, чуть свихнувшаяся убийца. Способная убить в том случае, если почувствует себя в опасности... убить со страха. Но это были всего только догадки. Они представляли собой несколько более развитое изложение тех возможностей, к которым я пришла еще во время поездки.

Однако атмосфера дома оказывала с каждым часом все более глубокое воздействие на меня. На следующий день я пошла гулять по саду вместе с Антеей. Главная травяная аллея привела нас к холмику, возникшему на месте развалившейся оранжереи. Она оказалась заброшенной в конце войны, когда невозможно было найти ни плотника, ни садовника, и рассыпалась на части; наваленные грудой кирпичи засыпали землей и закрыли дерном, а поверх насадили некое ползучее растение. Причем такое, каким пользуются, чтобы спрятать или скрыть уродливую часть дома или сада. Называется полигонум. Это одна из самых быстрорастущих лиан, которая поглощает, убивает и сушит под собой все живое. Она погребает под собой буквально все. В известной степени это даже пугающее растение. У него прекрасные белые цветы, оно может выглядеть очень красиво. В тот день оно еще не совсем рас-

цвело, но готовилось к этому. Я стояла возле него вместе с Антеей, показавшейся мне ужасно угнетенной утратой оранжереи. Она сказала мне, что некогда там рос такой превосходный виноград... похоже было, что память о нем стала для нее наиболее ярким воспоминанием, сохранившимся у нее с детства. И она хотела, отчаянно хотела раздобыть достаточно денег, чтобы разровнять эту горку, восстановить оранжерею и посадить в ней тот же мускат и груши, которые росли в старой оранжерее. Ею владела жуткая ностальгия, томление по прошлому. И не только они. Снова, очень отчетливо, я ощутила эту атмосферу страха. Ее явно пугало нечто связанное с этой горкой. Тогда я еще не могла представить себе, что именно. Вы знаете, что было потом... смерть Элизабет Темпл. И после рассказанной Эмлином Прайсом и Джоанной Кроуфорд истории я пришла к единственному выводу: смерть эта не могла оказаться следствием несчастного случая. Это было преднамеренное убийство.

Думаю, что начиная с этого мгновения я все поняла, — продолжила мисс Марпл. — Поняла, что всего было три убийства. Я услышала полное повествование о сыне мистера Рэфьела, развращенном мальчишке, бывшем арестанте... таким

он и был на самом деле; однако отсюда отнюдь не следовало, что он является убийцей и вообще попадает под подозрение. Но все свидетельства указывали на него. Никто не имел ни малейших сомнений в том, что это он убил девушку, имя которой, как я узнала, было Верити Хант. Однако архидиакон Брейба-зон осветил дело под иным углом. Он знал обоих молодых людей. Они обратились к нему, потому что решили пожениться, и он позволил себе взять на себя ответственность за заключение их брака. Он не считал этот поступок особенно разумным, однако брак этот, с его точки зрения, был оправдан их искренней любовью друг к другу. Девочка любила мальчика той любовью, которую он посчитал подлинной. Столь же истинной, как и ее собственное имя. И архидиакону показалось, что молодой человек, при всей его скверной сексуальной репутации, по-настоящему любил девушку и испытывал неподдельное намерение хранить ей верность и попытаться избавиться от части своих дурных наклонностей. Брейбазон не испытывал особого оптимизма. Насколько я поняла, он не надеялся на то, что брак окажется счастливым, однако в душе своей считал его необходимым. Необходимым потому, что когда ты любишь, и любишь силь-

но, то заплатишь любую цену, даже если ценой будет разочарование и некая доля несчастья. И я поняла одно: человек, действительно любивший эту девушку, физически не мог обезобразить ее лицо, разбить, превратить в кашу ее голову. Здесь не было речи о сексуальном посягательстве. В этой любовной истории основой любви была нежность. И я была готова поверить в этом архидиакону на слово. Однако я также понимала, что получила подлинный ключ к решению, который мне предоставила Элизабет Темпл, сказав, что причиной смерти Верити была Любовь — одно из самых страшных слов на свете.

И тут все стало ясно. Думаю, к этому мгновению я подсознательно уже знала разгадку. Прежде с ней не согласовывались разные мелочи, но теперь все стало на место. Все согласовывалось со словами Элизабет Темпл о причине смерти Верити. Сперва она просто сказала «любовь», а потом добавила, что «любовь может оказаться самым страшным словом на свете». Все сделалось ясным. Непомерная любовь, которую Клотильда испытывала к этой девочке, видевшей в ней свою героиню, зависевшей от нее, но, повзрослев, сдавшейся обыкновенным инстинктам. Девушка хотела теперь Любви. Она хотела свободы лю-

бить, выйти замуж, иметь детей. И тут рядом с нею оказался молодой человек, которого она могла любить. Она понимала, что он ненадежен, понимала, что во всех отношениях он ей не пара, но все это, — проговорила мисс Марпл уже не столь возвышенным тоном, — не способно отвратить девочку от мальчика. Не способно. Юные женщины любят испорченных молодых людей. Так было всегда. Они по уши влюбляются в паршивцев. Они абсолютно уверены в том, что способны перевоспитать их. А приличные, добрые, надежные, степенные мужья в мои молодые годы получали заверения в сестринской любви, что, сами понимаете, их вовсе не удовлетворяло. Верити влюбилась в Майкла Рэфьела, и тот был готов начать жизнь с чистого листа, жениться на этой девушке и никогда больше не смотреть в сторону прочих девиц. Не могу сказать, что жизнь сулила им радужные перспективы, однако любовь эта, как сказал архидиакон, была настоящей. Итак, они собрались вступить в брак. И Верити, полагаю, написала Элизабет и сообщила ей, что намеревается выйти за Майкла Рэфьела. Брак намеревались до поры до времени держать в секрете, потому что Верити, на мой взгляд, прекрасно понимала, что готовит побег. Она бежала

от жизни, которую не могла больше терпеть... бежала от любимого человека, которого любила все же не так, как любила Майкла. И ей не позволили бы этого. Разрешения на брак не предвиделось; можно было ожидать, что ей станут чинить всевозможные препятствия. Посему, подобно многим молодым парам, они решили бежать. Оба были совершеннолетними, им не было необходимости мчаться в Гретна-Грин[32]. Поэтому Верити обратилась к архидиакону Брейбазону, старому другу, проводившему ее конфирмацию... просто к верному другу. Было назначено венчание, день и время; девочка, наверное, даже втайне купила подвенечное платье. Вне сомнения, они должны были где-то встретиться. И прибыть к этому месту по отдельности. Похоже, что Майкл пришел, но так и не дождался ее. Должно быть, он ждал. Сперва просто ждал, а потом, наверное, попытался выяснить, что произошло и почему она не пришла. Думаю, ему прислали записку, может быть, даже письмо. Старательно подделанное под ее почерк, сообщающее, что она передумала. Все, мол, кончено, и она уезжает на какое-то время, чтобы все забыть... что-нибудь вроде того. Однако

[32] Примечания: 32

Деревня на территории Шотландии, долгое время бывшая популярным местом для заключения браков несовершеннолетних.

не думаю, чтобы Майклу могла просто прийти в голову истинная причина ее неявки, отсутствия вестей от нее. Он даже на мгновение не мог подумать, что на самом деле она убита — преднамеренно, жестоко, быть может, в порыве безумия. Клотильда не могла допустить расставания с предметом своей любви. Она не намеревалась позволить ей бежать, не намеревалась отпустить к молодому человеку, которого ненавидела и презирала. Она намеревалась сохранить Верити при себе, удержать ее на свой собственный манер. Однако я не могла поверить тому, что... не могла поверить в то, что она задушила воспитанницу, а затем изуродовала ее лицо. Не думаю, чтобы у нее хватило духа на это. Наверное, она разобрала кирпичи рассыпавшихся стен оранжереи, сложила их заново, прикрыла землей и дерном. Девушка уже получила свое питье, должно быть, смертельную дозу снотворного. Греческая, видите ли, традиция. Чаша цикуты — пусть в данном случае она была с другой отравой. А потом похоронила Верити в своем саду, прикрыла ее тело кирпичами, землей и дерниной...

— А остальные сестры так ничего и не заметили?

— Миссис Глинн тогда жила не здесь. Муж ее

был жив, и они вместе находились за границей. Но Антея находилась в доме и, как мне кажется, отчасти что-то подозревала. Конечно, об убийстве она еще не догадывалась, однако прекрасно знала, что Клотильда в дальнем конце сада насыпает горку, чтобы засадить ее цветущим кустарником чистой красоты ради. Думаю, что правда постепенно дошла до нее.

И тогда Клотильда, став на сторону зла, совершив злое и покорившись злу, без всяких угрызений совести приступила к следующему шагу. Наверное, она даже наслаждалась своим планом. Она имела определенное влияние на лукавую и распущенную деревенскую девчонку, которая время от времени клянчила у нее подачки. Я думаю, что Клотильда без труда уговорила ее съездить на пикник или экскурсию в какое-то удаленное место, расположенное милях в тридцати или сорока. Место она наверняка подобрала заранее. Там задушила ее, изуродовала и забросала землей, листьями и ветками. Кто мог бы заподозрить ее в подобном поступке? Она подбросила убитой сумочку Верити и цепочку, которую та носила на шее, и, наверное, переодела ее в вещи, оставшиеся от Верити. Она надеялась на то, что новое преступление останется сокры-

тым еще какое-то время, а сама тем временем распространяла слухи о том, что Нору Броуд видели в машине Майкла, видели в его обществе. Возможно, она пустила в обиход слух о том, что Верити разорвала помолвку из-за его неверности с этой девушкой. Наговорить она могла всякое — и, думается, наслаждалась, бедная погибшая душа, каждым своим словом.

— Почему вы назвали ее этими словами — бедная погибшая душа, мисс Марпл?

— Потому что, — ответила та, — не могу представить себе горшей муки, чем претерпела Клотильда, десять лет обитавшая в вечной скорби. Живя, понимаете ли, тем единственным, что у нее осталось. Она удержала Верити, удержала ее при себе в «Старом особняке», в саду, оставила при себе навсегда. Сначала она даже не поняла, что это значит... страстное желание, чтобы девушка вновь ожила. Не думаю, чтобы она когда-нибудь страдала от угрызений совести. Едва ли ей было даровано подобное утешение. Она просто страдала... и страдание это длилось год за годом. Теперь я понимаю, что именно хотела сказать Элизабет Темпл. Понимаю, быть может, даже лучше, чем она сама. Любовь — ужасная вещь. Она открыта для зла, она может оказаться принадлежащей к

числу самого страшного, что только есть на земле. А ей приходилось жить с этим бременем день за днем, год за годом. Знаете, мне кажется, что Антея боялась именно этого. Мне кажется, что она все время более четко понимала, что именно натворила Клотильда, и боялась, что старшая сестра догадается об этом. Боялась того, что может еще прийти ей в голову. Это же Клотильда послала Антею на почту с посылкой, в которой находился черно-красный свитер. Она наговаривала мне на Антею, утверждала, что у нее голова не в порядке, что, посчитав себя задетой или из ревности, Антея может совершить невесть что. Мне кажется... да, кажется, что в не столь уж далеком будущем с Антеей могло приключиться самоубийство по причине нечистой совести...

— И тем не менее вы жалеете эту женщину? — спросил сэр Эндрю. — Такое зло подобно злокачественной опухоли, раку. Оно рождает только страдание.

— Конечно, — проговорила мисс Марпл.

— Полагаю, вам уже рассказали о дальнейших событиях той ночи, — проговорил профессор Уэнстед, — после того, как ваши ангелы-хранители увели вас?

— Вы имеете в виду Клотильду? Помню, она

схватила приготовленный для меня стакан молока. Она еще держала его, когда мисс Кук вывела меня из комнаты. Наверное, она выпила его, так?

— Да. Вы предполагали, что подобное может случиться?

— Нет, я не думала об этом — во всяком случае, тогда. Наверное, подумав хорошенько, я смогла бы догадаться об этом заранее.

— Ее никто не мог остановить. Она действовала быстро, и ведь никто не подозревал, что в молоке может оказаться что-то не то.

— Так, значит, она выпила молоко...

— Это вас удивляет?

— Нет, подобный поступок с ее стороны кажется мне вполне естественным, так что удивляться нечему. На этот раз она захотела бежать от всего того ужаса, в котором жила. Так же как Верити захотела бежать от той жизни, которую вела в этом доме. Очень странно, однако, что обрушившееся на нее воздаяние так тонко гармонирует с вызвавшей его причиной.

— Похоже, что вы больше жалеете ее, чем убитую ею девушку.

— Нет, — возразила мисс Марпл, — это разная жалость. Верити мне жаль, потому что она столь

многого не получила, хотя и была близка к цели — к жизни, полной любви, преданности и служения избранному человеку, истинно любимому ею. Она подлинно была Верити, истиной во всем. Ей не достался желанный удел, и теперь ничто не может наделить им ее. Мне жаль ее потому, что она не получила столь многого. Однако она избежала того, что была вынуждена перестрадать Клотильда. Скорби, горя, страха, возрастания в себе зла, поглощения им... Клотильде пришлось жить со всем этим. Среди печали, несчастной любви, которой нельзя было возвратить, среди двух сестер, подозревавших ее, боявшихся ее, рядом с так и не выпущенной ею из дома девушкой.

— Вы имеете в виду Верити?

— Да, Верити. Похороненную в саду, в приготовленной Клотильдой гробнице. Она осталась в «Старом особняке», и мне кажется, Клотильда знала об этом. Возможно, она даже видела ее. Или ей казалось, что видела — иногда, когда выходила в сад, чтобы сорвать веточку полигонума. Тогда она должна была ощущать особенную близость к Верити. Ничего худшего с ней не могло случиться... не могло ведь, согласитесь со мной? Худшего нельзя придумать...

Глава 23
ТРИ ЭПИЛОГА

I

— От этой старой леди у меня мурашки по коже бегают, — проговорил сэр Эндрю Макнил, распрощавшись с мисс Марпл и поблагодарив ее.

— Такая тихая и такая беспощадная, — добавил к сказанному помощник комиссара.

Профессор Уэнстед проводил мисс Марпл вниз, к ожидавшему ее автомобилю, и возвратился, чтобы перебросить несколькими словами.

— Как она вам понравилась, Эдмонд?

— Самая устрашающая женщина из всех, кого я знал, — ответил министр внутренних дел.

— Самая жестокая? — переспросил профессор Уэнстед.

— Нет-нет, я имею в виду вовсе не это... она действительно вселяет страх.

— Истинная Немезида, — задумчиво проговорил профессор Уэнстед.

— Эти две женщины, — проговорил представитель прокуратуры, — агенты из службы безопасности, которые охраняли ее, описывали ее

поведение в ту самую ночь самым невероятным образом. Они без труда проникли в дом, спрятались в небольшой комнатушке под лестницей и дождались момента, когда все поднялись наверх, после чего одна из них пробралась в спальню и укрылась в шкафу, а вторая осталась наблюдать снаружи комнаты. Та, которая была в комнате, говорила, что когда она распахнула дверь шкафа и вышла из него, то увидела старую леди сидящей в постели с пушистой розовой шалью на шее при абсолютно невозмутимом выражении лица и щебечущей на манер пожилой классной дамы. Обе говорили, что зрелище было весьма впечатляющее.

— Пушистая розовая шаль, — проговорил профессор Уэн-стед. — Да-да, как же, помню...

— Что вы помните?

— Это все старый Рэфьел. Он, знаете ли, рассказывал мне о ней и хохотал. Сказал, что никогда не забудет ее явление в его опочивальню в Вест-Индии, когда к нему ночью вошла этакая смешная и вздорная старая коза в пушистой розовой шали на шее и заявила, что ему следует встать и принять какие-то там меры, чтобы предотвратить убийство. Тогда он спросил ее: что за вздор вы несете? И она не смущаясь назвала себя Немези-

дой. Немезидой! По его словам, он просто не мог представить себе ничего менее похожего. Так что этот штришок — этот розовый шерстяной шарф, — задумчиво проговорил профессор, — мне нравится... очень нравится.

II

— Майкл, — произнес профессор Уэнстед, — я хочу представить вас мисс Джейн Марпл, много потрудившейся для вас.

Еще молодой, тридцатидвухлетний человек посмотрел на седовласую и хрупкую старую леди с некоторым сомнением.

— О... э... — проговорил он, — похоже, мне говорили об этом. Весьма благодарен.

Он посмотрел на Уэнстеда.

— Это верно, что меня помилуют... или сделают какую-то подобную глупость?

— Да. Ваше освобождение уже рассматривается. Совсем скоро вы снова станете свободным человеком.

— Ну... — В голосе Майкла слышалось явное сомнение.

— Полагаю, вам придется заново привыкать к свободе, — приязненным тоном проговорила мисс Марпл.

Она задумчиво смотрела на этого человека, пытаясь увидеть его таким, каким он мог быть примерно десять лет назад. Сохранив часть прежнего очарования, Майкл показался ей внутренне напряженным. И привлекательным... Да, пожалуй, прежде он был очень привлекательным с женской точки зрения. Тогда Рэфьел-младший был окружен аурой веселья и шарма. Теперь это все ушло, однако, быть может, еще вернется. Безвольный рот и вызывающий симпатию разрез глаз, умеющих смотреть прямо в глаза собеседнику... взгляд, возможно, чрезвычайно убедительный при сочинении всяких басен, в которые так хочется верить. Очень похож... на кого же? Она погрузилась в воспоминания. Конечно же, на Джонатана Бир-кина. Он пел в церковном хоре... такой был восхитительный баритон. И как млели от него девушки! И хорошая должность клерка в фирме месье Габриэля... Какая жалость, однако, что случилась эта история с чеками.

— Ох, — проговорил Майкл с еще большим смущением. — Очень обязан вам, спасибо за все ваши хлопоты.

— Они были приятны мне, — ответила мисс Марпл. — Ну, и я рада встрече с вами. Однако до свидания. Надеюсь, что вас ждет счастливая пора

вашей жизни. Сейчас в нашей стране нелегкие времена, однако вам, надеюсь, удастся найти для себя то или иное занятие, которое доставит вам удовольствие.

— О да. Еще раз благодарю вас, искренне благодарю. Я чрезвычайно многим обязан вам.

Тем не менее в голосе его читалась явная неуверенность.

— Вы должны благодарить не меня, а вашего отца, — сказала мисс Марпл.

— Отца? Но папа никогда не был высокого мнения обо мне.

— Ваш отец перед самой своей смертью хотел добиться для вас правого суда.

— Правого суда, — повторил Майкл Рэфьел.

— Да, ваш отец считал правосудие чрезвычайно важным. Сам он, на мой взгляд, был очень справедливым человеком. В своем письме, в котором он просил меня принять его предложение, он процитировал следующую строку: «Пусть, как вода, течет суд, и правда — как сильный поток!»

— О! Откуда же она? Из Шекспира?

— Нет, из Библии. Над этой строкой стоит задуматься... мне пришлось.

Мисс Марпл развязала принесенный с собой сверток.

— Мне дали его, — пояснила она, — так как решили, что мне будет приятно иметь это фото, потому что я помогла установить истину. Но мне думается, что снимок этот по праву и прежде всего принадлежит вам, если вы захотите иметь его. Что, впрочем, не обязательно...

И она передала ему фотографию Верити Хант, которую Клотильда Брэдбери-Скотт однажды показала ей в гостиной «Старого особняка».

Приняв снимок, Майкл застыл, вглядываясь в него... Лицо его переменилось, черты расслабились, потом напряглись. Мисс Марпл молча следила за ним. На какое-то время в комнате воцарилось молчание.

Профессор Уэнстед безмолвно наблюдал за ними обоими: за старой леди и молодым человеком. Ему подумалось, что он является свидетелем критического момента, каким-то образом способного определить направление заново начинаемой жизни.

Майкл Рэфьел вздохнул... протянул руку и вернул фото мисс Марпл.

— Нет, вы правы, оно мне не нужно. Прошлая жизнь закончена... ушла и она... я не могу задержать ее при себе. Теперь все, что я буду делать, должно быть новым... обращенным вперед. Вы...

— он неуверенно посмотрел на нее. — Вы понимаете меня?

— Да, — согласилась мисс Марпл. — Я понимаю вас... На мой взгляд, вы правы. Желаю вам удачи в той жизни, которую вам предстоит теперь начать.

Попрощавшись, Майкл вышел.

— Да, — проговорил профессор Уэнстед, — этот молодой человек не дышит энтузиазмом. Он мог бы с куда большим пылом поблагодарить вас за все, что вы сделали для него.

— О нет, тут к нему нет претензий, — ответила мисс Марпл. — Я и не ожидала ничего подобного. Более энергичная благодарность только еще больше смутила бы его. Видите ли, — добавила она, — так нелегко, когда тебе приходится благодарить людей, начинать заново жизнь и видеть все под новым углом и так далее. Думаю, он сумеет. Он не озлобился. И это отлично. Теперь я вполне понимаю, почему эта девушка полюбила его.

— Что ж, быть может, на сей раз он наконец исправится.

— Ну, в этом можно усомниться, — отозвалась мисс Марпл. — Не знаю, сумеет ли он справиться с собой... конечно, остается надеяться на то, что ему удастся встретить действительно хорошую

девушку.

— Что мне нравится в вас, — проговорил профессор Уэнстед, — так это восхитительно практичный ум.

III

— Она вот-вот будет здесь, — обратился мистер Бродрибб к мистеру Шустеру.

— Да. Но какая необычная история, правда?

— Поначалу я не поверил, — сказал Бродрибб. — Знаете, когда старый Рэфьел умирал, я думал, что он выжил из ума, от старости или чего-то еще. Впрочем, он совсем еще не был стар.

Звякнул звонок, мистер Шустер поднял трубку.

— О, так она уже здесь, правда? Проводите ее наверх. Она пришла, — обратился он к Бродриббу. — Интересно... Знаете ли, более странной истории я не слышал за всю свою жизнь. Послать старую леди неведомо куда, искать неведомо что... Полиция, как вам известно, считает, что эта женщина совершила не одно убийство, а три. Три! Я вас умоляю... Тело Верити Хант обнаружили под горкой в саду, как и сказала старая леди. Ее не задушили, и лицо ее не было обезображено.

— Интересно другое: как удалось уцелеть самой старой леди, — заметил мистер Бродрибб. — Все-

таки она слишком стара, чтобы позаботиться о себе в такой ситуации.

— Дело в том, что ее охраняли двое детективов.

— Что, сразу двое?

— Да. Я этого и не знал...

Мисс Марпл провели в комнату.

— Примите мои поздравления, мисс Марпл, — проговорил мистер Бродрибб, поднимаясь навстречу гостье.

— И мои наилучшие пожелания. Великолепная работа, — проговорил мистер Шустер, пожимая ей руку.

Мисс Марпл сдержанно опустилась в кресло по другую сторону стола.

— Как я сообщила вам в своем письме, — начала она, — на мой взгляд, я выполнила поставленные мне условия и успешно завершила предложенную мне работу.

— О, я уже знаю. Да, нам сообщили. Нас проинформировали профессор Уэнстед, юридическая служба и полиция. Мисс Марпл, вы великолепно справились с делом. Поздравляем вас.

— Я так боялась, — сказала та, — что не сумею сделать то, чего от меня ждали. Задание поначалу казалось мне таким сложным, практически

невыполнимым.

— Действительно, оно и мне казалось невозможным. Уж не знаю, как вам удалось справиться с ним, мисс Марпл.

— О да, — проговорила она, — но ведь упорство способно все преодолеть, не правда ли?

— Что ж, теперь перейдем к той сумме, которую мы сохраняем для вас. Теперь она находится в вашем распоряжении в любое время. Хотелось бы знать, следует ли нам перевести эти деньги в ваш банк или же вы хотите проконсультироваться с нами относительно выгодного вложения? Сумма достаточно велика.

— Двадцать тысяч фунтов, — проговорила мисс Марпл. — С моей точки зрения, это действительно большие деньги. Необычайно большие, — добавила она.

— Если вы хотите совета, мы познакомим вас с нашими брокерами, они порекомендуют, как можно разместить их.

— Нет, я не хочу делать какие-нибудь вложения.

— Но это, конечно...

— В моем возрасте нет смысла делать какие-то сбережения, — сказала мисс Марпл. — Я имею в виду назначение этих денег; не сомневаюсь в

том, что мистер Рэфьел подразумевал именно это — дать мне возможность получить удовольствие от кое-каких вещей, которым невозможно порадоваться без денег.

— Что ж, ваше мнение мне понятно, — проговорил мистер Бродрибб. — Тогда в какой банк прикажете перевести эти деньги?

— В банк Миддлтона, дом сто тридцать два по Хай-стрит, Сент-Мэри-Мид, — ответила мисс Марпл.

— Надеюсь, у вас есть сберегательный счет. Нам следует положить деньги на него?

— Ну что вы, — возразила она. — Переведите их на мой текущий счет.

— Неужели вы думаете...

— Думаю, — согласилась мисс Марпл. — Я хочу, чтобы они были на моем текущем счету.

Поднявшись, она обменялась рукопожатием с обоими адвокатами.

— Знаете, мисс Марпл, вы можете обратиться за советом к управляющему вашего банка. Человек никогда не может знать, когда его постигнет финансовая непогода.

— На случай непогоды мне необходим только мой старый зонтик, — отозвалась мисс Марпл.

Она вновь обменялась с ними рукопожатиями.

— Очень благодарна вам, мистер Бродрибб. А также вам, мистер Шустер. Вы были так добры ко мне, обеспечили всей необходимой информацией.

— И вы в самом деле хотите, чтобы все деньги поместили на ваш текущий счет?

— Да, — проговорила мисс Марпл. — Я, знаете ли, намереваюсь истратить их. Получить от них некоторое удовольствие.

Оказавшись в дверях, она со смехом оглянулась. И на короткое мгновение мистеру Шустеру, наделенному большим воображением, чем мистер Бродрибб, привиделась юная и хорошенькая девушка, обменивающаяся рукопожатием с викарием на сельской вечеринке. Уже мгновением позже он сообразил, что его осенило воспоминание, сохранившееся от собственных юных лет. Однако мисс Марпл на минуту напомнила ему ту девушку, молодую, счастливую, собирающуюся потешить себя.

— Мистеру Рэфьелу хотелось бы порадовать меня, — сказала она, прежде чем закрыть за собой дверь.

— Немезида, — задумчивым тоном произнес мистер Бродрибб. — Так окрестил ее Рэфьел. Немезида!.. Никогда не видел женщину, менее

похожую на Немезиду, как по-вашему?

Мистер Шустер покачал головой.

— Должно быть, мистер Рэфьел пошутил, — проговорил мистер Бродрибб.